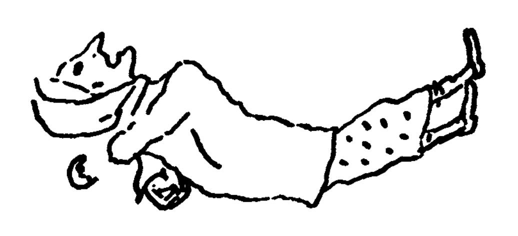
2

Д. Хармс

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Д. ХАРМС

Д. ХАРМС

Полное собрание сочинений

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1997

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Д. ХАРМС
Д. ХАРМС

Полное собрание сочинений

Том 2

Проза и сценки
Драматические произведения

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1997

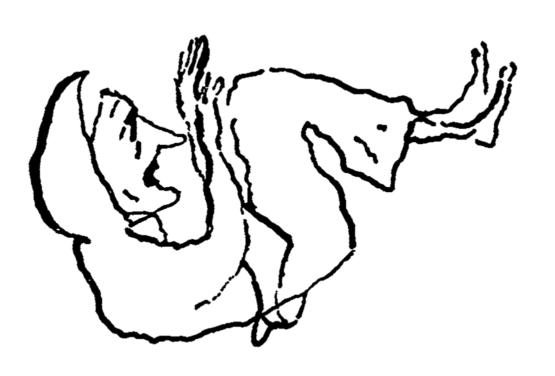
ISBN 5-7331-0059-1

Составление, подготовка текста и примечания В. Н. Сажина.

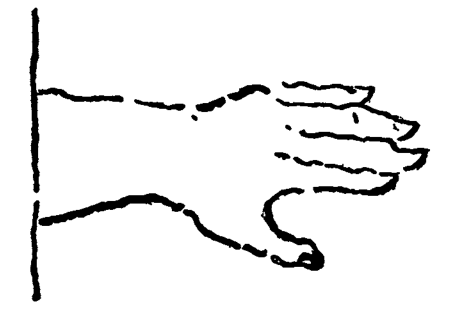
Художник В. В. Бродский

5

Д. ХАРМС
ТОМ 2

ПРОЗА И СЦЕНКИ

7

1

История Сдыгр Аппр

Андрей Семенович — Здравствуй, Петя.

Петр Павлович — Здравствуй, здравствуй. Guten Morgen*. Куда несет?

Андрей Семенович протянул руку Петру Павловичу, а Петр Павлович схватил руку Андрея Семеновича и так ее дернули, что Андрей Семенович остался без руки и с испугу кинулся бежать. Петр Павлович бежали за Андреем Семеновичем и кричали: «Я тебе, мерзавцу, руку оторвал, а вот обожди, догоню, так и голову оторву!»

Андрей Семенович неожиданно сделал прыжок и перескочил канаву, а Петр Павлович не сумели перепрыгнуть канавы и остались по сию сторону.

Андрей Семенович — Что? Не догнал?

Петр Павлович — А это вот видел? (*И показывает руку Андрея Семеновича*).

Андрей Семенович — Это моя рука!

Петр Павлович — Да-с, рука ваша! Чем махать будете?

Андрей Семенович — Платочком.

Петр Павлович — Хорош, нечего сказать! Одну руку в карман сунул, и головы почесать нечем.

Андрей Семенович — Петя! Давай так: я тебе что-нибудь дам, а ты мне мою руку отдай.

---

* Доброе утро — *нем.*

Петр Павлович — Нет, я руки тебе не отдам. Лучше и не проси. А вот хочешь, пойдем к профессору Тартарелину, он тебя вылечит.

Андрей Семенович прыгнул от радости и пошел к профессору Тартарелину.

Андрей Семенович — Многоуважаемый профессор, вылечите мою правую руку. Ее оторвал мой приятель Петр Павлович и обратно не отдает.

Петр Павлович стояли в прихожей профессора и демонически хохотали. Под мышкой у них была рука Андрея Семеновича, которую они держали презрительно, наподобие портфеля.

Осмотрев плечо Андрея Семеновича, профессор закурил трубку-папиросу и вымолвил:

— Это крупная шшадина.

Андрей Семенович — Простите, как вы сказали?

Профессор — Сшадина.

Андрей Семенович — Ссадина?

Профессор — Да, да, да. Шатина. Шá-тй-нá!

Андрей Семенович — Хороша ссадина, когда и руки-то нет!

Из прихожей послышался смех.

Профессор — Ой! Кто там шмиётся?

Андрей Семенович — Это так просто. Вы не обращайте внимания.

Профессор — Хо! Ш удовольствием. Хотите, что-нибудь почитаем?

Андрей Семенович — А вы меня полечите.

Профессор — Да, да, да. Почитаем, а потом я вас полечу. Садитесь.

Оба садятся.

Профессор — Хотите, я вам прочту свою науку?

Андрей Семенович — Пожалуйста! Очень интересно.

Профессор — Только я изложил ее в стихах.

Андрей Семенович — Это страшно интересно!

Профессор — Вот, хе-хе, я вам прочту отсюда досюда. Тут вот о внутренних органах, а тут уже о суставах.

9

Петр Павлович (*входя в комнату*):

Здыгр апрр устр устр
Я несу чужую руку
дыгр апрр устр устр
Гда профессор Тартарелин?
Здыгр апрр устр устр
Где приемные часы?
Если эти побрякушки
С двумя гирями до полу
Эти часики старушки
пролетели парабо́лу
Здыгр апрр устр устр
Ход часов нарушен мною
им в замену карабистр
на подставке здыгр апрр
с бесконечною рукою
приспособленной как стрелы
от минуты за другою
в путь несется погорелый
А под белым циферблатом
блин мотает устр устр
и закутанный халатом
восседает карабистр
он приёмные секунды
смотрит в двигатель размерен
чтобы время не гуляло
где профессор Тартарелин,
Где Андрей Семенович здыгр
Однорукий здыгр апрр
лечит здыгр апрр устр
приспосабливает руку
приколачивает пальцы
Здыгр апрр прибивает
здыгр апрр устр бьёт.

Профессор Тартарелин — Это вы искалечили гражданина, П. П.?

Петр Павлович — Руку вырвал из манжеты.

Андрей Семенович — Бегал следом.

Профессор — Отвечайте.

Петр Павлович смеётся.

Карабистр — Гвиндалея!
Петр Павлович — Карабистр!
Карабистр — Гвиндалан.
Профессор — Расскажите, как было дело.
Андрей Семенович —

Шел я пб полю намедни
и внезапно вижу Петя
мне навстречу идет спокойно
и, меня как будто не заметя,
хочет мимо проскочить.
Я кричу ему: ах Петя!
Здравствуй Петя мой приятель,
ты как видно не заметил,
что иду навстречу я.

Петр Павлович —

Но господство обстоятельств
и скрещение событий
испокон веков доныне
нами правит как детьми
морит голодом в пустыне
хлещет в комнате плетьми.

Профессор — Так-так, — это понятно. Стечение обстоятельств. Это верно. Закон.

Тут вдруг Петр Павлович наклонились к профессору и откусили ему ухо. Андрей Семенович побежал за милиционером, а Петр Павлович бросили на пол руку Андрея Семеновича, положили на стол откушенное ухо профессора Тартарелина и незаметно ушли по черной лестнице.

Профессор лежал на полу и стонал.

— Ой-ой-ой, как больно! — стонал профессор. — Моя рана горит и исходит соком. Где найдется такой сострадательный человек, который промоет мою рану и зальет ее коллодием!?

Был чудный вечер. Высокие звезды, расположенные на небе установленными фигурами, светили вниз. Андрей Семенович, дыша полною грудью, тащил двух милиционеров к дому профессора Тартарелина. Помахивая своей единственной рукой, Андрей Семенович рассказывал о случившемся.

11

Милиционер спросил Андрея Семеновича:

— Как зовут этого проходимца?

Андрей Семенович не выдал своего товарища и даже не сказал его имени.

Тогда оба милиционера спросили Андрея Семеновича:

— Скажите нам, вы его давно знаете?

— С маленьких лет, когда я был еще вот таким, — сказал Андрей Семенович.

— А как он выглядит? — спросили милиционеры.

— Его характерной чертой является длинная черная борода, — сказал Андрей Семенович.

Милиционеры остановились, подтянули потуже свои кушаки и, открыв рты, запели протяжными ночными голосами:

Ах как это интересно
Был приятель молодой,
А подрос когда приятель
Стал ходить он с бородой.

— Вы обладаете очень недурными голосами, разрешите поблагодарить вас, — сказал Андрей Семенович и протянул милиционерам пустой рукав, потому что руки не было.

— Мы можем и на научные темы поговорить, — сказали милиционеры хором.

Андрей Семенович махнул пустышкой.

— Земля имеет семь океянов, — начали милиционеры. — Научные физики изучали солнечные пятна и привели к заключению, что на планетах нет водорода, и там неумест<н>о какое-либо сожительство.

В нашей атмосфере имеется такая точка, которая всякий центр зашибет.

Английский кремарторий Альберт Эйнштейн изобрел такую махинацию, через которую всякая штука относительна.

— О, любезные милиционеры! — взмолился Андрей Семенович, — бежимте скорее, а не то мой приятель окончательно убьет профессора Тартарелина.

12

Одного милиционера звали Володя, а другого Сережа. Володя схватил Сережу за руку, а Сережа схватил Андрея Семеновича за рукав, и они все втроем побежали.

— Глядите, три институтки бегут! — кричали им вслед извозчики. Один даже хватил Сережу кнутом по заднице.

— Постой! На обратном пути ты мне штраф заплотишь! — крикнул Сережа, не выпуская из рук Андрея Семеновича.

Добежав до дома профессора, все трое сказали:

— Тпррр! — и остановились.

— По лестнице, в третий этаж! — скомандовал Андрей Семенович.

— Hoch!* — крикнули милиционеры и кинулись по лестнице.

Моментально высадив плечом дверь, они ворвались в кабинет профессора Тартарелина.

Профессор Тартарелин сидел на полу, а жена профессора стояла перед ним на коленях и пришивала профессору ухо розовой шелковой ниточкой. Профессор держал в руках ножницы и вырезал платье на животе своей жены. Когда показался голый женин живот, профессор потер его ладонью и посмотрел в него, как в зеркало.

— Куда шьешь? Разве не видишь, что одно ухо выше другого получилось? — сказал сердито профессор.

Жена отпорола ухо и стала пришивать его заново.

Голый женский живот, как видно, развеселил профессора. Усы его ощетинились, а глазки заулыбались.

— Катенька, — сказал профессор, — брось пришивать ухо где-то сбоку, пришей мне его лучше к щеке.

Катенька, жена профессора Тартарелина, терпеливо отпорола ухо во второй раз и принялась пришивать его к щеке профессора.

---

* Вверх — *нем.*

— Ой, как щекотно! Ха-ха-ха! Как щекотно! — смеялся профессор, но вдруг, увидя стоящих на пороге милиционеров, замолчал и сделался серьезным.

Милиционер Сережа — Где здесь пострадавший?

Милиционер Володя — Кому здесь откусили ухо?

Профессор — (*поднимаясь на ноги*) Господа! Я — человек, изучающий науку вот уже, Слава Богу, 56 лет, ни в какие другие дела не вмешиваюсь. Если вы думаете, что мне откусили ухо, то вы жестоко ошибаетесь. Как видите, у меня оба уха целы. Одно, правда, на щеке, но такова моя воля.

Милиционер Сережа — Действительно, верно, оба уха налицо.

Милиционер Володя — У моего двоюродного брата так брови росли под носом.

Милиционер Сережа — Не брови, а просто усы.

Карабистр — Фасфалакат!

Профессор — Приемные часы окончены.

Жена профессора — Пора спать.

Андрей Семенович (входя) — Половина двенадцатого.

Милиционеры хором — Покойной ночи.

Эхо — Спите сладко.

Профессор ложится на пол, остальные тоже ложатся и засыпают.

СОН
Тихо плещет океян
скалы грозные ду ду
тихо светит океян
человек поёт в дуду
тихо по морю бегут
страха белые слоны
рыбы скользкие поют
звёзды падают с луны
домик слабенький стоит
двери настежь распахнул
печи тёплые сулит

в доме дремлет караул.
А на крыше спит старуха
на носу ее кривом
тихим ветром плещет ухо
дует волосы кругом
А на дереве кукушка
сквозь очки глядит на север
не гляди моя кукушка
не гляди всю ночь на север
там лишь ветер карабистр
время в цифрах бережет
там лишь ястреб сдыгр устр
себе добычу стержет.

Петр Павлович —

Кто-то тут впотьмах уснул
шарю, чую, стол и стул
натыкаюсь на комод
вижу древо бергамот
я спешу, Срываю груши
что за дьявол! Это уши!
Я боюсь бегу направо
предо мной стоит дубрава
я обратно так и сяк
натыкаюсь на косяк
ноги гнутся, тянут лечь
думал двери — это печь
прыгнул влево — там кровать
Помогите!..

Профессор (просыпаясь) — Ать?

Андрей Семенович (вскакивая): Ффу! Ну и сон же видел, будто нам все уши пообрывали. (Зажигает свет).

Оказывается, что, пока все спали, приходили Петр Павлович и обрезали всем уши.

Замечание милиционера Сережи —

— Сон в руку!

Март-апрель 1929

2
Вещь

Мама, папа и прислуга по названию Наташа сидели за столом и пили.

Папа был несомненно забулдыга. Даже мама смотрела на него свысока. Но это не мешало папе быть очень хорошим человеком. Он очень добродушно смеялся и качался на стуле. Горничная Наташа, в наколке и передничке, всё время невозможно смеялась. Папа веселил всех своей бородой, но горничная Наташа конфузливо опускала глаза, изображая этим, что она стесняется.

Мама, высокая женщина с большой прической, говорила лошадиным голосом. Мамин голос трубил в столовой, отзываясь на дворе и в других комнатах.

Выпив по первой рюмочке, все на секунду замолчали и поели колбасу. Немного погодя все опять заговорили.

Вдруг, совершенно неожиданно, в дверь кто-то постучал. Ни папа, ни мама, ни горничная Наташа не могли догадаться, кто это стучит в двери.

— Как странно, — сказал папа. — Кто бы там мог стучать в дверь?

Мама сделала соболезнующее лицо и не в очередь налила себе вторую рюмочку, выпила и сказала: «Странно».

Папа ничего не сказал плохого, но налил себе тоже рюмочку, выпил и встал из-за стола.

Ростом был папа невысок. Не в пример маме. Мама была высокой, полной женщиной с лошадиным голосом, а папа был просто её супруг. В добавление ко всему прочему папа был веснущат.

Он одним шагом подошел к двери и спросил:

— Кто там?

— Я, — сказал голос за дверью. Тут же открылась дверь и вошла горничная Наташа, вся смущенная и розовая. Как цветок. Как цветок.

Папа сел.

16

Мама выпила еще.

Горничная Наташа и другая, как цветок, зарделись от стыда. Папа посмотрел на них и ничего плохого не сказал, а только выпил, так же как и мама.

Чтобы заглушить неприятное жжение во рту, папа вскрыл банку консервов с раковым паштетом. Все были очень рады, ели до утра. Но мама молчала, сидя на своем месте. Это было очень неприятно.

Когда папа собирался что-то спеть, стукнуло окно. Мама вскочила с испуга и закричала, что она ясно видела, как с улицы в окно кто-то заглянул. Другие уверяли маму, что это невозможно, так как их квартира в третьем этаже, и никто с улицы посмотреть в окно не может, для этого нужно быть великаном или Голиафом.

Но маме взбрела в голову крепкая мысль. Ничто на свете не могло ее убедить, что в окно никто не смотрел.

Чтобы успокоить маму, ей налили еще одну рюмочку. Мама выпила рюмочку. Папа тоже налил себе и выпил.

Наташи и горничная, как цветок, сидели, потупив глаза от конфуза.

— Не могу быть в хорошем настроении, когда на нас смотрят с улицы через окно, — кричала мама.

Папа был в отчаянии, не зная, как успокоить маму. Он сбегал даже на двор, пытаясь заглянуть оттуда хотя бы в окно второго этажа. Конечно, он не смог дотянуться. Но маму это нисколько не убедило. Мама даже не видела, как папа не мог дотянуться до окна всего лишь второго этажа.

Окончательно расстроенный всем этим, папа вихрем влетел в столовую и залпом выпил две рюмочки, налив рюмочку и маме. Мама выпила рюмочку, но сказала, что пьёт только в знак того, что убеждена, что в окно кто-то посмотрел.

Папа даже руками развел.

— Вот, — сказал он маме и, подойдя к окну, растворил настежь обе рамы.

В окно попытался влезть какой-то человек в грязном воротничке и с ножом в руках. Увидя его, папа захлопнул рамы и сказал:

— Никого нет там.

Однако человек в грязном воротничке стоял за окном и смотрел в комнату, и даже открыл окно и вошел.

Мама была страшно взволнована. Она грохнулась в истерику, но, выпив немного предложенного ей папой и закусив грибком, успокоилась.

Вскоре и папа пришел в себя. Все опять сели к столу и продолжали пить.

Папа достал газету и долго вертел ее в руках, ища, где, верх и где низ. Но сколько он ни искал, так и не нашел, а потому отложил газету в сторону и выпил рюмочку.

— Хорошо, — сказал папа, — но не хватает огурцов.

Мама неприлично заржала, отчего горничные сильно сконфузились и принялись рассматривать узор на скатерти.

Папа выпил еще и вдруг, схватив маму, посадил ее на буфет.

У мамы взбилась седая пышная прическа, на лице проступили красные пятна, и, в общем, рожа была возбужденная.

Папа подтянул свои штаны и начал тост.

Но тут открылся в полу люк, и оттуда вылез монах.

Горничные так переконфузились, что одну начало рвать. Наташа держала свою подругу за лоб, стараясь скрыть безобразие.

Монах, который вылез из-под пола, прицелился кулаком в папино ухо, да как треснет!

Папа так и шлепнулся на стул, не окончив тоста.

Тогда монах подошёл к маме и ударил ее как-то снизу, — не то рукой, не то ногой.

Мама принялась кричать и звать на помощь.

А монах схватил за шиворот обеих горничных и, помотав ими по воздуху, отпустил.

Потом, никем не замеченный, монах скрылся опять под пол, закрыв за собою люк.

Очень долго ни мама, ни папа, ни горничная Наташа не могли прийти в себя. Но потом, отдышавшись и приведя себя в порядок, они все выпили по рюмочке и сели за стол закусить шинкованной капусткой.

Выпив еще по рюмочке, все посидели, мирно беседу<я>.

Вдруг папа побагровел и принялся кричать.

— Что! Что! — кричал папа. — Вы считаете меня за мелочного человека! Вы смотрите на меня как на неудачника! Я вам не приживальщик! Сами вы негодяи!

Мама и горничная Наташа выбежали из столовой и заперлись на кухне.

— Пошел, забулдыга! Пошел, чертово копыто! — шептала мама в ужасе окончательно сконфуженной Наташе.

А папа сидел в столовой до утра и орал, пока не взял папку с делами, одел белую фуражку и скромно пошел на службу.

31 мая 1929 года

3

На набережной нашей реки собралось очень много народу. В реке тонул командир полка Сепунов. Он захлебывался, выскакивал из

воды по живот, кричал и опять тонул в воде. Руками он колотил во все стороны и опять кричал, чтоб его спасли.

Народ стоял на берегу и мрачно смотрел.

— Утонет, — сказал Кузьма.

— Ясно, что утонет, — подтвердил человек в картузе.

И действительно, командир полка утонул.

Народ начал расходиться.

<1-6 июня 1929>

4

Некий инженер задался целью выстроить поперёк Петербурга огромную кирпичную стену. Он обдумывает, как это совершить, не спит ночами и рассуждает. Постепенно образуется кружок мыслителей-инженеров и вырабатывается план постройки стены. Стену решено строить ночью, да так, чтобы в одну ночь всё и построить, чтобы она явилась всем сюрпризом. Созываются рабочие. Идёт распределение. Городские власти отводятся в сторону, и наконец настаёт ночь, когда эта стена должна быть построена. О постройке стены известно только четырём человекам. Рабочие и инженеры получают точное распоряжение, где кому встать и что сделать. Благодаря точному расчёту, стену удаётся выстроить в одну ночь. На другой день в Петербурге переполох. И сам изобретатель стены в унынии. На что эту стену применить, он и сам не знал.

<1930>

5

Иван Григорьевич Кантов шёл, опираясь на палку и переступая важно, по гусиному. Он шел по Гусеву переулку и нёс под мышкой гуся.

— Куда идёшь? — окликнул Ивана Григорьевича Пономарёв.

— Туда вот — сказал Иван Григорьевич Кантов.

— Можно и мне с тобой идти? — спросил Пономарёв.

— Можно, — сказал Иван Григорьевич Кантов.

Оба пришли на рынок.

Около рынка сидела собака и зевала.

— Посмотри, Кантов, какая собака, — сказал Пономарёв.

— Очень смешная, — сказал Кантов.

— Эй, собачка, пойди сюда! — крикнул Пономарёв и поцокал зубами. Собака перестала зевать и пошла к Пономарёву сначала обыкновенно, потом очень тихо, потом ползком, потом на животе, а потом перевернулась брюхом вверх и на спине подползла к Пономареву.

— Очень скромная собачка, — сказал Пономарёв, — Я возьму её себе.

<Конец декабря 1929 — 2 января 1930>

6

Когда жена уезжает куда-нибудь одна, муж бегает по комнате и не находит себе места.

Ногти у мужа страшно отрастают, голова трясётся, а лицо покрывается мелкими чёрными точками.

Квартиранты утешают покинутого мужа и кормят его свиным зельцем. Но покинутый муж теряет аппетит и преимущественно пьёт пустой чай.

В это время его жена купается в озере и случайно задевает ногой подводную корягу. Из под коряги выплывает щука и кусает жену за пятку. Жена с криком выскакивает из воды и бежит к дому. Навстречу жене бежит хозяйская дочка. Жена показывает хозяйской дочке пораненную ногу и просит её забинтовать.

Вечером жена пишет мужу письмо и подробно описывает своё злоключение.

Муж читает письмо и волнуется до такой степени, что роняет из рук стакан с водой, который падает на пол и разбивается.

Муж собирает осколки стакана и ранит себе руку.

Забинтовав пораненный палец, муж садится и пишет жене письмо. Потом выходит на улицу, чтобы бросить письмо в почтовую кружку.

Но на улице муж находит папиросную коробку, а в коробке 30 000 рублей.

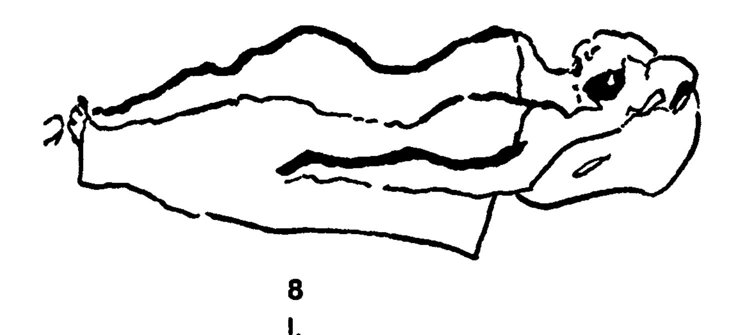
Муж экстренно выписывает жену обратно и они начинают счастливую жизнь.

<Первая пол. 1930-х>

7

Шёл травмай, скрывая под видом двух фонарей жабу. В нем всё приспособлено для сидения и стояния. Пусть безупречен будет его хвост и люди, сидящие в нем, и люди, идущие к выходу. Среди них попадаются звери иного содержания. Также и те самцы, которым не хватило места в вагоне, лезут в другой вагон. Да ну их, впрочем, всех! Дело в том, что шёл дождик, но не понять сразу: не то дождик, не то странник. Разберём по отдельности: судя по тому, что если стоять в пиджаке, то спустя короткое время он промкнет и облипнет тело — шёл дождь. Но судя по тому, что если крикнуть: кто идет?, — открывалось окно в первом этаже, оттуда высовывалась голова, принадлежащая кому угодно, только не человеку, постигше<му> истину, что вода освежает и облагораживает черты лица, — и свирепо отвечала: вот я тебя этим (с этими словами в окне показалось что-то похожее одновременно на кавалерийский сапог и на топор) дважды двину, так живо всё поймёшь! Судя по этому, шел скорей странник, если не бродяга, во всяком случае такой где-то находился поблизости, может быть за окном.

<1930>

8

I.

Мы лежали на кровати. Она к стенке на горке лежала, а я к столику лежал. Обо мне можно сказать только два слова: торчат уши. Она знала всё.

II.

Вилка это? или ангел? или сто рублей? Нона это. Вилка мала. Ангел высок. Деньги давно кончились. А Нона — это она. Она одна Нона. Было шесть Нон, и она одна из них.

III.

Подошла собака в маленькой шапочке. Шаги раздавались и купались. Муха открывала окна. Давайте посмотрим в окно!

IV.

Нам в окне ничего не видать. Тебе что-нибудь видать? Мне ничего не видать, а тебе? Мне видать лыжи. А кто на лыжах? Солдат на лыжах, и ремень у него через плечо, а сам он не подпоясан.

1930

9

Давайте посмотрим в окно: там увидим рельсы, идущие в одну и в другую сторону. По рельсам ходят трамваи. В трамваях сидят люди и считают по пальцам, сколько футов они проехали, ибо плата за проезд взымается по футам. Теперь

посмотрим в трубу: там заметим небольшую лепёшечку, то светлую, то тёмную. Господа, это не лепёшечка, а шар.

В это время на дощечке стояли три предмета: графин, болид и человек в синем галс<т>уке.

Графин сказал: Господа же, посмотрим в мемецкую землю.

Где? — рухнул болид.

На том шаре, который виден в трубу, — сказал графин. Этот шар есть земля.

Человек: Я житель земли.

Болид: Я житель пространства.

Графин: А я житель рая.

Все три замолчали и мимо них никто не прошел, не проехал и не пролетел.

Графин сказал:

— О Че! О Чело! О Челоче! скажи мне как у вас живут? Что делают?

Человек сказал, открывая рот:

Я человек с Земли. Вы это все знаете. Я не мемец. Я сосед мемцев — я русский. Меня зовут Григорьев. Хотите я вам всё расскажу?

Из воды вышли три мужика и крикнули, топнув ногами:

Пожалуйсто!

Человек начал:

Вот я прихожу в кооператив и говорю: дайте мне вон ту баночку с кильками. А мне говорят: Килек нет, это пустые банки. Я им говорю: Да что же это вы головы морочите. А они мне отвечают: Это не от нас. А от кого же? Это от недостатка продуктов, потому что весь парнокопытный скот угнали киргизы. А овощи есть? — Спросил я. Нет и овощей. Раскупили. Молчи Григорьев.

Человек закончил:

Я Григорьев замолчал
С этих пор несу трубу
Я смотрю в неё смотрю
вижу дым грядущих труб.
всё.

1930

10

Едет трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров. Трое сидят: двое справа и один слева. А пятеро стоят и держатся за кожанные вешалки: двое стоят справа, а трое слева. Сидящие группы смотрят друг на друга, а стоящие стоят друг к другу спиной. Сбоку на скамейке стоит кондукторша. Она маленького роста и если бы она стояла на полу, ей бы не достать сигнальной верёвки. Трамвай едет и все качаются.

В окнах проплывают Биржевой мост, Нева и сундук. Трамвай останавливется, все падают вперёд и хором произносят: «Сукин сын!»

Кондукторша кричит: «Марсово поле!»

В трамвае входит новый пассажир, и громко говорит: «Продвиньтесь, пожалуйста!» Все стоят молча и неподвижно. «Продвиньтесь, пожалуйста!» — кричит новый пассажир. «Пройдите вперед, впереди свободно!» — кричит кондукторша. Впереди стоящий пассажир басом говорит, не поворачивая головы и продолжая глядеть в окно: «А куда тут продвинешься, что ли, на тот свет». Новый пассажир: «Разрешите пройти». Стоящие пассажиры лезут на колени сидящим и новый пасажир проходит по свободному трамваю до середины, где и останавливается. Остальные пассажиры опять занимают прежнее положение. Новый пассажир лезет в карман, достает кошелёк, вынимает деньги и просит пассажиров передать деньги кондукторше. Кондукторша берёт деньги и возвращает обратно билет.

<Декабрь 1930>

11

Бобров шёл по дороге и думал: почему, если в суп насыпать песку, то суп становится невкусным.

Вдруг он увидел, что на дороге сидит очень маленькая девочка, держит в руках червяка, и громко плачет.

— О чем ты плачешь? — спросил Бобров маленькую девочку.

— Я не плачу, а пою, — сказала маленькая девочка.

— А зачем же ты так поёшь? — спросил Бобров.

— Чтобы червяку весело было, — сказала девочка, — а зовут меня Наташа.

— Ах вот как? — удивился Бобров.

— Да, вот как, — сказала девочка, — до свидание, — вскочила на велосипед и уехала.

— Такая маленькая, а уже на велосипедах катается, — подумал Бобров.

<1930>

12

В одном городе, но я не скажу в каком, жил человек, звали его Фома Петрович Пепермалдеев. Роста он был обыкновенного, одевался просто и незаметно, большей частью ходил в серой толстовке и темно-синих брюках, на носу носил круглые металлические очки, волосы зачёсывал на пробор, усы и бороду брил и вобщем был человеком совершенно незаметным.

Я даже не знаю, чем он занимался: то ли служил где-то на почте, то ли работал кем-то на лесопильном заводе. Знаю только, что каждый день он возвращался домой в половине шестого и ложился на диван отдохнуть и поспать часок. Потом вставал, кипятил в электрическом чайнике воду и садился пить чай с пшеничным хлебцем.

<1930-1931>

13

В бывшей Архангельской губернии, ныне Автономной области Коми, есть место, называемое Престол. Тут река Печора, принимая в себя воды рек Ижма и Космы со звоном стукается в левый берег и поворачивается к северу. Почему это место называется престол, неизвестно. Но судя по тому,

что немного южнее течет маленькая речка, вернее ручеек по имени Престанка, а ещё южнее стоит холмик по имени Престик, название Престол вряд ли происходит от слова престол, но должно быть и Престол и Престанка и Престик происходят от какого-то третьего слова, начинающегося звуком прест.

От Престола к югу идет горная цепь, длиной в полтораста километров. На юге горная цепь расширяется, потом расцепляется на две цепи, бежит так на протяжении пятидесяти километров и снова смыкается. Таким образом, горная петля окружает собой котловину длиной в 38, а шириной в 14 километров.

На западном хребте возвышается гора Пок-ю-из. С этой горы можно оглядеть всю котловину.

Котловина состоит из четырех сосновых лесочков и маленькой пустыньки.

<1930-1933>

14

Как странно, как это невыразимо странно, что за стеной, вот этой стеной, на полу сидит человек, вытянув длинные ноги в рыжих сапогах и со злым лицом.

Стоит только пробить в стене дырку и посмотреть в неё и сразу будет видно, как сидит этот злой человек.

Но не надо думать о нём. Что он такое? Не есть ли он частица мертвой жизни, залетевшая к нам из воображаемых пустот? Кто бы он ни был, Бог с ним.

22 июня 1931 года

15

Утро

Да, сегодня я видел сон о собаке.

Она лизала камень, а потом побежала к реке и стала смотреть в воду.

Она там видела что-нибудь?

Зачем она смотрит в воду?

Я закурил папиросу. Осталось ещё только две.

Я выкурю их, и больше у меня нет.

И денег нет.

Где я буду сегодня обедать?

Утром я могу выпить чай: у меня есть еще сахар и булка. Но папирос уже не будет. И обедать негде.

Надо скорее вставать. Уже половина третьего.

Я закурил вторую папиросу и стал думать, как бы мне сегодня пообедать.

Фома в семь часов обедает в Доме Печати. Если придти в Дом Печати ровно в семь часов, встретить там Фому и сказать ему: «Слушай, Фома Антоныч, я хотел бы, чтобы ты накормил меня сегодня обедом. Я должен был получить сегодня деньги, но в сберегательной кассе нет денег». Можно занять десятку у профессора. Но профессор, пожалуй, скажет: «Помилуйте, я вам должен, а вы занимаете. Но сейчас у меня нет десяти. Я могу дать вам только три». Или нет, профессор скажет: «У меня сейчас нет ни копейки». Или нет, профессор скажет не так, а так: «Вот вам рубль, и больше я вам ничего не дам. Ступайте и купите себе спичек».

Я докурил папиросу и начал одеваться.

Звонил Володя. Татьяна Александровна сказала про меня, что она не может понять, что во мне от Бога и что от дурака.

Я надел сапоги. На правом сапоге отлетает подметка.

Сегодня воскресение.

Я иду по Литейному мимо книжных магазинов. Вчера я просил о чуде. Да-да, вот если бы сейчас произошло чудо.

Начинает идти полуснег-полудождь. Я останавливаюсь у книжного магазина и смотрю на витрину. Я прочитываю десять названий книг и сейчас же их забываю.

Я лезу в карман за папиросами, но вспоминаю, что у меня их больше нет.

Я делаю надменное лицо и быстро иду к Невскому, постукивая тросточкой.

Дом на углу Невского красится в отвратительную желтую краску. Приходится свернуть на дорогу. Меня толкают встречные люди. Они все недавно приехали из деревень и не умеют еще ходить по улицам. Очень трудно отличить их грязные костюмы и лица.

Они топчутся во все стороны, рычат и толкаются.

Толкнув нечаянно друг друга, они не говорят «простите», а кричат друг другу бранные слова.

На Невском страшная толчея на панелях. На дороге же довольно тихо. Изредка проезжают грузовики и грязные легковые автомобили.

Трамваи ходят переполненные. Люди висят на подножках. В трамвае всегда стоит ругань. Все говорят друг другу «ты». Когда открывается дверца, то из вагона на площадку веет теплый и вонючий воздух. Люди вскакивают и соскакивают в трамвай на ходу. Но этого делать еще не умеют, и скачут задом наперед. Часто кто-нибудь срывается и с ревом и руганью летит под трамвайные колеса. Милиционеры свистят в свисточки, останавливают вагоны и штрафуют прыгнувших на ходу. Но как только трамвай трогается, бегут новые люди и скачут на ходу, хватаясь левой рукой за поручни.

Сегодня я проснулся в два часа дня. Я лежал на кровати до трех, не в силах встать. Я обдумывал свой сон: почему собака посмотрела в реку и что она там увидела. Я уверял себя, что это очень важно — обдумать сон до конца. Но я не мог вспомнить, что я видел дальше во сне, и я начинал думать о другом.

Вчера вечером я сидел за столом и много курил. Передо мной лежала бумага, чтобы написать что-то. Но я не знал, что мне надо написать. Я даже не знал, должны быть это стихи, или рассказ, или рассуждение. Я ничего не написал и лег спать. Но я долго не спал. Мне хотелось узнать, что я должен был написать. Я перечислял в уме все виды словесного искусства, но я не узнал своего вида. Это могло быть одно слово, а может быть, я должен был написать целую

книгу. Я просил Бога о чуде, чтобы я понял, что мне нужно написать. Но мне начинало хотеться курить. У меня оставалось всего четыре папиросы. Хорошо бы хоть две, нет, три оставить на утро.

Я сел на кровать и закурил.

Я просил Бога о каком-то чуде.

Да-да, надо чудо. Все равно какое чудо.

Я зажег лампу и посмотрел вокруг. Все было по-прежнему.

Но ничего и не должно было измениться в моей комнате.

Должно измениться что-то во мне.

Я взглянул на часы. Три часа семь минут. Значит, спать я должен по крайней мере до половины двенадцатого. Скорей спать!

30

Я потушил лампу и лег.

Нет, я должен лечь на левый бок.

Я лег на левый бок и стал засыпать.

Я смотрю в окно и вижу, как дворник метет улицу.

Я стою радом с дворником и говорю ему, что, прежде, чем написать что-либо, надо знать слова, которые надо написать.

По моей ноге скачет блоха.

Я лежу лицом на подушке с закрытыми глазами и стараюсь заснуть. Но слышу, как скачет блоха, и слежу за ней. Если я шевельнусь, я потеряю сон.

Но вот я должен поднять руку и пальцем коснуться лба. Я поднимаю руку и касаюсь пальцем лба. И сон прошел.

Мне хочется перевернуться на правый бок, но я должен лежать на левом.

Теперь блоха ходит по спине. Сейчас она укусит.

Я говорю: Ох, ох.

Закрытыми глазами я вижу, как блоха скачет по простыне, забирается в складочку и там сидит смирно, как собачка.

Я вижу всю мою комнату, но не сбоку, не сверху, а всю сразу, зараз. Все предметы оранжевые.

Я не могу заснуть. Я стараюсь ни о чем не думать. Я вспоминаю, что это невозможно, и стараюсь не напрягать мысли. Пусть думается о чем угодно. Вот я думаю об огромной ложке и вспоминаю басню о татарине, который видел во сне кисель, но забыл взять в сон ложку. А потом увидел ложку, но забыл... забыл... забыл... Это я забыл, о чем я думал. Уж не сплю ли я? Я открыл для проверки глаза.

Теперь я проснулся. Как жаль, ведь я уже засыпал и забыл, что это мне так нужно. Я должен снова стараться заснуть. Сколько усилий пропало зря. Я зевнул.

Мне стало лень засыпать.

Я вижу перед собой печку. В темноте она выглядит темно-зеленой. Я закрываю глаза. Но печку видеть продолжаю. Она совершенно темно-зеленая.

И все предметы в комнате темно-зеленые. Глаза у меня закрыты, но я моргаю, не открывая глаз.

«Человек продолжает моргать с закрытыми глазами, — думаю я. — Только спящий не моргает».

Я вижу свою комнату и вижу себя, лежащего на кровати. Я покрыт одеялом почти с головой. Едва только торчит лицо.

В комнате всё серого тона.

Это не цвет, это только схема цвета. Вещи загрунтованы для красок. Но краски сняты. Но эта скатерть на столе хоть и серая, а видно, что она на самом деле голубая. И этот карандаш хоть и серый, а на самом деле он желтый.

— Заснул, — слышу я голос.

25 октября 1931 года, воскресение

16

К одному из домов, расположенных на одной из обыкновенных Ленинградских улиц, подошёл обыкновенный с виду молодой человек, в обыкновенном чёрном двубортном пиджаке, простом синем вязаном галстуке и маленькой фетровой шапочке коричневого цвета. Ничего особенного в этом молодом человеке не было, разве только то, что плечи его были немного узки, а ноги немного длинны, да курил он не папиросу, а трубку; и даже девицы, стоявшие под воротней, сказали ему вслед: «тоже американец!» Но молодой человек сделал вид, что не слыхал этого замечания и спокойно вошёл в подъезд. Войдя в подъезд, он сунул трубку в карман, снял с головы шапочку, но сейчас же надел её опять, потом вошёл по лестнице, шагая через две ступеньки, на третий этаж. Тут он подошёл у двери, на которой висела бумажка, а на бумажке было написано жирными печатными буквами: «Яков Иванович Ѳитон». Буквы были нарисованы чёрной тушью, очень тщательно, но расположены были криво. И слово Ѳитон начиналось не с буквы Ф, а с Ѳиты, которая была похожа на колесо с одной перекладиной. Мо-

лодой человек подошёл к двери совсем вплотную, так, что коснулся её коленями, вынул французский ключ и отпер им замок. Из квартиры послышался визгливый собачий лай, но когда молодой человек вошёл в прихожую, к нему подбежали две маленькие черные собачки, и ткнувшись носами в его ноги, замолчали и весело убежали по коридору. Молодой человек молча прошёл в свою комнату, на дверях которой было также написано: «Яков Иванович Ѳитон». Молодой человек закрыл за собой дверь, повесил шляпу на крюк и сел в кресло возле стола. Немного погодя он закурил трубку и принялся читать какую-то книгу. Потом он сел за стол, на котором лежали записные книжки и листы чистой бумаги, стояла высокая лампа с зелёным абажуром, подносик с различными чернильницами, хрустальный стакан с карандашами и перьями и круглая деревянная пепельница. Так, ничего не делая, он просидел за столом часа три и даже по лицу не было видно, чтобы он о чём-нибудь думал. Часов в двенадцать он лёг спать. В кровати он ещё с час перелистывал какую-то книгу, а потом отложил её в сторону и потушил свет.

На другой день Яков Иванович проснулся в 10 часов. Рядом с кроватью, на стуле стоял телефон и звонил. Яков Иванович взял трубку.

— Я слушаю, — сказал Яков Иванович. — Здравстуйте Вера Никитишна. Спасибо, что вы меня разбудили...

<1931>

17

Вот я сижу на стуле. А стул стоит на полу. А пол приделан к дому. А дом стоит на земле. А земля тянется во все стороны, и направо, и налево, и вперед и назад. А кончается она где-нибудь?

Ведь не может же быть, чтоб нигде не кончалась! Обязательно где-нибудь да кончается! А дальше что? Вода? А земля по воде плавает? Так раньше люди и

думали. И думали, что там, где вода кончается, там она вместе с небом сходится.

И действительно, если встать на пароходе в море, где ничего не мешает кругом смотреть, то так и кажется, что где-то очень далеко небо опускается вниз и сходится с водою.

А небо казалось людям большим твёрдым куполом, сделанным из чего-то прозрачного, вроде стекла. Но тогда еще стекла не знали и говорили, что небо сделано из хрусталя. И называли небо твердью, И думали люди, что небо или твердь есть самое прочное, самое неизменное. Всё может измениться, а твердь не изменится. И до сих пор, когда мы хотим сказать про что-нибудь, что не должно меняться, мы говорим: это надо утвердить.

И видели люди, как по небу движутся солнце и луна, а звёзды стоят неподвижно. Стали люди к звездам внимательнее приглядываться и заметили, что звёзды расположены на небе фигурами. Вот семь звезд расположены в виде кастрюли с ручкой, вот три звезды прямо одна за другой стоят как по линейке. Научились люди одну звезду от другой отличать и увидели, что звезды тоже движутся, но только все зараз, будто они к небу прикреплены и вместе с самим небом движутся. И решили люди, что небо вокруг земли вертится.

Разделили тогда люди всё небо на отдельные звёздные фигуры и каждую фигуру назвали созвездием и каждому созвездию своё имя дали.

Но только видят люди, что не все звезды вместе с небом двигаются, а есть и такие, которые между другими звездами блуждают. И назвали люди такие звезды планетами.

<1931>

18

Можно ли до Луны докинуть камнем

Была страшно тёмная ночь. Звёзды, пра<вда>, сияли, да не светили. Ничего нельзя было разглядеть. Может быть, тут рядом дерево стоит, а может быть, лев, а может быть, слон, а может быть, и ничего нет. Но вот взошла луна и стало светло. Тогда стало возможным разглядеть скалу, а в скале пещеру, а налево поле, а направо речку, а за речкой лес.

Из пещеры вылезли на четверинках две обезьяны, потом поднялись, встали на задние ноги и пошли валкой походкой, размахивая длинными руками.

<1931>

19

В 2 часа дня на Невском проспекте или, вернее, на проспекте 25-го Октября ничего особенного не случилось. Нет-нет, тот человек возле «Колизея» остановился просто случайно. Может быть, у него развязался сапог или, может быть, он хочет закурить. Или нет, совсем не то! Он просто приезжий и не знает куда идти. Но где же его вещи? Да нет, постойте, вот он поднимает зачем-то голову, будто хочет посмотреть в третий этаж, даже в четвертый, даже в пятый. Нет, смотрите, он просто чихнул и теперь идет дальше. Он немножечко сутул и держит плечи приподнятыми. Его зеленое пальто раздувается от ветра. Вот он свернул на Надеждинскую и пропал за углом.

Восточный человек, чистильщик сапог, посмотрел ему вслед и разгладил рукой свои пышные черные усы.

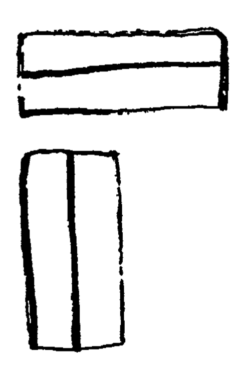
Его пальто длинное, плотное, сиреневого цвета не то в клетку, не то в полоску, не то, черт подери, в горошину.

<1931>

20

Прежде, чем придти к тебе, я постучу в твоё окно. Ты увидишь меня в окне. Потом я войду в дверь и ты увидишь меня в дверях. Потом я войду в твой дом и ты узнаешь меня. И я войду в тебя и никто, кроме тебя, не увидит и не узнает меня.

Ты увидишь меня в окне.

Ты увидишь меня в дверях.

<1931>

21

Я один. Каждый вечер Александр Иванович куда нибудь уходит и я остаюсь один. Хозяйка ложится рано спать и запирает свою комнату. Соседи спят за четырьмя дверями, и только я один сижу в своей маленькой комнатке и жгу керосиновую лампу.

Я ничего не делаю: собачий страх находит на меня. Эти дни я сижу дома, потому что я простудился и получил грипп. Вот уже неделя держится небольшая температура и болит поясница.

Но почему болит поясница, почему неделю держится температура, чем я болен и что мне надо делать? Я думаю об этом, прислушиваюсь к своему телу и начинаю пугаться. От страха сердце начинает дро-

жать, ноги холодеют и страх хватает меня за затылок. Я только теперь понял, что это значит. Затылок сдавливают снизу и кажется: ещё немножко и сдавят всю голову сверху, тогда утеряется способность отмечать свои состояния и ты сойдешь с ума. Во всем теле начинается слабость и начинается она с ног. И вдруг мелькает мысль: а что, если это не от страха, а страх от этого. Тогда становится еще страшнее. Мне даже не удается отвлечь мысли в сторону. Я пробую читать. Но то, что я читаю, становится вдруг прозрачным и я опять вижу свой страх. Хоть бы Александр Иванович пришёл скорее! Но раньше, чем через два часа, его ждать нечего. Сейчас он гуляет с Еленой Петровной и объясняет ей свои взгляды на любовь.

<1932>

22

Мы жили в двух комнатах. Мой приятель занимал комнату поменьше, я же занимал довольно большую комнату, в три окна. Целые дни моего приятеля не было дома, и он возвращался в свою комнату, только чтобы переночевать. Я же почти всё время сидел в своей комнате, и если выходил, то либо на почту, либо купить себе что-нибудь к обеду. Вдобавок я заполучил сухой плеврит, и это ещё больше удерживало меня на месте.

Я люблю быть один. Но вот прошёл месяц и мне моё одиночество надоело. Книга не развлекала меня, а садясь за стол, я часто просиживал подолгу, не написав ни строчки. Я опять брался за книгу, а бумага оставалась чистой. Да ещё это болезненное состояние! Одним словом, я начал скучать.

Город, в котором я жил это время, мне совершенно не нравился. Он стоял на горе и всюду открывались открыточные виды. Эти виды мне так опротивели, что я даже рад был сидеть дома. Да собственно кроме почты, рынка и магазина, мне и ходить-то было некуда.

И так я сидел дома как затворник.

37

Были дни, когда я ничего не ел. Тогда я старался создать себе радостное настроение. Я ложился на кровать и начинал улыбаться. Я улыбался по двадцати минут зараз, но потом улыбка переходила в зевоту. Это было очень неприятно. Я приоткрывал рот настолько, чтобы только улыбнуться, а он открывался шире и я зевал. Я начинал мечтать.

Я видел перед собой глиняный кувшин с молоком и куски свежего хлеба. А сам я сижу за столом и быстро пишу. На столе, на стульях и на кровати лежат листы исписанной бумаги. А я пишу дальше, подмигиваю и улыбаюсь своим мыслям. И как приятно, что рядом хлеб, и молоко и ореховая шкатулочка с табаком!

Я открыл окно и смотрел в сад. У самого дома росли жёлтые и лиловые цветы. Дальше рос табак и стоял большой военный каштан. А там начинался фруктовый сад.

Было очень тихо и только под горой пели поезда.

Сегодня я ничего не мог делать. Я ходил по комнате, потом садился за стол, но вскоре вставал и пересаживался на кресло качалку. Я брал книгу, но тотчас же отбрасывал её и принимался опять ходить по комнате.

Мне вдруг казалось, что я забыл что-то, какой-то случай или важное слово.

Я мучительно вспоминал это слово и мне даже начинало казаться, что это слово начиналось на букву М. Ах нет! совсем не на М, а на Р.

Разум? радость? рама? ремень? Или: Мысль? Му́ка? Материя?

Нет, конечно на букву Р, если это только слово!

Я варил себе кофе и пел слова на букву р. О, сколько слов сочинил я на эту букву! Может быть, среди них было и то, но я не узнал его, я принял его за такое же, как и все другие.

А может быть, того слова и не было.

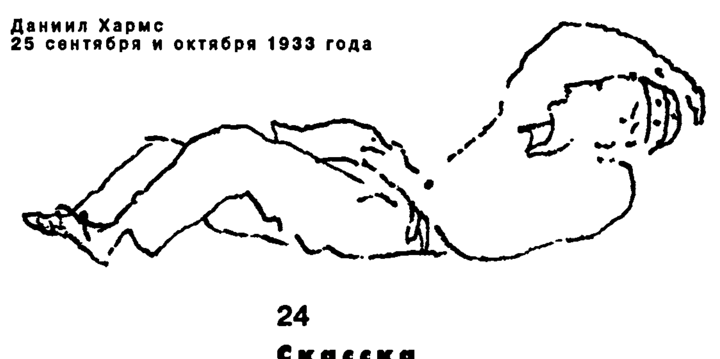
<1932-1933>

23

Дорогой Никандр Андреевич,
получил твоё письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял что от тебя, а то, было, подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился, потому что, когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел. И вот я очень рад, что ты женился, потому что когда человек женится на том, на ком хотел, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твоё письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу — точно от тебя. Очень хорошо сделал, что написал мне. Сначала не писал, а потом вдруг написал, хотя ещё раньше, до того как некоторое время не писал, — тоже писал. Я сразу, как получил твое письмо, сразу решил, что оно от тебя и, потом, я очень рад, что ты уже женился. А то, если человек захотел жениться, то ему надо во что бы то ни стало жениться. Поэтому я очень рад, что ты, наконец, женился именно на том, на ком и хотел жениться. И очень хорошо сделал, что написал мне. Я очень обрадовался, как увидел твоё письмо, и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, пока распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом всё-таки я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя. Ты, может быть, не догадываешься, почему я так рад за тебя, но я тебе сразу скажу, что рад я за тебя потому, потому что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться, потому что тогда именно и добиваешься того, чего хотел. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А также рад и тому, что ты написал мне письмо. Я ещё издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя? А потом думаю: да нет, конечно от тебя. Сам распечатываю письмо и в то же время думаю: от тебя или не от тебя? От тебя

или не от тебя? Ну, а как распечатал, то и вижу, что от тебя. Я очень обрадовался и решил тоже написать тебе письмо. О многом надо сказать, но буквально нет времени. Что успел, написал тебе в этом письме, а остальное потом напишу, а то сейчас совсем нет времени. Хорошо, по крайней мере, что ты написал мне письмо. Теперь я знаю, что ты уже давно женился. Я и из прежних писем знал, что ты женился, а теперь опять вижу: совершенно верно, ты женился. И я очень рад, что ты женился и написал мне письмо. Я сразу, как увидел твое письмо, так и решил, что ты опять женился. Ну, думаю, это хорошо, что ты опять женился и написал мне об этом письмо. Напиши мне теперь, кто твоя новая жена и как это всё вышло. Передай привет твоей новой жене.

Даниил Хармс
25 сентября и октября 1933 года

24

Скаска

Жил-был один человек, звали его Семёнов. Пошёл однажды Семенов гулять и потерял носовой платок. Семёнов начал искать носовой платок и потерял шапку. Начал шапку искать и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.

— Ну, — сказал Семёнов, — этак всё растеряешь. Пойду лучше домой.

Пошёл Семёнов домой и заблудился.

— Нет, — сказал Семёнов, — лучше я сяду и посижу.

Сел Семёнов на камушек и заснул.

<1933>

25
Охотники

Козлов: Хочешь закурить?
Окнов: Нет.
Козлов: Хочешь, я тебе принесу вон ту вон штуку?
Окнов: Нет.
Козлов: Может быть, хочешь, я тебе расскажу что-нибудь смешное?
Окнов: Нет.
Козлов: Ну хочешь пить? У меня вот тут вот есть чай с коньяком.
Окнов: Мало того, что я тебя сейчас этим камнем по затылку ударил, я тебе еще оторву ногу.
Петраков и Мотыльков: Что вы делаете? Что вы делаете?
Козлов: Приподнимите меня с земли.
Мотыльков: Ты не волнуйся, рана заживет.
Козлов: А где Окнов?
Окнов (отрывая Козлову ногу): Я тут, недалеко.
Козлов: Ох матушки! Сеа-па-си!
Петраков и Мотыльков: Никак он ему и ногу оторвал!
Окнов: Оторвал и бросил её вон туда.
Мотыльков: Злодейство!
Окнов: Как?
Мотыльков: Никак.
Козлов: Как же я дойду до дома?
Петраков: Не беспокойся, мы тебе приделаем деревяшку.
Мотыльков: Ты на одной ноге стоять можешь?
Козлов: Могу, но не очень.
Мотыльков: Ну мы тебя поддержим.
Окнов: Пустите меня к нему!
Мотыльков: Ой нет, лучше уходи.
Окнов: Нет пустите! пустите! пусти... Вот, что я хотел сделать!
Петраков и Мотыльков: Какой ужас?
Окнов: Ха-ха-ха!
Мотыльков: А где же Козлов?

Петраков: Он уполз в кусты.
Мотыльков: Козлов, ты тут?
Козлов: Шаша.
Мотыльков: Вон ведь до чего дошел!
Петраков: Человек не игрушка!
Мотыльков: Кого на помощь позовем?
Я в этом деле новичёк.
Петраков: Вы зацепились рукавом за
незначительный сучёк.
Мотыльков: Моя природа ездить по балам
Окнов: А мы природу пополам
Занавес.

<1933>

26

Воронин (*вбегая*) —
Остановка истории!
Люди бегут по улице!
На Неве стреляют из пушек!
Степанов (*подскакивая на стуле*) —
Которое сегодня число?
Воронин — Девятнадцатое марта!
Степанов (*падая на пол*) —
Проспал! Проспал!

<1933>

27

Один монах вошёл в склеп к покойникам и крикнул: «Христос воскресе!» А он<и> ему хором: «Воистину воскресе!»

<1933>

28

Тут все начали говорить по-своему.

Хвилищевский подошёл к дереву и поцарапал кору. Из коры выбежал муравей и упал на землю. Хвилищевский нагнулся, но муравья не было видно.

В это время Факиров ходил взад и вперёд. Лицо Факирова было строго, даже грозно. Факиров старался ходить по прямым, а когда доходил до дома. то делал сразу резкий поворот.

Хвищилевский всё еще стоял у дерева и смотрел на кору сквозь пенснэ своими близорукими глазами. Шея Хвищилевского была тонкая и морщинистая.

Тут все начали говорить о числах.

Хвищилевский уверял, что ему известно, что такое число, что если его написать по китайски сверху вниз, то оно будет похоже на булочника.

— Ерунда, — сказал Факиров, — почему на булочника?

— А вы испробуйте и тогда сами убедитесь, — сказал Хвищилевский, проглотив слюну, отчего его воротничок подпрыгнул, а галстук съехал на сторону.

— Ну, какое же число? — спросил Факиров, доставая карандаш.

— Позвольте, это число я держу в тайне, — сказал Хвищилевский.

Неизвестно, чем бы это всё кончилось, но тут вошёл Уемов и принёс много новостей.

Факиров сидел в своём синем бархатном жилете и курил трубку.

Числа, такая важная часть природы! И рост и действие, всё число.

А слово, это сила.

Число и слово, — наша мать.

5 октября <1933-1934>

29

Старичёк чесался обеими руками. Там, где нельзя было достать двумя руками, старичёк чесался одной, но зато быстро-быстро. И при этом быстро мигал глазами.

Из паровозной трубы шёл пар или, так называемый, дым. И нарядная птица, влетая в этот дым, вылетала из него обсаленной и помятой.

Хвилищевский ел клюкву, стараясь не морщиться. Он ждал, что все скажут: какая сила характера! Но никто не сказал ничего.

Было слышно, как собака обнюхивала дверь. Хвилищевский зажал в кулаке зубную щетку и таращил глаза, чтобы лучше слышать. «Если собака войдет, — думал Хвилищевский — я ударю её этой костяной ручкой прямо в висок!»

... Из коробки вышли какие-то пузыри. Хвищилевский на цыпочках удалился из комнаты и тихо прикрыл за собою дверь. «Черт с ней! — сказал себе Хвилищевский. — Меня не касается, что в ней лежит. В самом деле! Черт с ней!»

Хвилищевский хотел крикнуть: «Не пущу!» Но язык как-то подвернулся и вышло: «не пустю». Хвилищевский прищурил правый глаз и с достоинством вышел из залы. Но ему всё-таки показалось, что он слышал, как хихикнул Цуккерман.

<1933-1934>

30

— Пейте уксус господа, — сказал Шуев.

Ему никто ничего не ответил.

— Господа! — крикнул Шуев. — Я предлагаю вам выпить уксусу!

С кресла поднялся Макаронов и сказал:

— Я приветствую мысль Шуева. Давайте пить уксус.

Растопякин сказал:

— Я не буду пить уксуса.

Тут наступило молчание и все начали смотреть на Шуева. Шуев сидел с каменным лицом. Было не ясно, что думает он.

Прошло минуты три.

Сучков кашлянул в кулак. Рывин почесал рот. Калтаев поправил свой галстук. Макаронов подвигал ушами и носом. А Растопякин, откинувшись на спинку кресла, <смотрел> равнодушно в камин.

Прошло еще минут семь или восемь.

Рывин встал и на цыпочках вышел из комнаты.

Калтаев посмотрел ему вслед.

Когда дверь за Рывин<ы>м закрылась, Шуев сказал:

— Так. Бунтовщик ушёл. К чёрту бунтовщика!

Все с удивлением переглянулись, а Растопякин поднял голову и уставился на Шуева.

Шуев строго сказал:

— Кто бунтует, — тот негодяй!

Сучков, острожно, под столом, пожал плечами.

— Я за то, чтобы пить уксус, — негромко сказал Макаронов и выжидательно посмотрел на Шуева.

Растопякин икнул и, смутившись, покраснел как девица.

— Смерть бунтовщикам! — крикнул Сучков, оскалив свои черноватые зубы.

<1933-1935>

31

О равновесии

Теперь все знают как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: «Кавео», что значит: «Камни внутрь опасно». И

хорошо сделал. «Кавео» легко запомнить и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

А служил этот мой знакомый истопником на паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов. а курил он папиросы «Ракета», 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублёвых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в Европейскую гостиницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут-то Николай Иванович и сказал себе: «Интересно, — сказал себе Николай Иванович, — как человек устроен».

Только это он себе сказал, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея и говорит:

— Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну конечно в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так даже и яблоки жрать перестали.

Николай-то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, чтобы только отвязаться:

— Извините, — говорит, — особого такого ничего мне не требуется.

— Нет, — говорит неизвестная дамочка. — Я, — говорит, — что называется, фея. Одним моментом, что угодно, смастерю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислушивается. А в открытые двери метрдотель бежит, а за ним ещё какой-то субъект с папироской во рту.

— Что за черт! — думает Николай Иванович, — неизвестно, что получается.

А оно и действительно неизвестно, что получается. Метрдотель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают и вообще черт его знает! кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, выбежал на

улицу Лассаля и сказал себе: «Кавео! Камни внутрь опасно!» И чего-чего только на свете не бывает!»

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей: «Не пугайтесь, Екатерина Петровна, и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие-нибудь полтора килограмма на всю вселенную, а всё же удивительно, Екатерина Петровна, совершенно удивительно!»

Всё

Даниил Дандан
18 сентября 1934 года

32

О явлениях и существованиях

№ 1

Художник Миккель Анжело садится на груду кирпичей и, подперев голову руками, начинает думать. Вот проходит мимо петух и смотрит на художника Миккеля Анжело своими круглыми золотистыми глазами. Смотрит и не мигает. Тут художник Миккель Анжело поднимает голову и видит петуха. Петух не отводит глаз, не мигает и не двигает хвостом. Художник Миккель Анжело опускает глаза и замечает, что глаза что-то щиплет. Художник Миккель Анжело трет глаза руками. А петух не стоит уж больше, не стоит, а уходит, уходит за сарай, за сарай, на птичий двор, на птичий двор к своим курам.

И художник Миккель Анжело поднимается с груды кирпичей, отряхает со штанов красную кирпичную пыль, бросает в сторону ремешок и идет к своей жене.

А жена у художника Миккеля Анжело длинная-длинная, длиной в две комнаты.

По дороге художник Миккель Анжело встречает Комарова, хватает его за руку и кричит: «Смотри!»

Комаров смотрит и видит шар.

«Что это?» — шепчет Комаров.

А с неба грохочет: «Это шар».

«Какой такой шар?» — шепчет Комаров.

А с неба грохот: «Шар гладкоповерхностный!»

Комаров и художник Миккель Анжело садятся в траву, и сидят они в траве, как грибы. Они держат друг друга за руки и смотрят на небо. А на небе вырисовывается огромная ложка. Что же это такое? Никто этого не знает. Люди бегут и застревают в своих домах. И двери запирают, и окна. Но разве это поможет? Куда там! Не поможет это.

Я помню, как в 1884-м году показалась на небе обыкновенная комета величиной с пароход. Очень было страшно. А тут — ложка! Куда комете до такого явления.

Запирать окна и двери!

Разве это может помочь? Против небесного явления доской не загородишься.

У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что всё дым. А по-моему, не всё дым. Может, и дыма-то никакого нет. Ничего, может быть, нет. Есть одно только разделение. А может быть, и разделения-то никакого нет. Трудно сказать.

Говорят, один знаменитый художник рассматривал петуха. Рассматривал, рассматривал и пришел к убеждению, что петуха не существует.

Художник сказал об этом своему приятелю, а приятель давай смеяться. Как же, говорит, не существует, когда, говрит, он вот тут вот стоит, и я, говорит, его отчетливо наблюдаю.

А великий художник опустил тогда голову, и как стоял, так и сел на груду кирпичей.

всё

Даниил Дандан
18 сентября 1934 года

33

О явлениях и существованиях

№ 2

Вот бутылка с водкой, так называемый спиртуоз. А рядом вы видите Николая Ивановича Серпухова.

Вот из бутылки поднимаются спиртуозные пары. Поглядите, как дышит носом Николай Иванович Серпухов. Поглядите, как он облизывается и как он щурится. Видно, ему это очень приятно, и главным образом потому, что спиртуоз.

Но обратите внимание на то, что за спиной Николая Ивановича нет ничего. Не то что бы там не стоял шкап, или комод, или вообще что-нибудь такое, а совсем ничего нет, даже воздуха нет. Хотите верьте, хотите не верьте, но за спиной Николая <Ивановича> нет даже безвоздушного пространства, или, как говорится, мирового эфира. Откровенно говоря, ничего нет.

Этого, конечно, и вообразить себе невозможно.

Но на это нам плевать, нас интересует только спиртуоз и Николай Иванович Серпухов.

Вот Николай Иванович берет рукой бутылку со спиртуозом и подносит ее к своему носу. Николай Иванович нюхает и двигает ртом, как кролик.

Теперь пришло время сказать, что не только за спиной Николая Ивановича, но впереди, так сказать, перед грудью и вообще кругом нет ничего. Полное отсутствие всякого существования, или, как острили когда-то: отсутствие всякого присутствия.

Однако, давайте интересоваться только спиртуозом и Николаем Ивановичем.

Представьте себе, Николай Иванович заглядывает вовнутрь бутылки со спиртуозом, потом подносит ее к губам, запрокидывает бутылку донышком вверх и выпивает, представьте себе, весь спиртуоз.

Вот ловко! Николай Иванович выпил спиртуоз и похлопал глазами. Вот ловко! Как это он!

49

А мы теперь должны сказать вот что: собственно говоря, не только за спиной Николая Ивановича или спереди и вокруг только, а также и внутри Николая Ивановича ничего не было, ничего не существовало.

Оно, конечно, могло быть так, как мы только что сказали, а сам Николай Иванович мог при этом восхитительно существовать. Это, конечно, верно. Но, откровенно говоря, вся штука в том, что Николай Иванович не существовал и не существует. Вот в чем штука-то.

Вы спросите: а как же бутылка со спиртуозом? Особенно куда вот делся спиртуоз, если его выпил несуществующий Николай Иванович? Бутылка, скажем, осталась. А где же спиртуоз? Только что был, а вдруг его и нет. Ведь Николай-то Иванович не существует, говорите вы. Вот как же это так?

Тут мы и сами теряемся в догадках.

А впрочем, что же это мы говорим? Ведь мы сказали, что как внутри, так и снаружи Николая Ивановича ничего не существует. А раз ни внутри, ни снаружи ничего не существует, то, значит, и бутылки не существует. Так ведь?

Но, с другой стороны, обратите внимание на следующее: если мы говорим, что ничего не существует ни изнутри, ни снаружи, то является вопрос: изнутри и снаружи чего? Что-то, видно, всё же существует? А может, и не существует. Тогда для чего же мы говорили изнутри и снаружи?

Нет, тут явно тупик. И мы сами не знаем, что сказать.

До свидания.

Всё.

Даниил Дандан
18 сентября 1934 года

34
Грехопадение или познание добра и зла

Дидаскалия

(Аллея красиво подстриженных деревьев изображает райский сад. Посередине Древо Жизни и Древо Познания Добра и Зла. Сзади направо церковь)

Figura (*указывая рукой на дерево, говорит*): Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев ешьте плоды, а от этого дерева плодов не ешьте (*уходит в церковь*).

Адам (*указывая рукой на дерево*): Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев мы будем есть плоды, а от этого дерева мы плодов есть не будем. Ты, Ева, обожди меня, а я пойду соберу малину (*уходит*).

Ева: Вот это дерево познания добра и зла. Адам запретил мне есть плоды с этого дерева. А интересно, какого они вкуса?

(Из-за дерева появляется Мастер Леонардо)

Мастер Леонардо: Ева! вот я пришел к тебе.

Ева: А скажи мне, мастер Леонардо, зачем?

Мастер Леонардо: Ты такая красивая, белотелая и полногрудая. Я хлопочу и твоей пользе.

Ева: Дай-то Бог.

Мастер Леонардо: Ты знаешь, Ева, я люблю тебя.

Ева: А я знаю что это такое?

Мастер Леонардо: Неужто не знаешь?

Ева: Откуда мне знать?

Мастер Леонардо: Ты меня удивляешь?

Ева: Ой посмотри, как смешно фазан на фазаниху верхом сел!

М. Л.: Вот это и есть то самое.

Ева: Что то самое?

М. Л.: Любовь.

Ева: Тогда это смешно. Ты что? Хочешь тоже на меня верхом сесть?

М. Л.: Да хочу. Но только ты ничего не говори Адаму.

Ева: Нет, не скажу.

М. Л.: Ты, я вижу, молодец.

Ева: Да, я бойкая баба.

М. Л.: А ты меня любишь?

Ева: Да я не прочь, чтобы ты меня покатал по саду на себе верхом.

М. Л.: Садись ко мне на плечи.

(Ева садится верхом на Мастера Леонардо, и он скачет с ней по саду. Входит Адам с картузом, полным малины, в руках)

Адам: Ева! Где ты? Хочешь малины? Ева! Куда же она ушла? Пойду ее искать (*уходит*).

(Появляется Ева верхом на Мастере Леонардо)

Ева (*спрыгивая на землю*): Ну спасибо. Очень хорошо.

М. Л.: А теперь попробуй вот это яблоко.

Ева: Ой, что ты! С этого дерева нельзя есть плодов.

М. Л.: Послушай, Ева! Я давно уже узнал все тайны рая. Кое-что я скажу тебе.

Ева: Ну говори, а я послушаю.

М. Л.: Будешь меня слушать?

Ева: Да, и ни в чем тебя не огорчу.

М. Л.: А не выдашь меня?

Ева: Нет, поверь мне.

М. Л.: А вдруг всё откроется?

Ева: Не через меня.

М. Л.: Ну хорошо. Я верю тебе. Ты была в хорошей школе. Я видел Адама, он очень глуп.

Ева: Он грубоват немного.

М. Л.: Он ничего не знает. Он мало путешествовал и ничего не видел. Его одурачили. А он одурачивает тебя.

Ева: Каким образом?

М. Л.: Он запрещает тебе есть плоды с этого дерева. А ведь это самые вкусные плоды. И когда ты съешь этот плод, ты сразу поймешь, что хорошо и что плохо. Ты сразу узнаешь очень много и будешь умнее самого Бога.

Ева: Возможно ли это?

М. Л.: Да уж я говорю тебе, что возможно.

Ева: Ну, право, я не знаю, что мне делать.

М. Л.: Ешь это яблоко! Ешь, ешь!

(Появляется Адам с картузом в руках)

Адам: Ах, вот, где ты, Ева! А это кто?

(Мастер Леонардо скрывается за кусты)

Адам: Это кто был?

Ева: Это был мой друг, Мастер Леонардо.

Адам: А что ему нужно?

Ева: Он посадил меня верхом к себе на шею и бегал со мной по саду. Я страшно смеялась.

Адам: Больше вы ничего не делали?

Ева: Нет.

Адам: А что это у тебя в руках?

Ева: Это яблоко.

Адам: С какого дерева?

Ева: Вон с того.

Адам: Нет, врешь, с этого.

Ева: Нет, с того.

Адам: Врешь, поди?

Ева: Честное слово, не вру.

Адам: Ну хорошо, я тебе верю.

Змей (*сидящий на дереве познания добра и зла*): Она врет. Ты не верь. Это яблоко с этого дерева!

Адам: Брось яблоко. Обманщица.

Ева: Нет, ты очень глуп. Надо попробовать, каково оно на вкус.

Адам: Ева! Смотри!

Ева: И смотреть тут нечего!

Адам: Ну, как знаешь.

(Ева откусывает от яблока кусок. Змей от радости хлопает в ладоши)

Ева: Ах, как вкусно! Только что же это такое? Ты всё время исчезаешь и появляешься вновь. Ой! всё исчезает и откуда-то появляется всё опять. Ох, как это интересно! Ай! Я голая! Адам, подойди ко мне ближе, я хочу сесть на тебя верхом.

Адам: Что такое?
Ева: На, ешь ты тоже это яблоко!
Адам: Я боюсь.
Ева: Ешь! Ешь!

(Адам съедает кусок яблока и сразу же прикрывается картузом)

Адам: Мне стыдно.

(Из церкви выходит Figura)

Figura: Ты, человек, и ты, человечица, вы съели запрещенный плод. А потому вон из моего сада!

(Figura уходит обратно в церковь)

Адам: Куда же нам идти?
Ева: Никуда не пойдем.

(Появляется Ангел с огненным мечем и гонит их из рая)

Ангел: Пошли вон! Пошли вон! Пошли вон!
Мастер Леонардо (*появляясь из-за кустов*): Пошли пошли! Пошли пошли! (*машет руками*). Давайте занавес!

Занавес

Дандан.
27 сентября 1934 года

35

Экспромт

Как известно, у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган. И вот однажды, купаясь в озере, Борис Пастернак сказал столпившемуся на берегу народу:

— Вон смотрите, под осиной
Роет землю Балаган!

С тех пор этот экспромт известного полупоэта сделался поговоркой.

<Сентябрь 1934?>
Даниил Хармс

36

Маляр сел в люльку и сказал:
«Вот до той зазубрины дотяните и стоп».
Петров и Комаров взялись за канат.

— Валяй! — сказал маляр и люлька поскакала вверх.

Маляр отпихивался от стены ногами. Люлька с маляром откачивалась и опять летела к стене. А маляр опять отпихивался от стены ногами.

Петров и Комаров тянули за канат. То Петров, то Комаров. Пока один тянул, другой на всякий случай держал свободный конец каната.

Маляр поднимался всё выше.

В первом этаже был кооператив.

Маляр поднялся до вывески и уперся ногой в букву О.

В это время Комаров повис на канате и люлька с маляром остановилась против окна во втором этаже.

Маляр поджал ноги, чтобы не высадить ими оконного стекла, но в это время на канате повис Петров, и маляр очутился в простенке между вторым и третьим этажём. На стене было написано мелом: «Ванька болван, а Наташка дура».

— Ишь ты! — сказал маляр и покрутил головой. — И сюда ведь, черти, забрались!

Но на канате повис опять Комаров и маляр увидел перед собой открытое окно, а в окне камнату. В комнате стояли два человека, один в пиджаке, а другой, кажется, без пиджака. Тот, который был в пиджаке, схватил того, который был, кажется, без пиджака, и душил его.

Но в это время на канате повис Петров и маляр увидел перед собой ржавый карниз.

— Стой! — закричал маляр. — Давай обратно!

Петров и Комаров задрали кверху головы и смотрели на маляра.

— Чего смотрите! Вниз! скорее! Там в окне душат! — кричал маляр и бил ногой в открытое окно.

Петров и Комаров засуетились и вдвоём повисли на канате. Маляр взлетел прямо к четвёртому этажу, больно ударившись ногой о карниз.

— Вниз, черти! — крикнул маляр на всю улицу.

Петров и Комаров видно поняли, в чём дело, и начали понемногу опускать канат. Люлька поползла вниз. На улице начала собираться толпа.

Маляр перегнулся и заглянул в окно.

Человек без пиджака лежал на полу, а человек в пиджаке сидел на нём верхом и продолжал его душить.

— Ты чего делаешь? — крикнул ему маляр. Человек в пиджаке даже не обернулся и продолжал душить человека без пиджака.

— Чего там такое? — кричали снизу Петров и Комаров.

— Да тут один человек другого душит! — кричал маляр. — Вот я тебя сейчас!

С этими словами маляр слез с люльки и прыгнул в комнату.

Облегчённая люлька качнулась в сторону, ударилась об стену, отлетела от дома и с размаху двинула по водосточной трубе.

В трубе что-то зашумело, застучало, заклокотало, покатилось и посыпалось.

Народ с криком отбежал на середину улицы. А из водосточной трубы на панель выскочили три маленьких кирпичных осколка.

Народ опять приблизился к дому.

Петров и Комаров всё ещё держались за канат и показывали, как они тянули люльку наверх, как маляр крикнул им опускать вниз, и как один человек душит другого.

В толпе ахали и охали, смотрели наверх и наконец решено было как-нибудь помочь маляру.

Человек в соломенном картузе предлагал свою помощь и говорил, что может по водосточной трубе забраться хоть на край света.

Старушка с маленьким лицом и таким большим носом, что его можно было взять двумя руками, требовала всех мошейников сдать милиции и лишить их паспорта, чтобы они знали как мучать других.

Петров и Комаров, всё ещё держась за канат, говорили:

«Мы его не упустим! Теперь уж нет! Шалишь!»

В это время из ворот дома выбежил дворник в огромной косматой папахе, в голубой майке и красных резиновых галошах, надетых на рваные валенки. С криком: «Что тут случилось?» он подбежал к Петрову и Комарову.

Дворнику объяснили, что в четвертом этаже, в том вон окне, один человек задушил другого.

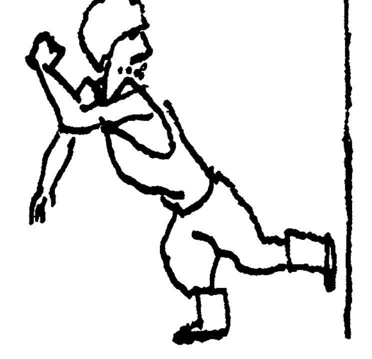
— За мной! — крикнул дворник и бросился в парадную. Толпа кинулась за дворником.

Петров и Комаров привязали канат к какой-то деревянной дуге, торчащей из-под земли, и говоря:

«Ну нет, брат не уйдешь!» — тоже скрылись в парадной.

Добежав до площадки четвёртого этажа, дворник на секунду остановился, и вдруг ринулся к двери, на которой висела дощечка с надписью: «квартира № 8. Звонить 8 раз». А под этой дощечкой висела другая, на которой было написано: «Звонок не звонит. Стучите».

Собственно, на двери и не было никакого звонка.

Дворник встал на одной ноге спиной к двери, а другой ногой принялся колотить в дверь.

Народ столпился на площадке одним маршем ниже и оттуда следил за дворником.

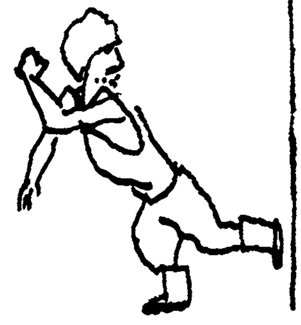
Дворник бил ногой в дверь так усердно, и красная калоша так быстро мелькала взад и вперёд, что у старушки с длинным носом закружилась голова.

Но дверь не открывалась.

Человек в соломенном картузе сказал, что простым гвоздём берется открыть любой замок.

На что старушка с длинным носом сказала, что замки теперь стали делать так плохо, что ворам ничего не стоит открывать и закрывать их просто ногтями.

Тогда молодой человек с сумкой через плечо, из которой торчала свечка и хвост какой-то солёной рыбы, сказал, что французский замок легче всего открыть, если ударить его молотком по затылку. Тогда чугунная коробка треснет и замок откроется сам.

Этажом ниже Петров и Комаров объясняли друг другу, как маляр залез в окно, и как надо хватать человека, если у него в руках охотничье ружьё, заряженное крупной дробью.

А дворник всё ещё продолжал бить ногой в дверь.

— Нет, не открывают, — сказал дворник и повернул на голове папаху задом наперёд.

<1934>

37

Хвастун Колпаков

Жил однажды человек по имени Фёдор Фёдорович Колпаков.

— Я, — говорил Фёдор Фёдорович Колпаков, — ничего не боюсь! Хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, хоть меня огнём жги — ничего я не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь и пауков не боюсь, — ничего я не боюсь!

Вот однажды Фёдор Фёдорович Колпаков стоял на мосту и смотрел, как водолазы под воду опускаются. Смотрел, смотрел, а потом, когда водолазы вылезли из воды и сняли свои водолазные костюмы, Фёдор Фёдорович не утерпел и давай им с моста кричать:

— Эй, — кричит, — это что! Я бы ещё и не так мог! Я ничего не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь, и пауков не боюсь, — ничего я не боюсь! Хоть меня огнём жги, хоть в меня из

пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, — ничего я не боюсь!

— А ну-ка, — говорят ему водолазы, — хочешь попробовать в воду спуститься?

— Зачем же это? — говорит Фёдор Фёдорович и собирается прочь уйти.

— Что, брат, струсил? — говорят ему водолазы.

— Ничего я не струсил, — говорит Фёдор Фёдорович, — а только чего же я под воду полезу?

— Боишься! — говорят водолазы.

— Нет, не боюсь! — говорит Фёдор Фёдорович Колпаков.

— Тогда надевай водолазный костюм и полезай в воду.

Опустился Фёдор Фёдорович Колпаков под воду. А водолазы ему сверху в телефон кричат:

— Ну как, Фёдор Фёдорович? Страшно?

А Фёдор Фёдорович им снизу отвечает:

— Няв... няв... няв...

— Ну, — говорят водолазы, — хватит с него.

Вытащили они Фёдора Фёдоровича из воды, сняли с него водолазный костюм, а Фёдор Фёдорович смотрит вокруг дикими глазами и всё только «няв... няв... няв...», говорит.

— То-то, брат, зря не хвастай, — сказали ему водолазы и ссадили его на берег.

Пошёл Федор Федорович Колпаков домой и с тех пор больше никогда не хвастал.

<1934>

38

Обезоруженный или Неудавшаяся любовь

Трагический водевиль в одном действии

Лев Маркович (*подскакивая к даме*) — Разрешите!

Дама (*отстраняясь ладонями*) — Отстаньте!

Л. М. (*наскакивая*) — Разрешите!
Дама (*пихаясь ногами*) — Уйдите!
Л. М. (*хватаясь руками*) — Дайте разок!
Дама (*пихаясь ногами*) — Прочь! Прочь!
Л. М. — Один только пистон!
Дама (*мычит, дескать «нет»*).
Л. М. — Пистон! Один пистон!
Дама (*закатывает глаза*).
Л. М. (*Суетится, лезет рукой за своим инструментом и вдруг оказывается, не может его найти*).
Л. М. — Обождите! (*Шарит у себя руками*). Что за ччорт!
Дама (*с удивлением смотрит на Льва Марковича*).
Л. М. — Вот ведь история!
Дама — Что случилось?
Л. М. — Хм... (*смотрит растеряно во все стороны*).

Занавес

1934

39

Хотите, я расскажу вам рассказ про эту крюкицу? То есть не крюкицу, а кирюкицу. Или нет, не кирюкицу, а курякицу. Фу ты! Не курякицу, а кукрикицу. Да не кукрикицу, а кирикрюкицу. Нет, опять не так! Курикрятицу? Нет, не курикрятицу! Кирикурюкицу? Нет, опять не так!

Забыл я, как эта птица называется. А уж если б не забыл, то рассказал бы вам рассказ, про эту кирикукукрекицу.

<1934-1935>

40

Вот начальник военного округа подошел к своей жене, поцеловал её в рот, погладил её рукой по шее и залез лошадь.

— До свидания! — крикнул начальник военного округа и уехал.

Вечером начальник военного округа приехал обратно. Опять поцеловал жену в рот, погладил её рукой по шее и лёг спать.

Ночью жена начальника скоропостижно умерла.

Утром начальник военного округа проснулся и, увидя свою жену мёртвой, с ужасом выскочил из кровати.

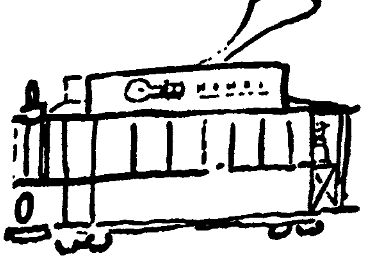
<1934-1936>

41

Миронов сел на трамвай и поехал, а куда нужно, не приехал, потому что по дороге скончался.

Пассажиры этого трамвая, в котором спал Миронов, позвали милиционера и велели ему составить протокол о том, что Миронов умер не от насильственной смерти.

<1934-1936>

42

Рыцарь

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящий рыцарь. Так, например, однажды, увидя из трамвая, как одна дама запнулась о тумбу и выронила из кошелки стеклянный колпак для настольной лампы, который тут же и разбился, Алексей Алексеевич, желая помочь этой даме, решил пожертвовать собой и, выскочив из трамвая на полном ходу, упал и раскроил себе о камень всю рожу. В другой раз, видя, как одна дама, перелезая через забор, зацепилась юбкой за гвоздь и застряла так, что, сидя верхом на заборе, не могла двинуться ни взад ни вперед, Алексей Алексеевич начал так волноваться, что от волнения выдавил себе языком два передних

зуба. Одним словом, Алексей Алексеевич был самым настоящим рыцарем, да и не только по отношению к дамам. С небывалой легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество, что и доказал в 14-м году, в начале германской войны, с криком «За Родину!» выбросившись на улицу из окна третьего этажа. Каким-то чудом Алексей Алексеевич остался жив, отделавшись только несерьезными ушибами, и вскоре, как столь редкостноревностный патриот, был отослан на фронт.

На фронте Алексей Алексеевич отличался небывало возвышенными чувствами и всякий раз, когда он произносил слова «стяг», «фанфара» или даже просто «эполеты», по лицу его бежала слеза умиления.

В 16-<м> году Алексей Алексеевич был ранен в чресла и удален с фронта.

Как инвалид I категории, Алексей Алексеевич не служил и, пользуясь свободным временем, излагал на бумаге свои патриотические чувства.

Однажды, беседуя с Константином Лебедевым, Алексей Алексеевич сказал свою любимую фразу: «Я пострадал за Родину и разбил свои чресла, но существую силой убеждения своего заднего подсознания».

— И дурак! — сказал ему Константин Лебедев. — Наивысшую услугу родине окажет только ЛИБЕРАЛ.

Почему-то эти слова глубоко запали в душу Алексея Алексеевича, и вот в 17-м году он уже называет себя либералом, чреслами своими пострадавшими за отчизну.

Революцию Алексей Алексеевич воспринял с восторгом, несмотря даже на то, что был лишен пенсии. Некоторое время К. Л. снабжал его тростниковым сахаром, шоколадом, консервированным салом и пшенной крупой. Но когда Константин Лебедев вдруг неизвестно куда пропал, Алексею Алексеевичу пришлось выйти на улицу и просить подаяния. Сначала Алексей Алексеевич протягивал руку и говорил: «Подайте, Христа ради, чреслами своими постра-

давшему за Родину». Но это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич заменил слово «родину» словом «революцию». Но и это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич сочинил революционную песню и, завидя на улице человека, способного, по мнению Алексея Алексеевича, подать милостыню, делал шаг вперед и, гордо, с достоинством, откинув назад голову, начинал петь:

На баррикады
мы все пойдем!
За свободу
мы все покалечимся и умрем!

И лихо, по-польски притопнув каблуком, Алексей Алексеевич протягивал шляпу и говорил: «Подайте милостыню, Христа ради». Это помогало, и Алексей Алексеевич редко оставался без пищи.

Все шло хорошо, но вот в 22-м году Алексей Алексеевич познакомился с неким Иваном Ивановичем Пузыревым, торговавшим на Сенном рынке подсолнечным маслом. Пузырев пригласил Алексея Алексеевича в кафе, угостил его настоящим кофе и сам, чавкая пирожными, изложил ему какое-то сложное предприятие, из которого Алексей Алексеевич понял только, что и ему надо что-то делать, за что он будет получать от Пузырева ценнейшие продукты питания. Алексей Алексеевич согласился, и Пузырев тут же, в виде поощрения, передал ему под столом два цибика чая и пачку папирос «Раджа».

С этого дня Алексей Алексеевич каждое утро приходил на рынок к Пузыреву и, получив от него какие-то бумаги с кривыми подписями и бесчисленными печатями, брал саночки, если это происходило зимой, или, если это происходило летом, — тачку и отправлялся, по указанию Пузырева, по разным учреждениям, где, предъявив бумаги, получал какие-то ящики, которые грузил на свои саночки или тележку и вечером отвозил их Пузыреву на квартиру. Но однажды, когда Алексей Алексеевич подкатил свои са-

ночки к пузыревской квартирке, к нему подошли два человека, из которых один был в военной шинели, и спросили его: «Ваша фамилия — Алексеев?» Потом Алексея Алексеевича посадили в автомобиль и увезли в тюрьму.

На допросах Алексей Алексеевич ничего не понимал и всё только говорил, что он пострадал за революционную родину. Но, несмотря на это, был приговорен к десяти годам ссылки в северные части своего отечества. Вернувшись в 28-м году обратно в Ленинград, Алексей Алексеевич занялся своим прежним ремеслом и, встав на углу пр. Володарского, закинул с достоинством голову, притопнул каблуком и запел:

На баррикады
мы все пойдем!
За свободу
мы все покалечимся и умрем!

Но не успел он пропеть это и два раза, как был увезен в крытой машине куда-то по направлению к Адмиралтейству. Только его и видели.

Вот краткая повесть жизни доблестного рыцаря и патриота Алексея Алексеевича Алексеева.

<1934-1936>

43

Не знаю, почему все думают, что я гений; а по-моему, я не гений. Вчера я говорю им: Послушайте! Какой же я гений? А они мне говорят: Такой! А я им говорю: Ну какой же такой? А они не говорят, какой, и только и говорят, что гений и гений. А по-моему, я всё же не гений.

Куда не покажусь, сейчас же все начинают шептаться и на меня пальцами показывают. «Ну что это в самом деле!» — говорю я. А они мне и слова не дают сказать, того и гляди схватят и понесут на руках.

<1934-1936>

44

Иван Яковлевич Бобов проснулся в самом приятном настроении духа. Он выглянул из-под одеяла и сразу же увидел потолок. Потолок был украшен большим серым пятном с зеленоватыми краями. Если смотреть на пятно пристально, одним глазом, то пятно становилось похоже на носорога, запряжённого в тачку, хотя другие находили, что оно больше походит на трамвай, на котором сидит верхом великан, а впрочем, в этом пятне можно было усмотреть и очертание даже какого-то города. Иван Яковлевич посмотрел на потолок, но не в то место, где было пятно, а так, неизвестно куда, при этом он улыбнулся и сощурил глаза. Потом он вытаращил глаза и так высоко поднял брови, что лоб сложился как гармошка и чуть совсем не исчез, если бы Иван Яковлевич не сощурил глаза опять и вдруг, будто устыдившись чего-то, натянул одеяло себе на голову. Он сделал это так быстро, что из-под другого конца одеяла выставились голые ноги Ивана Яковлевича и сейчас же на большой палец левой ноги села муха. Иван Яковлевич подвигал этим пальцем и муха перелетела и села на пятку. Тогда Иван Яковлевич схватил одеяло обеими ногами, одной ногой он подцепил одеяло снизу, а другую ногу он вывернул и прижал ею одеяло сверху, и таким образом стянул одеяло со своей головы. «Шиш», — сказал Иван Яковлевич и надул щёки. Обыкновенно, когда Ивану Яковлевичу что-нибудь удавалось или, наоборот, что-нибудь совсем не выходило, Иван Яковлевич всегда говорил «Шиш»; разумеется, не громко и вовсе не для того, чтобы кто-нибудь это слышал, а так, про себя, самому себе. И вот, сказав «шиш», Иван Яковлевич сел на кровати и протянул руку к стулу, на котором лежали его брюки, рубашка и прочее бельё. Брюки Иван Яковлевич любил носить полосатые. Но раз действительно нигде нельзя было достать полосатых брюк. Иван Яковлевич и в Ленинградодежде был, и в Универмаге, и в Пассаже, и в Гостином дворе, и на Петроградской стороне

обошёл все магазины, даже куда-то на Охту съездил, но нигде полосатых брюк не нашёл. А старые брюки Ивана Яковлевича износились уже настолько, что одеть их стало невозможно. Иван Яковлевич зашивал их несколько раз, но наконец и это перестало помогать. Иван Яковлевич ещё раз обошёл все магазины и опять не найдя нигде полосатых брюк, решил наконец купить клетчатые. Но и клетчатых брюк нигде не оказалось. Тогда Иван Яковлевич решил купить себе серые брюки, но и серых нигде не нашёл. Не нашлись нигде и чёрные брюки, годные на рост Ивана Яковлевича. Тогда Иван Яковлевич пошёл покупать синие брюки, но пока он искал черные, пропали всюду и синие, и коричневые. И вот, наконец, Ивану Яковлевичу пришлось купить зелёные брюки с жёлтыми крапинками. В магазине Ивану Яковлевичу показалось, что брюки не очень уж яркого цвета и желтая крапинка вовсе не режет глаз. Но придя домой, <Иван Яковлевич> обнаружил, что одна штанина и точно будто благородного оттенка, но зато другая просто бирюзовая и желтая крапинка так и горит на ней. Иван Яковлевич попробовал вывернуть брюки на другую сторону, но там обе половины имели тяготение перейти в жёлтый цвет с зелёными горошинами и имели такой весёлый вид, что, кажись, вынеси такие штаны на эстраду после сеанса кинематографа, и ничего больше не надо, публика полчаса будет смеяться. Два дня Иван Яковлевич не решался надеть новых брюк, но когда старые разодрались так, что издали можно было видеть, что и кальсоны Ивана Яковлевича требуют починки, пришлось надеть новые брюки. Первый раз в новых брюках Иван Яковлевич вышел очень осторожно. Выйдя из подъезда, он посмотрел раньше в обе стороны, а убедившись, что никого поблизости нет, вышел на улицу и быстро зашагал по направлению к своей службе. Первым повстречался яблочный торговец с большой корзиной на голове. Он ничего не сказал увидя Ивана Яковлевича, и только когда Иван Яковлевич прошёл мимо, остановился и, так как корзина

не позволила повернуть голову, то яблочный торговец повернулся весь сам и посмотрел вслед Ивану Яковлевичу, может быть, даже покачал бы головой, если бы опять-таки не всё та же корзина. Иван Яковлевич бодро шёл вперёд, считая свою встречу с торговцем хорошим предзнаменованием, он не видел маневра торговца и утешал себя, что брюки не так уж бросаются в глаза. Теперь навстречу Ивану Яковлевичу шёл такой же служащий, как и он, с портфелем под мышкой. Служащий шёл быстро, зря по сторонам не смотрел, а больше смотрел себе под ноги. Поравнявшись с Иваном Яковлевичем, служащий скользнул взглядом по брюкам Ивана Яковлевича и остановился. Иван Яковлевич остановился тоже. Служащий смотрел на Ивана Яковлевича, а Иван Яковлевич на служащего.

— Простите, — сказал служащий, — вы не можете сказать мне, как пройти в сторону... этого... государственного... биржи?

— Это вам надо идти по мостовой... по мосту... нет, вам надо идти так, а потом так, — сказал Иван Яковлевич.

Служащий сказал спасибо и быстро ушёл, а Иван Яковлевич сделал несколько шагов вперёд, но увидав, что теперь навстречу ему идёт не служащий, а служащая, опустил голову и перебежал на другую сторону улицы. На службу Иван Яковлевич пришёл с опозданием и очень злой. Сослуживцы Ивана Яковлевича конечно обратили внимание на зелёные брюки со штанинами разного оттенка, но, видно, догадались, что это причина злости Ивана Яковлевича и расспросами его не беспокоили. Две недели мучился Иван Яковлевич, ходя в зелёных брюках, пока один из его сослуживцев, Апполлон Максимович

Шилов, не предложил Ивану Яковлевичу купить полосатые брюки самого Апполлона Максимовича, будто бы не нужные Апполлону Максимовичу.

<1934-1937>

45

В семь часов Николай Николаевич встал, поел сёмги и поехал на службу. На службе Николай Николаевич поел опять сёмги и, пройдя в отдел кадров, сел на подоконник и начал ругать начальство. Наругавшись вдосталь, Николай Николаевич перешёл в производственный отдел и просидел там до обеденного перерыва. Когда лакей обнёс всех подносом с бокалами пива в знак того, что обеденный перерыв уже наступил, Николай Николаевич перешёл в буфет и сел за отдельный столик пить чай. Однако, вместо чая, ему принесли кофе с творогом и Николай Николаевич, возмущённый встал из-за столика и, громко топая, вышел на площадку лестницы. На лестнице дуло со всех сторон и Н. Н. ушёл в уборную. Там у открытого окошка Н. Н. скрутил себе папироску и закурил. Тут в уборную вошёл Андрей Карлович и, не замечая Николая Николаевича, хотел сделать то, зачем он вошёл.

<1934-1937>

46

Я родился в камыше. Как мышь. Моя мать меня родила и положила в воду. И я поплыл. Какая то рыба с четырьмя усами на носу кружилась около меня. Я заплакал. И рыба заплакала. Вдруг мы увидели, что плывёт по воде каша. Мы съели эту кашу и начали смеяться. Нам было очень весело, мы поплыли по течению и встретили рака. Это был древний, великий рак; он держал в своих клешнях топор. За раком плыла голая лягушка. «Почему ты всегда голая, — спросил её рак, — как тебе не стыдно?» «Здесь ничего нет стыдного — ответила лягушка. —

Зачем нам стыдиться своего хорошего тела, данного нам природой, когда мы не стыдимся своих мерзких поступков, созданных нами самими?» «Ты говоришь правильно, — сказал рак. — И я не знаю как тебе на это ответить. Я предлагаю спросить об этом человека, потому что человек умнее нас. Мы же умны только в баснях, которые пишет про нас человек, т.-ч. и тут выходит, что опять-таки умён человек, а не мы». Но тут рак увидел меня и сказал: «Да и плыть никуда не надо, потому что вот он — человек». Рак подплыл ко мне и спросил: «Надо ли стесняться своего голого тела? Ты человек и ответь нам». «Я человек и отвечу вам: не надо стесняться своего голого тела».

<1934-1937>

47

Говорят, скоро всем бабам обрежут задницы и пустят их гулять по Володарской.

Это неверно! Бабам задниц резать не будут.

<Середина 1930-х>

48

О наших гостях

Наши гости все различные: у одного, например, щека такая, что хуже не придумаешь. А то ходит к нам одна дама, так она, просто смешно даже сказать, на что похожа. И поэт ходит к нам один: весь в волосах и всегда чем-то встревожен. Умора! А то ещё один инженер ходит, так он однажды у нас в чаю какую-то дрянь нашел. А когда гости у нас очень уж долго засидятся, я их просто вон гоню. Вот и всё тут...

<Середина 1930-х>

49

Однажды Антон Бобров сел в автомобиль и поехал в город.

Автомобиль наскочил на ломанные грабли.

Лопнула шина.

Антон Бобров сел на кочку возле дороги и задумался.

Вдруг что-то сильно ударило Антона Боброва по голове.

Антон Бобров упал и потерял сознание.

<Середина 1930-х>

50

Липавского начала мучать кислая отрыжка. Бедный Липавский мучался ужасно. Этот вечно смертельный вкус во рту и постоянное жжение в пищеводе способно довести человека до исступления.

Жена Липавского, Тамара, заявила, что если это будет так продолжаться, то она начнет подыскивать себе нового мужа. Липавский отнёсся к словам своей жены довольно скептически и даже попробовал сострить. Но в тот момент, когда он острил, произошла отрыжка. Желая скрыть это неприятное явление, Липавский мотнул головой и дернул плечами, надув при этом щеки. Однако отрыжка оказалась сильнее, чем можно было ожидать, и с громким звуком вылетела изо рта.

Тамара вскочила и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Липавский кинулся было вдогонку, но по дороге опять громко икнул и, махнув рукой, вернулся обратно. А Тамара выбежала на улицу и помчалась по Большому проспекту.

2. Тамара пришла к Заболоцкому и сказала: «Хотите стать моим мужем?» Заболоцкий отказался, мотивируя свой отказ тем, что он уже женат на Екатерине Васильевне. Тогда Тамара, оскорбленная, вышла от Заболоцких и позвонила к Олейниковым.

Дверь открыла Лариса. Тамара бросилась Ларисе на шею и разрыдалась. Лариса, узнав в чем дело, посоветовала Тамаре обратиться к холостому.

<Середина 1930-х>

51

Один толстый человек придумал способ похудеть. И похудел. К нему стали приставать дамы, расспрашивая его, как он добился того, что похудел. Но похудевший отвечал дамам, что мужчине худеть к лицу, а дамам не к лицу, что, мол, дамы должны быть полными. И он был глубоко прав.

<Март 1930-е>

52

Человек с глупым лицом съел антрекот, икнул и умер. Официанты вынесли его в коридор, ведущий к кухне, и положили его на пол вдоль стены, прикрыв грязной скатертью.

<Середина 1930-х>

53
История

Абрам Демьянович Понтопасов громко вскрикнул и прижал к глазам платок. Но было поздно. Пепел и мягкая пыль залепила глаза Абрама Демьяновича. С этого времени глаза Абрама Демьяновича начали болеть, постепенно покрылись они противными болячками и Абрам Демьянович ослеп.

Слепого инвалида Абрама Демьяновича вытолкали со службы и назначили ему мизерную пенсию в 36 руб. в месяц.

Совершенно понятно, что этих денег не хватало на жизнь Абраму Демьяновичу. Кило хлеба стоило рубль десять копеек, а лук-порей стоил 45 копеек на рынке.

И вот инвалид труда стал всё чаще и чаще прикладываться к выгребным ямам.

Трудно было слепому среди всей шелухи и грязи найти съедобный отброс.

А на чужом дворе и самую-то помойку найти не легко. Глазами-то не видать, а спросить: «где тут у вас помойная яма?» — как-то неловко.

Оставалось только нюхать.

Некоторые помойки так пахнут, что за версту слышно, а другие, которые с крышкой, совершенно найти невозможно.

Хорошо, если дворник добрый попадётся, а другой так шугнёт, что всякий аппетит пропадает.

Однажды Абрам Демьянович залез на чужую помойку, а его там укусила крыса, он и вылез обратно. Так в этот день и не ел ничего.

Но вот как-то утром у Абрама Демьяновича что-то отскочило от правого глаза.

Абрам Демьянович протёр этот глаз и вдруг увидел свет. А потом и от левого глаза что-то отскочило и Абрам Демьянович прозрел.

С этого дня Абрам Демьянович пошёл в гору.

Всюду Абрам Демьянович нарасхват.

А в Наркомтяжпроме так там Абрама Демьяновича чуть на руках не носили.

И стал Абрам Демьянович великим человеком.

Даниил Хармс
8 января 1935

54

Карьера Ивана Яковлевича Антонова

Это случилось ещё до революции.

Одна купчиха зевнула, а к ней в рот залетела кукушка.

Купец прибежал на зов своей супруги и, моментально сообразив в чем дело, поступил самым остроумным способом.

С тех пор он стал известен всему населению города и его выбрали в сенат.

Но прослужив года четыре в сенате, несчастный купец однажды вечером зевнул и ему в рот залетела кукушка.

На зов своего мужа, прибежала купчиха и поступила самым остроумным способом.

Слава об её находчивости распространилась по всей губернии и купчиху повезли в столицу показать митрополиту.

Выслушивая длинный рассказ купчихи, митрополит зевнул и ему в рот залетела кукушка.

На громкий зов митрополита прибежал Иван Яковлевич Григорьев и поступил самым остроумным способом.

За это Ивана Яковлевича Григорьева переименовали в Ивана Яковлевича Антонова и представили царю.

И вот теперь становится ясным, каким образом Иван Яковлевич Антонов сделал себе карьеру.

Даниил Хармс
8 января 1935 года.

55
Праздник

На крыше одного дома сидели два чертежника и ели гречневую кашу.

Вдруг один из чертежников радостно вскрикнул и достал из кармана длинный носовой платок. Ему пришла в голову блестящая идея завязать в кончик платка двадцатикопеечную монетку и швырнуть это все с крыши вниз на улицу, и посмотреть, что из этого получится.

Второй чертежник, быстро уловив идею первого, доел гречневую кашу, высморкался и, облизав себе пальцы, принялся наблюдать за первым чертежником.

Однако внимание обоих чертежников было отвлечено от опыта с платком и двадцатикопеечной монеткой. На крыше, где сидели оба чертежника, произошло событие, не могущее быть незамеченным.

Дворник Ибрагим приколачивал к трубе длинную палку с выцветшим флагом.

Чертежники спросили Ибрагима, что это значит, на что Ибрагим отвечал: «Это значит, что в городе праздник». — «А какой же праздник, Ибрагим?» — спросили чертежники.

«А праздник такой, что наш любимый поэт сочинил новую поэму!» — сказал Ибрагим.

И чертежники, устыжённые своим незнанием, растворились в воздухе.

Даниил Хармс
9 января 1935

56
Происшествие на улице

Однажды один человек соскочил с трамвая, да так неудачно, что попал под автомобиль.

Движение уличное остановилось и милиционер принялся выяснять, как произошло это несчастье.

Шофер долго что-то объяснял, показывая пальцем на передние колёса автомобиля.

Милиционер ощупал эти колёса и записал чего-то в свою книжечку.

Вокруг собралась довольно многочисленная толпа.

Какой-то гражданин с тусклыми глазами всё время сваливался с тумбы.

Какая-то дама всё оглядывалась на другую даму, а та, в свою очередь, всё оглядывалась на первую даму.

Потом толпа разошлась и уличное движение вновь восстановилось.

Но гражданин с тусклыми глазами долго ещё валился с тумбы, но наконец и он прекратил своё занятие.

В это время какой-то человек, несший стул, видно, только что купленный, — со всего размаху угодил под трамвай.

Опять пришёл милиционер, опять собралась толпа, и остановилось уличное движение, и гражданин с тусклыми глазами опять начал сваливаться с тумбы.

Ну а потом всё опять стало хорошо, и даже Иван Семёнович Карпов завернул в столовую.

Даниил Хармс
10 января 1935 года

57

Неожиданная попойка

Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской.

Сильно оскорбленный Петр Леонидович, муж Антонины Алексеевны, заперся в ванной комнате и никого туда не пускал.

Однако жильцы коммунальной квартиры, имея сильную нужду пройти туда, где сидел Пётр Леонидович, решили силой взломать запертую дверь.

Видя, что его дело проиграно, Пётр Леонидович вышел из ванной комнаты и, пройдя к себе, лёг на кровать.

Но Антонина Алексеевна решила преследовать своего мужа до конца. Она нарвала мелких бумажек и посыпала ими лежащего на кровати Петра Леонидовича.

Взбешённый Пётр Леонидович выскочил в коридор и принялся там рвать обои.

Тут выбежали все жильцы и видя, что делает несчастный Пётр Леонидович, накинулись на него и разодрали на нём жилетку.

Пётр Леонидович побежал в ЖАКТ.

В это время Антонина Алексеевна разделась догола и спряталась в сундук.

Через десять минут вернулся Пётр Леонидович, ведя за собой управдома.

Не найдя жены в комнате, Управдом и Пётр Леонидович решили воспользоваться свободным помещением и выпить водочки. Пётр Леонидович взялся сбегать за этим напитком на угол.

Когда Пётр Леонидович ушёл, Антонина Алексеевна вылезла из сундука и предстала в голом виде перед управдомом.

Потрясённый управдом вскочил со стула и подбежал к окну, но, видя мощное сложение молодой двадцатишестилетней женщины, вдруг пришёл в дикий восторг.

Тут вернулся Пётр Леонидович с литром водки.

Увидя, что творится в его комнате, Пётр Леонидович нахмурил брови.

Но его супруга Антонина Алексеевна показала ему служебную печать и Пётр Леонидович успокоился.

Антонина Алексеевна высказала желание принять участие в попойке, но обязательно в голом виде да ещё вдобавок сидя на столе, на котором предполагалось разложить закуску к водке.

Мужчины сели на стулья, Антонина Алексеевна села на стол и попойка началась.

Нельзя назвать это гигиеничным, если голая молодая женщина сидит на том же столе, где едят. К тому же Антонина Алексеевна была женщиной довольно полного сложения и не особенно чистоплотной, так что было вообще чёрт знает что.

Скоро, однако, все напились и заснули, мужчины на полу, а Антонина Алексеевна на столе.

И в коммунальной квартире водворилась тишина.

Д. Х.
22 янв<аря> 1935 года

58

Лидочка сидела на корточках и деревянным стаканчиком копала песок.

Рядом на скамейке сидела плечистая девка с пухлыми губами и толстыми икрами. Это была Анюта, Лидочкина нянька. Обыкновенно к ней подсаживался военный, брал её за руки и так они сидели, пока Лидочка играла в песочке. На этот раз военный почему-то не пришёл и Анюта сидела на скамейке, положив ногу на ногу и злыми глазами поглядывая на проходящих мимо мужчин.

Лидочка подбросила песок на воздух, песок полетел по ветру и попал няньке в глаза.

— Лидка! не смей бросаться песком! — крикнула Анюта.

Лидочка нарочно подбросила на воздух ещё целую горсть песку.

Анюта вскочила со скамейки, схватила Лидочку за руку и потащила е<ё> к выходу. Лидочка молча шла за Анютой.

Мимо пробежала маленькая собачка с бубенчиком на спине. Лидочка хотела остановиться и посмотреть на собачку, но Анюта дернула Лидочку за руку и повела её дальше.

— Нечего на каждую собаку останавливаться, — говорила нянька, таща Лидочку к выходу.

Лидочка злилась, но сознавая, что Анюта сильнее, покорно шла дальше, стараясь только правой ногой поднять с дорожки как можно больше пыли.

У самого выхода к ним подошёл военный, который обыкновенно подсаживался к Анюте и брал её за руки. Увидя военного, Анюта выпустила из своих рук Лидочкину ручку и пошла навстречу военному, на ходу одергивая свою юбку.

Лидочка выбежала из сада и побежала по панели. Старуха с корзинкой, в которой лежали красные леденцы и мятные пряники, увидя Лидочку, хлопнула в ладоши и крикнула:

— Куда! Куда! Ишь как быстро!

Лидочка перебежала через мостик, спотыкнулась о какую-то деревянную шашку, ударилась о чью-то ногу, повернула за какой-то дом и вдруг увидала перед собой совершенно незнакомую улицу.

Лидочка хотела повернуть обратно, но из ворот дома выехал задом грузовой автомобиль, встал поперёк панели и преградил Лидочке дорогу.

Лидочка потопталась на месте, поморгала глазами и вдруг громко заплакала.

— Девочка, девочка! О чем плачете? Не плачьте, барышня! Пойдемте со мной, угощу вас шеколадкой!

Лидочка подняла глаза и увидела перед собой старичка в золотых очках, в белом картузе, засаленном клетчатом пиджаке и коротких, до щиколотки, брюках, из-под которых виднелись грязные шёлковые носки ярко зелёного цвета.

— Пойдемте, барышня, ко мне, мы вас успокоим! — говорил старичок, шевеля серыми колючими

усиками и маленькой бородкой, похожей на воробьиный хвостик.

Старичок протянул руку и взял Лидочку за плечо.

— Девочка, девочка! Пойдемте скорее со мной. Перестаньте плакать. Сейчас мы вас успокоим. Найдем папу, маму и домой приведём, — говорил старичок, подталкивая Лидочку к дому. Руки у старичка дрожали. Старичёк хватал Лидочку то за головку, то за плечо, то прямо за подбородок. От старичка пахло одеколоном и корытом, в котором моют грязное бельё. Старичок семенил ножками и, все подталкивая Лидочку, очутился с ней в подъезде дома.

— Не хочу сюда! — закричала Лидочка.

С улицы в подъезд заглянула дама с портфелем подмышкой.

Старичок улыбнулся в сторону дамы и сжав пальцем шею Лидочки сказал:

— Ну зюся! зюся! не капризничай. Промочила ножки и пойдем скорее домой кашку есть. Ты видишь, папа тебя очень любит!

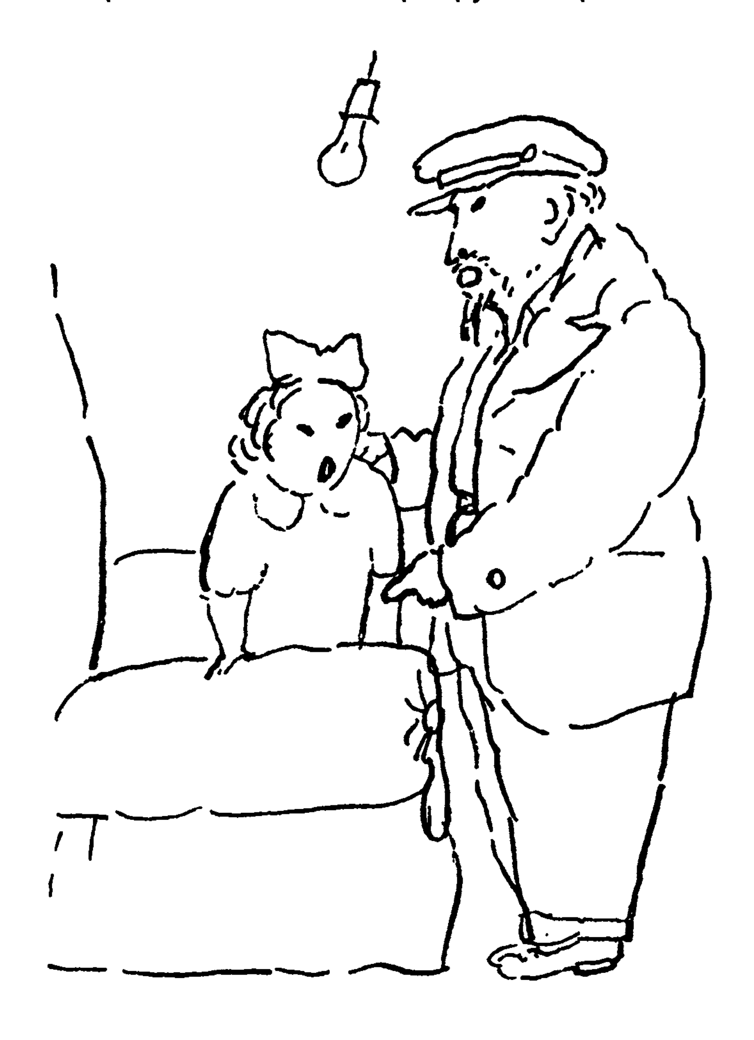
И несмотря на сопротивление Лидочки, поволок её вверх по лестнице.

Лидочка начала кричать, но старичок зажал ей рот и глаза рукой. Лидочка слышала как старичок возился и пыхтел около двери, стараясь её открыть, не выпуская Лидочки из рук. Потом Лидочку подняли на воздух, пронесли несколько шагов и положили на что-то шершавое и колючее. Лидочка открыла глаза и увидела себя на старом бархатном диване, в длинной узкой комнате с грязными пустыми стенами и серым потрескавшимся потолком. Кроме дивана, в комнате стояло большое корявое кресло с деревянным сиденьем и два ломберных стола. На одном столе лежала груда грязного тряпья, а на другом битая и не мытая посуда с объедками пищи. Больше в комнате ничего не было, если не считать висевшего на стене огромного, треснутого в длину и заклеенного полоской жёлтой бумаги зеркала, вонючего ведра между окном и диваном и разбросанных по всему полу спичек, окурков и пустых консервных банок. В

комнате, несмотря на день, горело электричество, тусклая лампочка под потолком. Окно было занавешено толстым стёганым одеялом.

Старичок стоял над диваном и, как кролик, двигая губами, усами и носом, смотрел на Лидочку.

Лидочка села на диван и хотела уже заплакать, но старичок опять зажал ей рот рукой и прошипел:

— Заплачите, барышня, так я вам больно сделаю, возьму и оторву вашу головку. Вы умрете и ваша мама вас больше не увидит.

Лидочка заплакала. Старичок еще сильнее сжал ей рот. Лидочка начала отбиваться, но старичок повалил её на диван и грязным пальцем полез ей в рот. Лидочка закричала во весь голос. Но старичок засунул свой палец прямо Лидочке в глотку, Лидочка поперхнулась и закашлялась.

— Замолчи! — сказал ей старичок и вдруг прибавил страшным голосом: — Если закричишь, я тебя начну разрывать!

Голос был такой страшный, что Лидочка замолчала.

Старичок сел на диван рядом с Лидочкой.

— Ну вот, — сказал старичок, двигая около Лидочкиного лица своими вонючими пальцами с длинными коричневыми ногтями, — ну вот барышня и успокоились. Вы меня, барышня, напрасно боитесь. Я ведь добрый-добрый. И зовут меня дядя Мика. Дядя Мика любит таких маленьких барышень, как вы. Дядя Мика играет с такими барышнями в разные игры и угощает маленьких барышень вкусными шеколадными пумпошками. Дядя Мика очень добрый. Сейчас добрый дядя Мика разденет маленькую барышню и положит ее голенькую на шёлковую подушку.

С этими словами дядя Мика начал раздевать Лидочку. Лидочка была так напугана, что молчала и не сопротивлялась. Дядя Мика снял с неё платьице, рубашечку и штанишки и Лидочка осталась голенькая, в одних только туфельках и носочках.

Старичок кинулся на Лидочку и Лидочке показалось, что он сейчас укусит её за живот. Лидочка закричала. Сейчас же дядя Мика всунул ей в рот свой палец.

— Молчать! — крикнул дядя Мика и ласковым голосом прибавил: — А если маленькая барышня не замолчит, мы ещё дальше воткнём ей в горлышко свой палец, а потом выбросим маленькую барышню

в окошко. Маленькая барышня упадёт и сломает все свои маленькие косточки.

Лидочка молчала и с ужасом смотрела на старичка. А старичок опять уткнулся лицом в Лидочкин животик. Колючие борода и усы кололи Лидочку.

— Дядя Мика! Дядя Мика! — тихо кричала Лидочка.

Но дядя Мика опять сунул палец Лидочке в рот.

В это время в дверь постучали.

— Кто там? — резким голосом спросил дядя Мика, зажимая Лидочке рот.

— Откройте! у вас девочка! — крикнул за дверью женский голос.

— У меня никого нет! — ответил дядя Мика.

Лидочка высвободила рот и собралась громко заплакать. Дядя Мика схватил Лидочку за горло и начал её душить.

— Не смей пикнуть! — прохрипел дядя Мика.

— Откройте дверь! — раздался из коридора мужской голос.

Потом этого противного старика высекли и посадили в тюрьму, а Лидочку вернули к папе и маме.

<Сентябрь 1935>

59

Теперь я расскажу, как я родился, как я рос и как обнаружились во мне первые признаки гения. Я родился дважды. Произошло это вот так:

Мой папа женился на моей маме в 1902 году, но меня мои родители произвели на свет только в конце 1905 года, потому что папа пожелал, чтобы его ребёнок родился обязательно на новый год. Папа рассчитывал, что зачатие должно произойти 1-го апреля и только в этот день подъехал к маме с предложением зачать ребенка.

Первый раз папа подъехал к моей маме 1-го апреля 1903 года. Мама давно ждала этого момента и страшно обрадовалась. Но папа, как видно, был в

очень шутливом настроении и не удержался и сказал маме «с первым апрелем!»

Мама страшно обиделась и в этот день не подпустила папу к себе. Пришлось ждать до следующего года.

В 1904 году, 1-го апреля, папа начал опять подъезжать к маме с тем же предложением. Но мама, помня прошлогодний случай, сказала, что теперь она уже больше не желает оставаться в глупом положении, и опять не подпустила к себе папу. Сколько папа не бушевал, ничего не помогло.

И только год спустя удалось моему папе уломать мою маму и зачать меня.

И так моё зачатие произошло 1-го апреля 19<0>5 года.

Однако все папины рассчёты рухнули, потому что я оказался недоноском и родился на четыре месяца раньше срока.

Папа так разбушевался, что акушерка, принявшая меня, растерялась и начала запихивать меня обратно, откуда я только что вылез.

Присутствовавший при этом один наш знакомый студент Военно-медицинской Академии заявил, что запихивать меня обратно не удастся. Однако, несмотря на слова студента, меня всё же запихали, но, правда, как потом выяснилось, запихать-то запихали, да второпях не туда.

Тут началась страшная суматоха. Родительница кричит: «Подавайте моего ребёнка!» А ей отвечают: «Ваш, говорят, ребёнок находится внутри вас». «Как! — кричит родительница. — Как ребёнок внутри меня, когда я его только что родила!» «Но, — говорят родительнице, — может быть вы ошибаетесь?» «Как! — кричит родительница — ошибаюсь! Разве я могу ошибаться! Я сама видела, что ребенок только что вот тут лежал на простыне!» «Это верно, — говорят родительнице, — но, может быть, он куда-нибудь заполз». Одним словом, и сами не знают, что сказать родительнице.

А родительница шумит и требует своего ребёнка.

Пришлось звать опытного доктора. Опытный доктор осмотрел родительницу и руками развёл, однако всё же сообразил и дал родительнице хорошую порцию английской соли. Родительницу пронесло и таким образом я вторично вышел на свет.

Тут опять папа разбушевался, дескать, это, мол, ещё нельзя назвать рождением, что это, мол, ещё не человек, а скорее наполовину зародыш и что его следует либо опять обратно запихать, либо посадить в инкубатор.

И вот посадили меня в инкубатор.

25 сентября
1935 года

60

Инкубаторный период

В инкубаторе я просидел четыре месяца. Помню только, что инкубатор был стеклянный, прозрачный и с градусником. Я сидел внутри инкубатора на вате. Больше я ничего не помню.

Через четыре месяца меня вынули из инкубатора. Это сделали как раз 1-го января 1906 года. Таким образом, я как бы родился в третий раз. Днём моего рождения стали считать именно 1-ое января.

«Сентябрь 1935»

61

О драме

Лошкин (*прихрамывая входит в комнату*). Товарищи! Послушайте! Я скажу несколько слов о драме.

Все снимают шляпы и слушают.

Лошкин: В драме должно иметься оправдание драмы. В комедии легче, там оправдание смех. Труднее в трагедии.

Кугель: Можно мне вставить своё слово?

Лошкин: Ну говорите.

Кугель: Вы обратили внимание, что тема, недостаточная для прозаического произведения, бывает достаточна для стихотворной вещи.

Лошкин: Совершенно правильно! Если тема была недостаточной, то вещь оправдывает стихи. Потому-то во времена расцвета драматического искусства трагедии писались стихами.

Все хором: Да, прозаическая драма — самый трудный вид творчества.

28 сентября 1935 года

62

Жил-был человек, звали его Кузнецов. Однажды сломалась у него табуретка. Он вышел из дома и пошёл в магазин купить столярного клея, чтобы склеить табуретку.

Когда Кузнецов проходил мимо недостроенного дома, сверху упал кирпич и ударил Кузнецова по голове.

Кузнецов упал, но сразу же вскочил на ноги и пощупал свою голову. На голове у Кузнецова вскочила огромная шишка.

Кузнецов погладил шишку рукой и сказал:

— Я, гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошёл в магазин, чтобы... чтобы... чтобы... Ах, что же это такое! Я забыл, зачем я пошёл в магазин.

В это время с крыши упал второй кирпич и опять стукнул Кузнецова по голове.

— Ах! — вскрикнул Кузнецов, схватился за голову и нащупал на голове вторую шишку.

— Вот так история! — сказал Кузнецов. — Я, гражданин

Кузнецов, вышел из дома и пошел в... пошел в... пошел в... куда же я пошел? Я забыл, куда я пошел!

Тут сверху на Кузнецова упал третий кирпич. И на голове Кузнецова вскочила третья шишка.

— Ай-ай-ай! — закричал Кузнецов, хватаясь за голову. — Я, гражданин Кузнецов, вышел из... вышел из... вышел из погреба? Нет. Вышел из бочки? Нет! Откуда же я вышел?

С крыши упал четвертый кирпич, ударил Кузнецова по затылку, и на затылке у Кузнецова вскочила четвертая шишка.

— Ну и ну! — сказал Кузнецов, почесывая затылок. — Я... я... я... Кто же я? Никак я забыл, как меня зовут. Вот так история! Как же меня зовут? Василий Петухов? Нет. Николай Сапогов? Нет. Пантелей Рысаков? Нет. Ну кто же я?

Но тут с крыши упал пятый кирпич и так стукнул Кузнецова по затылку, что Кузнецов окончательно позабыл всё на свете и крикнув: «О-го-го!», побежал по улице.

Пожалуйста! Если кто-нибудь встретит на улице человека, у которого на голове пять шишек, то напомните ему. что зовут его Кузнецов и что ему нужно купить столярного клея и починить ломаную табуретку.

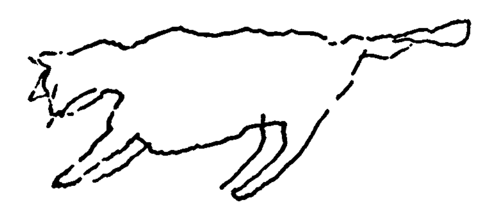
1 ноября 1935 года.

63

Окно, занавешенное шторой, всё больше и больше светлело, потому что начался день. Заскрипели полы, запели двери, в квартирах задвигали стульями. Ружецкий, вылезая из кровати, упал на пол и разбил себе лицо. Он торопился на службу и потому вышел на улицу, прикрыв лицо просто руками. Руки мешали Ружецкому видеть, куда он идёт, и потому он дважды налетал на афишную будку, толкнул какого-то старичка в коленкоровой шапке с ме-

ховыми наушниками, чем и привёл старичка в такую ярость, что случившийся тут поблизости дворник, старающийся поймать лопатой кошку, сказал расходившемуся старичку: «Стыдно, батька, в твоито годы так безобразничать!»

<1935>

64

Басня

Один человек небольшого роста сказал: «Я согласен на всё, только бы быть хоть капельку повыше».

Только он это сказал, как смотрит — стоит перед ним волшебница.

— Чего ты хочешь? — говорит волшебница.

А человек небольшого роста стоит и от страха ничего сказать не может.

— Ну! — говорит волшебница.

А человек небольшого роста стоит и молчит. Волшебница исчезла.

Тут человек небольшого роста начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках все ногти сгрыз, а потом на ногах.

Читатель, вдумайся в эту басню и тебе станет не по себе.

<1935>

65

Новая Анатомия

У одной маленькой девочки на носу выросли две голубые ленты. Случай особенно редкий, ибо на одной ленте было написано «Марс», а на другой — «Юпитер».

1935

66

Одна особа, ломая в горести руки, говорила: «Мне нужен интерес в жизни, а вовсе не деньги. Я ищу увлечения, а не благополучия. Мне нужен муж не богач, а талант, режиссёр, Мейерхольд».

<1935?>

67

Я не люблю детей, стариков, старух и благоразумных пожилых.

Травить детей — это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!

Я уважаю только молодых здоровых пышных женщин. К остальным представителям человечества я отношусь подозрительно.

Старух, которые носят в себе благоразумные мысли, хорошо бы ловить арканом.

Всякая морда благоразумного фасона вызывает во мне неприятное ощущение.

Что такое цветы? У женщин между ног пахнет значительно лучше. То и то природа, а потому никто не смеет возмущаться моим словом.

<Вторая пол. 1930-х>

68

Он был так грязен, что однажды, рассматривая свои ноги, он нашёл между пальцев засохшего клопа, которого, видно, носил на ноге уже несколько дней.

<Вторая пол. 1930-х>

69

Одному французу подарили диван, четыре стула и кресло.

Сел француз на стул у окна, а самому хочется на диване полежать. Лёг француз на диван, а ему уже на кресле посидеть хочется. Встал француз с дивана и сел на кресло, как король, а у самого мысли в голове уже такие, что на кресле-то больно пышно. Лучше попроще, на стуле. Пересел француз на стул у окна, да только не сидится французу на этом стуле, потому что в окно как-то дует. Француз пересел на стул возле печки и почувствовал, что он устал. Тогда француз решил лечь на диван и отдохнуть, но, не дойдя до дивана, свернул в сторону и сел на кресло.

— Вот где хорошо! — сказал француз, но сейчас же прибавил: — а на диване-то, пожалуй, лучше.

<Вторая пол. 1930-х>

70

Личное переживание одного музыканта

Меня назвали извергом.
А разве это не так?

Нет, это не так. Доказательств я приводить не буду.

Я слышал, как моя жена говорила в телефонную трубку какому-то Михюсе, что я глуп.

Я сидел в это время под кроватью и меня не было видно.

О! что я испытывал в этот момент!

Я хотел выскочить и крикнуть: «Нет, я не глуп»!

Воображаю, что бы тут было!

Я опять сидел под кроватью и не был виден.

Но зато мне-то было видно, что этот самый Михюся проделал с моей женой.

Сегодня моя жена опять принимала этого Михюсю.

Я начинаю думать, что я, в глазах жены, перехожу на задний план.

Михюся даже лазал в ящиках моего письменного стола.

Я сам сидел под кроватью и не был виден.

Я сидел опять под кроватью и не был виден.

Жена и Михюся говорили обо мне в самых неприятных тонах.

Я не вытерпел и крикнул им, что они всё врут.

Вот уже пятый день, как меня избили, а кости всё ещё ноют.

Д. Х.
<1935-1936>

71

Смерть старичка

У одного старичка из носа выскочил маленький шарик и упал на землю. Старичок на-

гнулся, чтобы поднять этот шарик, и тут у него из глаза выскочила маленькая палочка и тоже упала на землю. Старичок испугался и, не зная, что делать, пошевелил губами. В это время у старичка изо рта выскочил маленький квадратик. Старичок схватил рот рукой, но тут у старичка из рукава выскочила маленькая мышка. Старичку от страха сделалось нехорошо и он, чтобы не упасть, сел на корточки. Но тут в старичке что-то хрустнуло и он, как мягкая плюшевая шуба, повалился на землю. Тут у старичка из прорешки выскочил длинненький прутик и на самом конце этого прутика сидела тоненькая птичка. Старичок хотел крикнуть, но у него одна челюсть зашла за другую, и он, вместо того, чтобы крикнуть, только слабо икнул и закрыл один глаз. Другой глаз у старичка остался открытым и, перестав двигаться и блестеть, стал неподвижным и мутным, как у мёртвого человека. Так настигла коварная смерть старичка, не знавшего своего часа.

<1935-1936>

72

В одном большом городе на главной улице стояла интересная дама, в длинном котиковом манто с голыми руками. На голове у этой дамы была маленькая шапочка, сделанная из меха, имеющего очень короткий ворс. В зубах эта дама держала папироску, но папироска давно уже потухла и дым её давно уже разлетелся. Дама была очень красива: нос у неё был прямой, с маленькой горбинкой внизу и с изящным поворотом наверху. Глаза у дамы были голубые, но такие глубокие, что казались не то чёрными, не то не чёрными, а карими. Ноздри у дамы были большие, но так устроены, что каждый прохожий мог заглянуть в них, не замедляя шага, и, оставшись довольным содержимым носа красавицы, продолжать свой путь.

Красивая дама, как видно, ждала трамвая или автобуса. Она вынула изо рта папироску, бросила её на землю и затоптала ногой.

Вдруг к этой даме подошёл интересный молодой человек, одетый во всё клетчатое. Видно было, что он только что из парикмахерской, где его побрили, но нечайно полоснули бритвой по щеке, потому что поперёк лица молодого человека шёл свежий ещё пластырь. Подойдя к даме, молодой человек, в знак приветствия, поднял обе руки, причём от этого движения справа под мышкой у него лопнул пиджак и оттуда выглянуло что-то фиолетовое.

— А, это вы, — радостно сказала дама, облизывая губы.

— А я думал, что это не вы, — сказал молодой человек и наклонил голову на бок, при этом он шаркнул ножкой, но, как видно, неудачно, потому что от сапога той ноги, которой шаркнул молодой человек, отлетел каблук.

— Фу, какая досада! — сказал молодой человек, поднимая каблук и вертя его в руке.

— Бывает, — сказала дама, пожимая плечами. — Я вот жду трамвая или автобуса.

— Ну? — сказал молодой человек, ещё раз посмотрев на каблук и отбрасывая его в сторону, — Пойдемте в Европейку.

— В Европейку? — спросила дама. — Ну ладно. Идёт. В Европейку так в Европейку!

Дама тряхнула головой и взяла молодого человека под руку.

— Как я вас неожиданно встретил. — сказал молодой человек, идя прихрамывая рядом с красивой дамой.

<1935-1936>

73

Однажды Марина сказала мне, что к ней в кровать приходил Шарик. Кто такой этот Шарик или что это такое, мне это выяснить не удалось.

Несколько дней спустя этот Шарик приходил опять. Потом он стал приходить довольно часто, примерно раз в три дня.

Меня не было дома. Когда я пришел домой, Марина сказала мне, что звонил по телефону Синдерюшкин и спрашивал меня. Я, видите ли, был нужен какому-то Синдерюшкину!

Марина купила яблок. Мы съели после обеда несколько штук и, кажется, два яблока оставили на вечер. Но когда вечером я захотел получить свое яблоко, то яблока не оказалось. Марина сказала, что приходил Миша-официант и унес яблоки для салата. Сердцевины яблок ему были не нужны, и он вычистил

яблоки в нашей же комнате, а сердцевины выбросил в корзинку для ненужной бумаги.

Я выяснил, что Шарик, Синдерюшкин и Миша живут обыкновенно у нас в печке. Мне это мало понятно,— как они там устроились.

Я расспрашивал Марину о Шарике, Синдерюшкине и Мише. Марина увиливала от прямых ответов. Когда я высказал свои опасения, что компания эта, может быть, не совсем добропорядочная, Марина уверила меня, что это, во всяком случае, «Золотые сердца». Больше я ничего не мог добиться от Марины.

Со временем я узнал, что «Золотые сердца» получили не одинаковое образование. Вернее, Шарик получил среднее образование, а Синдерюшкин и Миша не получили никакого. У Шарика есть даже свои ученые труды. И поэтому он несколько свысока относится к остальным «Золотым сердцам».

Меня очень интересовало, какие это у Шарика ученые труды. Но это так и осталось неизвестным. Марина говорит, что он родился с пером в руках, но больше никаких подробностей об его ученой деятельности не сообщает. Я стал допытываться и, наконец, узнал, что он больше по сапожной части. Но имеет ли это отношение к ученой деятельности, мне узнать не удалось.

Однажды я узнал, что у «Золотых сердец» была вечеринка. Они сложились и купили маринованного угря. А Миша принес даже баночку с водкой. Вообще, Миша — любитель выпить.

У Шарика сапоги сделаны из пробочки.

Как-то вечером Марина сказала мне, что Синдерюшкин обругал меня хулиганом за то, что я наступил ему на ногу. Я тоже обозлился и просил Марину передать Синдерюшкину, чтобы он не болтался под ногами.

<1935-1936>

74

Петя входит в ресторан и присаживается к столику. Официант приносит карточку и кладет ее перед Петей. Петя выбирает «бёф-буп» и говорит официанту:

Петя: Дайте мне, если можно, бёф-буп.
Официант: Чего изволите?
Петя: Если можно, бёф-буп.
Официант: Как вы сказали?
Петя (*краснея*): Я говорю, мне бёф-буп.
Официант (*выпрямляясь*): Что прикажете?
Петя (*испуганно*): Дайте мне бёф...

(Официант выпрямляется, Петя вздрагивает и замолкает. Некоторое время — молчание)

Официант: Что прикажете подать?
Петя: Я бы хотел, если можно...
Официант: Чего изволите?
Петя: Беф-буп, беф-буп.
Официант: Как?
Петя: Беф...
Официант: Беф?
Петя (*радостно*): Буп!
Официант (*с удивлением*): Буп?
Петя (*кивая головой*): Беф-буп. беф-буп.
Официант (*задумчиво*): Беф-буп?
Петя: Если можно.

(Официант стоит задумавшись некоторое время, потом уходит. Петя придвигает стул к столу и собирается ждать. Через некоторое время появляется второй официант, подходит к Пете и кладет перед ним карточку. Петя с удивлением смотрит на официанта)

<1935-1936>

75

Ровно 56 лет тому назад родился Иван Андреевич Редькин. Теперь это такая знаменитость, что мне нет нужды говорить, кто он такой. Ведь подумать только, за пятьдесят шесть лет чего только успел сделать этот человек! Да, гений не шило — в мешке не утаишь.

Осознав день своего рождения, Иван Андреевич Редькин купил банку шпрот и спрятал её в ящик письменного стола.

— Я слишком знаменит, чтобы рассчитывать, что никто не придёт меня поздравить, — сказал сам себе Редькин. — А если кто-нибудь придёт, тут-то я и угощу его шпротами.

Иван Андреевич сел на кушетку и стал ждать.

В восемь часов вечера раздался звонок и Редькин кинулся отпереть наружную дверь. Но, добежав по коридору до ванной комнаты, Редькин понял, что он взял неправильное направление и повернул к прихожей. Однако, прибежав в прихожую, Редькин не мог сообразить, зачем он тут очутился, и медленно, волоча ноги, поплёлся обратно в свою комнату.

<1935-1937>

76

Воспоминания одного мудрого старика

Я был очень мудрым стариком.

Теперь я уже не то, считайте даже, что меня нет. Но было время, когда любой из вас пришел бы ко мне, и, какая бы тяжесть ни томила его душу, какие бы грехи ни терзали его мысли, я бы обнял его и сказал: «Сын мой, утешься, ибо никакая тя-

жесть души твоей не томит, и никаких грехов не вижу я в теле твоем», — и он убежал бы от меня счастливый и радостный.

Я был велик и силён. Люди, встречая меня на улице, шарахались в сторону, и я проходил сквозь толпу, как утюг.

Мне часто целовали ноги, но я не протестовал: я знал, что достоин этого. Зачем лишать людей радости почтить меня? Я даже сам, будучи чрезвычайно гибким в теле, попробовал поцеловать себе свою собственную ногу. Я сел на скамейку, взял в руки свою правую ногу и подтянул ее к лицу. Мне удалось поцеловать большой палец на ноге. Я был счастлив. Я понял счастье других людей.

Все преклонялись передо мной! И не только люди, даже звери, даже разные букашки ползали передо мной и виляли своими хвостами. А кошки! Те просто души во мне не чаяли и, каким-то образом сцепившись лапами друг с другом, бежали передо мной, когда я шел по лестнице.

В то время я был действительно очень мудр и всё понимал. Не было такой вещи, перед которой я встал бы в тупик. Одна минута напряжения моего чудовищного ума, и самый сложный вопрос разрешался наипростейшим образом. Меня даже водили в Институт Мозга и показывали ученым профессорам. Те электричеством измерили мой ум и просто опупели. «Мы никогда ничего подобного не видали», — сказали они.

Я был женат, но редко видел свою жену. Она боялась меня: колоссальность моего ума подавляла ее. Она не жила, а трепетала, и, если я смотрел на нее, она начинала икать. Мы долго жили с ней вместе, но потом она, кажется, куда-то исчезла; точно не помню.

Я был всегда справедлив и зря никого не бил, потому что когда кого-нибудь бьешь, то всегда шалеешь, и тут можно переборщить. Детей, например, никогда не надо бить ножом или вообще чем-нибудь железным, а женщин, наоборот: никогда не следует

бить ногой. Животные, те, говорят, выносливы. Но я производил в этом направлении опыты и знаю, что это не всегда так.

Благодаря своей гибкости, я мог делать то, чего никто не мог сделать. Так, например, мне удалось однажды достать рукой из очень извилистой фановой трубы заскочившую туда случайно серьгу моего брата. Я мог, например, спрятаться в сравнительно небольшую корзинку и закрыть за собой крышку.

Да, конечно, я был феноменален!

Мой брат был полная моя противоположность: во-первых, он был выше ростом, а во-вторых, глупее.

Мы с ним никогда не дружили. Хотя, впрочем, дружили, и даже очень. Я тут чего-то напутал: мы именно с ним не дружили и всегда были в ссоре. А поссорились мы с ним так: Я стоял около магазина; там выдавали сахар, и я стоял в очереди и старался не слушать, что говорят кругом. У меня немножечко болел зуб и настроение было неважное. На улице было очень холодно, потому что все стояли в ватных шубах и всё-таки мерзли. Я тоже стоял в ватной шубе, но сам не очень мерз, а мерзли мои руки, потому что то и дело приходилось вынимать их из кармана и поправлять чемодан, который я держал, зажав ногами, чтобы он не пропал. Вдруг меня ударил кто-то по спине. Я пришел в неописуемое негодование и с быстротой молнии стал обдумывать, как наказать обидчика. В это время меня ударили по спине вторично. Я весь насторожился, но решил голову назад не поворачивать и сделать вид, будто я ничего не заметил. Я только на всякий случай взял чемодан в руку. Прошло минут семь, и меня в третий раз ударили по спине. Тут я повернулся и увидел перед собой высокого пожилого человека в довольно поношенной, но всё же хорошей ватной шубе.

— Что вам от меня нужно? — спросил я его строгим и даже слегка металлическим голосом.

— А ты что не оборачиваешься, когда тебя окликают? — сказал он.

Я задумался над содержанием его слов, когда он опять открыл рот и сказал:

— Да ты что? Не узнаешь что ли меня? Ведь я твой брат.

Я опять задумался над его словами, а он снова открыл рот и сказал:

— Послушай-ка, брат. У меня не хватает на сахар четырех рублей, а из очереди уходить обидно. Одолжи-ка мне пятерку, а мы с тобой потом рассчитаемся.

Я стал раздумывать о том, почему брату не хватает четырех рублей, но он схватил меня за рукав и сказал:

— Ну так как же, одолжишь ты своему брату немного денег? — и с этими словами он сам расстегнул мне мою ватную шубу, залез ко мне во внутренний карман и достал мой кошелек.

— Вот, — сказал он, — я, брат, возьму у тебя взаймы некоторую сумму, а кошелек, вот смотри, я кладу тебе обратно в пальто. — И он сунул кошелек в наружный карман моей шубы.

Я был, конечно, удивлен, так неожиданно встретив своего брата. Некоторое время я помолчал, а потом спросил его:

— А где же ты был до сих пор?

— Там, — отвечал мне брат и махнул куда-то рукой.

Я задумался: где это «там»; но брат подтолкнул меня в бок и сказал:

— Смотри: в магазин начали пускать.

До дверей магазина мы шли вместе, но в магазине я оказался один, без брата. Я на минутку выскочил из очереди и выглянул через дверь на улицу. Но брата нигде не было.

Когда я хотел опять занять в очереди свое место, меня туда не пустили и даже постепенно вытолкали на улицу. Я, сдерживая гнев на плохие порядки, от-

правился домой. Дома я обнаружил, что мой брат изъял из моего кошелька все деньги. Тут я страшно рассердился на брата, и с тех пор мы с ним никогда больше не мирились.

Я жил один и пускал к себе только тех, кто приходил ко мне за советом. Но таких было много, и выходило так, что я ни днем, ни ночью не знал покоя. Иногда я уставал до такой степени, что ложился на пол и отдыхал. Я лежал на полу до тех пор, пока мне не делалось холодно, тогда я вскакивал и начинал бегать по комнате, чтобы согреться. Потом я опять садился на скамейку и давал советы всем нуждающимся.

Они входили ко мне друг за другом, иногда даже не открывая дверей. Мне было весело смотреть на их мучительные лица. Я говорил с ними, а сам едва сдерживал смех.

Один раз я не выдержал и рассмеялся. Они с ужасом кинулись бежать, кто в дверь, кто в окно, а кто и прямо сквозь стену.

Оставшись один. я встал во весь свой могучий рост, открыл рот и сказал:

— Прим тим прам.

Но тут во мне что-то хрустнуло, и с тех пор можете считать, что меня больше нет.

<1935-1937>

77

Дедка за репку
(балет)

Пустая сцена. Слева из земли что-то торчит. Должно быть, репка. Играет музыка. Над рекой летает птичка. Справа на сцене стоит неподвижная фигура. Выходит мужичёнка. Чешет бородку. Музыка играет. Мужичёнка изредка притоптывает. Потом чаще. Потом пускается танцевать, напевая достаточно громко: «Уж я репу посадил — дил — дил — дил — дил — дил!» Пляшет и смеётся.

Птичка летает. Мужичё<н>ка ловит её шапкой. Птичка же улетает. Мужичёнка швыряет шляпу об пол и идёт в присядку, а сам опять поёт: «Уж я репу посадил — дил — дил — дил — дил — дил!» На сцене справа наверху открывается ширмочка. Там на висячем балконе сидит кулак и Андрей Семёнович в золотом пенснэ. Оба пьют чай. Перед ними на столе стоит самовар.

Кулак — Он её посадил, а мы вытянем. Верно?

Андр. Сем. — Верно! (*ржёт тоненьким голоском*).

Кулак — (*ржёт басом*).

Низ. Мужичёнка, танцуя, удаляется (*музыка играет всё тише и тише и наконец едва слышно*).

Верх. Кулак и Андр. Сем. беззвучно смеются и строят друг другу рожи. Кому-то показывают кулаки. Кулак показывает кулак, потрясая им над головой, а Андр. Сем. кажет кулак из-под стола.

Низ. Музыка играет <Yankee->Doodl. Выходит Американец и тянет на верёвочке автомобиль фордан. Танец вокруг репы.

Верх. Кулак и Андр. Сем. стоят, открыв рты. Музыка замолкает. Американец останавливается.

Кулак — Ето что за фрукт?

Андр. Сем. — Это, как бы сказать, Америка.

(музыка играет дальше)

Низ. Американец танцует дальше. Пританцовывает к репе и начинает её тянуть. Музыка затихает до едва слышной.

Кулак (*сверху*) — Что, силёнки не хватает?

Андр. Сем. — Не орите так Селифан Митрофанович, они обидятся.

(Музыка громко играет At the long way to the).

Низ. Выплывает тётя Англия. На ногах броненосцы, в руках парашют. Пляшет в сторону репы. В это время Америкнец ходит вокруг репы и разглядывает её.

Кулак (*сверху*) — Ето что за Галандия?

Андр. Сем. (*обиженно*) — И вовсе не Галандия а Англия.

Кулак — Валяй тяни чтоб в Колхоз не попало!

Андр. Сем. — Тише (*озирается*). Не услышал бы кто.

(Музыка во всю)

Низ. Выбегает Франция. — Ah! Ah! Ah!.. Voila! Ji! Ji! Ji! Voici! Ho! Ho! Ho!

Кулак (*сверху*) — Вот тебе и вуалё!

Андр. Сем. — Селифан Митрофанович! Зачем же так! Это по ихнему неприлично. Вас за фулигана примуть. (*Кричит вниз*) — Madame! C'est le кулак. Он с вами attande в одно место думает.

Франция — Ииих! (*взвизгивает и дрыгает ногой*).

Андрей Семенович посылает ей воздушный поцелуй. Всё гаснет и тухнет.

Фигура внизу (*в темноте*) — Тьфу дьявол! Пробки перегорели!

Всё освещается. Фигуры нет. Америка, Англия и Франция тянут репу. Выходит Пильсудский — Польша. Музыка играет. Пильсудский танцует на середину. Музыка останавливается. Пильсудский тоже. Достает большой платок, сморкается в него и снова прячет. Музыка играет мазурку. Пильсудский кидается её танцевать. Останавливается около репы. (*Музыка играет едва слышно*).

Кулак — Андрей Семёнович, валяй вниз. Они всё повыдергают.

Андр. Сем. — Обождите, Селифан Митрофанович. Пусть подергают. А как выдернут, обязательно упадут. А мы репу-то да в мешок! А им кукиш!

Кулак — А им кукиш!

Низ. Тянут репу. Кличут на подмогу Германию. Выходит немец. Танец немца. Он толстый. Становится на четверинки и неуклюже прыгает ногами на одном месте. Музыка переходит на «Ah mein lieber Augustin!» Немец пьёт пиво. Идёт к репе.

Кулак (*сверху*). — Тэк — Тэк — тэк! Валяй, Андрей Семёнович! В самый раз придём.

Андрей Сем. — И репу в мешок!

(Андр. Сем. берёт мешок, а кулак самовар и идут на лестницу. Ширмочка закрывается).

Низ. Выбегает католик. Танец католика. В конце танца появляется Кулак и Андрей Семёнович. У кулака под мышкой самовар.Ряд тянет репку.

Кулак — Валяй, валяй, валяй! Валяй, ребята! Тяни! Ты пониже хватай! А ты американца под локотки! А ты, долговязый, вон его за пузо придерживай! А теперь валяй! Тык тык тк тк тк.

(Ряд топчется на месте. Раздувается и сближается. Музыка играет всё громче. Ряд обегает вокруг репы и вдруг с грохотом падает).

Андр. Сем. хлопочет около люка с мешком. Но из люка вылезает огромный Красноармеец. Кулак и Андр. Сем. падают вверх тормашкой.

<1935-1938>

78

Судьба жены профессора

Однажды один профессор съел чего-то, да не то, и его начало рвать.

Пришла его жена и говорит: «Ты чего?» А профессор говорит: «ничего». Жена обратно ушла.

Профессор лег на оттоманку, полежал, отдохнул и на службу пошел.

А на службе ему сюрприз, жалованье скостили: вместо 650 руб. всего только 500 оставили. Профессор туда-сюда — ничего не помогает. Профессор к директору, а директор его в шею. Профессор к бухгалтеру, а бухгалтер говорит: «Обратитесь к директору». Профессор сел на поезд и поехал в Москву.

По дороге профессор схватил грипп. Приехал в Москву, а на платформу вылезти не может.

Положили профессора на носилки и отнесли в больницу.

Пролежал профессор в больнице не более четырех дней и умер.

Тело профессора сожгли в крематории, пепел положили в баночку и послали его жене.

Вот жена профессора сидит и кофе пьет. Вдруг звонок. Что такое? «Вам посылка».

Жена обрадовалась, улыбается во весь рот, почтальону полтинник в руку сует и скорее посылку распечатывает.

Смотрит, а в посылке баночка с пеплом и записка: «Вот всё, что осталось от Вашего супруга».

Жена ничего понять не может. Трясет баночку, на свет ее смотрит, записку шесть раз прочитала, наконец сообразила, в чем дело, и страшно расстроилась.

Жена профессора очень расстроилась, поплакала часа три и пошла баночку с пеплом хоронить. Завернула она баночку в газету и отнесла в сад имени I-ой Пятилетки, б. Таврический.

Выбрала жена профессора аллейку поглуше и только хотела баночку в землю зарыть, — вдруг идет сторож.

— Эй! — кричит сторож, — ты чего тут делаешь?

Жена профессора испугалась и говорит:

— Да вот хотела лягушек в баночку наловить.

— Ну, — говорит сторож, — это ничего, только смотри, по траве ходить воспрещается.

Когда сторож ушел, жена профессора зарыла баночку в землю, ногой вокруг притоптала и пошла по саду погулять.

А в саду к ней какой-то матрос пристал. Пойдем да пойдем, говорит, спать. Она говорит: «Зачем же днем спать?» А он опять свое: спать да спать.

И действительно, захотелось профессорше спать.

Идет она по улицам, а ей спать хочется. Вокруг люди бегают какие-то синие да зеленые, а ей всё спать хочется.

Идет она и спит. И видит сон, будто идет к ней навстречу Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: «Что же это такое?» А он показывает ей пальцем на горшок и говорит:

— Вот, — говорит, — тут я кое-что наделал, и теперь несу всему свету показывать. Пусть, — говорит, — все смотрят.

Стала профессорша тоже смотреть и видит, будто это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит курица.

Стала профессорша курицу ловить, а курица забилась под диван и оттуда уже кроликом выглядывает.

Полезла профессорша за кроликом под диван и проснулась.

Проснулась, смотрит: действительно, лежит она под диваном.

Вылезла профессорша из-под дивана, видит — комната ее собственная. А вот и стол стоит с недопитым кофием. На столе записка лежит: «Вот всё, что осталось от Вашего супруга».

Всплакнула профессорша еще раз и села холодный кофе допивать.

Вдруг звонок. Что такое? Входят какие-то люди и говорят: «поедемте».

— Куда? — спрашивает профессорша.

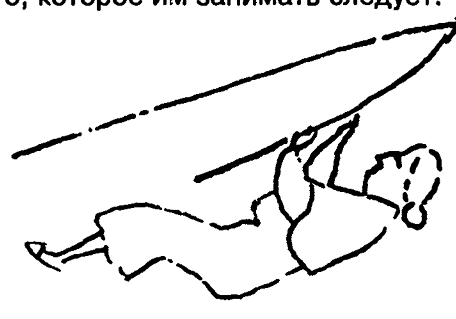
— В сумасшедший дом, — отвечают люди.

Профессорша начала кричать и упираться, но люди схватили ее и отвезли в сумасшедший дом.

И вот сидит совершенно нормальная профессорша на койке в сумасшедшем доме, держит в руках удочку и ловит на полу каких-то невидимых рыбок.

Эта профессорша только жалкий пример того, как много в жизни несчастных, которые занимают в жизни не то место, которое им занимать следует.

Даниил Хармс
21 августа 1936

79

— Ва-ва-ва! Где та баба, которая сидела вот тут, на этом кресле?

— Почём вы знаете, что тут сидела баба?

— Знаю, потому что от кресла пахнет бабой (нюхает кресло).

— Тут сидела молодая дама, а теперь она ушла в свою комнату, перебирать гардероб.

<Август 1936>

80

О том, как рассыпался один человек

— Говорят, все хорошие бабы — толстозады. Эх, люблю грудастых баб, мне нравится, как от них пахнет, — сказав это, он стал увеличиваться в росте и, достигнув потолка, рассыпался на тысячу маленьких шариков.

Пришёл дворник Пантелей, собрал эти шарики на совок, на который он собирал обычно лошадиный навоз, и унёс эти шарики куда-то на задний двор.

А солнце продолжало светить по-прежнему, и пышные дамы продолжали по-прежнему восхитительно пахнуть.

23 авг<уста> 1936.

81

Один механик решил на работе стоять поочерёдно то на одной, то на другой ноге, чтобы не очень уставать.

Но из этого ничего не вышло, он стал уставать больше прежнего, и работа у него не клеилась, как раньше.

Механика вызвали в контору и сделали ему выговор с предупреждением.

Но механик решил побороть свою натуру и продолжал стоять за работой на одной ноге.

Долго боролся механик со своей натурой и, наконец, почувствовав боль в пояснице, которая возрастала с каждым днём, принужден был обратиться к доктору.

27 авг<уста> 1936.

82

Кассирша

Нашла Маша гриб, сорвала его и понесла на рынок. На рынке Машу ударили по голове, да ещё обещали ударить её по ногам. Испугалась Маша и побежала прочь. Прибежала Маша в кооператив и хотела там за кассу спрятаться. А заведующий увидал Машу и говорит: что это у тебя в руках? А Маша говорит: гриб. Заведующий говорит: ишь, какая бойкая! хочешь я тебя на место устрою? Маша говорит: А не устроишь. Заведующий говорит: А вот устрою! — и устроил Машу кассу вертеть.

Маша вертела, вертела кассу и вдруг умерла. Пришла милиция, составила протокол и велела заведующему заплатить штраф — 15 рублей.

Заведующий говорит: За что же штраф? А милиция говорит: за убийство. Заведующий испугался, заплатил поскорее штраф и говорит: унесите только поскорее эту мертвую кассиршу. А продавец из фруктового отдела говорит: Нет, это неправда, она была не кассирша. Она только ручку в кассе вертела. А кассирша вон сидит. Милиция говорит:

— Нам всё равно: сказано унести кассиршу, мы её и унесём.

Стала милиция к кассирше подходить.

Кассирша легла на пол за кассу и говорит: не пойду. Милиция говорит: почему же ты, дура, не пойдешь? Кассирша говорит: вы меня живой похороните.

Милиция стала кассиршу с пола поднимать, но никак поднять не может, потому что кассирша очень полная.

— Да вы её за ноги, — говорит продавец из фруктового отдела.

— Нет, — говорит заведующий, — эта кассирша мне вместо жены служит. А потому прошу вас, не оголяйте ее снизу. Кассирша говорит: Вы слышите? Не смейте меня снизу оголять.

Милиция взяла кассиршу под мышки и волоком выперла её из кооператива.

Заведующий велел продавцам прибрать магазин и начать торговлю.

— А что мы будем делать с этой покойницей? — говорит продавец из фруктового отдела, показывая на Машу.

— Батюшки, — говорит заведующий, — да ведь мы всё перепутали! Ну, действительно, что с покойницей делать?

— А кто за кассой сидеть будет? — спрашивает продавец.

Заведующий за голову руками схватился. Раскидал коленом яблоки по прилавку и говорит:

— Безобразие получилось!

— Безобразие, — говорят хором продавцы.

Вдруг заведующий почесал усы и говорит:

— Хе-хе! Не так то легко меня в тупик поставить! Посадим покойницу за кассу, может, публика и не разберёт кто за кассой сидит.

Посадили покойницу за кассу, в зубы ей папироску вставили, чтобы она на живую больше походила, а в руки, для правдоподобности, дали ей гриб держать. Сидит покойница за кассой как живая, только цвет лица очень зелёный и один глаз открыт, а другой совершенно закрыт.

— Ничего, — говорит заведующий, — сойдет.

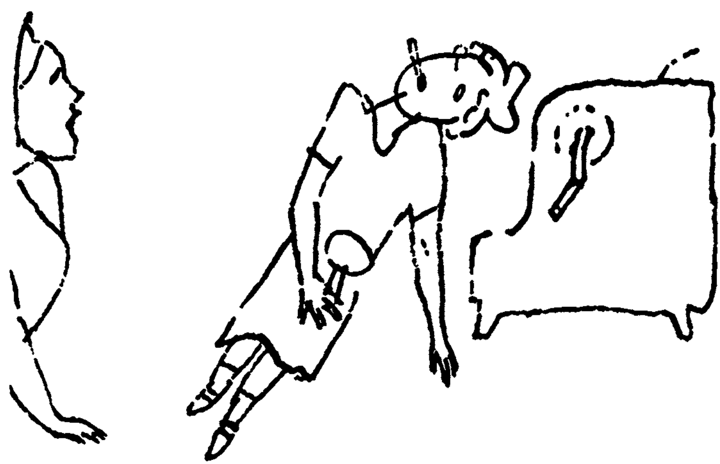
А публика уже в двери стучит, волнуется, почему кооператив не открывают. Особенно одна хозяйка в шёлковом манто раскричалась: трясёт кошёлкой и каблуком уже в дверную ручку нацелилась. А за хо-

зяйкой какая-то старушка с наволочкой на голове кричит, ругается и заведующего кооперативом называет скважником.

Заведующий открыл двери и впустил публику. Публика побежала сразу в мясной отдел, а потом туда, где продается сахар и перец. А старушка прямо в рыбный отдел пошла, но по дороге взглянула на кассиршу и остановилась.

— Господи, — говорит, — с нами крестная сила!

А хозяйка в шёлковом манто уже во всех отделах побывала и несётся прямо к кассе. Но только на кассиршу взглянула, сразу остановилась, стоит молча и смотрит. А продавцы тоже молчат и смотрят на заведующего. А заведующий из-за прилавка выглядывает и ждёт, что дальше будет.

Хозяйка в шёлковом манто повернулась к продавцам и говорит:

— Это кто у вас за кассой сидит?

А продавцы молчат, потому что не знают, что ответить.

Заведующий тоже молчит.

А тут народ со всех сторон сбегается. Уже на улице толпа. Появились дворники. Раздались свистки. Одним словом, настоящий скандал.

Толпа готова была хоть до самого вечера стоять около кооператива, но кто-то сказал, что в Озерном переулке из окна старухи вываливаются. Тогда толпа возле кооператива поредела, потому что многие перешли в Озерный переулок.

Хармс
31 августа 1936 года

83

Отец и Дочь

Было у Наташи две конфеты. Потом она одну конфету съела и осталась одна конфета. Наташа положила конфету перед собой на стол и заплакала. Вдруг смотрит, лежат перед ней на столе опять две конфеты. Наташа съела одну конфету и опять заплакала. Наташа плачет, а сама одним глазом на стол смотрит, не появилась ли вторая конфета. Но вторая конфета не появлялась. Наташа перестала плакать и начала петь. Пела, пела и вдруг умерла. Пришел Наташин папа, взял Наташу и отнес её к управдому. «Вот, — говорит Наташин папа, — засвидетельствуйте смерть». Управдом подул на печать и приложил её к Наташиному лбу. «Спасибо», — сказал Наташин папа и понёс Наташу на кладбище. А на кладбище был сторож Матвей, он всегда сидел у ворот и никого на кладбище не пускал, так что покойников приходилось хоронить прямо на улице. Похоронил папа Наташу на улице, снял шапку, положил её на то место, где зарыл Наташу, и пошёл домой. Пришёл домой, а Наташа уже дома сидит. Как так? Да очень просто: вылезла из под земли и домой прибежала. Вот так штука! Папа так растерялся, что упал и умер. Позвала Наташа управдома и говорит: «Засвидетельствуйте смерть». Управдом подул на печать и приложил её к листику бумаги, а потом на этом же листике бумаги написал: «Сим удостоверяется, что такой-то действительно умер». Взяла Наташа бумажку и понесла её на кладбище хоронить. А

сторож Матвей говорит Наташе: «Ни за что не пущу». Наташа говорит: «Мне бы только эту бумажку похоронить». А сторож говорит: «Лучше и не проси». Зарыла Наташа бумажку на улице, положила на го место, где зарыла бумажку, свои носочки и пошла домой. Приходит домой, а папа уже дома сидит и сам с собой на маленьком биллиардике с металлическими шариками играет.

Наташа удивилась, но ничего не сказала и пошла к себе в комнату расти.

Росла, росла и через четыре года стала взрослой барышней. А Наташин папа состарился и согнулся. Но оба как вспомнят, как они друг друга за покойников приняли, так повалятся на диван и смеются. Другой раз минут двадцать смеются.

А соседи, как услышат смех, так сразу одеваются и в кинематограф уходят. А один раз ушли так, и больше уже не вернулись. Кажется, под автомобиль попали.

Хармс
1 сентября 1936 года

84

Новые Альпинисты

Бибиков залез на гору, задумался и свалился под гору. Чеченцы подняли Бибикова и опять поставили его на гору. Бибиков поблагодарил чеченцев и опять свалился под откос. Только его и видели.

Теперь на гору залез Аугенапфель, посмотрел в бинокль и увидел всадника.

— Эй! — закричал Аугенапфель, — где тут поблизости духан?

Всадник скрылся за горой, потом показался возле кустов, потом скрылся за кустами, потом показался в долине, потом скрылся под горой, потом показался на склоне горы и подъехал к Аугенапфелю.

— Где тут поблизости духан? — спросил Аугенапфель.

Всадник показал себе на уши и на рот.

— Ты что, глухонемой? — спросил Аугенапфель.

Всадник почесал затылок и показал себе на живот.

— Что такое? — спросил Аугенапфель.

Всадник вынул из кармана деревянное яблоко и раскусил его пополам.

Тут Аугенапфелю стало не по себе и он начал пятиться.

А всадник снял с ноги сапог да как крикнет: Халгаллай!

Аугенапфель скакнул куда-то вбок и свалился под откос.

В это время Бибиков, вторично свалившийся под откос ещё раньше Аугенапфеля, пришёл в себя и начал подниматься на четверинки. Вдруг чувствует: на него сверху кто-то падает. Бибиков отполз в сторону, посмотрел оттуда и видит: лежит какой-то гражданин в клетчатых брюках. Бибиков сел на камушек и стал ждать.

А гражданин в клетчатых брюках полежал не двигаясь часа четыре, а потом поднял голову и спрашивает неизвестно кого:

— Это чей духан?

— Какой там духан! Это не духан, — отвечает Бибиков.

— А вы кто такой? — спрашивает человек в клетчатых брюках.

— Я альпинист Бибиков. А вы кто?

— А я альпинист Аугенапфель.

Таким образом Бибиков и Аугенапфель познакомились друг с другом.

1-2 сентября 1936 года.
Хармс

85

Однажды Петя Гвоздиков ходил по квартире. Ему было очень скучно. Он поднял с пола какую-то бумажку, которую обронила прислуга. Бумажка оказалась обрывком газеты. Это было неин-

тересно. Петя попробовал поймать кошку, но кошка забралась под шкап. Петя сходил в прихожую за зонтиком, чтобы зонтиком выгнать кошку из-под шкапа. Но когда Петя вернулся, то кошки уже под шкапом не было. Петя поискал кошку под диваном и за сундуком, но кошки нигде не нашёл, зато за сундуком Петя нашёл молоток. Петя взял молоток и стал думать, что бы им такое сделать. Петя постучал молотком по полу, но это было скучно. Тут Петя вспомнил, что в прихожей на стуле стоит коробочка с гвоздями. Петя пошёл в прихожую, выбрал в коробочке несколько гвоздей, которые были подлиннее, и стал думать, куда бы их забить. Если была бы кошка, то конечно было бы интересно прибить кошку гвоздём за ухо к двери, а хвостом к порогу. Но кошки не было. Петя увидел рояль. И вот от скуки Петя подошёл и вбил три гвоздя в крышку рояля.

9 октября 1936 года.

86

О Пушкине

Трудно сказать что-нибудь о Пушкине тому, кто ничего о нём не знает. Пушкин великий поэт. Наполеон менее велик, чем Пушкин. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто. И Александры I и II, и III просто пузыри по сравнению с Пушкиным. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь.

А потому, вместо того, чтобы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе.

Хотя Гоголь так велик, что о нём и написать-то ничего нельзя, поэтому я буду всё-таки писать о Пушкине.

Но после Гоголя писать о Пушкине как-то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу.

Хармс
15 декабря 1936 года

87

Один человек лёг спать верующим, а проснулся неверующим.

По счастию, в комнате этого человека стояли медицинские десятичные весы, и человек этот имел обыкновение каждый день утром и вечером взвешивать себя. И вот, ложась накануне спать, человек взвесил себя и узнал, что весит 4 пуда 21 фунт. А на другой день утром, встав неверующим, человек взвесил себя опять и узнал, что весит уже всего только 4 пуда 13 фунтов. «Следовательно», решил этот человек, «моя вера весила приблизительно восемь фунтов».

<1936-1937>

88

Два человека разговорились. Причём один человек заикался на гласных, а другой на гласных и на согласных.

Когда они кончили говорить, стало очень приятно — будто потушили примус.

<1936-1937>

89

У Колкова заболела рука и он пошёл в амбулаторию.

По дороге у него заболела и вторая рука. От боли Колков сел на панель и решил дальше никуда не идти. Прохожие проходили мимо Колкова и не обращали на него внимания. Только собака подошла к Колкову, понюхала его и, подняв заднюю лапу, прыснула Колкову в лицо собачьей гадостью. Как бешенный вскочил Колков и со всего маху ударил собаку ногой под живот. С жалобным визгом поползла собака по панели, волоча задние ноги. На Колкова накинулась какая-то дама и, когда Колков попытался оттолкнуть ее, дама вцепилась ему в рукав и начала

звать милиционера. Колков не мог больными руками освободиться от дамы и только старался плюнуть ей в лицо.

Это удалось ему сделать уже раза четыре и дама, зажмурив свои заплёванные глаза, визжала на всю улицу. Кругом уже собиралась толпа. Люди стояли, тупо глядели и порой выражали своё сочувствие Колкову.

— Так её! Так её! — говорил рослый мужик в коричневом пиджаке, ковыряя перед собой в воздухе кривыми пальцами с черными ногтями.

— Тоже ешшо барыня! — говорила толстогубая баба, завязывая под подбородком головной платок.

В это время Колков изловчился и пнул даму коленом под живот. Дама взвизгнула и, отскочив от Колкова, согнулась в три погибели от страшной боли.

— Здорово он её в передок! — сказал мужик с грязными ногтями.

А Колков, отделавшись от дамы, быстро зашагал прочь. Но вдруг, дойдя до Загородного проспекта, Колков остановился: он забыл, зачем он вышел из дома.

— Господи! Зачем же я вышел из дома? — говорил сам себе Колков, с удивлением глядя на прохожих. И прохожие тоже с удивлением глядели на Колкова, а один старичёк прошёл мимо и потом всё время оглядывался, пока не упал и не разбил себе в кровь свою старческую рожу. Это рассмешило Колкова и, громко хохоча, он пошёл по Загородному.

<1936-1938>

90

Случай с моей женой.

У моей жены опять начали корёжиться ноги. Хотела она сесть на кресло, а ноги отнесли её куда-то к шкапу и даже дальше по коридору и посадили её на кардонку. Но жена моя, напрягши волю, поднялась и двинулась к комнате, однако ноги

её опять нашалили и пронесли её мимо двери. «Эх, черт!..» — сказала жена, уткнувшись головой под конторку. А ноги её продолжали шалить и даже разбили какую-то стеклянную миску, стоявшую на полу в прихожей.

Наконец, жена моя уселась в своё кресло.

— Вот и я, — сказала моя жена, широко улыбаясь и вынимая из ноздрей застрявшие там щепочки.

<1936-1938>

91

Так началось событие в соседней квартире. Алексеев съел кашу, а недоеденные остатки выбросил на общей кухне в помойное ведро. Увидев это, жена Горохова сказала Алексееву, что вчера она выносила это ведро на двор, а теперь, если он желает им пользоваться, то пусть сам выносит его сегодня же вечером. Алексеев сказал, что ему неког-

да заниматься такими пустяками и предложил мадам Гороховой платить три рубля в месяц, с тем, чтобы она вычищала это ведро. Мадам Горохова так оскорбилась этим предложением, что наговорила Алексееву много лишних слов и даже бросила на пол столовую ложку, которую держала в руках, сказав при этом, что она вполне благородного происхождения и видала в жизни лучшие времена, и что она, в конце концов, не прислуга и потому не станет даже за собой поднимать оброненные вещи. С этими словами мадам Горохова вышла из кухни, оставив растерявшегося Алексеева одного около помойного ведра. Значит теперь Алексееву придётся тащить ведро на двор к помойной яме. Это было страшно неприятно. Алексеев задумался. Ему научному работнику, возиться с помойным ведром! Это, по меньшей мере, оскорбительно. Алексеев прошёлся по кухне. Внезапная мысль блеснула в его голове. Он поднял оброненную мадам Гороховой ложку и твёрдыми шагами подошёл к ведру.

— Да, — сказал Алексеев и опустился перед ведром на корточки. Давясь от отвращения, он съел всю кашу и выскреб ложкой и пальцами дно ведра.

— Вот, — сказал Алексеев, моя под краном ложку. — А ведро я всё-таки на двор не понесу.

Вытерев ложку носовым платком, Алексеев положил её на кухонный стол и ушёл в свою комнату.

Несколько минут спустя на кухню вышла рассерженная мадам Горохова. Она мгновенно заметила, что ложка поднята с пола и лежит на столе. Мадам Горохова заглянула в помойное ведро и, видя, что и ведро находится в полном порядке, пришла в хорошее настроение и, сев на табурет, принялась шинковать морковь.

— Уж если я что-нибудь захочу, то непременно добьюсь своего, — говорила сама с собой мадам Горохова. — Уж лучше мне никогда не перечить. Я своего никому не уступлю. Вот ни столечко! — сказала мадам Горохова, отрезая от моркови каплюшечный кусочек.

В это время по коридору мимо кухни прошёл Алексеев.

— Алексей Алексеевич! — крикнула мадам Горохова. — Куда вы уходите?

— Я не ухожу, Виктория Тимофеевна, — сказал Алексеев, останавливаясь в дверях. — Это я в ванную шёл.

<1936-1938>

92

1. Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было и спины у него не было, и хребта у него не было и никаких внутренностей у него не было. Ничего у него не было. Так что непонятно, о ком идёт речь. Уж лучше мы о нём не будем больше говорить.

2. У одной маленькой девочки начал гнить молочный зуб. Решили эту девочку отвести к зубному врачу, чтобы он выдернул ей ее молочный зуб.

Вот однажды стояла эта маленькая девочка в редакции, стояла она около шкапа и была вся скрюченная.

Тогда одна редакторша спросила эту девочку, почему она стоит вся скрюченная, а девочка ответила, что она стоит так потому, что боится рвать свой молочный зуб, так как, должно быть, будет очень больно. А редакторша спрашивает: «Ты очень боишься, если тебя уколят булавкой в руку?» Девочка говорит: «Нет». Редакторша уколола девочку булавкой в руку и говорит, что рвать молочный зуб не больнее этого укола. Девочка поверила, пошла к зубному врачу и вырвала свой нездоровый молочный зуб.

Можно только отметить находчивость этой редакторши.

6–<7> января 1937 года

93

Один человек, не желая более питаться сушёным горошком, отправился в большой гастрономический магазин, чтобы высмотреть себе чего-нибудь иное, что-нибудь рыбное, колбасное или даже молочное.

В колбасном отделе было много интересного, самое интересное была конечно ветчина. Но ветчина стоила 18 рублей, а это было слишком дорого. По цене доступна была колбаса, красного цвета, с тёмно-серыми точками. Но колбаса эта пахла почему-то сыром, и даже сам приказчик сказал, что покупать её он не советует.

В рыбном отделе ничего не было, потому что рыбный отдел переехал временно туда, где раньше был винный, а винный отдел переехал в кондитерский, а кондитерский в молочный, а в молочном отделе стоял прикащик с таким огромным носом, что покупатели толпились под аркой и к прилавку ближе подойти боялись.

И вот наш человек, о котором идёт речь, потолкался в магазине и вышел на улицу.

Человек, о котором я начал эту повесть, не отличался никакими особенными качествами, достойными отдельного описания. Он был в меру худ, в меру беден и в меру ленив. Я даже не могу вспомнить, как он был одет. Я только помню, что на нём было что-то коричневое, может быть брюки, может быть пиджак, а может быть только галстук. Звали его кажется Иван Яковлевич.

Иван Яковлевич вышел из Гастрономического магазина и пошёл домой. Вернувшись домой, Иван Яковлевич снял шапку, сел на диван, свернул себе папироску из макорки, вставил её в мундштук, зажёг её спичкой, выкурил, свернул вторую папироску, закурил её, встал, надел шапку и вышел на улицу.

Ему надоела его мелкая, безобразная жизнь, и он направился к Эрмитажу.

Дойдя до Фонтанки, Иван Яковлевич остановился и хотел было повернуть обратно, но вдруг ему

стало стыдно перед прохожими: ещё начнут на него смотреть и оглядываться, потому что шёл-шёл человек, а потом вдруг повернулся и обратно пошёл. Прохожие всегда на таких смотрят.

Иван Яковлевич стоял на углу, против аптеки. И вот, чтобы объяснить прохожим свою остановку, Иван Яковлевич сделал вид, что ищет номер дома.

Он, не переставая глядеть на дом, сделал несколько шагов вдоль по Фонтанке, потом вернулся обратно и, сам не зная зачем, вошёл в аптеку.

В аптеке было много народу. Иван Яковлевич попробовал протиснуться к прилавку, но его оттеснили. Тогда он посмотрел на стеклянный шкапчик, в котором в различных позах стояли различные флаконы различных духов и одеколонов.

Не стоит описывать, что ещё делал Иван Яковлевич, потому что все его дела были слишком мелки и ничтожны. Важно только то, что в Эрмитаж он не попал и к шести часам вернулся домой.

Дома он выкурил подряд четыре махорочных папиросы, потом лег на диван, повернулся к стене и попробовал заснуть.

Но должно быть, Иван Яковлевич перекурился, потому что его сердце билось очень громко, а сон убегал.

Иван Яковлевич сел на диване и спустил ноги на пол.

Так просидел Иван Яковлевич до половины девятого.

— Вот если бы мне влюбиться в молодую красиву<ю> даму, — сказал Иван Яковлевич, но сейчас же зажал себе рот рукой и выт<а>ращил глаза.

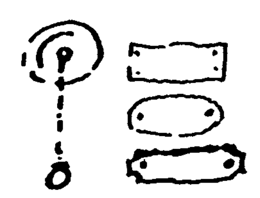
— В молодую брюнетку,— сказал Иван Яковлевич, отводя руку ото рта. — В ту, которую я видел сегодня на улице.

Иван Яковлевич свернул папиросу и закурил.

В коридоре раздалось три звонка.

— Это ко мне, — сказал Иван Яковлевич, продолжая сидеть на диване и курить.

13 янв<аря> 1937 г.

94

Всестороннее исследование.

Ермолаев:

Я был у Блинова, он показал мне свою силу. Ничего подобного я никогда не видал. Это сила зверя! Мне стало страшно. Блинов поднял письменный стол, раскачал его и отбросил от себя метра на четыре.

Доктор:

Интересно бы исследовать это явление. Науке известны такие факты, но причины их непонятны. Откуда такая мышечная сила, учёные ещё сказать не могут. Познакомьте меня с Блиновым: я дам ему исследовательскую пилюлю.

Ермолаев:

А что это за пилюля, которую вы собираетесь дать Блинову.

Доктор:

Как пилюля? Я не собираюсь давать ему пилюлю.

Ермолаев:

Но вы же сами только что сказали, что собираетесь дать ему пилюлю.

Доктор:

Нет, нет, вы ошибаетесь. Про пилюлю я не говорил.

Ермолаев:

Ну уж извините, я то слышал как вы сказали про пилюлю.

Доктор:

Нет.

Ермол.:

Что нет?

Дктр.:

Не говорил!

Ермлв:

Кто не говорил?

Дктр:

Вы не говорили.

Ермлв

Чего я не говорил?

Дктр:

Вы по-моему чего-то не договариваете.

Ермлв:

Я ничего не понимаю. Чего я не договариваю?

Дктр:

Ваша речь очень типична. Вы проглатываете слова, не договариваете начатой мысли, торопитесь и заикаетесь.

Ермлв:

Когда же я заикался? Я говорю довольно гладко.

Дктр:

Вот в этом-то и есть ваша ошибка. Видите? Вы даже от напряжения начинаете покрываться красными пятнами. У вас ещё не похолодели руки?

Ермлв:

Нет. А что?

Дктр:

Так. Это моё предположение. Мне кажется, вам уже тяжело дышать. Лучше сядьте, а то вы можете упасть. Ну вот. Теперь вы отдохните.

Ермлв:

Да зачем же это?

Дктр:

Тсс. Не напрягайте голосовых связок. Сейчас я вам постараюсь облегчить вашу участь.

Ермлв:

Доктор! Вы меня пугаете.

Дктр:

Дружочек милый! Я хочу вам помочь. Вот возьмите это. Глотайте.

Ермлв:

Ой! Фу! Какой сладкий отвратительный вкус! Что это вы мне дали?

Дктр:

Ничего, ничего. Успокойтесь. Это средство верное.

Ермлв:

Мне жарко, и всё кажется зелёного цвета.

Дктр:

Да, да, да, дружочек милый, сейчас вы умрете.

Ермолаев:

Что вы говорите? Доктор! Ой, не могу! Доктор! Что вы мне дали? Ой, доктор!

Дктр:

Вы проглотили исследовательскую пилюлю.

Ермолаев:

Спасите. Ой. Спасите. Ой. Дайте дышать. Ой. Спас... Ой. Дышать...

Дктр:

Замолчал. И не дышит. Значит, уже умер. Умер, не найдя на земле ответов на свои вопросы. Да, мы, врачи, должны всесторонне исследовать явление смерти.

Даниил Чармс
21 июня 1937 года

95

— Есть ли что-нибудь на земле, что имело бы значение и могло бы даже изменить ход событий не только на земле, но в других мирах? — спросил я своего учителя.

— Есть, — ответил мне мой учитель.

— Что же это? — спросил я.

— Это... — начал мой учитель и вдруг замолчал.
Я стоял и напряженно ждал его ответа. А он молчал.
И я стоял и молчал.
И он молчал.
И я стоял, молчал.
И он молчал.
Мы оба стоим и молчим.
Хо — ля — ля!
Мы оба стоим и молчим!
Хо — лэ — лэ!
Да да, мы оба стоим и молчим!

16-17 июля 1937 года
Даниил Хармс.

96

«Макаров! Подожди!» — кричал Сампсонов, но Макаров, не обращая внимания на крики Сампсонова, бежал и бежал. Уже не хватало дыхания, уже клокотало в груди у Макарова, но Макаров бежал, размахивая кулаками и глотая воздух широко раскрытым ртом.

Несмотря на все усилия, Макаров бежал небыстро, поминутно спотыкался и придерживался руками за все встречные предметы. Наконец, пробегая мимо ветлы, Макаров зацепился карманом за сучок и остановился.

Теперь побежал Сампсонов. Сампсонов бежал легко и свободно, прижав кулаки к бокам. На лице Сампсонова сияла счастливая улыбка и было видно, что бег ему доставляет удовольствие.

— Эй, Макаров! Сейчас я до тебя добегу! — крикнул Сампсонов, но с этими словами споткнулся о кочку и упал.

Теперь опять побежал Макаров. Макаров бежал в лес. Вот он мелькнул среди кустов можжевельника, потом его голова показалась из-за мелких сосенок и наконец Макаров окончательно скрылся с глаз.

Сампсонов вынул из кармана маленькую черную гнутую трубку с металлической крышечкой и резино-

вый кисет, набил трубку табаком, раскурил её, сел на пень и пустил облако синего табачного дыма.

<Август 1937>.

97

Пассакалия N 1

Тихая вода покачивалась у моих ног.

Я смотрел в темную воду и видел небо.

Тут, на этом самом месте, Лигудим скажет мне формулу построения несуществующих предметов.

Я буду ждать до пяти часов, и если Лигудим за это время не покажется среди тех деревьев, я уйду. Мое ожидание становится обидным. Вот уже два с половиной часа стою я тут, и тихая вода покачивается у моих ног.

Я сунул в воду палку. И вдруг под водой кто-то схватил мою палку и дёрнул. Я выпустил палку из рук и деревянная палка ушла под воду с такой быстротой, что даже свистнула.

Растерянный и испуганный стоял я около воды.

Лигудим пришел ровно в пять. Это было ровно в пять, потому что на том берегу промчался поезд: ежедневно ровно в пять он пролетает мимо того домика.

Лигудим спросил меня, почему я так бледен. Я сказал. Прошло четыре минуты, в течение которых Лигудим смотрел в темную воду. Потом он сказал: «Это не имеет формулы. Такими вещами можно пугать детей, но для нас это неинтересно. Мы не собиратели фантастических сюжетов. Нашему сердцу милы только бессмысленные поступки. Народное творчество и Гофман противны нам. Частокол стоит между нами и подобными загадочными случаями».

Лигудим повертел головой во все стороны и, пятясь, вышел из поля моего зрения.

10 ноября 1937 года.

98

Такие же длинные усы, как у пана Пшеховского, были у Матвея Соломанского. Пан Пшеховский гордился своими усами и глупая рожа Матвея Соломанского приводила пана в ярость. Пан стучал каблуками и кулаками, скалил зубы и плевал в стену; пан чернел от ярости и кричал тонким противным голосом.

Я писал стихи о часах, а в соседней комнате сидел пан Пшеховский и шил на швейной машинке карманы. Машинка стучала неравномерно и мешала мне сосредоточиться. Пан шил на машинке очень плохо; слышно было, как он ругал челнок и нитку, но, когда челнок и нитка подчинялись панской воле, пан вертел ручку машинки и ругал Матвея Соломанского.

Мне надоела эта постоянная ругань и стук швейной машинки. Я плюнул и вышел на улицу.

<Между 10 и 15 ноября 1937>

99

Грязная личность

Сенька стукнул Федьку по морде и спрятался под комод.

Федька достал кочергой Сеньку из-под комода и оторвал ему правое ухо.

Сенька вывернулся из рук Федьки и с оторванным ухом в руках побежал к соседям.

Но Федька догнал Сеньку и двинул его сахарницей по голове.

Сенька упал и, кажется, умер.

Тогда Федька уложил вещи в чемодан и уехал во Владивосток.

Во Владивостоке Федька стал портным; собственно говоря, он стал не совсем портным, потому что шил только дамское белье, преимущественно, панталоны и бюстгальтеры. Дамы не стеснялись Федьки, прямо при нём поднимали свои юбки, и Федька снимал с них мерку.

Федька, что называется, насмотрелся видов.

Федька — грязная личность.

Федька — убийца Сеньки.

Федька — сладострастник.

Федька — обжора, потому, что он каждый вечер съедал по двенадцати котлет. У Федьки вырос такой живот, что он сделал себе корсет и стал его носить.

Федька бессовестный человек: он отнимал на улице у встречных детей деньги, он подставлял старичкам подножку и пугал старух, занося над ними руку, а когда перепуганная старуха шарахалась в сторону, Федька делал вид, что поднял руку только для того, чтобы почесать себе голову.

Кончилось тем, что к Федьке подошел Николай, стукнул его по морде и спрятался под шкап.

Федька достал Николая из-под шкапа кочергой и разорвал ему рот.

Николай с разорванным ртом побежал к соседям, но Федька догнал его и ударил его пивной кружкой. Николай упал и умер.

А Федька собрал свои вещи и уехал из Владивостока. ———

21 ноября 1937 года.
Написано в два приёма.

100

— Я не советую есть тебе много перца. Я знал одного грека — мы с ним плавали на одном пароходе — он ел такое страшное количество перца и горчицы, что сыпал их в кушанья не глядя.

Он, бедный, целые ночи просиживал с туфлёй в руках...

— Почему? — спросил я.

— Потому что он боялся крыс, а на пароходе крыс было очень много. И вот он, бедняжка, в конце концов умер от бессоницы.

3 января 1938 года.

101

Четвероногая ворона

Жила была четвероногая ворона. Собственно говоря, у неё было пять ног, но об этом говорить не стоит.

Вот однажды купила себе четвероногая ворона кофе и думает: «Ну вот, купила я себе кофе, а что с ним делать?»

А тут, как на беду, пробегала мимо лиса. Увидала она ворону и кричит ей: «Эй, — кричит, — ты, ворона!»

А ворона лисе кричит:

«Сама ты ворона!»

А лиса вороне кричит:

«А ты, ворона, свинья!»

Тут ворона от обиды рассыпала кофе. А лиса прочь побежала. А ворона слезла на землю и пошла на своих четырех, или, точнее, на пяти ногах в свой паршивый дом.

13 февраля 1938 года.

102

Когда сон бежит от человека, и человек лежит на кровати, глупо вытянув ноги, а рядом на столике тикают часы, и сон бежит от часов, тогда человеку кажется, что перед ним распахивается огромное чёрное окно и в это окно должна вылететь его тонкая серенькая человеческая душа, а безжизненное тело останется лежать на кровати, глупо вытянув ноги, и часы прозвенят своим тихим звоном: «вот ещё один человек уснул», и в этот миг захлопнется огромное и совершенно чёрное окно.

Человек по фамилии Окнов лежал на кровати глупо вытянув ноги, и старался заснуть. Но сон бежал от Окнова. Окнов лежал с открытыми глазами, и страшные мысли стучали в его одеревеневшей голове.

8 марта 1938 г.

103

У него был такой нос, что хотелось ткнуть в него биллиардным кием.

За забором долго бранились и плевались. Слышно было, как кому-то плюнули в рот.

Это идет процессия. Зачем эта процессия идет? Она несёт вырванную у Пятипалова ноздрю. Ноздрю несут, чтобы зарыть в Летнем Саду.

Михайлов ходил по Летнему Саду, неся под мышкой гамак. Он долго искал, куда бы гамак повесить. Но всюду толкались неприятные сторожа. Михайлов передумал и сел на скамеечку. На скамеечке лежала забытая кем-то газета.

Лежала забытая кем-то газета.
Лежала забытая кем-то газета.
Михайлов садился на эту газету

И думать поспешал
И думать поспешал.

<Март 1938>

104

Шапка

Отвечает один другому: «Не видал я их». «Как же ты их не видал, — говорит другой, — когда сам же на них шапки надевал?» «А вот, — говорит один, — шапки на них надевал, а их не видал». — «Да возможно ли это?» — говорит другой, с длинными усами. «Да, — говорит первый, — возможно», — и улыбается синим ртом. Тогда другой, который с длинными усами, пристает к синерожему, чтобы тот объяснил ему, как это так возможно — шапки на людей надеть, а самих людей не заметить. А синерожий отказывается объяснять усатому, и качает своей головой, и усмехается своим синим ртом.

— Ах ты, дьявол ты этакий, — говорит ему усатый. — Морочишь ты меня, старика! Отвечай мне и не заворачивай мне мозги: видел ты их или не видел?

Усмехнулся еще раз другой, который синерожий, и вдруг исчез, только одна шапка осталсь в воздухе висеть.

— Ах, так вот кто ты такой! — сказал усатый старик и протянул руку за шапкой, а шапка от руки в сторону. Старик за шапкой, а шапка от него, не дается в руки старику. Летит шапка по Некрасовской улице мимо булочной, мимо бань. Из пивной народ выбегает, на шапку с удивлением смотрит и обратно в пивную уходит. А старик бежит за шапкой, руки вперед вытянул, рот открыл; глаза у старика остекленели, усы болтаются, а волосы перьями торчат во все стороны.

Добежал старик до Литейной, а там ему наперерез уж милиционер бежит и еще какой-то гражданин в сером костюмчике. Схватили они безумного старика и повели его куда-то.

Даниил Хармс
21 июля 1938 года

105

Поздравительное шествие

К семидесятилетию Наташи

Артомонов закрыл глаза, а Хрычов и Молотков стояли над Артомоновым и ждали.

— Ну же! Ну же! — торопил Хрычов.

А Молотков не утерпел и дёрнул стул, на котором сидел Артомонов, за задние нижки, и Артомонов свалился на пол.

— Ах так! — закричал Артомонов, поднимаясь на ноги. — Кто это меня со стула сбросил?

— Вы уж нас извините, — сказал Молотков, — мы ведь долго ждали, а вы всё молчите и молчите. Уж это меня черт попутал. Очень уж нам не терпелось.

— Не терпелось! — передразнил Артомонов. — А мне, пожилому человеку, по полу валяться? Эх, вы! Стыдно!

Артомонов стряхнул с себя соринки, приставшие к нему с пола и, сев опять на стул, закрыл глаза.

— Да что же это? А? Что же это? — заговорил вдруг Хрычов, глядя то на Молоткова, то на Артомонова.

Молотков постоял некоторое время в раздумье, а потом нагнулся и дернул задние ножки Артомоновского стула. Артомонов съехал со стула на пол.

— Это издевательство! — закричал Артомонов, — Это уже второй раз меня на пол скидывают! Это опять ты, Молотков?

— Да уж не знаю как сказать, товарищ Артомонов. Просто опять какое-то помутнение в мозгу было. Вы уж нас извините, тов. Артомонов! Мы ведь это только от нетерпения! — сказал Молотков и чихнул.

— Пожалеете об этом, — сказал Артомонов, поднимаясь с пола. — Пожалеете, сукины дети!

Артомонов сел на стул.

— Я тебе этого не спущу, — сказал Артомонов и погрозил кому-то пальцем.

Артомонов долго грозил кому-то пальцем а потом спрятал руку за борт жилета и закрыл глаза.

Хрущёв сразу заволновался:

— Ой! Что же это? Опять? Опять он! Ой!

Молотков отодвинул Хрущёва в сторону и носком сапога выбил стул из-под Артомонова. Артомонов грузно рухнул на пол.

— Трижды! — сказал Артомонов шепотом, — Хорошо-с!...

В это время дверь открылась и в комнату вошёл я.

— Стоп! — сказал я. — Прекратите это безобразие! Сегодня Наталии Ивановне исполнилось семьдесят лет.

Артомонов, сидя на полу, повернул ко мне свое глупое лицо и, указав пальцем на Молоткова, сказал:

— Он меня трижды со стула на пол скинул...

— Цык! — крикнул я. — Встать!

Артомонов встал.

— Взяться за руки! — скомандовал я.

Артомонов, Хрущов и Молотков взялись за руки.

— А теперь за — а мной!

И вот, постукивая каблуками, мы двинулись по направлению к Детскому Селу.

2 августа 1938 года

106

Бытовая сценка

Водевиль

Сно: Здравствуйте! Эх, выпьем! Эй! Гуляй-ходи! Эх! Эх! Эх!

Мариша: Да что с вами, Евгений Эдуардович?

Сно: Эх! Пить хочу! Эх, гуляй-ходи!

Мариша: Постойте, Евгений Эдуардович, вы успокойтесь. Хотите, я чай поставлю.

Сно: Чай? Нет. Я водку хлебать хочу.

Мариша: Евгений Эдуардович, милый, да что с вами? Я вас узнать не могу.

Сно: Ну и неча узнавать! Гони, мадам, водку!

Мариша: Господи, да что же это такое? Даня! Даня!

Даня (*лёжа на полу в прихожей*): Ну? Чего там ещё?

Мариша: Да что же мне делать? Что же это такое?

Сно: Эх, гуляй-ходи! (*пьет водку и выбрасывает ее фонтаном через нос*).

Мариша (*залезая за фисгармонию*): Заступница пресвятая! Мать пресвятая Богородица!

Хармс (*лежа в прихожей на полу*): Эй ты, там, слова молитв путаешь!

Сно (*разбивая бутылкой стеклянную дверцу шкапа*): Эх, гуляй-ходи!

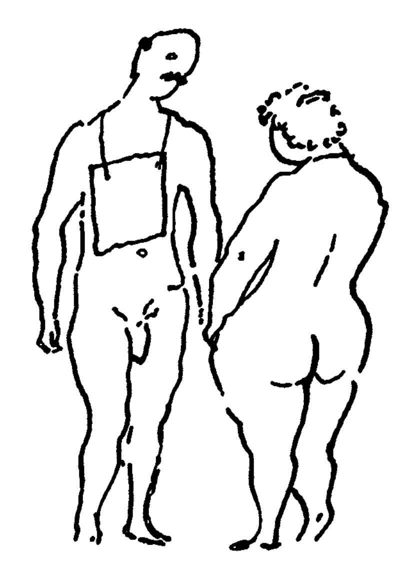
Падает занавес.

Слышно как Мариша чешет себе голову.

Вера, Надежда, Любовь, София. 1938 года
<30 сентября>

107

Меня называют капуцином. Я за это, кому следует, уши оборву, а пока что не дает мне покоя слава Жана-Жака Руссо. Почему он всё знал? И как детей пеленать, и как девиц замуж выдавать! Я бы тоже хотел так всё знать. Да я уже всё знаю, но только в знаниях своих не уверен. О детях я точно знаю, что их не надо вовсе пеленать, их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей. А чтобы из ямы не шла вонь разложения, ее можно каждую неделю заливать негашеной известью. В эту же яму я столкнул бы всех немецких овчарок. Теперь о том, как выдавать девиц замуж. Это, по-моему, еще проще. Я бы устроил общественный зал, где бы, скажем, раз в месяц собиралась вся молодежь. Все, от 17 до 35 лет, должны раздеться голыми и прохаживаться по залу. Если кто кому понравился, то такая пара уходит в уголок и там рассматривает себя уже детально. Я забыл сказать, что у всех на шее должна висеть карточка с именем, фамилией и адресом. Потом тому, кто пришелся по вкусу, можно послать письмо и завязать более тес-

ное знакомство. Если же в эти дела вмешается старик или старуха, то я предлагаю зарубать их топором и волочить туда же, куда и детей, в центральную яму.

Я бы написал еще об имеющихся во мне знаниях, но, к сожалению, должен идти в магазин за махоркой. Идя на улицу, я всегда беру с собой толстую, сучковатую палку.

Беру я ее с собой, чтобы колотить ею детей, которые подворачиваются мне под ноги. Должно быть, за это прозвали меня капуцином. Но подождите, сволочи, я вам обдеру еще уши!

12 октября 1938 года.

108

Тетрадь

Мне дали пощёчину.

Я сидел у окна. Вдруг на улице что-то свистнуло. Я высунулся на улицу из окна и получил пощёчину. Я спрятался обратно в дом. И вот теперь на моей щеке горит, как раньше говорили, несмываемый позор. Такую боль обиды я испытал раньше один только раз. Это было так: одна прекрасная дама, незаконная дочь короля, подарила мне роскошную тетрадь. Это был для меня настоящий праздник,так хороша была тетрадь! Я сразу сел и начал писать туда стихи. Но когда эта дама, незаконная дочь короля, увидела, что я пишу в эту тетрадь черновики, она сказала: «Если бы знала я, что вы сюда будете писать свои бездар-

ные черновики, никогда бы не подарила я вам этой тетради. Я ведь думала, что эта тетрадь вам послужит для списывания туда умных и полезных фраз, вычитанных вами из различных книг».

Я вырвал из тетради исписанные мной листки и вернул тетрадь даме.

И вот теперь, когда мне дали пощёчину через окно, я ощутил знакомое мне чувство. Это было то же чувство, какое я испытал, когда вернул прекрасной даме её роскошную тетрадь.

12 октября 1938 года.

109

Художник и Часы

Серов, художник, пошёл на Обводный канал. Зачем он туда пошёл? Покупать резину. Зачем ему резина? Чтобы сделать себе резинку. А зачем ему резинка? А чтобы её растягивать. Вот. Что ещё? А ещё вот что: художник Серов поломал свои часы. Часы хорошо ходили, а он их взял и поломал. Чего ещё? А боле ничего. Ничего и всё тут! И своё поганое рыло, куда не надо, не суй! Господи помилуй!

Жила была старушка. Жила, жила и сгорела в печке. Туда ей и дорога! Серов, художник, по крайней мере, так рассудил...

Эх! Написал бы ещё, да чернильница куда-то вдруг исчезла.

22 октября 1938 года

110

Новый талантливый писатель

Андрей Андреевич придумал такой расказ: В одном старинном замке жил принц, страшный пьяница. А жена этого принца, наоборот, не пила даже чаю, только воду и молоко пила. А муж

137

её пил водку и вино, а молока не пил. Да и жена его, собственно говоря, тоже водку пила, но скрывала это. А муж был бесстыдник и не скрывал. «Не пью молока, а водку пью!» — говорил он всегда. А жена тихонько из-под фартука вынимала баночку и хлоп, значит, выпивала. Муж её, принц, говорит: «Ты бы и мне дала». А жена, принцесса, говорит: «Нет, самой мало. Хю!» «Ах ты, — говорит принц, — ледя!» И с этими словами хвать жену об пол! Жена себе всю харю расшибла, лежит на полу и плачет. А принц в мантию завернулся и ушёл к себе в башню, там у него клетка стояла. Он, видите ли, там кур разводил. Вот пришёл принц на башню, а там куры кричат, пищи требуют. Одна курица даже ржать начала. «Ну, ты, — говорит ей принц, — шантоклер! Молчи, пока по зубам не попало!» Курица слов не понимает и продолжает ржать. Выходит, значит, что курица на башне шумит, принц, значит, матерно ругается, жена внизу на полу лежит, одним словом настоящий содом.

Вот какой рассказ выдумал Андрей Андреевич. Уже по этому рассказу можно судить, что Андрей Андреевич крупный талант. Андрей Андреевич очень умный человек, очень умный и очень хороший!

Даниил Хармс
12-30 октября 1938 года.

111

Я поднял пыль. Дети бежали за мной и рвали на себе одежду. Старики и старухи падали с крыш. Я свистел, я громыхал, я лязгал зубами и стучал железной палкой. Рваные дети мчались за мной и, не поспевая, ломали в страшной спешке свои тонкие ноги. Старики и старухи скакали вокруг меня. Я нёсся вперёд! Грязные рахитичные дети, похожие на грибы поганки, путались под моими ногами. Мне было трудно бежать. Я поминутно спотыкался и раз даже чуть не упал в мягкую кашу из барахтающихся на земле стариков и старух. Я прыгнул, оборвал нескольким поганкам головы и наступил ногой на живот

худой старухи, которая при этом громко хрустнула и тихо произнесла: «замучили». Я, не оглядываясь, побежал дальше. Теперь под моими ногами была чистая и ровная мостовая. Редкие фонари освещали мне путь. Я подбегал к бане. Приветливый банный огонёк уже мигал передо мной и банный уютный, но душный пар уже лез мне в ноздри, уши и рот. Я, не раздеваясь, пробежал сквозь предбанник, потом, мимо кранов, шаек и нар, прямо к полку. Горячее белое облако окружило меня. Я слышу слабый, но настойчивый звон. Я, кажется, лежу.

— И вот тут-то могучий отдых остановил моё сердце.

1 февраля 1939 года

112

Господин невысокого роста с камушком в глазу подошёл к двери табачной лавки и остановился. Его чёрные лакированные туфли сияли у каменной ступенечки, ведущей в табачную лавку. Носки туфель были направлены внутрь магазина. Ещё два шага и господин скрылся бы за дверью. Но он почему-то задержался, будто нарочно для того, чтобы подставить голову под кирпич, упавший с крыши. Господин даже снял шляпу, обнаружив свой лысый череп, и таким образом кирпич ударил господина прямо по голой голове, проломил черепную кость и застрял в мозгу. Господин не упал. Нет, он только пошатнулся от страшного удара, вынул из кармана платок, вытер им лицо, залепленное кровавыми мозгами и, повернувшись к толпе, которая мгновенно собралась вокруг этого господина, сказал: «Не беспокойтесь, господа, у меня была уже прививка. Вы видите, у меня в правом глазу торчит камушек. Это тоже был однажды случай. Я уже привык к этому. Теперь мне всё трын-трава!» И с этими словами господин надел шляпу и ушел куда-то в сторону, оставив смущённую толпу в полном недоумении.

<1939-1940>

113

Когда я вижу человека, мне хочется ударить его по морде. Так приятно бить по морде человека!

Я сижу у себя в комнате и ничего не делаю.

Вот кто-то пришел ко мне в гости; он стучится в мою дверь. Я говорю: «Войдите!» Он входит и говорит: «Здравствуйте! Как хорошо, что я застал вас дома!» А я его стук по морде, а потом еще сапогом в промежность. Мой гость падает навзничь от страшной боли. А я ему каблуком по глазам! Дескать, нечего шляться, когда не звали!

А то еще так: я предлагаю гостю выпить чашечку чая. Гость соглашается, садится к столу, пьет чай и что-то рассказывает. Я делаю вид, что слушаю его с большим интересом, киваю головой, ахаю, делаю удивленные глаза и смеюсь. Гость, польщенный моим вниманием, расходится всё больше и больше.

Я спокойно наливаю чашку кипятка и плещу кипятком гостю в морду. Гость вскакивает и хватается за лицо. А я ему говорю: «Больше нет в душе моей добродетели. Убирайтесь вон!» И я выталкиваю гостя.

<1939-1940>

114

Рыцари

Был дом, наполненный старухами. Старухи целый день шатались по дому и били мух бумажными фунтиками. Всех старух в этом доме было тридцать шесть. Самая бойкая старуха по фамилии Юфлева командовала другими старухами. Непослушных старух она щипала за плечи или подставляла им подножку, и они падали и разбивали свои рожи. Старуха Звякина, наказанная Юфлевой, упала так неудачно, что сломала свои обе челюсти. Пришлось вызвать доктора. Тот пришел, надел халат и, осмотрев Звякину, сказал, что она слишком стара, чтобы можно было рассчитывать на исправление ее

челюстей. Затем доктор попросил дать ему молоток, стамеску, клещи и веревку. Старухи долго носились по дому, не зная, как выглядят клещи и стамеска, приносили доктору всё, что казалось им похожим на инструменты. Доктор долго ругался, но наконец, получив все требуемые предметы, попросил всех

удали́ться. Старухи, сгорая от любопытства, удалились с большим неудовольствием. Когда старухи с бранью и ропотом высыпали из комнаты, доктор запер за ними дверь и подошел к Звякиной. «Ну-с», — сказал доктор и, схватив Звякину, крепко связал ее веревкой. Потом доктор, не обращая внимания на громкие крики и вой Звякиной, приставил к ее челюсти стамеску и сильно ударил по стамеске молотком. Звякина завыла хриплым басом. Раздробив стамеской челюсти Звякиной, доктор схватил клещи и, зацепив ими звякинские челюсти, вырвал их. Звякина выла, кричала и хрипела, обливаясь кровью. А доктор бросил клещи и вырванные звякинские челюсти на пол, снял халат, вытер об него свои руки и, подойдя к двери, открыл <ее>. Старухи с визгом ввалились в комнату и выпученными глазами уставились кто на Звякину, а кто на окровавленные куски, валявшиеся

на полу. Доктор протолкался между старухами и ушел. Старухи кинулись к Звякиной. Звякина затихла и, видно, начала умирать. Юфлева стояла тут же, смотрела на Звякину и грызла семечки. Старуха Бяшечкина сказала: «Вот, Юфлева, когда-нибудь и мы с тобой усопнем». Юфлева лягнула Бяшечкину, но та вовремя успела отскочить в сторону.

— Пойдемте, старухи! — сказала Бяшечкина. — Чего нам тут делать? Пусть Юфлева со Звякиной возится, а мы пойдем мух бить.

И старухи двинулись из комнаты.

Юфлева, продолжая лузгать семечки, стояла посредине комнаты и смотрела на Звякину. Звякина затихла и лежала неподвижно. Может быть, она умерла.

Однако на этом автор заканчивает повествование, так как не может отыскать своей чернильницы.

♀ 21 июня 1940 года
<пятница>

115

Победа Мышина

Мышину сказали: — «Эй, Мышин, вставай!»

Мышин сказал: «Не встану», — и продолжал лежать на полу.

Тогда к Мышину подошел Калугин и сказал: «Если ты, Мышин, не встанешь, я тебя заставлю встать». «Нет», — сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

К Мышину подошла Селизнёва и сказала: «Вы, Мышин, вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаете нам ходить взад и вперед».

«Мешал и буду мешать», — сказал Мышин.

— Ну, знаете, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Да чего тут долго разговаривать! Звоните в милицию.

Позвонили в милицию и вызвали милиционера.

Через полчаса пришёл милиционер с дворником.

— Чего у вас тут? — спросил милиционер.

— Полюбуйтесь, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Вот. Этот гражданин все время лежит тут на полу и мешает нам ходить по коридору. Мы его и так и этак...

Но тут Кулыгина перебила Селизнёва и сказала:

— Мы его просили уйти, а он не уходит.

— Да, — сказал Коршунов.

Милиционер подошел к Мышину.

— Вы, гражданин, зачем тут лежите? — спросил милиционер.

— Отдыхаю, — сказал Мышин.

— Здесь, гражданин, отдыхать не годится, — сказал милиционер. — Вы где, гражданин, живете?

— Тут, — сказал Мышин.

— Где ваша комната? — спросил милиционер.

— Он прописан в нашей квартире, а комнаты не имеет, — сказал Кулыгин.

— Обождите, гражданин, — сказал милиционер, — я сейчас с ним говорю. Гражданин, где вы спите?

— Тут, — сказал Мышин.

— Позвольте, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Он даже кровати не имеет и валяется прямо на голом полу.

— Они давно на него жалуются, — сказал дворник.

— Совершенно невозможно ходить по коридору, — сказала Селизнёва, — я не могу вечно шагать через мужчину. А он нарочно ноги вытянет, да еще руки вытянет, да еще на спину ляжет и гладит. Я с работы усталая прихожу, мне отдых нужен.

— Присовокупляю, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Он и ночью тут лежит. Об него в темноте все спотыкаются. Я через него одеяло свое разорвал.

Селизнёва сказала:

— У него вечно из кармана какие-то гвозди вываливаются. Невозможно по коридору босой ходить, того и гляди ногу напорешь.

— Они давеча хотели его керосином поджечь, — сказал дворник.

— Мы его керосином облили, — сказал Коршунов, но его перебил Кулыгин и сказал:

— Мы его только для страха керосином облили, а поджечь и не собирались.

— Да я бы и не позволила в своем присутствии живого человека сжечь, — сказала Селизнёва.

— А почему этот гражданин в коридоре лежит? — спросил вдруг милиционер.

— Здрасте пожалуйста! — сказал Коршунов, но <Кулыгин> его перебил и сказал:

— А потому, что у него нет другой жилплощади: вот в этой комнате я живу, в этой — вон она, в этой — вот он, а уж Мышин тут, в коридоре, живет.

— Это не годится, — сказал милиционер. — Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали.

— А у него нет другой жилплощади, как в коридоре, — сказал Кулыгин.

— Вот именно, — сказал Коршунов.

— Вот он вечно тут и лежит, — сказала Селизнёва.

— Это не годится, — сказал милиционер и ушел вместе с дворником.

Коршунов подскочил к Мышину.

— Что? — закричал он. — Как вам это по вкусу пришлось?

— Подождите, — сказал Кулыгин. И, подойдя к Мышину, сказал:

— Слышал, чего говорил милиционер? Вставай с полу!

— Не встану, — сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

— Он теперь нарочно и дальше будет вечно тут лежать, — сказала Селизнева.

— Определенно, — сказал с раздражением Кулыгин.

И Коршунов сказал:
— Я в этом не сомневаюсь. Parfaitement!*

Хармс
♂ 8♍ 1940 года
<вторник 8 августа>

116
Лекция

Пушков сказал:

— Женщина, это станок любви, — и тут же получил по морде.

— За что? — спросил Пушков, но, не получив ответа на свой вопрос, продолжал:

— Я думаю так: к женщине надо подкатываться снизу. Женщины это любят, и только делают вид, что они этого не любят.

Тут Пушкова опять стукнули по морде.

— Да что же это такое, товарищи! Я тогда и говорить не буду, — сказал Пушков, но, подождав с четверть минуты, продолжал:

— Женщина устроена так, что она вся мягкая и влажная.

Тут Пушкова опять стукнули по морде. Пушков попробовал сделать вид, что он этого не заметил и продолжал:

— Если женщину понюхать...

Но тут Пушкова так сильно трахнули по морде, что он схватился за щёку и сказал:

— Товарищи, в таких условиях совершенно невозможно провести лекцию. Если это будет ещё повторяться, я замолчу.

Пушков подождал четверть минуты и продолжал:

— На чём мы остановились? Ах да! Так вот: Женщина любит смотреть на себя. Она садится перед зеркалом совершенно голая...

На этом слове Пушков опять получил по морде.

— Голая, — повторил Пушков.

---

* Совершенно верно! — *франц.*

— Трах! — отвесили ему по морде.

— Голая! — крикнул Пушков.

— Трах! — получил он по морде.

— Голая! Женщина голая! Голая баба! — кричал Пушков.

— Трах! Трах! Трах! — получал Пушков по морде.

— Голая баба с ковшом в руках! — кричал Пушков.

— Трах! Трах! — сыпались на Пушкова удары.

— Бабий хвост! — кричал Пушков, увёртываясь от ударов. — Голая монашка!

Но тут Пушкова ударили с такой силой, что он потерял сознание и, как подкошенный, рухнул на пол.

♄12♍ 1940 года
<суббота 12 августа>

117

Пашквиль

Знаменитый чтец Антон Исакович Ш., то самое историческое лицо, которое выступало в сентябре месяце 1940 года в Литейном Лектории, любило перед своими концертами полежать часок-другой и отдохнуть. Ляжет, оно бывало, на кушет и скажет: «Буду спать», а само не спит. После концертов оно любило поужинать. Вот оно придёт домой, рассядется за столом и говорит своей жене: «А ну, голубушка, состряпай-ка мне что-нибудь из лапши». И пока жена его стряпает, оно сидит за столом и книгу читает. Жена его хорошенькая, в кружевном передничке, с сумочкой в руках, а в сумочке носовой платочек и ватрушечный медальончик лежит, жена его бегает по комнате, каблучками стучит как бабочка, а оно скромно за столом сидит, ужина дожидается. Всё так складно и прилично. Жена ему что-нибудь приятное скажет, а оно головой кивает. А жена порх к буфетику и уже рюмочками там звенит. «Налей-ка, душенька, мне рюмочку», — говорит оно. «Смотри, голубчик, не сопейся», — говорит ему жена. «Авось, пупочка, не сопьюсь», — говорит оно, опрокидывая рю-

мочку в рот. А жена грозит ему пальчиком, а сама боком через двери на кухню бежит. Вот в таких приятных тонах, весь ужин проходит, а потом они спать закладываются. Ночью, если им мухи не мешают, они спят спокойно, потому что уж очень они люди хорошие!

♄ 12♍ 1940 года
<суббота 12 августа>

118

Помеха

Пронин сказал:

— У вас очень красивые чулки.

Ирина Мазер сказала:

— Вам нравятся мои чулки?

Пронин сказал:

— О, да. Очень. — И схватился за них рукой.

Ирина сказала:

— А почему вам нравятся мои чулки?

Пронин сказал:

— Они очень гладкие.

Ирина подняла свою юбку и сказала:

— А видите, какие они высокие?

Пронин сказал:

— Ой, да, да.

Ирина сказала:

— Но вот тут они уж кончаются. Тут уже идет голая нога.

— Ой, какая нога! — сказал Пронин.

— У меня очень толстые ноги, — сказала Ирина. — А в бедрах я очень широкая.

— Покажите, — сказал Пронин.

— Нельзя, — сказала Ирина, — я без панталон.

Пронин опустился перед ней на колени.

Ирина сказала:

— Зачем вы встали на колени?

Пронин поцеловал ее ногу чуть повыше чулка и сказал:

— Вот зачем.

Ирина сказала:

— Зачем вы поднимаете мою юбку еще выше? Я же вам сказала, что я без панталон.

Но Пронин все-таки поднял ее юбку и сказал:

— Ничего, ничего.

— То есть как это так, ничего? — сказала Ирина.

Но тут в двери кто-то постучал. Ирина быстро одернула свою юбку, а Пронин встал с пола и подошел к окну.

— Кто там? — спросила Ирина через двери.

— Откройте дверь, — сказал резкий голос.

Ирина открыла дверь, и в комнут вошел человек в черном пальто и в высоких сапогах. За ним вошли двое военных, низших чинов, с винтовками в руках, и за ними вошел дворник. Низшие чины встали около двери, а человек в черном пальто подошел к Ирине Мазер и сказал:

— Ваша фамилия?

— Мазер, — сказала Ирина.

— Ваша фамилия? — спросил человек в черном пальто, обращаясь к Пронину.

Пронин сказал:

— Моя фамилия Пронин.

— У вас есть оружие? — спросил человек в черном пальто.

— Нет, — сказал Пронин.

— Сядьте сюда, — сказал человек в черном пальто, указывая Пронину на стул.

Пронин сел.

— А вы, — сказал человек в черном пальто, обращаясь к Ирине, — наденьте ваше пальто. Вам придется с нами проехать.

— Зачем? — спросила Ирина.

Человек в черном пальто не ответил.

— Мне нужно переодеться, — сказала Ирина.

— Нет, — сказал человек в черном пальто.

— Но мне нужно еще кое-что на себя надеть. — сказала Ирина.

— Нет, — сказал человек в черном пальто.

Ирина молча надела свою шубку.

— Прощайте, — сказала она Пронину.

— Разговоры запрещены, — сказал человек в черном пальто.

— А мне тоже ехать с вами? — спросил Пронин.

— Да, — сказал человек в черном пальто. — Одевайтесь.

Пронин встал, снял с вешалки свое пальто и шляпу, оделся и сказал:

— Ну, я готов.

— Идемте, — сказал человек в черном пальто.

Низшие чины и дворник застучали подметками.

Все вышли в коридор.

Человек в черном пальто запер дверь Ирининой комнаты и запечатал ее двумя бурыми печатями.

— Даешь на улицу, — сказал он.

И все вышли из квартиры, громко хлопнув наружной дверью.

♄ 12 ♍ 1940 года
<суббота 12 августа>

119

Как легко человеку запутаться в мелких предметах. Можно часами ходить от стола к шкапу и от шкапа к дивану и не находить выхода. Можно даже забыть, где находишься, и пускать стрелы в какой-нибудь маленький шкапчик на стене. «Гой! шкап! — можно кричать ему. — Я тебя!» Или можно лечь на пол и рассматривать пыль. В этом тоже есть вдохновение. Лучше делать это по часам, сообразуясь со временем. Правда, тут очень трудно определить сроки, ибо какие сроки у пыли?

Еще лучше смотреть в таз с водой. На воду смотреть всегда полезно и поучительно. Даже если там ничего не видно, а всё же хорошо. Мы смотрели на воду, ничего в ней не видели, и скоро нам стало скучно. Но мы утешали себя, что всё же сделали хорошее дело. Мы загибали наши пальцы и считали. А что считали, мы не знали, ибо разве есть какой-либо счет в воде?

ħ1tm10
<17 августа 1940 г.>

120

Власть

Фаол сказал: «Мы грешим и творим добро вслепую. Один стряпчий ехал на велосипеде и вдруг, доехав до Казанского собора, исчез. Знает ли он, что дано было сотворить ему: добро или зло? Или такой случай: один артист купил себе шубу и якобы сотворил добро той старушке, которая, нуждаясь, продавала эту шубу, но зато другой старушке, а именно своей матери, которая жила у артиста и обыкновенно спала в прихожей, где артист вешал свою новую шубу, он сотворил, по всей видимости, зло, ибо от новой шубы столь невыносимо пахло каким-то формалином и нафталином, что старушка, мать того артиста, однажды не смогла проснуться и умерла. Или еще так: один графолог надрызгался водкой и натворил такое, что тут, пожалуй, и сам пол-

ковник Дибич не разобрал бы, что хорошо, а что плохо. Грех от добра отличить очень трудно».

Мышин, задумавшись над словами Фаола, упал со стула.

— Хо-хо, — сказал он, лежа на полу, — че-че.

Фаол продолжал: «Возьмем любовь. Будто хорошо, а будто и плохо. С одной стороны, сказано: возлюби, а с другой стороны, сказано: не балуй. Может, лучше вовсе не возлюбить? А сказано: возлюби. А возлюбишь — набалуешь. Что делать? Может, возлюбить, да не так? Тогда зачем же у всех народов одним и тем же словом изображается возлюбить и так, и не так? Вот один артист любил свою мать и одну молоденькую полненькую девицу. И любил он их разными способами. Он отдавал девице большую часть своего заработка. Мать частенько голодала, а девица пила и ела за троих. Мать артиста жила в прихожей на полу, а девица имела в своем распоряжении две хорошие комнаты. У девицы было четыре пальто, а у матери одно. И вот артист взял у своей матери это одно пальто и перешил из него девице юбку. Наконец, с девицей артист баловался, а со своей матерью не баловался и любил ее чистой любовью. Но смерти матери артист побаивался, а смерти девицы артист не побаивался. И когда умерла мать, артист плакал, а когда девица вывалилась из окна и тоже умерла, артист не плакал и завел себе другую девицу. Выходит, что мать ценится, как уника, вроде редкой марки, которую нельзя заменить другой»

— Шо-шо, — сказал Мышин, лежа на полу, — хо-хо.

Фаол продолжал: «И это называется чистая любовь! Добро ли такая любовь? А если нет, то как же возлюбить? Одна мать любила своего ребенка. Этому ребенку было два с половиной года. Мать носила его в сад и сажала на песочек. Туда же приносили своих детей и другие матери. Иногда на песочке накапливалось до сорока маленьких детей. И вот однажды в этот сад ворвалась бешеная собака, кинулась прямо к детям и начала их кусать. Матери с воплями кинулись к своим детям, в том числе и наша

мать. Она, жертвуя собой, подскочила к собаке и вырвала у нее из пасти, как ей казалось, своего ребенка. Но, вырвав ребенка, она увидела, что это не ее ребенок, и мать кинула его обратно собаке, чтобы схватить и спасти от смерти лежащего тут же рядом своего ребенка. Кто ответит мне: согрешила ли она или сотворила добро?»

— Сю-сю, — сказал Мышин, ворочаясь на полу.

Фаол продолжал: «Грешит ли камень? Грешит ли дерево? Грешит ли зверь? Или грешит только один человек?»

— Млям-млям, — сказал Мышин, прислушиваясь к словам Фаола, — шуп-шуп.

Фаол продолжал: «Если грешит только один человек, то значит, все грехи мира находятся в самом человеке. Грех не входит в человека, а только выходит из него. Подобно пище: человек съедает хорошее, а выбрасывает из себя нехорошее. В мире нет ничего нехорошего, только то, что прошло сквозь человека, может стать нехорошим».

— Умняф, — сказал Мышин, стараясь приподняться с пола.

Фаол продолжал: «Вот я говорил о любви, я говорил о тех состояниях наших, которые называются одним словом «любовь». Ошибка ли это языка, или все эти состояния едины? Любовь матери к ребенку, любовь сына к матери и любовь мужчины к женщине — быть может, это все одна любовь?»

— Определенно, — сказал Мышин, кивая головой.

Фаол сказал: «Да, я думаю, что сущность любви не меняется оттого, кто кого любит. Каждому человеку отпущена известная величина любви. И каждый человек ищет, куда бы ее приложить, не скидывая своих фузеляжек. Раскрытие тайн перестановок и мелких свойств нашей души, подобной мешку опилок...»

— Хветь! — крикнул Мышин, вскакивая с пола. — Сгинь!

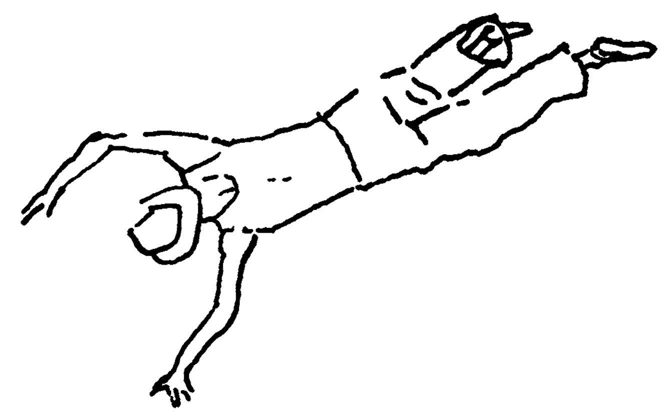
И Фаол рассыпался, как плохой сахар.

⊙ 29♎1940 года
<воскресенье 29 сентября>

121
Упадание
(Вблизи и вдали)

Два человека упали с крыши. Они оба упали с крыши пятиэтажного дома, новостройки. Кажется, школы. Они съехали по крыше в сидячем положении до самой кромки и тут начали падать. Их падение раньше всех заметила Ида Марковна. Она стояла у окна в противоположном доме и сморкалась в стакан. И вдруг она увидела, что кто-то с крыши противоположного дома начинает падать. Вглядевшись, Ида Марковна увидела, что это начинают падать сразу целых двое. Совершенно растерявшись, Ида Марковна содрала с себя рубашку и начала этой рубашкой скорее протирать запотевшее оконное стекло, чтобы лучше разглядеть, кто там падает с крыши. Однако, сообразив, что, пожалуй, падающие могут, со своей стороны, увидеть ее голой и невесть что про неё подумать, Ида Марковна отскочила от окна и спряталась за плетёный треножник, на котором когда-то стоял горшок с цветком. В это время падающих с крыши увидела другая особа, живущая в том же доме, что и Ида Марковна, но только двумя этажами ниже. Особу эту тоже звали Ида Марковна. Она как раз в это время сидела с ногами на подоконнике и пришивала к своей туфле пуговку. Взглянув в окно, она увидела падающих с крыши. Ида Марковна взвизгнула и, вскочив с подоконника, начала спешно открывать окно, чтобы лучше увидеть, как падающие с крыши ударятся об землю. Но окно не открывалось. Ида Марковна вспомнила, что она забила окно снизу гвоздём и кинулась к печке, в которой она хранила инструменты: четыре молотка, долото и клещи. Схватив клещи, Ида Марковна опять подбежала к окну и выдернула гвоздь. Теперь окно легко распахнулось. Ида Марковна высунулась из окна и увидела, как падающие с крыши со свистом подлетали к земле.

На улице собралась уже небольшая толпа. Уже раздавались свистки и к месту ожидаемого проис-

шествия не спеша подходил маленького роста милиционер. Носатый дворник суетился, расталкивая людей и поясняя, что падающие с крыши могут вдарить собравшихся по головам. К этому времени уже обе Иды Марковны, одна в платье, а другая голая, высунувшись в окно, визжали и били ногами. И вот, наконец, расставив руки и выпучив глаза, падающие с крыши ударились об Землю.

Так и мы иногда, упадая с высот достигнутых, ударяемся об унылую клеть нашей будущности.

Д. Х.
Писано четыре дня.
Закончено в ♄ 7♎1940 года
<в субботу 7 октября>

122

Перечин сел на кнопку, и с этого момента его жизнь резко переменилась. Из задумчивого, тихого человека Перечин стал форменным негодяем. Он отпустил себе усы и в дальнейшем подстригал их чрезвычайно неаккуратно, таким образом, один его ус был всегда длиннее другого. Да и росли у него усы как-то косо. Смотреть на Перечина стало невозможно. К тому же он еще отвратительно подмигивал глазом и дергал щекой. Некоторое время Перечин ограничивался мелкими подлостями: сплетничал, доносил, обсчитывал трамвайных кондукто-

ров, платя им за проезд самой мелкой медной монетой и всякий раз недодавая двух, а то и трех копеек.

♀ 14♍ 40.
<среда 14 октября 1940 г.>

123

Все люди любят деньги. И гладят их, и целуют, и к сердцу прижимают, и заворачивают их в красивые тряпочки, и няньчат их, как куклу. А некоторые заключают дензнак в рамку, вешают его на стену и поклоняются ему как иконе. Некоторые кормят свои деньги: открывают им рты и суют туда самые жирные куски своей пищи. В жару несут деньги в холодный погреб, а зимой, в лютые морозы, бросают деньги в печку, в огонь. Некоторые просто разговаривают со своими деньгами или читают им вслух интересные книги, или поют им приятные песни. Я же не отдаю деньгам особого внимания и просто ношу их в кошельке или в бумажнике, и, по мере надобности, трачу их. Шибейя!

♀1t♍
<пятница 16 октября 1940>

124

Приключения Катерпиллера

Мишурин был катерпиллером. Поэтому, а может быть и не поэтому он любил лежать под диваном или за шкапом и сосать пыль. Так как он был человек не особенно аккуратный, то иногда целый день его рожа была в пыли, как в пуху.

Однажды его пригласили в гости, и Мишурин решил слегка пополоскать свою физиономию. Он налил в таз теплой воды, пустил туда немного уксусу и погрузил в воду свое лицо. Как видно, уксусу в воде было слишком много, и потому Мишурин ослеп. До

глубокой старости он ходил ощупью и поэтому, а может быть и не поэтому стал еще больше походить на катерпиллера.

[illegible]
<пятница 16 октября 1940 г. 156 III>

125

На кровати метался полупрозрачный юноша. На стуле, закрыв лицо руками, сидела женщина, должно быть, мать. Господин в крахмальном воротничке, должно быть, врач, стоял возле ночного столика. На окнах были спущены жёлтые шторы. Заскрипела дверь, и в комнату заглянул кот. Господин в крахмальном воротничке ударил кота сапогом по морде. Кот исчез. Юноша застонал.

Юноша что-то сказал. Господин, похожий на врача, прислушался. Юноша сказал: «Лодки плывут». Господин нагнулся над юношей.

— Что с вами, мой дорогой друг? — спросил господин, наклоняясь к юноше. Юноша молча лежал на спине, но лицо его было повернуто к стенке.

Юноша молчал.

— Хорошо, — сказал господин, выпрямляясь. — Вы не желаете отвечать вашему другу. Хорошо.

Господин пожал плечами и отошёл к окну.

— Дайте лодку, — произнес юноша.

Господин, стоя у окна, хихикнул.

Прошло минут восемь. Юноша отыскал глазами господина в крахмальном воротничке и сказал:

— Доктор, скажите мне откровенно: я умираю?

— Видите ли, — сказал доктор, играя цепочкой от часов. — Я бы не хотел отвечать на ваш вопрос. Я даже не имею права отвечать на него.

— То, что вы сказали, вполне достаточно, — сказал юноша. — Теперь я знаю, что надежд нет.

— Ну, уж это ваша фантазия, — сказал доктор. — Я вам про надежды не сказал ни слова.

— Доктор, вы меня считаете за дурака. Но уверяю вас, что я не так глуп и прекрасно понимаю свое положение.

Доктор хихикнул и пожал плечами.

— Ваше положение таково, — сказал он, — что понять вам его невозможно.

<1940>

126

Один человек гнался за другим, тогда как тот, который убегал, в свою очередь гнался за третьим, который, не чувствуя за собой погони, просто шёл быстрым шагом по мостовой.

<1940>

127

В трамвае сидели два человека и рассуждали так: Один говорил: «Я не верю в загробную жизнь. Реальных доказательств того, что загробная жизнь существует — не имеется. И авторитетных свидетельств о ней мы не знаем. В религиях же о ней говорится либо очень неубедительно, например, в исламе, либо очень туманно, например, в христианстве, либо ничего не говорится, например, в библии, либо прямо говорится, что её нет, например, в буддизме. Случаи ясновидения, пророчества, разных чудес и даже привидений прямого отношения к загробной жизни не имеют и отнюдь не служат доказательством её существования. Меня нисколько не интересуют рассказы, подобные тому, как один человек увидел во сне льва и на другой день был убит вырвавшимся из Зоологического сада львом. Меня интересует только вопрос: есть ли загробная жизнь или её нет? Скажите, как по вашему?»

Второй Собеседник сказал: «Отвечу вам так: на ваш вопрос вы никогда не получите ответа, а если получите когда-нибудь ответ, то не верьте ему. Только вы сами сможете ответить на этот вопрос. Если

вы ответите да, то будет да, если вы ответите нет, то будет нет. Только ответить надо с полным убеждением, без тени сомнения, или, точнее говоря, с абсолютной верой в свой ответ».

Первый Собеседник сказал: «Я бы охотно ответил себе. Но ответить надо с верой. А чтобы ответить с верой, надо быть уверенным в истинности своего ответа. А где мне взять эту уверенность?»

Второй Собеседник сказал: «Уверенность, или точнее, веру нельзя приобрести, её можно только развить в себе».

Первый Собеседник сказал: «Как же я могу развить в себе веру в свой ответ, когда я даже не знаю, что отвечать, да или нет».

Второй Собеседник сказал: «Выберите себе то, что вам больше нравится».

— Сейчас будет наша остановка, — сказал первый Собеседник и оба встали со своих мест, чтобы идти к выходу.

— Простите, — обратился к ним какой-то военный черезвычайно высокого роста. — Я слышал ваш разговор и меня, извините, заинтересовало: как это могут два ещё молодых человека серьёзно говорить о том, есть ли загробная жизнь, или её нет?

<1940>

128

— Да, — сказал Козлов, притряхивая ногой, — она очень испугалась. Ещё бы! Хо-хо! Но сообразила, что бежать ни в коем случае нельзя. Это всё же она сообразила. Но тут хулиганы подошли ближе и начали ей в ухо громко свистеть. Они думали оглушить её свистом. Но из этого ничего не вышло, т. к. она как раз на это ухо была глуха. Тогда один из хулиганов шваркнул её палкой по ноге. Но и из этого тоже ничего не вышло, потому что как раз эта нога была у неё еще пять лет тому назад ампутирована и заменена протезом. Хулиганы даже остановились от удивленья, видя, что она продолжает спокойно идти дальше.

—Ловко! — сказал Течорин. — Великолепно! Ведь что бы было, если бы хулиганы подошли к ней с другого бока? Ей повезло.

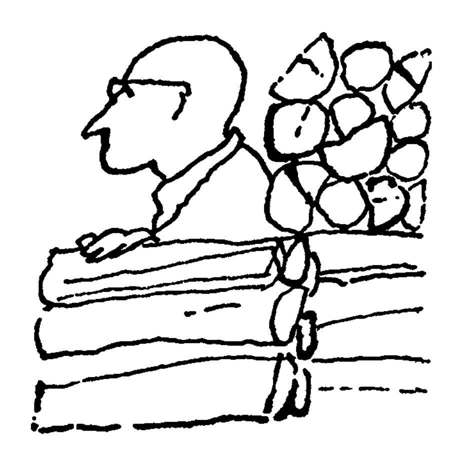
— Да, — сказал Козлов, — но обыкновенно ей не везёт. Недели две тому назад её изнасиловали, а прошлым летом ее просто так, из озорства, высекли лошадиным кнутом. Бедная Елизавета Платоновна даже привыкла к подобным историям.

— Бедняжка, — сказал Течорин. — Я был бы непрочь её повидать.

<1940>

129

Я не стал затыкать ушей. Все заткнули, а я один не заткнул и потому я один всё слышал. Я также не закрывал тряпкой глаз, как это сделали все. И потому я всё видел. Да, я один всё видел и слышал. Но, к сожалению, я ничего не понял, а потому, значит, какая цена тому, что я один всё видел и слышал? Я даже не мог запомнить того, что я видел и слышал. Какие-то отрывочные воспоминания, закорючки и бессмысленные звонки. Вот пробежал трамвайный кондуктор, за ним пожилая дама с лопатой в зубах. Кто-то сказал: «... вероятно, из-под кресла...». Голая еврейская девушка раздвигает ножки и выливает на свои половые органы из чашки молоко. Молоко стекает в глубоку<ю> столовую тарелку. Из тарелки молоко переливают обратно в чашку и предлагают мне выпить. Я пью; от молока пахнет сыром... Голая еврейская девушка сидит передо мной с раздвинутыми ногами, её половые органы выпачканы в молоке. Она наклоняется вперёд и смотрит на свои половые органы. Из её половых органов начинает течь прозрачная и тягучая жидкость... Я прохожу через большой и довольно тёмный двор. На дворе лежат, сложенные высокими кучами, дрова. Из-за дров выглядывает чьё-то лицо. Я знаю: это Лимонин следит за мной. Он смотрит: не пройду ли я к его жене. Я поворачиваю направо и прохожу через

парадную на улицу. Из ворот выглядывает радостное лицо Лимонина... Вот жена Лимонина предлагает мне водку. Я выпиваю четыре рюмки, закусываю сардинами и начинаю думать о голой еврейской девушке. Жена Лимонина кладёт мне на колени свою голову. Я выпиваю ещё одну рюмку и закуриваю трубку. «Ты сегодня такой грустный», — говорит мне жена Лимонина. Я говорю ей какую-то глупость и ухожу к еврейской девушке.

<1940>

130

Симфония №2

Антон Михайлович плюнул, сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх» и ушел. И Бог с ним. Расскажу лучше про Илью Павловича.

Илья Павлович родился в 1893 году в Константинополе. Еще маленьким мальчиком его перевезли в Петербург и тут он окончил немецкую школу на Кирочной улице. Потом он служил в каком-то магазине, потом ещё чего-то делал, а в начале революции эмигрировал за границу. Ну и Бог с ним. Я лучше расскажу про Анну Игнатьевну.

Но про Анну Игнатьевну рассказать не так-то просто. Во-первых, я о ней ничего не знаю, а во-вторых, я сейчас упал со стула и забыл, о чём собирался рассказать. Я лучше расскажу о себе.

Я высокого роста, неглупый, одеваюсь изящно и со вкусом, не пью, на скачки не хожу, но к дамам тянусь. И дамы не избегают меня. Даже любят, когда я с ними гуляю. Серафима Измайловна неоднократно приглашала меня к себе, и Зинаида Яковлевна тоже говорила, что она всегда рада меня видеть. Но вот с Мариной Петровной у меня вышел забавный случай, о котором я и хочу рассказать. Случай вполне обыкновенный, но всё же забавный, ибо Марина Петровна, благодаря меня, совершенно облысела, как ладонь. Случилось это так: пришёл я однажды к Марине Петровне, а она трах! и облысела. Вот и всё.

Даниил Хармс
Ночь с ☽ на ♂
9-10 ♋ 1941 года
<с понедельника на вторник 9-10 июня>

131

Реабилитация

Не хвастаясь, могу сказать, что, когда Володя ударил меня по уху и плюнул мне в лоб, я так его схватил, что он этого не забудет. Уже потом я бил его примусом, а утюгом я бил его вечером. Так что умер он совсем не сразу. Это не доказательство, что ногу я отрезал ему еще днем. Тогда он был еще жив. А Андрюшу я убил просто по инерции, и в этом я себя не могу обвинить. Зачем Андрюша с Елизаветой Антоновной попались мне под руку? Им было не к чему выскакивать из-за двери. Меня обвиняют в кровожадности, говорят, я пил кровь, но это неверно, я подлизывал кровяные лужи и пятна; это естественная потребность человека уничтожить следы своего, хотя бы и пустяшного, преступления. А также я не насиловал Елизавету Антоновну. Во-первых, она уже не была девушкой, а во-вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится. Что из того, что она вот-вот должна была родить? Я и вытащил ребенка. А то, что он вообще не жилец был на этом свете, в этом уж не моя вина. Не я оторвал ему голо-

ву, причиной тому была его тонкая шея. Он был создан не для жизни сей. Это верно, что я сапогом размазал по полу их собачку. Но это уж цинизм — обвинять меня в убийстве собаки, когда тут рядом, можно сказать, уничтожены три человеческие жизни. Ребенка я не считаю. Ну, хорошо: во всем этом (я могу согласиться) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражнился на свои жертвы, — это уже, извините, абсурд. Испражняться — потребность естественная, а следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание.

Даниил Хармс
♂10♋ 1941 г.
<вторник, 10 июня>

132

СТАРУХА

Повесть

...И между ними происходит
следующий разговор.
Гамсун.

На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы. Я прохожу мимо старухи, останавливаюсь и спрашиваю ее: «Который час?»

— Посмотрите, — говорит мне старуха.

Я смотрю и вижу, что на часах нет стрелок.

— Тут нет стрелок, — говорю я.

Старуха смотрит на циферблат и говорит мне:

— Сейчас без четверти три.

— Ах так. Большое спасибо, — говорю я и ухожу.

Старуха кричит мне что-то вслед, но я иду не оглядываясь. Я выхожу на улицу и иду по солнечной стороне. Весеннее солнце очень приятно. Я иду пешком, щурю глаза и курю трубку. На углу Садовой мне попадается навстречу Сакердон Михайлович. Мы здороваемся, останавливаемся и долго разговариваем. Мне надоедает стоять на улице, и я приглашаю Сакердона Михайловича в подвальчик. Мы пьем водку, закусываем крутым яйцом с килькой, потом прощаемся, и я иду дальше один.

Тут я вдруг вспоминаю, что забыл дома выключить электрическую печку. Мне очень досадно. Я поворачиваюсь и иду домой. Так хорошо начался день, и вот уже первая неудача. Мне не следовало выходить на улицу.

Я прихожу домой, снимаю куртку, вынимаю из жилетного кармана часы и вешаю их на гвоздик; потом запираю дверь на ключ и ложусь на кушетку. Буду лежать и постараюсь заснуть.

С улицы слышен противный крик мальчишек. Я лежу и выдумываю им казни. Больше всего мне нравится напустить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. Родители растаскивают их по домам. Они лежат в своих кроватках и не могут даже есть, потому что у них не открываются рты. Их питают искусственно. Через неделю столбняк проходит, но дети так слабы, что еще целый месяц должны пролежать в постелях. Потом они начинают постепенно выздоравливать, но я напускаю на них второй столбняк, и они все околевают.

Я лежу на кушетке с открытыми глазами и не могу заснуть. Мне вспоминается старуха с часами, которую я видел сегодня на дворе, и мне делается приятно, что на ее часах не было стрелок. А вот на днях я видел в комиссионном магазине отвратительные кухонные часы, и стрелки у них были сделаны в виде ножа и вилки.

Боже мой! ведь я еще не выключил электрической печки! Я вскакиваю и выключаю ее, потом опять ложусь на кушетку и стараюсь заснуть. Я закрываю глаза. Мне не хочется спать. В окно светит весеннее

солнце, прямо на меня. Мне становится жарко. Я встаю и сажусь в кресло у окна.

Теперь мне хочется спать, но я спать не буду. Я возьму бумагу и перо и буду писать. Я чувствую в себе страшную силу. Я все обдумал еще вчера. Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть пальцем, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае. Он может этот старый сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и в конце концов умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда.

Я сижу и от радости потираю руки. Сакердон Михайлович лопнет от зависти. Он думает, что я уже не способен написать гениальную вещь. Скорее, скорее за работу! Долой всякий сон и лень. Я буду писать восемнадцать часов подряд!

От нетерпения я весь дрожу. Я не могу сообразить, что мне делать: мне нужно было взять перо и бумагу, а я хватал разные предметы, совсем не те, которые мне были нужны. Я бегал по комнате: от окна к столу, от стола к печке, от печки опять к столу, потом к дивану и опять к окну. Я задыхался от пламени, которое пылало в моей груди. Сейчас только пять часов. Впереди весь день, и вечер, и вся ночь...

Я стою посередине комнаты. О чем же я думаю? Ведь уже двадцать минут шестого. Надо писать. Я придвигаю к окну столик и сажусь за него. Передо мной клетчатая бумага, в руке перо.

Мое сердце еще слишком бьется, и рука дрожит. Я жду, чтобы немножко успокоиться. Я кладу перо и набиваю трубку. Солнце светит мне прямо в глаза, я жмурюсь и трубку закуриваю.

Вот мимо окна пролетает ворона. Я смотрю из окна на улицу и вижу, как по панели идет человек на механической ноге. Он громко стучит своей ногой и палкой.

— Так, — говорю я сам себе, продолжая смотреть в окно.

Солнце прячется за трубу противостоящего дома. Тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Надо воспользоваться этой тенью и написать несколько слов о чудотворце. Я хватаю перо и пишу:

«Чудотворец был высокого роста».

Больше я ничего написать не могу. Я сижу до тех пор, пока не начинаю чувствовать голод. Тогда я встаю и иду к шкапику, где хранится у меня провизия, я шарю там, но ничего не нахожу. Кусок сахара и больше ничего.

В дверь кто-то стучит.

— Кто там?

Мне никто не отвечает. Я открываю дверь и вижу перед собой старуху, которая утром стояла на дворе с часами. Я очень удивлен и ничего не могу сказать.

— Вот я пришла, — говорит старуха и входит в мою комнату.

Я стою у двери и не знаю, что мне делать: выгнать старуху или, наоборот, предложить ей сесть? Но старуха сама идет к моему креслу возле окна и садится в него.

— Закрой дверь и запри ее на ключ, — говорит мне старуха.

Я закрываю и запираю дверь.

— Встань на колени, — говорит старуха.

И я становлюсь на колени.

Но тут я начинаю понимать всю нелепость своего положения. Зачем я стою на коленях перед какой-то старухой? Да и почему эта старуха находится в моей комнате и сидит в моем любимом кресле? Почему я не выгнал эту старуху?

— Послушайте-ка, — говорю я, — какое право имеете вы распоряжаться в моей комнате, да еще командовать мной? Я вовсе не хочу стоять на коленях.

— И не надо, — говорит старуха. — Теперь ты должен лечь на живот и уткнуться лицом в пол.

Я тотчас исполнил приказание...

Я вижу перед собой правильно начерченные квадраты. Боль в плече и правом бедре заставляет меня изменить положение. Я лежал ничком, теперь я с большим трудом поднимаюсь на колени. Все члены мои затекли и плохо сгибаются. Я оглядываюсь и вижу себя в своей комнате, стоящего на коленях посередине пола. Сознание и память медленно возвращаются ко мне. Я еще раз оглядываю комнату и вижу,

что на кресле у окна будто сидит кто-то. В комнате не очень светло, потому что сейчас, должно быть, белая ночь. Я пристально вглядываюсь. Господи! Неужели эта старуха все еще сидит в моем кресле? Я вытягиваю шею и смотрю. Да, конечно, это сидит старуха и голову опустила на грудь. Должно быть, она уснула.

Я поднимаюсь и, прихрамывая, подхожу к ней. Голова старухи опущена на грудь, руки висят по бокам кресла. Мне хочется схватить эту старуху и вытолкать ее за дверь.

— Послушайте, — говорю я, — вы находитесь в моей комнате. Мне надо работать. Я прошу вас уйти.

Старуха не движется. Я нагибаюсь и заглядываю старухе в лицо. Рот у нее приоткрыт и изо рта торчит соскочившая вставная челюсть. И вдруг мне делается все ясно: старуха умерла.

Меня охватывает страшное чувство досады. Зачем она умерла в моей комнате? Я терпеть не могу покойников. А теперь возись с этой падалью, иди разговаривать с дворником и управдомом, объясняй им, почему эта старуха оказалась у меня. Я с ненавистью посмотрел на старуху. А может быть, она и не умерла? Я щупаю ее лоб. Лоб холодный. Рука тоже. Ну что мне делать?

Я закуриваю трубку и сажусь на кушетку. Безумная злость поднимается во мне.

— Вот сволочь! — говорю я вслух.

Мертвая старуха как мешок сидит в моем кресле. Зубы торчат у нее изо рта. Она похожа на мертвую лошадь.

— Противная картина, — говорю я, но закрыть старуху газетой не могу, потому что мало ли что может случиться под газетой.

За стеной слышно движение: это встает мой сосед, паровозный машинист. Еще того не хватало, чтобы он пронюхал, что у меня в комнате сидит мертвая старуха! Я прислушиваюсь к шагам соседа. Чего он медлит? Уже половина шестого! Ему давно пора

уходить. Боже мой! Он собирается пить чай! Я слышу, как за стенкой шумит примус. Ах, поскорее ушел бы этот проклятый машинист!

Я забираюсь на кушетку с ногами и лежу. Проходит восемь минут, но чай у соседа еще не готов и примус шумит. Я закрываю глаза и дремлю.

Мне снится, что сосед ушел и я, вместе с ним, выхожу на лестницу и захлопываю за собой дверь с французским замком. Ключа у меня нет, и я не могу попасть обратно в квартиру. Надо звонить и будить остальных жильцов, а это уж совсем плохо. Я стою на площадке лестницы и думаю, что мне делать, и вдруг вижу, что у меня нет рук. Я наклоняю голову, чтобы лучше рассмотреть, есть ли у меня руки, и вижу, что с одной стороны у меня вместо руки торчит столовый ножик, а с другой стороны — вилка.

— Вот, — говорю я Сакердону Михайловичу, который сидит почему-то тут же на складном стуле. — Вот видите, — говорю я ему, — какие у меня руки?

А Сакердон Михайлович сидит молча, и я вижу, что это не настоящий Сакердон Михайлович, а глиняный.

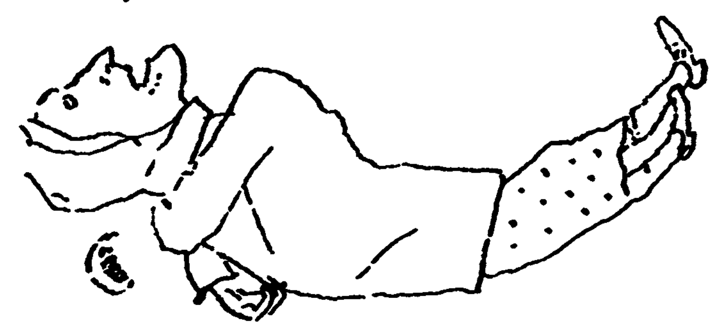
Тут я просыпаюсь и сразу же понимаю, что лежу у себя в комнате на кушетке, а у окна, в кресле, сидит мертвая старуха.

Я быстро поворачиваю к ней голову. Старухи в кресле нет. Я смотрю на пустое кресло, и дикая радость наполняет меня. Значит, это все был сон. Но только где же он начался? Входила ли старуха вчера в мою комнату? Может быть, это тоже был сон? Я вернулся вчера домой, потому что забыл выключить электрическую печку. Но, может быть, и это был сон? Во всяком случае, как хорошо, что у меня в комнате нет мертвой старухи и, значит, не надо идти к управдому и возиться с покойником!

Однако, сколько же времени я спал? Я посмотрел на часы: половина десятого, должно быть, утра.

Господи! Чего только не приснится во сне!

Я спустил ноги с кушетки, собираясь встать, и вдруг увидел мертвую старуху, лежащую на полу за столом, возле кресла. Она лежала лицом вверх, и вставная челюсть, выскочив изо рта, впилась одним зубом старухе в ноздрю. Руки подвернулись под туловище и их не было видно, а из-под задравшейся юбки торчали костлявые ноги в белых, грязных шерстяных чулках.

— Сволочь! — крикнул я и, подбежав к старухе, ударил ее сапогом по подбородку.

Вставная челюсть отлетела в угол. Я хотел ударить старуху еще раз, но побоялся, чтобы на теле не остались знаки, а то еще потом решат, что это я убил ее.

Я отошел от старухи, сел на кушетку и закурил трубку. Так прошло минут двадцать. Теперь мне стало ясно, что все равно дело передадут в уголовный розыск и следственная бестолочь обвинит меня в убийстве. Положение выходит серьезное, а тут еще этот удар сапогом.

Я подошел опять к старухе, наклонился и стал рассматривать ее лицо. На подбородке было маленькое темное пятнышко. Нет, придраться нельзя. Мало ли что? Может быть, старуха еще при жизни стукнулась обо что-нибудь? Я немного успокаиваюсь и начинаю ходить по комнате, куря трубку и обдумывая свое положение.

Я хожу по комнате и начинаю чувствовать голод, все сильнее и сильнее. От голода я начинаю даже дро-

жать. Я еще раз шарю в шкапике, где хранится у меня провизия, но ничего не нахожу, кроме куска сахара.

Я вынимаю свой бумажник и считаю деньги. Одиннадцать рублей. Значит, я могу купить себе ветчинной колбасы и хлеб и еще останется на табак.

Я поправляю сбившийся за ночь галстук, беру часы, надеваю куртку, выхожу в коридор, тщательно запираю дверь своей комнаты, кладу ключ себе в карман и выхожу на улицу. Надо раньше всего поесть, тогда мысли будут яснее и тогда я предприму что-нибудь с этой падалью.

По дороге в магазин мне приходит в голову: не зайти ли мне к Сакердону Михайловичу и не рассказать ли ему все, может быть, вместе мы скорее придумаем, что делать. Но я тут же отклоняю эту мысль, потому что некоторые вещи надо делать одному, без свидетелей.

В магазине не было ветчинной колбасы, и я купил себе полкило сарделек. Табака тоже не было. Из магазина я пошел в булочную.

В булочной было много народу, и к кассе стояла длинная очередь. Я сразу нахмурился, но все-таки в очередь встал. Очередь подвигалась очень медленно, а потом и вовсе остановилась, потому что у кассы произошел какой-то скандал.

Я делал вид, что ничего не замечаю, и смотрел в спину молоденькой дамочки, которая стояла в очереди передо мной. Дамочка была, видно, очень любопытной: она вытягивала шейку то вправо, то влево и поминутно становилась на цыпочки, чтобы лучше разглядеть, что происходит у кассы. Наконец она повернулась ко мне и спросила:

— Вы не знаете, что там происходит?

— Простите, не знаю, — сказал я как можно суше.

Дамочка повертелась в разные стороны и наконец опять обратилась ко мне:

— Вы не могли бы пойти и выяснить, что там происходит?

— Простите, меня это нисколько не интересует, — сказал я еще суше.

— Как не интересует? — воскликнула дамочка. — Ведь вы же сами задерживаетесь из-за этого в очереди!

Я ничего не ответил и только слегка поклонился. Дамочка внимательно посмотрела на меня.

— Это, конечно, не мужское дело стоять в очередях за хлебом, — сказала она. — Мне жалко вас, вам приходится тут стоять. Вы, должно быть, холостой?

— Да, холостой, — ответил я, несколько сбитый с толку, но по инерции продолжая отвечать довольно сухо и при этом слегка кланяясь.

Дамочка еще раз осмотрела меня с головы до ног и вдруг, притронувшись пальцем к моему рукаву, сказала:

— Давайте я куплю что вам нужно, а вы подождите меня на улице.

Я совершенно растерялся.

— Благодарю вас, — сказал я. — Это очень мило с вашей стороны, но, право, я мог бы и сам.

— Нет, нет, — сказала дамочка, — ступайте на улицу. Что вы собирались купить?

— Видите ли, — сказал я, — я собирался купить полкило черного хлеба, но только формового, того, который дешевле. Я его больше люблю.

— Ну, вот и хорошо, — сказала дамочка. — А теперь идите. Я куплю, а потом рассчитаемся.

И она даже слегка подтолкнула меня под локоть.

Я вышел из булочной и встал у самой двери. Весеннее солнце светит мне прямо в лицо. Я закуриваю трубку. Какая милая дамочка! Это теперь так редко. Я стою, жмурюсь от солнца, курю трубку и думаю о милой дамочке. Ведь у нее светлые карие глазки. Просто прелесть какая она хорошенькая!

— Вы курите трубку? — слышу я голос рядом с собой. Милая дамочка протягивает мне хлеб.

— О, бесконечно вам благодарен, — говорю я, беря хлеб.

— А вы курите трубку! Это мне страшно нравится, — говорит милая дамочка.

И между нами происходит следующий разговор:

Она: Вы, значит, сами ходите за хлебом?

Я: Не только за хлебом; я себе все сам покупаю.

Она: А где же вы обедаете?

Я: Обыкновенно я сам варю себе обед. А иногда ем в пивной.

Она: Вы любите пиво?

Я: Нет, я больше люблю водку.

Она: Я тоже люблю водку.

Я: Вы любите водку? Как это хорошо! Я хотел бы когда-нибудь с вами вместе выпить.

Она: И я тоже хотела бы выпить с вами водки.

Я: Простите, можно вас спросить об одной вещи?

Она (*сильно покраснев*): Конечно, спрашивайте.

Я: Хорошо, я спрошу вас. Вы верите в Бога?

Она (*удивленно*): В Бога? Да, конечно.

Я: А что вы скажете, если нам сейчас купить водку и пойти ко мне. Я живу тут рядом.

Она (*задорно*): Ну что ж, я согласна!

Я: Тогда идемте.

Мы заходим в магазин, и я покупаю пол-литра водки. Больше у меня денег нет, какая-то только мелочь. Мы все время говорим о разных вещах, и вдруг я вспоминаю, что у меня в комнате, на полу, лежит мертвая старуха.

Я оглядываюсь на мою новую знакомую: она стоит у прилавка и рассматривает банки с вареньем. Я осторожно пробираюсь к двери и выхожу из магазина. Как раз, против магазина, останавливается трамвай. Я вскакиваю в трамвай, даже не посмотрев на его номер. На Михайловской улице я вылезаю и иду к Сакердону Михайловичу. У меня в руках бутылка с водкой, сардельки и хлеб.

Сакердон Михайлович сам открыл мне двери. Он был в халате, накинутом на голое тело, в русских сапогах с отрезанными голенищами и в меховой с наушниками шапке, но наушники были подняты и завязаны на макушке бантом.

— Очень рад, — сказал Сакердон Михайлович, увидя меня.

— Я не оторвал вас от работы? — спросил я.

— Нет, нет, — сказал Сакердон Михайлович. — Я ничего не делал, а просто сидел на полу.

— Видите ли, — сказал я Сакердону Михайловичу. — Я к вам пришел с водкой и с закуской. Если вы ничего не имеете против, давайте выпьем.

— Очень хорошо, — сказал Сакердон Михайлович. — Вы входите.

Мы прошли в его комнату. Я откупорил бутылку с водкой, а Сакердон Михайлович поставил на стол две рюмки и тарелку с вареным мясом.

— Тут у меня сардельки, — сказал я. — Так, как мы будем их есть: сырыми, или будем варить?

— Мы их поставим варить, — сказал Сакердон Михайлович, — а пока они варятся, мы будем пить водку под вареное мясо. Оно из супа, превосходное вареное мясо!

Сакердон Михайлович поставил на керосинку кастрюльку, и мы сели пить водку.

— Водку пить полезно, — говорил Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — Мечников писал, что водка полезнее хлеба, а хлеб — это только солома, которая гниет в наших желудках.

— Ваше здоровие! — сказал я, чокаясь с Сакердоном Михайловичем.

Мы выпили и закусили холодным мясом.

— Вкусно, — сказал Сакердон Михайлович.

Но в это мгновение в комнате что-то резко щелкнуло.

— Что это? — спросил я.

Мы сидели молча и прислушивались. Вдруг щелкнуло еще раз. Сакердон Михайлович вскочил со стула и, подбежав в окну, сорвал занавеску.

— Что вы делаете? — крикнул я.

Но Сакердон Михайлович, не отвечая мне, кинулся к керосинке, схватил занавеской кастрюльку и поставил ее на пол.

— Черт побери! — сказал Сакердон Михайлович. — Я забыл в кастрюльку налить воды, а кастрюлька эмалированная, и теперь эмаль отскочила.

— Все понятно, — сказал я, кивая головой.

Мы сели опять за стол.

— Черт с ними, — сказал Сакердон Михайлович, — мы будем есть сардельки сырыми.

— Я страшно есть хочу, — сказал я.

— Кушайте, — сказал Сакердон Михайлович, пододвигая мне сардельки.

— Ведь я последний раз ел вчера, с вами в подвальчике, и с тех пор ничего еще не ел, — сказал я.

— Да, да, да, — сказал Сакердон Михайлович.

— Я все время писал, — сказал я.

— Черт побери! — утрированно вскричал Сакердон Михайлович. — Приятно видеть перед собой гения.

— Еще бы! — сказал я.

— Много поди наваляли? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я. — Исписал пропасть бумаги.

— За гения наших дней, — сказал Сакердон Михайлович, поднимая рюмки.

Мы выпили. Сакердон Михайлович ел вареное мясо, а я — сардельки. Съев четыре сардельки, я закурил трубку и сказал:

— Вы знаете, я ведь к вам пришел, спасаясь от преследования.

— Кто же вас преследовал? — спросил Сакердон Михайлович.

— Дама, — сказал я.

Но так как Сакердон Михайлович ничего меня не спросил, а только молча налил в рюмки водку, то я продолжал:

— Я с ней познакомился в булочной и сразу влюбился.

— Хороша? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — в моем вкусе.

Мы выпили, и я продолжал:

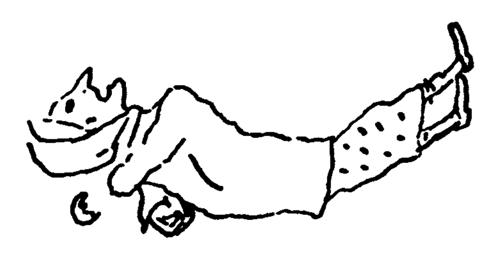
— Она согласилась идти ко мне пить водку. Мы зашли в магазин, но из магазина мне пришлось потихоньку удрать.

— Не хватило денег? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, денег хватило в обрез, — сказал я, — но я вспомнил, что не могу пустить ее в свою комнату.

— Что же, у вас в комнате была другая дама? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, если хотите, у меня в комнате находится другая дама, — сказал я, улыбаясь. — Теперь я никого к себе в комнату не могу пустить.

— Женитесь. Будете приглашать меня к обеду, — сказал Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, фыркая от смеха. — На этой даме я не женюсь.

— Ну, тогда женитесь на той, которая из булочной, — сказал Сакердон Михайлович.

— Да что вы всё хотите меня женить? — сказал я.

— А что же? — сказал Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — За ваши успехи!

Мы выпили. Видно, что водка начала оказывать на нас свое действие. Сакердон Михайлович снял свою меховую с наушниками шапку и швырнул ее на кровать. Я встал и прошелся по комнате, ощущая уже некоторое головокружение.

— Как вы относитесь к покойникам? — спросил я Сакердона Михайловича.

— Совершенно отрицательно, — сказал Сакердон Михайлович. — Я их боюсь.

— Да, я тоже терпеть не могу покойников, — сказал я. — Подвернись мне покойник, и не будь он мне родственником, я бы, должно быть, пнул бы его ногой.

— Не надо лягать мертвецов, — сказал Сакердон Михайлович.

— А я бы пнул его сапогом прямо в морду, — сказал я. — Терпеть не могу покойников и детей.

— Да, дети — гадость, — согласился Сакердон Михайлович.

— А что, по-вашему, хуже: покойники или дети? — спросил я.

— Дети, пожалуй, хуже, они чаще мешают нам. А покойники все-таки не врываются в нашу жизнь, — сказал Сакердон Михайлович.

— Врываются! — крикнул я и сейчас же замолчал.

Сакердон Михайлович внимательно посмотрел на меня.

— Хотите еще водки? — спросил он.

— Нет, — сказал я, но, спохватившись, прибавил: — Нет, спасибо, я больше не хочу.

Я подошел и сел опять за стол. Некоторое время мы молчим.

— Я хочу спросить вас, — говорю я наконец. — Вы веруете в Бога?

У Сакердона Михайловича появляется на лбу поперечная морщина, и он говорит:

— Есть неприличные поступки. Неприлично спросить у человека пятьдесят рублей в долг, если вы видели, как он только что положил себе в карман двести. Его дело: дать вам деньги или отказать; и самый удобный и приятный способ отказа — это соврать, что денег нет. Вы же видели, что у того человека деньги есть, и тем самым лишили его возможности вам просто и приятно отказать. Вы лишили его права выбора, а это свинство. Это неприличный и бестактный поступок. И спросить человека: «веруете ли вы в Бога?» — тоже поступок бестактный и неприличный.

— Ну, — сказал я, — тут уж нет ничего общего.

— А я и не сравниваю, — сказал Сакердон Михайлович.

— Ну, хорошо, — сказал я, — оставим это. Извините только меня, что я задал вам такой неприличный и бестактный вопрос.

— Пожалуйста, — сказал Сакердон Михайлович. — Ведь я просто отказался отвечать вам.

— Я бы тоже не ответил, — сказал я, — да только по другой причине.

— По какой же? — вяло спросил Сакердон Михайлович.

— Видите ли, — сказал я, — по-моему, нет верующих или неверующих людей. Есть только желающие верить и желающие не верить.

— Значит, те, что желают не верить, уже во что-то верят? — сказал Сакердон Михайлович. — А те, что желают верить, уже заранее не верят ни во что?

— Может быть и так, — сказал я. — Не знаю.

— А верят или не верят во что? В Бога? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, — в бессмертие.

— Тогда почему же вы спросили меня, верую ли я в Бога?

— Да просто потому, что спросить: верите ли вы в бессмертие? — звучит как-то глупо, — сказал я Сакердону Михайловичу и встал.

— Вы что, уходите? — спросил меня Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — мне пора.

— А что же водка? — сказал Сакердон Михайлович. — Ведь и осталось-то всего по рюмке.

— Ну, давайте допьем, — сказал я.

Мы допили водку и закусили остатками вареного мяса.

— А теперь я должен идти, — сказал я.

— До свидания, — сказал Сакердон Михайлович, провожая меня через кухню на лестницу. — Спасибо за угощение.

— Спасибо вам, — сказал я. — До свидания.

И я ушел.

Оставшись один, Сакердон Михайлович убрал со стола, закинул на шкап пустую водочную бутылку, надел опять на голову свою меховую с наушниками шапку и сел под окном на пол. Руки Сакердон Михайлович заложил за спину, и их не было видно. А из-под задравшегося халата торчали голые костлявые ноги, обутые в русские сапоги с отрезанными голенищами.

Я шел по Невскому, погруженный в свои мысли. Мне надо сейчас же пройти к управдому и рассказать ему все. А разделавшись со старухой, я буду целые дни стоять около булочной, пока не встречу ту милую дамочку. Ведь я остался ей должен за хлеб 48 копеек. У меня есть прекрасный предлог ее разыскивать. Выпитая водка продолжала еще действовать, и казалось, что все складывается очень хорошо и просто.

На Фонтанке я подошел к ларьку и, на оставшуюся мелочь, выпил большую кружку хлебного кваса. Квас был плохой и кислый, и я пошел дальше с мерзким вкусом во рту.

На углу Литейной какой-то пьяный, пошатнувшись, толкнул меня. Хорошо, что у меня нет револьвера: я убил бы его тут же на месте.

До самого дома я шел, должно быть, с искаженным от злости лицом. Во всяком случае, почти все встречные оборачивались на меня.

Я вошел в домовую контору. На столе сидела низкорослая, грязная, курносая, кривая и белобрысая девка и, глядясь в ручное зеркальце, мазала себе помадой губы.

— А где же управдом? — спросил я.

Девка молчала, продолжая мазать губы.

— Где управдом? — повторил я резким голосом.

— Завтра будет, не сегодня, — отвечала грязная, курносая, кривая и белобрысая девка.

Я вышел на улицу. По противоположной стороне шел инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Шесть мальчишек бежало за инвалидом, передразнивая его походку.

Я завернул в свою парадную и стал подниматься по лестнице. На втором этаже я остановился; противная мысль пришла мне в голову: ведь старуха должна начать разлагаться. Я не закрыл окна, а говорят, что при открытом окне покойники разлагаются быстрее. Вот ведь глупость какая! И этот чертов управдом будет только завтра! Я постоял в нерешительности несколько минут и стал подниматься дальше.

Около двери в свою квартиру я опять остановился. Может быть, пойти к булочной и ждать там ту милую дамочку? Я бы стал умолять ее пустить меня к себе на две или три ночи. Но тут я вспоминаю, что сегодня она уже купила хлеб и, значит, в булочную не придет. Да и вообще из этого ничего бы не вышло.

Я отпер дверь и вошел в коридор. В конце коридора горел свет, и Марья Васильевна, держа в руках какую-то тряпку, терла по ней другой тряпкой. Увидя меня, Марья Васильевна крикнула:

— Ваш шпрашивал какой-то штарик!

— Какой старик? — сказал я.

— Не жнаю, — отвечала Марья Васильевна.

— Когда это было? — спросил я.

— Тоже не жнаю, — сказала Марья Васильевна.

— Вы разговаривали со стариком? — спросил я Марью Васильевну.

— Я, — отвечала Марья Васильевна.

— Так как же вы не знаете, когда это было? — сказал я.

— Чиша два тому нажад, — сказала Марья Васильевна.

— А как этот старик выглядел? — спросил я.

— Тоже не жнаю, — сказала Марья Васильевна и ушла на кухню.

Я подошел к своей комнате.

«Вдруг, — подумал я, — старуха исчезла. Я войду в комнату, а старухи-то и нет. Боже мой! Неужели чудес не бывает?!»

Я отпер дверь и начал ее медленно открывать. Может быть, это только показалось, но мне в лицо пахнул приторный запах начавшегося разложения. Я заглянул в приотворенную дверь и, на мгновение, застыл на месте. Старуха на четвереньках медленно ползла ко мне навстречу.

Я с криком захлопнул дверь, повернул ключ и отскочил к противоположной стенке.

В коридоре появилась Марья Васильевна.

— Вы меня опять жвали? — спросила она.

Меня так трясло, что я ничего не мог ответить и только отрицательно замотал головой. Марья Васильевна подошла поближе.

— Вы ш кем-то ражговаривали, — сказала она.

Я опять отрицательно замотал головой.

— Шумашедший, — сказала Марья Васильевна и опять ушла на кухню, несколько раз по дороге оглянувшись на меня.

«Так стоять нельзя. Так стоять нельзя», — повторял я мысленно. Эта фраза сама собой сложилась где-то внутри меня. Я твердил ее до тех пор, пока она не дошла до моего сознания.

— Да, так стоять нельзя, — сказал я себе, но продолжал стоять как парализованный. Случилось что-то ужасное, но предстояло сделать что-то, может быть, еще более ужасное, чем то, что уже произошло. Вихрь кружил мои мысли, и я только видел злобные глаза мертвой старухи, медленно ползущей ко мне на четвереньках.

Ворваться в комнату и раздробить этой старухе череп. Вот что надо сделать! Я даже поискал глазами и остался доволен, увидя крокетный молоток, неизвестно для чего уже в продолжение многих лет стоявший в углу коридора. Схватить молоток, ворваться в комнату и трах!..

Озноб еще не прошел. Я стоял с поднятыми плечами от внутреннего холода. Мысли мои скакали, путались, возвращались к исходному пункту и вновь скакали, захватывая новые области, а я стоял и прислушивался к своим мыслям и был как бы в стороне от них и был как бы не их командир.

— Покойники, — объясняли мне мои собственные мысли, — народ неважный. Их зря называют покойники, они скорее беспокойники. За ними надо следить и следить. Спросите любого сторожа из мертвецкой. Вы думаете, он для чего поставлен там? Только для одного: следить, чтобы покойники не расползались. Бывают, в этом смысле, забавные случаи. Один покойник, пока сторож, по приказанию начальства, мылся в бане, выполз из мертвецкой, заполз в

дезинфекционную камеру и съел там кучу белья. Дезинфекторы здорово отлупцевали этого покойника, но за испорченное белье им пришлось рассчитываться из своих собственных карманов. А другой покойник заполз в палату рожениц и так перепугал их, что одна роженица тут же произвела преждевременный выкидыш, а покойник набросился на выкинутый плод и начал его, чавкая, пожирать. А когда одна храбрая сиделка ударила покойника по спине табуреткой, то он укусил эту сиделку за ногу, и она вскоре умерла от заражения трупным ядом. Да, покойники народ неважный, и с ними надо быть начеку.

— Стоп! — сказал я своим собственным мыслям. — Вы говорите чушь. Покойники неподвижны.

— Хорошо, — сказали мне мои собственные мысли, — войди тогда в свою комнату, где находится, как ты говоришь, неподвижный покойник.

Неожиданное упрямство заговорило во мне.

— И войду! — сказал я решительно своим собственным мыслям.

— Попробуй! — насмешливо сказали мне мои собственные мысли.

Эта насмешливость окончательно взбесила меня. Я схватил крокетный молоток и кинулся к двери.

— Подожди! — закричали мне мои собственные мысли. Но я уже повернул ключ и распахнул дверь.

Старуха лежала у порога, уткнувшись лицом в пол.

С поднятым крокетным молотком я стоял наготове. Старуха не шевелилась.

Озноб прошел, и мысли мои текли ясно и четко. Я был командиром их.

— Раньше всего закрыть дверь! — скомандовал я сам себе.

Я вынул ключ с наружной стороны двери и вставил его с внутренней. Я сделал это левой рукой, а в правой я держал крокетный молоток и все время не

спускал со старухи глаз. Я запер дверь на ключ и, осторожно переступив через старуху, вышел на середину комнаты.

— Теперь мы с тобой рассчитаемся, — сказал я. У меня возник план, к которому обыкновенно прибегают убийцы из уголовных романов и газетных происшествий; я просто хотел запрятать старуху в чемодан, отвезти ее за город и спустить в болото. Я знал одно такое место.

Чемодан стоял у меня под кушеткой. Я вытащил его и открыл. В нем находились кое-какие вещи: несколько книг, старая фетровая шляпа и рваное белье. Я выложил все это на кушетку.

В это время громко хлопнула наружная дверь, и мне показалось, что старуха вздрогнула.

Я моментально вскочил и схватил крокетный молоток.

Старуха лежит спокойно. Я стою и прислушиваюсь. Это вернулся машинист, я слышу, как он ходит у себя по комнате. Вот он идет по коридору на кухню. Если Марья Васильевна расскажет ему о моем сумасшествии, это будет нехорошо. Чертовщина какая! Надо и мне пройти на кухню и своим видом успокоить их.

Я опять перешагнул через старуху, поставил молоток возле самой двери, чтобы, вернувшись обратно, я бы мог, не входя еще в комнату, иметь молоток в руках, и вышел в коридор. Из кухни неслись голоса, но слов не было слышно. Я прикрыл за собою дверь в свою комнату и осторожно пошел на кухню: мне хотелось узнать, о чем говорит Марья Васильевна с машинистом. Коридор я прошел быстро, а около кухни замедлил шаги. Говорил машинист, по-видимому, он рассказывал что-то случившееся с ним на работе.

Я вошел. Машинист стоял с полотенцем в руках и говорил, а Марья Васильевна сидела на табурете и слушала. Увидя меня, машинист махнул мне рукой.

— Здравствуйте, здравстуйте, Матвей Филиппович, — сказал я ему и прошел в ванную комнату. Пока

все было спокойно. Марья Васильевна привыкла к моим странностям и этот последний случай могла уже и забыть.

Вдруг меня осенило: я не запер дверь. А что если старуха выползет из комнаты?

Я кинулся обратно, но вовремя спохватился и, чтобы не испугать жильцов, прошел через кухню спокойными шагами.

Марья Васильевна стучала пальцем по кухонному столу и говорила машинисту:

— Ждорово! Вот это ждорово! Я бы тоже швиштела!

С замирающим сердцем я вышел в коридор и тут уже чуть не бегом пустился к своей комнате.

Снаружи все было спокойно. Я подошел к двери и, приотворив ее, заглянул в комнату. Старуха попрежнему спокойно лежала, уткнувшись лицом в пол. Крокетный молоток стоял у двери на прежнем месте. Я взял его, вошел в комнату и запер за собою дверь на ключ. Да, в комнате определенно пахло трупом. Я перешагнул через старуху, подошел к окну и сел в кресло. Только бы мне не стало дурно от этого пока еще хоть и слабого, но все-таки уже нестерпимого запаха. Я закурил трубку. Меня подташнивало, и немного болел живот.

Ну что же я так сижу? Надо действовать скорее, пока эта старуха окончательно не протухла. Но, во всяком случае, в чемодан ее надо запихивать осторожно, потому что как раз тут-то она и может тяпнуть меня за палец. А потом умирать от трупного заражения — благодарю покорно!

— Эге! — воскликнул я вдруг. — А интересуюсь я: чем вы меня укусите? Зубки-то ваши вон где!

Я перегнулся в кресле и посмотрел в угол по ту сторону окна, где, по моим расчетам, должна была находиться вставная челюсть старухи. Но челюсти там не было.

Я задумался: может быть, мертвая старуха ползла у меня по комнате, ища свои зубы? Может быть даже, нашла их и вставила себе обратно в рот?

Я взял крокетный молоток и пошарил им в углу. Нет, челюсть пропала. Тогда я вынул из комода толстую байковую простыню и подошел к старухе. Крокетный молоток я держал наготове в правой руке, а в левой я держал байковую простыню.

Брезгливый страх к себе вызывала эта мертвая старуха. Я приподнял молотком ее голову: рот был открыт, глаза закатились кверху, а по всему подбородку, куда я ударил ее сапогом, расползлось большое темное пятно. Я заглянул старухе в рот. Нет, она не нашла свою челюсть. Я отпустил голову. Голова упала и стукнулась об пол.

Тогда я расстелил по полу байковую простыню и подтянул ее к самой старухе. Потом ногой и крокетным молотком я перевернул старуху через левый бок на спину. Теперь она лежала на простыне. Ноги старухи были согнуты в коленях, а кулаки прижаты к плечам. Казалось, что старуха, лежа на спине, как кошка, собирается защищаться от нападающего на нее орла. Скорее, прочь эту падаль!

Я закатал старуху в толстую простыню и поднял ее на руки. Она оказалась легче, чем я думал. Я опустил ее в чемодан и попробовал закрыть крышкой. Тут я ожидал всяких трудностей, но крышка сравнительно легко закрылась. Я щелкнул чемоданными замками и выпрямился.

Чемодан стоит передо мной, с виду вполне благопристойный, как будто в нем лежит белье и книги. Я взял его за ручку и попробовал поднять. Да, он был, конечно, тяжел, но не чрезмерно, я мог вполне донести его до трамвая.

Я посмотрел на часы: двадцать минут шестого. Это хорошо. Я сел в кресло, чтобы немного передохнуть и выкурить трубку.

Видно, сардельки, которые я ел сегодня, были не очень хороши, потому что живот мой болел все сильнее. А может быть, это потому, что я ел их сырыми? А может быть, боль в животе была чисто нервной.

Я сижу и курю. И минуты бегут за минутами.

Весеннее солнце светит в окно, и я жмурюсь от его лучей. Вот оно прячется за трубу противостоящего дома, и тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Я вспоминаю, как вчера в это же время я сидел и писал повесть. Вот она: клетчатая бумага и на ней надпись, сделанная мелким почерком: «Чудотворец был высокого роста».

Я посмотрел в окно. По улице шел инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Двое рабочих и с ними старуха, держась за бока, хохотали над смешной походкой инвалида.

Я встал. Пора! Пора в путь! Пора отвозить старуху на болото! Мне нужно еще занять деньги у машиниста.

Я вышел в коридор и подошел к его двери.

— Матвей Филиппович, вы дома? — спросил я.

— Дома, — ответил машинист.

— Тогда, извините, Матвей Филиппович, вы не богаты деньгами? Я послезавтра получу. Не могли ли бы вы мне одолжить тридцать рублей?

— Мог бы, — сказал машинист. И я слышал, как он звякал ключами, отпирая какой-то ящик. Потом он открыл дверь и протянул мне новую красную тридцатирублевку.

— Большое спасибо, Матвей Филиппович, — сказал я.

— Не стоит, не стоит, — сказал машинист.

Я сунул деньги в карман и вернулся в свою комнату. Чемодан спокойно стоял на прежнем месте.

— Ну теперь в путь, без промедления, — сказал я сам себе.

Я взял чемодан и вышел из комнаты.

Марья Васильевна увидела меня с чемоданом и крикнула:

— Куда вы?

— К тетке, — сказал я.

— Шкоро приедете? — спросила Марья Васильевна.

— Да, — сказал я. — Мне нужно только отвезти к тетке кое-какое белье. Я приеду, может быть, и сегодня.

Я вышел на улицу. До трамвая я дошел благополучно, неся чемодан то в правой, то в левой руке.

В трамвай я влез с передней площадки прицепного вагона и стал махать кондукторше, чтобы она пришла получить за багаж и билет. Я не хотел передавать единственную тридцатирублевку через весь вагон, и не решался оставить чемодан и сам пройти к кондукторше. Кондукторша пришла ко мне на площадку и заявила, что у нее нет сдачи. На первой же остановке мне пришлось слезть.

Я стоял злой и ждал следующего стрямвая. У меня болел живот и слегка дрожали ноги.

И вдруг я увидел мою милую дамочку: она переходила улицу и не смотрела в мою сторону.

Я схватил чемодан и кинулся за ней. Я не знал, как ее зовут, и не мог ее окликнуть. Чемодан страшно мешал мне: я держал его перед собой двумя руками и подталкивал его коленями и животом. Милая дамочка шла довольно быстро, и я чувствовал, что мне ее не догнать. Я был весь мокрый от пота и выбивался из сил. Милая дамочка повернула в переулок. Когда я добрался до угла — ее нигде не было.

— Проклятая старуха! — прошипел я, бросая чемодан на землю.

Рукава моей куртки насквозь промокли от пота и липли к рукам. Я сел на чемодан и, вынув носовой платок, вытер им шею и лицо. Двое мальчишек остановились передо мной и стали меня рассматривать. Я сделал спокойное лицо и пристально смотрел на ближайшую подворотню, как бы поджидая кого-то. Мальчишки шептались и показывали на меня пальцами. Дикая злоба душила меня. Ах, напустить бы на них столбняк!

И вот из-за этих паршивых мальчишек я встаю, поднимаю чемодан, подхожу с ним к подворотне и заглядываю туда. Я делаю удивленное лицо, достаю часы и пожимаю плечами. Мальчишки издали наблюдают за мной. Я еще раз пожимаю плечами и заглядываю в подворотню.

— Странно, — говорю я вслух, беру чемодан и тащу его к трамвайной остановке.

На вокзал я приехал без пяти минут семь. Я беру обратный билет до Лисьего Носа и сажусь в поезд.

В вагоне, кроме меня, еще двое: один, как видно, рабочий, он устал и, надвинув кепку на глаза, спит. Другой, еще молодой парень, одет деревенским франтом: под пиджаком у него розовая косоворотка, а из-под кепки торчит курчавый кок. Он курит папиросу, всунутую в ярко-зеленый мундштук из пластмассы.

Я ставлю чемодан между скамейками и сажусь. В животе у меня такие рези, что я сжимаю кулаки, чтобы не застонать от боли.

По платформе два милиционера ведут какого-то гражданина в пикет. Он идет, заложив руки за спину и опустив голову.

Поезд трогается. Я смотрю на часы: десять минут восьмого.

О, с каким удовольствием спущу я эту старуху в болото! Жаль только, что я не захватил с собой палку, должно быть, старуху придется подталкивать.

Франт в розовой косоворотке нахально разглядывает меня. Я поворачиваюсь к нему спиной и смотрю в окно.

В моем животе происходят ужасные схватки; тогда я стискиваю зубы, сжимаю кулаки и напрягаю ноги.

Мы проезжаем Ланскую и Новую Деревню. Вон мелькает золотая верхушка Буддийской пагоды, вон показалось море.

Но тут я вскакиваю и, забыв все вокруг, мелкими шажками бегу в уборную. Безумная волна качает и вертит мое сознание...

Поезд замедляет ход. Мы подъезжаем к Лахте. Я сижу, боясь пошевелиться, чтобы меня не выгнали на остановке из уборной.

— Скорей бы он трогался! Скорей бы он трогался!

Поезд трогается, и я закрываю глаза от наслаждения. О, эти минуты бывают столь же сладки, как

мгновения любви! Все силы мои напряжены, но я знаю, что за этим последует страшный упадок.

Поезд опять останавливается. Это Ольгино. Значит, опять эта пытка!

Но теперь это ложные позывы. Холодный пот выступает у меня на лбу, и легкий холодок порхает вокруг моего сердца. Я поднимаюсь и некоторое время стою, прижавшись головой к стене. Поезд идет, и покачиванье вагона мне очень приятно.

Я собираю все свои силы и пошатываясь выхожу из уборной.

В вагоне нет никого. Рабочий и франт в розовой косоворотке, видно, слезли на Лахте или в Ольгино. Я медленно иду к своему окошку.

И вдруг я останавливаюсь и тупо гляжу перед собой. Чемодана, там, где я его оставил, нет. Должно быть, я ошибся окном. Я прыгаю к следующему окошку. Чемодана нет. Я прыгаю назад, вперед, я пробегаю вагон в обе стороны, заглядываю под скамейки, но чемодана нигде нет.

Да, разве можно тут сомневаться? Конечно, пока я был в уборной, чемодан украли. Это можно было предвидеть!

Я сижу на скамейке с вытаращенными глазами, и мне почему-то вспоминается, как у Сакердона Михайловича с треском отскакивала эмаль от раскаленной кастрюльки.

— Что же получилось? — спрашиваю я сам себя. — Ну кто теперь поверит, что я не убивал старухи? Меня сегодня же схватят, тут же или в городе на вокзале, как того гражданина, который шел, опустив голову.

Я выхожу на площадку вагона. Поезд подходит к Лисьему Носу. Мелькают белые столбики, ограждающие дорогу. Поезд останавливается. Ступеньки моего вагона не доходят до земли. Я соскакиваю и иду к станционному павильону. До поезда, идущего в город, еще полчаса.

Я иду в лесок. Вот кустики можжевельника. За ними меня никто не увидит. Я направляюсь туда.

По земле ползет большая зеленая гусеница. Я опускаюсь на колени и трогаю ее пальцем. Она сильно и жилисто складывается несколько раз в одну и в другую сторону.

Я оглядываюсь. Никто меня не видит. Легкий трепет бежит по моей спине. Я низко склоняю голову и негромко говорю:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянулась.

<Конец мая и первая половина июня 1939 года.>

Д. ХАРМС
ТОМ 2

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СТИХАХ

133

Комедия города Петербурга (часть II)

Петр
Я помню день. Нева шумела в
море
пустая лехкая, небрежная Нева
Когда пришёл и взглядом
опрокинув тучу
великий царь, подумал в
полдень тусклый

и мысль нежная стянув на лбу
морщину
порхая над Невой над берегом
порхая
летела в небо, реяла над
скучными лесами
тревожила далёкий парус в
чудном море.
Тогда я город выстроил на
Финском побережьи

сказал столица будет тут, и
вмиг
дремучий лес до корня
острижен
и шумные кареты часто били в
окна хижин.

Николай II
ты Пётр был царём.
О слава дней минувших!
взгляни как пламя трёпанное в
высь. а я
уйду. Уйду с болот жестоких
прощай Россия! Навсегда
прощай!
но нет я тут я тут как чорт иль
печка
Руби! стреляй и тысча пик коли!
очисти путь. и я наследник
Божий
взойду держась за сердце на
престол
и годы длинные железного
монарха
пройдут над жизнями
кочующих племён
благословенна ты Российская
держава
а я твой царь и Бог и властелин
да Пётр. Я живу. Ты мне
смешон и жалок
ты памятник бездушный и
скакун
Гляди мне покорятся все
народы. и царица
родит мне сына крепкого как
бук.
Но только силы у меня нет Пётр
силы
брожули я у храма(ль) у
дворца-ль

Мне всё мерещится скакун на
камне диком!
ты Пётр памятник
бесчувственный ты царь!!!

Комсамолец Вертунов
(указывая на Николая II)
Связать его.

Щепкин
Закройте двери. Сквозняк невозможный. Царь простудится.

Свита
(смеётся)
Ха ха ха ха ха ха ха ...

балалаечник
в лес-ли девка бегала
юбку ль девка дёргала
пила мёда катошку
за царицу матушку

Комсамолец Вертунов
Э-э мундирчик то бомазейный.
Царь тебе холодно?

Николай Второй
Отстаньте комсамолец Вертунов
отстанте!

Комсамолец Вертунов
что? разговаривать? тебе же дурак
добра желают. пожалели тебя. Видно человек
избалованный. Ты мне скажи, чай и плевал
не иначе как в подушки бархатные? а?

Щепкин
Да закройте же вы двери. Простудится же.

Комсамолец Вертунов
нет ты мне скажи в подушки
плевал в бархотные? а?

Н и к о л а й II
(безразлично)
плевал

К о м с а м о л е ц В е р т у н о в
Вишь ты! Ну а ещё чего делал?
Ты парень не пужайся прямо говори
делал чего ещё?

Н и к о л а й II
(безразлично)
делал.
(повысив голос)
Не хочу я говорить с вами, я плясать хочу. Ей музыка!

б а л а л а е ч н и к
царь танцует
ветер дует
люди плачут
слезы льют
всё танцую
ветер дует
царь не скачет
ходад лют

Н и к о л а й II
О Пётр где твоя Россия?
где город твой, где бледный Петербург?
куда попал я в Кострому на Небо,
иль в Парламент?
Скажи мне Пётр внуку своему.
Меня спросили: не плевал ли я в подушку
но я не знаю, я не помню, я забыл
Забыл, мне память изменила Пётр Пётр
скажи куда плюются все цари?

П ё т р
В плевательницу или под стол.

Н и к о л а й II
Позвать Комсамольца
Вертунова.

Дворецкий
Слушаюсь ваше величество!

Комсамолец Вертунов
Что прикажите Ваше Величество?

Николай II
Здрасте. Как на улице тепло или холодно?

Ком. Верт.
Тепло Ваше Величество.

Николай II
А я под стол плеваться умею!

Ком. Верт.
Очень интересно В. В.

Николай II
Хочешь покажу?

Ком. Верт.
Ну покажи!

Ник. II
Тпфу!

Ком. Верт.
вот это здорово!

Ник. II
Тпфу!

Ком. Верт.
Замечательно!

Щепкин
(вбегая)
Господа закройте дверь. Оттепель это самое опасное время! Моя тётя подарила мне перчатки, а папа сказал, что у меня и усы и борода и брови и всё-всё рыжее как у учительницы.

Комсамолец Вертунов
беги в Москву. Окаянный

Щепкин
(поёт)
я бегу верчу ногой
в небо прыгаю как лев
мне кричали: не здавайся
не смотри по сторонам
ну ка саблю вынь из ножен
и взмахни над голым пнём
твой удар и тих и нежен
рубит немца под сосну.

Комсамолец Вертунов
беги беги скорей!

Щепкин
(поёт)
дремлет Сокол в небе белом
я как птица в ночь бегу
Звери под гору ложатся
рыбы спят на берегу
только ты моя царица
в поле круглое глядишь
только ты головку ниже
опускаешь и грустишь

Комсамолец Вертунов
Ваня Ваня торапись! Ещё немного. Перепрыгни канавку. Вот Москва блестит пуще озера, домики плывут. Церковки послушные виднеются. Торопись Ваня!

Ваня Щепкин
(поёт)
Я пришёл к заветной цели
вот и пышная Москва
надо мной хлопочут люди
а кругом тоска тоска

Николай II
Господи какая проклятая жизнь!

Комсамолец Вертунов
Царь опомнись!
Тебе ли падать духом!
Тебе ли выть! прислушайся гремучим ухом
и жизнь прошлую забудь на век.
Тебе не много жить осталось. А ты
Зачем Зачем тревожил Ваню Щепкина
Зачем позвал меня и с хохотом промчался
мимо стана в поле крысой
расплату Бог послал. Прими в гробу недавнем
Её. и щеки впадше как букли осуши

Николай II
Молчи. Не стоит говорить
Я знаю всё. повесился великий полководец
когда прекрасная Мария горевала
и клавиши лежали под рукою
тут вечный Бисмарк об землю томился
но дочь его казалась нам другой
Смотри как лань визжат телеги
бегут погонщики. Смотри
под звоны шустрые калеки
несутся пламянем с утра
и всюду меч летит крылатый.
под опракинутой палатой
гляди тоскующие латы
висят как медные ветра
я знаю всё...

Комсамолец Вертунов
а помнишь день?
погода зимняя была и вьюги
шатались около Москвы
трещала хижина и дым не шевелился
и птицы падали в безжалостный сугроб
и чьих то ног следы мелькали
французская шумела речь
Откудо вы? из далека ли?

страну идёте пересеч
Ты помнишь царь Наполеона?
тебе гранитный вызов был
Москва врагом была спалёна
ты помнишь это?

Николай II
Нет забыл.

Комсамолец Вертунов
Забыл? Еще бы?
Хотя постой. Ты помнишь Фамусова?

Николай II
помню

Ком. Верт.
А Катеньку?
Она тебя встречала поцелуем на Морской
и зонтиком помахивая шла под ручку.
Вы заходили в ювелирный магазин

ты шёл как подобает Императору
а Катенька как висилица шла

Николай II
Да да

Ком. Верт.
Тише к нам идут
вон Фамусов а с ним Кирилл Давыдыч
и даже... даже Катенька. Пойдемте царь

Фамусов
Друзья! мы снова в этом доме!
Я вам сейчас представлю Комсамольца Вертунова
такой почтенный... Катенька вы покраснели?
и ты Кирилл Давидыч? Вот не кстати!!
чего ты загрустил смутившись как дитя?

Катенька

Нет Павел Афанасьевич я рада
а покраснела просто так

Комсам. Вертунов

Скажите Фамусов как поживает князь Мещерский?

Фамусов

Спасибо. В здравствии.
разводит канареек.

Ком. Верт.

А дочь его прекрасная Мария?

Фамусов

Мария? Мария Богу душу отдала

Комс. Верт.

Зачем же Богу? Вот чудак
не можите оставить предрассудки

Обернибесов

Бог — это я!
Моя Мария!
Четырнадцати лет мы познакомились.
она впорхнула в мой тихий домик.
Я лежал.
Смотрю как будто дверь пошевелилась
как будто дунул ветер в комнату
и вдруг вошла Мария.
На стене кинжал. Ты видишь это?
Мария видишь это? Она сказала:
«Нет мне это всё равно!
Люблю тебя Кирилл Давыдыч
Бежим мне здесь противно! Кира!
ты весь распух и злостью переполнен
бежим на лошади на шарике воздушном!
нырнём под океян и снова в даль промчимся
и лехкой амазонкой через горы

задребезжим в туманное окошко
мелькнёт отец мы крикнем: досвиданье!
! бежим! Кирилл Давыдыч — мы свободны!»
А я сказал: ты видишь Бога?
Бог — это я,
а ты Мария — не двинишся от бренного испуга.
Очей не вскинешь. и как птица
умрешь от ласковой руки!

Щепкин
(поёт)
Жил разбойник над горою
в тихом домике с окном
люди разные боялись
к той горе детей водить
Но лишь только звёзды кинут
взоры нежные к ручью
над горой печальный житель
теплет белую свечу

Николай II
Свяжите его! Это не человек а берёза какая то!

Фамусов
Успокойтесь Ваше Величество. Ну мы свяжем его, убьем.
Какая польза?
Он после завтра оживёт и снова
будит петь как нищий у перил
не в жизни цель, а в песне
как говорил мой друг Мищерский, князь
пройди всю землю, но хоть тресни
ты не найдешь такую грязь

Николай II
а как по вашему,
Кирилл Давыдыч злой Обернибесов
он лучше что ли или как?

Фамусов
Свежей. Спросите князя.
Он знаток души и тела

Николай II
Но где достать такого мудреца?

Фамусов
Мой князь живёт в Швецарии прилежной
Пускай Кирилл Давыдыч нам гонцом послужит
Ему в дорогу дайте спирт и порученье.

Николай II
Садись голубчик в аэроплан
лети голубчик через Мон Блан
на поворотах стягивай живот
ты прилетишь где князь живёт
Скажи ему чтоб он был здесь
Скажи ему что я его тесть
и как то будучи повешен
за мой язык среди орешен
я в руки брал перо стальное
мокал, но мимо пузырька
писал приветствие шальное
в кусты чихая изредка.
Лети к нему Обернибесов
аэроплан я тебе подарю
бутылку на там спирт
древесный
его полож в летучий трюм.
Ты им в пути себя согреешь
Мон Блан увидишь на заре
лишь
тогда нажми вот эту кнопку
и выбрось прочь бутылку
с пробкой.

Катенька
Прощай Кирилл Давыдыч!

Фамусов
Смотри как следует за леронами!
Ниже трёх сот метров не опускайся.
Когда прилетишь спроси куда попал
(убегает со сцены за аэропланом).

Комсамолец Вертунов
Чудак
Вообразил себя чорт знает кем!
Зритель кокого мнения ты об этом человеке?

Зритель
А уж будте покойны, вильнёт хвостом и
ищите где хотите.

Комсамолец Вертунов
Ну да! Не хватит решимости.
Ваня что скажешь?

Щепкин
Николай II кровью харкает. Доктора бы позвать.
кстати было бы.

Комсамолец Вертунов
Постой не до этого

Зритель
То то и оно то! Как не все дома
ничего и не попишешь

Комс. Вертунов
Ну ты там, тебе волю дали так ты
и нахальничать. Мне лучше знать что я делаю.

Зритель
А я маме пожалуюсь.

Комс. Верт.
Иди и жалуйся. Жалко что ли

Зритель

Вот и пойду!

Комс. Верт.

Вот и иди!

Зритель
(уходит)

Комс. Верт.
Фу! будто камень с плечь сняли.

Фамусов
(входя)
А где же царь?

Комс. Верт.
Чорт их знает. Когда нужно ни одного чорта под рукой не найдешь. Что улетел.

Фамусов
Да уж скоро и назад будет. Катюша тоже ушла?

Комс. Вертунов

А ну их всех. (*уходит*)

Фамусов
(один. Задумчиво)
раз два
раз два
раз два три
раз два три
раз два
Порр — тугалец.

(по сцене пробегает человек)

Эй куда бежишь!
раз два
раз два

Занавесь.

Действие II

Князь Мещерский

Эй отварите!
Я князь Мещерский
приехал в Питер
хочу проведать кто тут
мерзавцем
меня Светлейшего назвал
Всех разобью одной рукою
И к чёртовой матери пошлю
Попробуй только выйди!
Дважды
убью такого смельчака
сожгу и пеплом разбросаю
по всей земле!
ты кто такой?

Сторож

Вы здесь потише! Не скандальте!

Князь Мещерский

Скажите? Он меня...
Нет послушайте...
да ты-то знаешь
Вот эти руки гнут пятак!

Сторож

А еси вы сейчас вы замолчите
я вас могу арестовать

Князь Мещер.

Арестовать? валяй попробуй!
Я это так и ожидал!

Сторож

Вы арестованы! Пойдемте.

Кн. Мещ.

Не толкайся!
Веди хоть к чорту на рога.

Ком. Вертунов
(входя)
Ах это вы!

Кн. Мещ.
Да. Приехал. Тут проживает Николай II?

Ком. Верт.
Тут, но сейчас он болен
лежит в кровати как бревно.
Князь Мещерский
Эй служивый! Чего глядишь?
Веди к нему!

Сторож
К кому то ись

Князь Мещерский
К царю что как бревно лежит.
Четыре шага до ворот осталось
а лужа тут валяется как чорт!

Сторож
а вы её с размаху перепрынте!

Князь Мещерский
(прыгнув)
Куда итти
на право или в бок?

Сторож
Сюда пожалуйте.
(открываются ворота).

Николай II
(в кровати)
Куда смотреть?
Везде злодеи. Вон один
Открыл безумную рубашку
и слушает зажмурясь грамофон.
Вон рыцарь ходит с алебардой
хранит покой чиновника.

Вон сторож, комсамолец Вертунов,
а с ними кто-то мне до селе не известный
должно какой нибудь проситель.

Князь Мещерский

Здравствуй царь!
я прилетел на крыльях быстрых
Кирилл Давыдыч мчался тут же.
Казань мелькнула, вышел Питер
раздулся в голову и треснул
Фонтанкой бился, клокотал
и шлёпнулся к Неве у самого болота.
Мы вылезли и прочитали:

Николай II

Да это правда
Боже Боже!
Еще совсем недавно
Я бегал мальчиком
и кушал апельсин
тоскал невинные конфетки из
кормашка
и падал в ужасе при виде
мужика

Комсамолец Вертунов

Но мало ли что было!
Я однажды купался в речке.
Вдруг смотрю плывёт как будто рыба.

но вглядевшись — я крикнул как сарыч
и выскочил на берег.

Князь Мещерский
Что же это было?

Николай II
Ну?

Ком. Верт.
Это был простой комочек
нежных прутиков и мха
я кричал что было мочи
испугавшись как блоха.
А потом четыре ночи
Жизнь казалась мне плоха.

Николай II
Вот это здорово! Ты трус. И все вы такие.
Испугался прутика! А если бы увидал палку?

Ком. Верт.
(в сторону)
Каждый день вижу дубину тупоголовую.
и ничего! Не страшно.

Князь Мещерский
Ну к делу Господа!
Зачем вы меня вызвали?

Николай II
Твой ум понадобился.

Ком. Верт.
Решите нам. Кто лучше.
Ваня Щепкин Или этот
Кирилл Давыдович Обернибесов
один печальный и ненужный
другой с корзинкой на плече.

Князь Мещерский
По мойму лучше тот
который из пелёнок

уже кричал «брависсимо»
и дергал за усы
папашу или дядю
Когда они крестясь
и в сторону покашливая
медленно и с пафосом
пели ирмосы

Николай II

Восхитительно!
Какая мощь бесстрастного сужденья
Мы позовём Кирилл Давыдыча
и спросим
каков он был в младенчестве своём.

Щепкин
(вбегая)

Сейчас только что из Москвы. Прибежал туда а там всё так же как и у нас. Такие же дома и люди. Говорят только наоборот. «Здравствуйте» — это значит у них «прощайте». Я и побежал обратно. Только где-то по мойму окно открыто — дует. Я бежал — так вспотел.

Николай II

А! нам то тебя и нужно. Скажи пожалуйста, когда ты был еще в пелёнках, дёргал ты папашу или, ну скажем, дядюшку своего за усы?

Щепкин

Что?

Николай II

Ты дёргал за усы папу или маму?

Щепкин

Зачем?

Николай II

Значит не дёргал?

Щепкин
Ваше величество не погубите.

Николай II
Ну ладно ступай себе.
А что Кирилл Давыдыч прищёл?

Комсамолец Вертунов
Нет его всё ещё нету. Вон идет Фамусов, но кажется один. Павел Афанасьевич где же ваш друг?

Фамусов
(входя)
Он отказался итти сюда!
я говорил ему: послушай!
Пойдём!
а он в накидку завернувшись
стоял у входа
Я тотчас же всё понял.
Он тоскует.
В его руках виднелась книга
Он пальцем заложил страницу
Молчал. и только грудь казалась
да плащ казался мне крылом

Щепкин
Смотрите он идёт сюда

Комс. Верт.
Что Фамусов?
Не вышло дело?
Хотел прикинуться ягнёнком?
Вон щёки выкрасил шафраном
но выстреч когти позабыл.

Николай II
Ну, где же он?

Щепкин
Вон там шагает по мосту...

Князь Мещерский
Помойму это лошадь

Щепкин
Нет вон там.

Николай II
Ах да теперь я вижу
в руках он держит колокол

Князь Мещерский
не колокол, а выстрелы!

Щепкин
Бежимте господа!

Комсамолец Вертунов
Постой, куда бежать?
Царь не волнуйся.
Я приказал стоять у входа
Крюгеру
он смел и безобразен
Мальчишка не пройдет
и ветер не промчится
Он всякого поймает за рукав
толкнёт в кибитку
свистнет пальцем,
Не бойтесь!
Крюгер — это воин.
Он хранит.

Щепкин
(поёт)
У дверей железный Крюгер
саблей немцу погрозил
но всплеснув руками падал
выстрел Крюгера сразил.

Комсамолец Вертунов
Как его убили?!

Сторож
(вбегая)
Ваше Величество! Стоящий на посту
Эмануил Крюгер, только что убит
неизвестной женщиной.

Николай II
Что же это такое?

Сторож
Не смею знать Ваше Величество!

Николай II
Измена! Или ты мерзавец лжёшь!
подать мне Крюгера!
Хочу чтоб все ушли!
Я с ним на едине желаю разговаривать.
Поставте Самовар
и заварите чай.

Князь Мещерский
Но ведь его кажись прихлопнули?

Николай II
Молчи и не пытайся...
Я буду ждать пока он не придёт.
Пускай шагает по мосту Обернибесов
Не в этом дело. Он злодей.
А ты лети к себе в Швейцарию
там лучше
Уйди от солнца, скройся от людей.
Мне нужен Крюгер.
кто сказал: «он умер?»
Где Крюгер? Пётр! Крюгер где?
Вон Щепкин говорит его убили!
Где Крюгер? Пётр, где?!
Я жду.

Комсамолец Вертунов
Напрасно ждёшь.
Не слышет Пётр

и Крюгер в комнате лежит
его рука бездумно машет
свисая тучей со стола
не подходи к нему он тих
он сочинил последний стих.

Фамусов

Что же мы будем ждать Обернибесова
или пойдем?

Князь Мещерский

Вот город!
Вот страна!
Я прилетел на родину
и что же
не родина а булка!
не родина а Гроб!
на улице танцуют мандарины
в окошко залетает борода
я вижу лес, квадратные долины
а сбоку приютились города,
и там сидят ещё цари
играют в карты до зори
потом ложатся. Боже мой!
Улечука я домой.

Факельщики
(вносят Крюгера)...

Умер Крюгер как полено
ты не плач и не стони
вон торчит его колено
между дырок простыни
Он лежит и не вздыхает
он и фыркает и рад.
В небе лампа потухает
освещая Ленинград

Обернибесов и сторож на мосту.

Сторож

Кто идёт!
Откликнись кто идёт!

Эй слушай кто ты такой!
Стой, не пущу!
Ответь куда идешь и как зовут.

Обернибесов

меня зовут Обернибесов
иду в пространство. Я один.
На пароходе плыл сегодня в пустую гавань
был обед.
я сел на палубе за столик одинокий.
Смотрю идёт Мария.
Я кадет.
Но я сказал: «Мария ты прекрасна
Иди ко мне за мой печальный стол.
Иди сюда». Но было всё напрасно.
Она прошла и суп остыл.

Сторож

Ай Ай караул!

Обернибесов

Молчи.
Я создал мир.
Меня боятся.
Но ты мой друг не бойся. Я поэт
Схвачу тебя за ножки
и как птицу
ударю с возгласом о тумбу головой.

Сторож
(вырывается и бежит)

Караул! Грабитель!

Обернибесов
(бежит за ним)

Ах — ыр рар, рар — ррр —

Второй план

Пётр

С тех пор как умер Крюгер
Я опечален. хожу по городу
в рубахе. Всё коряво!
и ты двубортный замок тем не блещешь
Что пыль хранишь и чествуешь царя
и ты на мостике голодная избушка
не чудо кутаешь в солому средь коней
пройдет ли мимо князь
ну ладно! ты хромаешь
взлетит ли туча быстроя к немому потолку
Опять зима! на улице смеженье
Вон баба щёлкает орехи на суку.
Тогда у Зимнего дворца печален
Стоит как прежде Крюгер на часах...
глядит в безоблачное небо Крюгер...
тпфу — ты!
не Крюгер в небо посмотрел
а ты.

часовой

который час?

Пётр

четыре.
Да! нечего сказать. кругом
лохань бесбожная! Вон Катенька спешит
должно быть на свиданье с комсомольцем
Вертуновым.
Россия где же ты!

Обернибесов

тут. в кулаке.
красиво? Схватил и всё тут.
Я пришёл сюда на трубочках.
Я Бог.
Вон хочешь эта девка обернётся?
Я брошу камень в мыльницу и он

распухнет от тоски нечеловеческой. А девка
свернёт в кусты и ляжет на траву.
Мне это всё знакомо. Я копыто.
Не веришь? Посмотри сюда.
В моих глазах шумит водичка далеко.
Мария как то увидала птицу
и говорит: Кирилл Давыдович
убей напамять!
и тут же посмотрела мне в глаза.
С тех пор я всё тоскую. Мне не скучно
но некого ударить по зубам.

Пётр

Я то же всё искал
Кого бы изнеможить
Кому бы хрустнуться.
но то же без следа.

Обернибесов

А я нашёл
Смотри как пуделю обрежу подбородок
и вздохнув
средь бела дня тебя перекалечу.
Беги!

Пётр
(бежит)

Обернибесов
(бежит за Петром).
Ага! Я Бог но с топором!!

Первый план

Князь Мещерский
(садясь в аэроплан)
Ну ладно! Прочь из этих мест.
Какой позор!

Я больше тут не буду повторяться.
Мерзавцы! Вызвали меня!
Светлейшего и мудрого как чорт.
Судить какого то Обернибесова и Ваню Щепкина.
Эх тёти! Куда уж вам!

(входит Катенька)

bon jour!

Катенька
Я так ужасно торопилась
Что даже юбку порвала.

Князь Мещерский
Катенька! скажите мне на милость
откуда здесь у вас на кофточке трава.

Катенька
Соринка выпала из глазу.

Князь Мещерский
Я не видал ещё ни разу
таких зелёных попереч.

Катенька
Вон петушок идет по реч.

Князь Мещерский
Но вы прелестная какотка
передо мной чуть чуть коротка.

Катенька
Не говорите глупости. Я млею
и целоваться не умею.

Князь Мещерский
Ого стоп стоп, не уходите

(входит комсамолец Вертунов)

и не жардар пр пр.

Комс. Вертунов
Чего это вы тут друг друга обнимаете?

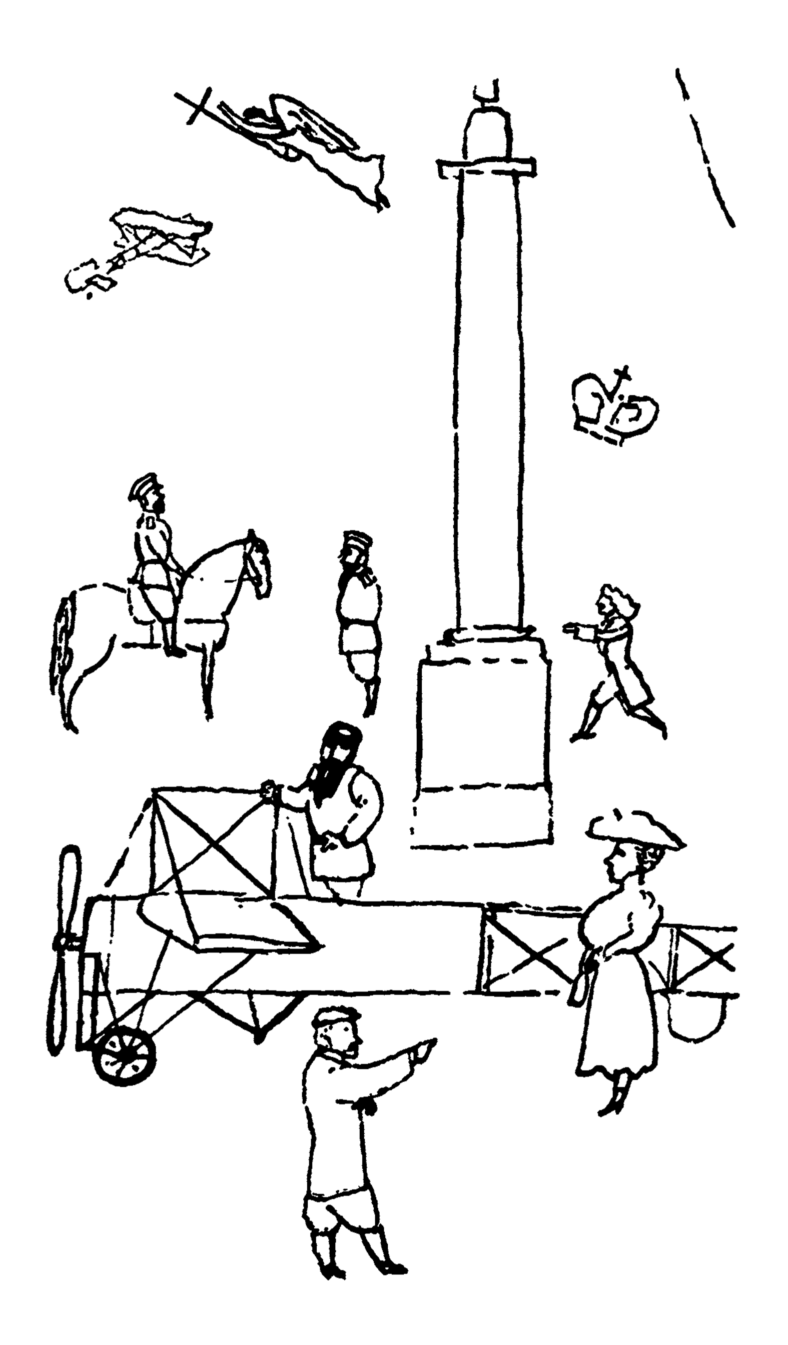
Катенька
Я вся в слезах.
Он так нахален
и так безумен как свинья.

Князь Мещерский
Позвольте я пробывал на искренних
струнах...

Комс. Вертунов
Довольно!
мне лож противна!
Лети откуда прилетел!
Мы с Катей по другому обойдемся

Обернибесов
(входя)
На крыше ходит кот.
Он мясо нюхает в амбаре
идёт в катушку. Я смотрю
кипят жерла. Дороден мир!
Ликуй черкешенька! Сверкает
Базиль павойники несёт
то кучер сани запрегая
скулит в убогие уста.
А я владыка над Москвою
Марию в кухне целовал
ложился в ямочки с тоскою
и руки в мыльницу совал.
Она умрёт. Я сверху вижу
вонзаю ножик под бока.
Я в колыбел бросаю лыжу
еще холодную пока.
Она поёт: Кирилл Давыдыч
ну обернись еще разок
а я подумал: это чудо.
и повернулся как зрачок

Князь Мещерский
Улетаю под небесья
Катя сумочкой маши

и поклон ему отвеся
мне любовную пиши.

Катя

Мой жених меня бросает
он другую полюбил
я приду к тебе босая
только б ты его убил.

Князь Мещерский

Я как птица над горою
Говорю тебе: блесни
видишь холодно, закрой
двери настеж и усни

(улетает)

Комс. Вертунов

Закотилося гора.
Катя поздно. Спать пора.

(комс. Вертунов и Катя уходят)

Обернибесов
(один)

Да. Лучше не смотреть.
Ну что это за люди?
Я создал их в поспешности.
тепер я понял.
Когда я проходил с улыбкой по Пассажу
мне вдруг мелькнула мысль:
«верно ты меня Мария позабыла».
но тут же спохватился
и вынув папиросу закурил.
«Не может быть — сказала казначейша, —
не в наше время забывать его».
Тогда пробило десять вечера.
Я посмотрел в чуланчик.
А там Мария волосы плетёт
и называет Бога: «мой хороший»
а на меня глядит как зверь.

Я понял — это хитрость небольшая
потом сказал: «Бог это я.
А ты Мария дитя бесславное». Казалось
она молчит. Но это ложь.
Она тихонько попадала
в бездонный город Петербург.
и взоры нежные кидала
и улыбалась наверху
а я стоял как на помостах
трубил в подкову горячо
потом совсем по детски просто
я целовал её в плечо:
Она визжала и носилась
мне ночью кораблем приснилась
и я схватив железный меч
рубил сырую мачту с плечь

Зановесь

Третий акт «Комедии Города Петербурга»

I — Офицер

Ох и время. Всё клопы
баня грязна. Я брезглив
лучше в море окунусь
ноги потные заголив.
Не спасет меня мундир
буйной молодости сувенир
женских ласок покоритель
царской милости сведетель.

II Офицер

Ты смешон и старомоден
рассуждаешь не в попад
ручеёк из самовара
принимаешь за водопад.
Ты возьми с меня пример
я среди житейских волн
стал хороший землемер

и работаю как вол.
Жизнь полная труда
мне приятна и мила
так и ты иди туда
куда всех революция привела.

I Офицер

Оставь я создан для другого
Я таю свечкой на дожде
ты помнишь Петю Пирогова?
он мой товарищ по нужде.

II Офицер

Как хочешь, поступай как знаешь.
Хотя, по правде говоря
Всё это ложь. а жизнь иная-ж
придёт в начале января.

I Офицер

О если бы ! О невский! О кареты!
О княжеский покой, народа тихий ропот.
Россия! ты владычеством согрета
орлом двухглавым вознесёшся над Европой
твои сыны запрыгают как дети
как юноши в подтяшках на снегу
и буду я вдыхать минуты эти
с блаженством божеским на невском берегу.

Оба

(поют)

Комунистам и татарам
скоро крах скоро крах
Англечане ведь не даром
на парах на парах

(пляшут раскидывая ноги)

I Офицер

Что это?

II Офицер

Помойму это стол.

I Офицер
Но он несется как покойник!

II Офицер
Да это призрак современный
летит в пивную. Вон и стул.
А вот и Пьяница и дама
и мы с тобой и вся земля!
Бежим на улицу, посмотрим
бутылку выпьем и назад.

Стол
Мне хлаблости недостатоцно. Одной.

Пьяница
Врёёшь врёшь врешь.
Это ты врёшь.

Стол
Потому цто ни для циво не употлеблён.

Дама
Фу какие глупости говорите.

Пьяница
Это ему наше поведение не ндравится.

Дама
Сашка, мерзавец! не хватай меня...!

Пьяница
Подождиж подождиж...

Дама
Нельзя, нехочу.

(Отбивается. Пьяница целует ее).

II Офицер
Поцелуемся и мы!

I Офицер
А! валяй!
(целуются)

II Офицер
Какая чудная погода!

I Офицер
Немножечко пресна.

II Офицер
Но это лучшее время года:
петербуржская весна

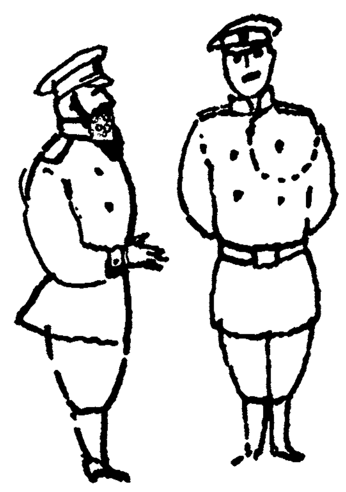
I Офицер
Давай поцелуемся.

II Офицер
Давай поцелуемся.

(целуются)
(Комсамолец Вертунов едет на велосипеде)

II Офицер
Гражданин!
Вы что-то уронили.

(Комс. Вертунов останавливается и слезает)

II Офицер

С первым апрелем!

Комсамолец Вертунов

Как?

I Офицер

Ну мы просто пошутили!

II Офицер

Первого апреля это так и полагается.

(молчание)

Мы с вами пошутили.

(Молчание)

I Офицер

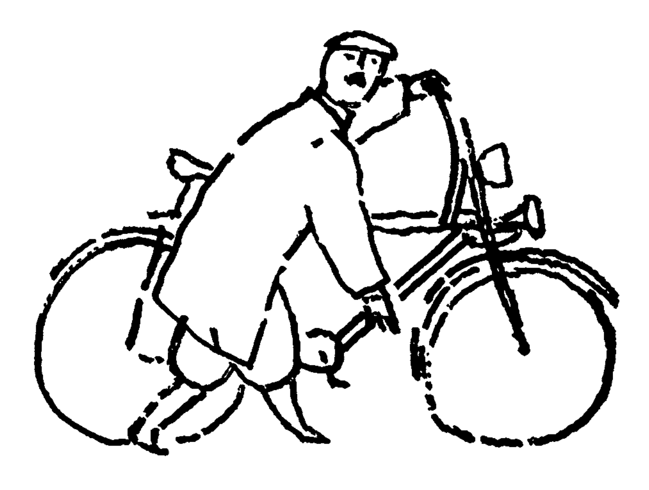
Потому что когда хорошая погода... Первое Апреля...
Он вам крикнул...

(Комсамолец Вертунов молча уходит с велосипедом)

видел?

II Офицер

видел. дело дрянь. Он понял кто мы такие.

I Офицер
Да, мы опасные люди
(*шёпотом*) мы опасные люди
(*с возвышения*) мы опасные люди!

II Офицер
Я уверен что мы опасны<е> люди

(Идёт Николай II с портфелем)

II Офицер
Здравствуйте Николай Александрович.

Николай II
Добрый день. Что нового?

I Офицер
Плохи дела! Здравствуйте

Николай II
Добрый день. Что же случилось?

II Офицер
Вы знаете какие мы с вами опасные люди. Большевики это прекрасно знают. Сейчас мы видели комсамольца Вертунова, он явно следит за нами.

I Офицер
Ещё бы народ на нашей стороне.

Николай II
Армия тоже. Я видел на днях как солдаты заметив меня шли опустив голову и кидая из-под лобья такие взгляды на своих командиров, что я всё понял. Скажи я слово и они как один умрут за освобождение отечества.

II Офицер
Но нас могут выследит<ь> и самым спокойным образом убить.

Николай II

Ничего. В больнице вместе со мной служит некий бывший человек Иван Аполонович Щепкин. Он всюду имеет доступ. И уж в случае чего сказал-бы мне что у них там неладное.

I Офицер

Дай-то Бог. Не долго и осталось. Я слышал Николай Николаевич готовит 100 тысячное войско, вооруженное такими газами от которых помрут только коммунисты.

Николай II

Да это правдо. Мне Щепкин рассказывал уже.

(Закуривают и уходят).

Голос за сценой. I Офицер

Николай Александрович, — а скоро
это всё-таки случится?........

(Входят: Комсамолец Вертунов и Катя)

Катя

Что же это ты так долго?

Комсамолец Вертунов

Да вот по дороге задержали меня два дурака.
Ещё издали еду смотрю пляшут двое ногами —
дрыгают. Когда я подъехал один кричит:
«Гражданин потеряли что-то». Я слез,
а они в восторге что надули с 1 апрелем.

К III-ей части «Комедии Города Петербурга»

Интермедия

взмахнули плечи круглые
девица ты недобрая
уйди Мария в просеку

кричи от туда тетерем
маши от тудо зонтиком
скачи от тудо кренделем
танцуй от туда в комнату
в чуланчик или комнату

малый Хор
в том чулане
в том чулане
залитала
птица рыжая
на скамейке
дева желтая
расплетала
косу чёрную

большой Хор
проходили
звери дутые
закрывалися
окна с трепетом

малый Хор
проходили
звери дутые
разбивалася
птица рыжая
а по морю — ту по согнутому
плыли дружные разбойнички
подплывали ночью к домику то те
бессердечные разбойнички
всё то ручками они да пырещупывают
за волосья деву сонную захватывают
просыпалося голубка потревоженная
матка плакала и в горницу заглядовала

Разбойники хором
Нука девки пошивеливайся ты
Лёвка пó полу притопнет каблуком
зашатается по городу кабак
опракинутся дороги в пустоту

Мария
Я... прошу... отпустить... меня...

Разбойники
Ты по воздуху от нас не убежишь
опракинулась дорога в пустоту.

Малый хор
Стены кубарем попадали в моря
и уплыли звери дутые домой

I-ый разбойник
Хочешь нам варить мясо?

Мария
Нет не хочу

II-ой разбойник
Хочешь нам завязываь галстуки?

Мария
Нет не хочу

III-ий разбойник
Хочешь нам рассказывать о тучах?

Мария
Нет. Я с воздухами не знакома
и в тучах птицей не была
я косы чёрные плела
меня искал Обернибесов
стучал в кривую дверь порой
и тихо плакал на колёсах
над горой
он точил о камни ножик
теплил белую свечу
человек летать не может
он же крикнул: полечу!
он умчался из окна
я осталася одна
не была я птицей в тучах
был мой друг

был мой друг
вейтесь бу́бы и лу́чи́!
он придёт и постучит
вдруг!..

(значит улетает)

Разбойники

Стой! Стой! Стой! Стой!
Возврати твою цидулину душа
Лёвка по́ полу притопнет каблуком
зашатается по городу кабак
опракинутся дороги в пустоту

Малый Хор

Улетала девка соколом от них
и разбойники танцуют без неё
Машка плачет и приплясывает эх!
всё откидывает голову назад
проплывает мимо горницы тапор
а за ним Иван Иваныч Самовар
Лёвка падает в кривое решето
Тухнет солнышко как свечка на ветру —

(свет тухнет и музыка затихает)

III часть

Щепкин
(вбегая)

Закройте двери! Зквозняки-то какие!
Вон и то окно надо закрыть. Тут и простудиться не мудрено.

Фамусов

Бумажка по́ ветру летит
Колышутся портьеры, шторы
взовьется пыль из под̀ ковра
госары шепчутся: пора
сейчас гофмейстер сняв покров
чуть слышно скажет: будь готов
и машет вдруг на колокольню

Уже в дверях собачий лай
скрипенье санок, звон, пальба —
отбросив двери Николай
ступает в комнату. Тогда
бегут в погоню канделябры
лучи согнутые трясутся
мелькнёт корета, обожжётся
глядишь! под голову ныряет
и криком воздух оглашая
ворвётся в дом струя большая
Дудит в придворные глаза
в портьеры, в шторы, в образа
колышет перья, фижмы, пудру
вертится, трогает струну
дворцы ломает в пух и к утру
потоком льётся на страну.
летит волна, за ней другая
царицу куклой кувыркая
козлиный комкая платок
царя бросая в потолок.

Щепкин
(поёт)
вьются шторы, вьются перья
дует ветер вдоль плетня
я пойду, закрою двери
только ты подожди меня

Фамусов
Да брось ты мы окна закроем
ты видишь я: иду иду
толкаю раму танцуют запоры
и винтики глянь заскользили по льду

Щепкин
(поёт)
Закройте раму, закройте двери
ветер не злися и к нам не лети
темною ночью выйдут звери
выйдут крылатые нас найти

Фамусов

не бойся Ваня
пройдёт ликованье
звериные тысячи
круглая барыня
чудо кошачие
горе лежачее

Щепкин
(кричит)

не боюсь я Павел
не страшусь я Афанасьевич
я ружьё направил
на врага летучего
на врага презренного
без копыт и паруса

Зверь

пропади мерзляк
я за мерелю каля
вылю плю на кулю коку
дулю в каку кику пулю

Щепкин

Да это что же такое?!

Человек похожий на колбасу

Он без зубов потому что

Щепкин

а ты то кто?
Караул! (*роняет ружьё*)

(Из ящика выскакивает пугалка с головой на длинной пружине)

Пугалка

молчать-чать-чать-чать-чать

Чудовища хором

мы любимцы сквозняка
сквозняка сквозняка
мы летим из далекá
далекá кá

Фамусов

Убирайтесь вон!
Здесь я хозяин.
а вы ничто, пустое, миф
вы плод фантазии досужной
живёте солнце осрамив

Чудовища хором

(с музыкой)

О любезный Фамусов

/-/ /-/

ты киргиз но без усов

/-/ /-/

(Влетает Мария)

Мария

Ах, куда я попала?

Щепкин

Батюшки

Фамусов

Гм

Мария

я тихо по морю каталась
но потеряла вдруг весло
тут паруса мои надулись
и лодку ветром понесло
ко мне пришла теперь идея
она проста: скажите где я?

Щепкин

Вы в городе Летербурге.

Мария

Где?

Фамусов

В Ленинграде

Мария

в столицу значит я попала
прекрасно! очень хорошо
здесь на Неве живёт хороший мой знакомый
Трёхэтажный. он служит в банке
старший счетовод.
Его зовут Кирилл Давыдыч Трёхэтажный
он ходит, милый мой, с корзинкой на плече.

Фамусов

скажите Трёхэтажный вам не дядя?

Мария

о нет. он мне жених и друг

Щепкин

странно он мне кого-то напоминает.
Вот так в глазах и вьётся
так и вьётся

Фамусов

он верно пуп земли?

Человек похожий на колбасу

растительность природы?

Зверь

квýлячья кумáнда?

Мария

нет, просто человек

Щепкин

но всё же вьётся в ухо
в глаза проклятый вьётся
и память растревожив
не сходит с языка
какой-то Трёхэтажный
Кирилл Давыдыч как-то
он вьётся так и вьётся
на вью́гу на вьюгу́

Николай II
(входя)

Ба! вся ученая компания!

Щепкин

Здраво желаю Ваше Величество.

Николай II

поклон
А это кто?

Мария

меня зовут Мария
Я с бабушкой жила в чулане
гуляла в парке ездила в Казань
потом вскочила в лодку и веслом кружа
умчалась в поцелуй ножа
летела к вам на шарике воздушном
держа канат в простуженной руке
и вдруг увидя золотые башни
шипенье труб и щёлканье ракет
подумала: вот это город. уплывает море.

наступает утро. в небе синева.
а сквозь колышется Нева

Пётр

Да это я построил город здесь на Финском побережьи
сказал столица будет тут. и вмиг
дремучий лес был до корня острижен
и шумные кареты часто били в окна хижин

Николай II

Ты Пётр был царём
а я брожу как дева
шатаюсь вдоль реки. О бражная Нева!
пройдут года, недели пронесутся
но ты красавица в моря не уплывёшь
Варяга ли набег иль немца крик досчатый
ил ярость ко́сая урал перелетит
тебя красавица
и гром не потревожит
и город на падёт на берегах Невы.
А я прощай,
прощай моя подруга
Уйду с болот в бесславии своём.
Прощай Россия.
Потухает жизнь... —
Ну что ж Мария, ты зачем пришла?

Мария

Здесь мой жених. Кирилл Давыдыч
он служит в банке. Я люблю.
Его фамилия как буд-то Трёхэтажный
а ходит он с корзиной на плече

Николай II

Ах как же знаю знаю
Вот так штука!
Кирилл Давыдыча не знать!
мы даже спорили и Щепкин в том свидетель...
...А, моё почтение!

Комсамолец Вертунов
Здравствуй царь.
моя жена — извольте вам представить
зовут её Катюша

Николай II
Очень рад

Ком. Верт.
А это Павел Афанасьевич Фамусов

Катюша
Но мы уже знакомы!

Комс. Верт.
А это Ваня Щепкин?

Щепкин
Вашь слуга

Комс. Верт.
А это кто?

Ник. II
Мария Павловна
приехала в столицу к жениху

Комс. Верт.
в какую столицу?

Ник. II
в Петербург

Щепкин
в Ленинград Ваше Величество

Комс. Верт.
в какой такой Петербург?!

Ник. II
в город Пе — тер — бург.

<сентябрь 1927>
Петербург

134
ЕЛИЗАВЕТА БАМ

Елизавета Бам

Сейчас, того и гляди, откроется дверь и они войдут... Они обязательно войдут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. Что я наделала! Что я наделала! Если б я только знала... Бежать? Но куда бежать? Эта дверь ведет на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? (Смотрит в окно). Ууу, высоко! мне не прыгнуть! Ну что же мне делать?.. Э! чьи-то шаги! Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.

Стук в дверь, потом голос

Елизавета Бам, откройте!
Елизавета Бам, откройте!

Голос издалека

Ну что она там, двери не открывает?

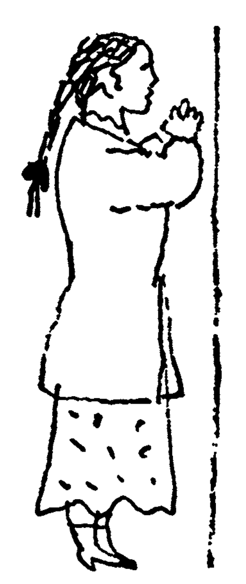
Голос за дверью

Откроет. Елизавета Бам, откройте!

Голоса за дверью

Первый

Елизавета Бам, я Вам приказываю немедленно же открыть!

Второй

Вы скажите ей, что иначе мы сломаем дверь. Дайте-ка я попробую.

Первый

Мы сами сломаем дверь, если Вы сейчас не откроете.

Второй

Может, её здесь нету?

Первый

(тихо)

Здесь. Где же ей быть? Она взбежала по лестнице наверх. Здесь только одна дверь. Куда же ей деться? (*Громко*). Елизавета Бам, говорю Вам в последний раз, откройте дверь. (*Пауза*). Ломай.

Второй

У Вас ножа нету?

Первый

Нет, Вы плечом.

Второй

Не поддается. Постойте-ка, я ещё так попробую.

Елизавета Бам

Я Вам дверь не открою, пока Вы не скажете, что Вы хотите со мной сделать.

Первый

Вы сами знаете, что Вам предстоит.

Елизавета Бам

Нет, не знаю. Вы меня хотите убить?

Первый

Вы подлежите крупному наказанию!

Второй

Вы всё равно от нас не уйдёте!

Елизавета Бам

Вы, может быть, скажете мне, в чём я провинилась?

Первый

Вы сами знаете.

Елизавета Бам

Нет, не знаю.

Первый

Разрешите Вам не поверить.

Второй

Вы преступница.

Елизавета Бам

Ха-ха-ха-ха! А если Вы убьёте меня, Вы думаете, Ваша совесть будет чиста?

Первый

Мы сделаем это, сообразуясь с нашей совестью.

Елизавета Бам

В таком случае, увы, но у Вас нет совести.

Второй

Как нет совести? Пётр Николаевич, она говорит, что у нас нет совести.

Елизавета Бам

У Вас-то, Иван Иванович, нет никакой совести. Вы просто мошенник.

Второй

Кто мошенник? Это я?! Это я?! Это я мошенник?!

Первый

Ну подождите, Иван Иванович!
Елизавета Бам, приказываю...

Второй

Нет, Пётр Николаевич, это я что ли мошенник?!

Первый

Да подождите тут обижаться! Елизавета Бам, прика...

Второй

Нет, постойте, Пётр Николаевич, Вы мне скажите, это я мошенник?

Первый

Да отстаньте же Вы!

Второй

Это что же, я, по-Вашему, мошенник?

Первый

Да, мошенник!!!

Второй

Ах так, значит по-Вашему я мошенник! Так Вы сказали?

Первый

Убирайтесь вон! Балда какая! А ещё пошёл на ответственное дело. Вам слово сказали, а Вы уж и на стену лезете. Кто же Вы после этого? Просто идиот!

Второй

А Вы шарлатан!

Первый

Убирайтесь вон!

Елизавета Бам

Иван Иванович мошенник!

Второй

Я Вам этого не прощу!

Первый

Я Вас сейчас скину с лестницы!

Иван Иванович

Попробуйте скиньте!

Пётр Николаевич

Скину, скину, скину, скину!

Елизавета Бам

Руки коротки!

Пётр Николаевич

Это у меня-то руки коротки?

Елизавета Бам

Ну да!

Иван Иванович

у Вас! у Вас! Скажите, ведь у него?

Елизавета Бам

У него!

Пётр Николаевич

Елизавета Бам, Вы не смеете так говорить!

Елизавета Бам

Почему?

Пётр Николаевич

Потому, что Вы лишены всякого голоса. Вы совершили гнустное преступление. Не Вам говорить мне дерзости. Вы — преступница!

Елизавета Бам

Почему?

Пётр Николаевич

Что почему?

Елизавета Бам

Почему я преступница?

Пётр Николаевич

Потому, что Вы лишены всякого голоса.

Иван Иванович

Лишены всякого голоса.

Елизавета Бам

А я не лишена. Вы можете проверить по часам.

Пётр Николаевич

До этого дело не дойдёт. Я у дверей расставил стражу, и при малейшем толчке Иван Иванович икнет в сторону.

Елизавета Бам

Покажите. Пожалуйста, покажите.

Пётр Николаевич

Вы, смотрите. Предлагаю отвернуться. Раз, два, три. (*Толкает тумбу.*)

Елизавета Бам

Ещё раз. Пожалуйста.
Как это вы делаете?

Пётр Николаевич

Очень просто. Иван Иванович, покажите.

Иван Иванович

С удовольствием.

Елизавета Бам

Да ведь это же прелесть как хорошо.
(*Кричит.*) Мама! Пойди сюда! Фокусники приехали!
Сейчас придёт моя мама.. Познакомьтесь, Пётр Николевич, Иван Иванович.
Вы что-нибудь нам покажете?

Иван Иванович

С удовольствием.

Пётр Николаевич

Халэ оп!
Сразу, сразу.

Иван Иванович

Тут негде упереться.

Елизавета Бам

Хотите, может быть, полотенце?

Иван Иванович

Зачем?

Елизавета Бам

Просто так. Хи-хи-хи-хи.

Иван Иванович

У Вас чрезвычайно приятная внешность.

Елизавета Бам

Ну да? Почему?

Иван Иванович

Ы-ы-ы-ы-ы потому что Вы незабудка.
(Громко икает.)

Елизавета Бам

Я незабудка? Правда? А Вы тюльпан.

Иван Иванович

Как?

Елизавета Бам

Тюльпан.

Иван Иванович
(в недоумении)

Очень приятно-с.

Елизавета Бам
(в нос)

Разрешите Вас сорвать.

Отец
(басом)

Елизавета, не дури.

Елизавета Бам

(отцу)

Я, папочка, сейчас перестану. (*Иван Ивановичу, в нос.*) Встаньте на четверинки.

Иван Иванович

Если позволите, Елизавета Таракановна, я пойду лучше домой. Меня ждёт жена дома. У ней много ребят, Елизавета Таракановна. Простите, что я так надоел Вам. Не забывайте меня. Такой уж я человек, что все меня гоняют. За что, спрашивается? Украл я, что ли? Ведь нет! Елизавета Эдуардовна, я честный

человек. У меня дома жена. У жены ребят много. Ребята хорошие. Каждый в зубах по спичечной коробке держит. Вы уж простите меня. Я, Елизавета Михайловна, домой пойду.

Мамаша поёт под музыку

Вот вспыхнуло утро
Румянятся воды,
над озером быстрая чайка летит
и т. д.

Пётр Николаевич

Ну вот и приехали!

Папаша

Слава Тебе, Господи!

Уходят.

Елизавета Бам

А ты, мама, не пойдёшь разве гулять?

Мамаша

А тебе хочется?

Елизавета Бам

Страшно.

Мамаша

Нет, не пойду.

Елизавета Бам

Пойдём, ну-у-у-у.

Мамаша

Ну пойдём, пойдём. (*Уходят.*)

Сцена пуста.

Иван Иванович и Пётр Николаевич

(*вбегая*)

Где, где, где.
Елизавета Бам,
Елизавета Бам,
Елизавета Бам.

Пётр Николаевич

Тут, тут, тут.

Иван Иванович

Там, там, там.

Пётр Николаевич

Где мы оказалися, Иван Иванович?

Иван Иванович

Пётр Николаевич, мы с Вами взаперти.

Пётр Николаевич

Что за безобразие! Прошу меня не тыч!

Иван Иванович

Вот Вам фунт, баста пять без пяти!

Пётр Николаевич

Где Елизавета Бам?

Иван Иванович

Зачем её надо Вам?

Пётр Николаевич
Чтобы убить!

Иван Иванович
Хм, Елизавета Бам
сидит на скамейке там.

Пётр Николаевич
Бежим тогда во всю прыть!

Оба бегут на одном месте
Хоп, хоп
ногами
закат за
горами
облаками розовыми
пух, пух
паровозами
хук, хук
филина
бревно! —
— распилено.

Елизавета Бам
Вы меня ищете?

Пётр Николаевич
Вас! Ванька, она тут!

Иван Иванович
Где, где, где?

Пётр Николаевич
Здесь, под фарлушкой!

Иван Иванович
Тащи её наружу!

Пётр Николаевич
Не вытаскивается!

Нищий
(Елизавете Бам)
Товарищ, помогите.

Иван Иванович
(заикаясь)
Вот следующий раз у меня больше опыта будет. Я как раз всё подметил.

Елизавета Бам
(нищему)
У меня ничего нет.

Нищий
Копеечку бы.

Елизавета Бам
Спроси того вон дяденьку. (*Указывает на Петра Николаевича.*)

Пётр Николаевич
(Ивану Ивановичу, заикаясь)
Ты гляди, что ты делаешь!

Иван Иванович
(заикаясь)
Я корни выкапываю.

Нищий
Помогите, товарищи.

Пётр Николаевич
(нищему)
Давай. Залезай туда.

Иван Иванович
Руками обопрись о камушки.

Пётр Николаевич
Ничего, он это умеет.

Елизавета Бам
Садитесь и вы. Чего смотреть?

Иван Иванович
Благодарю.

Пётр Николаевич
Сядем. (*Садятся.*)

Елизавета Бам
Что-то муж мой не идёт. Куда же это он пропал?

Пётр Николаевич
Придёт. (*Вскакивает и бежит по сцене.*)
Чур-чура!

Иван Иванович
Ха-ха-ха. (*Бежит за Петром Николаевичем.*)
Где же дом?

Елизавета Бам
Тут вот, за этой чёрточкой.

Пётр Николаевич
(хлопает Ивана Ивановича)
Ты пятнашка!

Елизавета Бам
Иван Иванович, бегите сюда!

Иван Иванович
Ха-ха-ха, у меня ног нет!

Пётр Николаевич
А ты так, на четверинках!

Папаша
Про которую написано было.

Елизавета Бам
Кто пятнашка?

Иван Иванович
Я, ха-ха-ха, в штанах!

Пётр Николаевич и Елизавета Бам
Ха-ха-хаха!..

Папаша
Коперник был величайшим учёным.

Иван Иванович
(валится на пол)
У меня на голове волосы!

Пётр Николаевич и Елизавета Бам

Ха-ха-ха-ха-ха!

Елизавета Бам

Ой, ой, не могу!

Папаша

Покупая птицу, смотри, нет ли у неё зубов. Если есть зубы, то это не птица.

Пётр Николаевич

(поднимая руку)

Прошу как следует вслушаться в мои слова. Я хочу доказать Вам, что всякое несчастие наступает неожиданно.

Когда я был ещё совсем молодым человеком, я жил в небольшом домике со скрипучей дверью. Я жил один в этом домике. Кроме меня были лишь мыши да тараканы. Тараканы всюду бывают; когда наступала ночь, я запирал дверь и тушил лампу. Я спал, не боясь ничего.

Голос за сценой

Ничего!

Мамаша

Ничего!

Дудочка за сценой

I — I

Иван Иванович

Ничего!

Рояль

I — I

Пётр Николаевич

Ничего! (*Пауза.*)

Мне нечего было бояться. И действительно. Грабители могли бы придти и обыскать весь домик. Что бы они нашли? Ничего.

Дудочка за сценой

I — I (*пауза*).

Пётр Николаевич

А кто бы еще мог забраться ко мне ночью?
Больше некому ведь? Правда?

Голос за сценой

Ведь некому же больше?

Пётр Николаевич

Правда?
Но однажды я просыпаюсь...

Иван Иванович

...и вижу, дверь открыта, а в дверях стоит какаято женщина. Я смотрю на неё прямо в упор. Она стоит. Было достаточно светло. Должно быть, дело близилось к утру. Во всяком случае, я видел хорошо её лицо. Это была вот кто. (*Показывает на Елизавету Бам.*) Тогда она была похожа...

ВСЕ

На меня!

Иван Иванович

...говорю, чтобы быть.

Елизавета Бам

Что Вы говорите?

Иван Иванович

Говорю, чтобы быть. Потом, думаю, уже поздно. Она слушает меня. Я спросила её, чем она сделала. Она говорит, что подралась с ним на эспандорах. Дрались честно, но она не виновата, что убила его. Слушай, зачем ты убила Петра Ивановича?

Елизавета Бам

Ура, я никого не убивала!

Иван Иванович

Взять и зарезать человека! Сколь много в этом коварства! Ура! ты это сделала, а зачем?

Елизавета Бам
(уходит в сторону и оттуда)
Уууууууууу-у-у-у-у.

Иван Иванович
Волчица.

Елизавета Бам
Ууууу-у-у-у-у-у-у-у.

Иван Иванович
В-о-о-о-о-лчица.

Елизавета Бам
(дрожит)
У-у-у-у-у — черносливы.

Иван Иванович
Пр-р-р-рабабушка.

Елизавета Бам
Ликование!

Иван Иванович
Погублена навеки!

Елизавета Бам
Вороной конь, а на коне солдат!

Иван Иванович
(зажигает спичку)
Голубушка Елизавета!

Елизавета Бам
Мои плечи, как восходящие солнца! (*Влезает на стул.*)

Иван Иванович
(Садясь на корточки)
Мои ноги, как огурцы!

Елизавета Бам
(влезая выше)
Ура! Я ничего не говорила!

Иван Иванович
(ложась на пол)
Нет, нет, ничего,
ничего.
Г, г, пш, пш.

Елизавета Бам
(поднимая руки)
Ку-ни-ма-га-ни-ла-в
а-ни-бауууу!

Иван Иванович
(лёжа на полу)
Мурка кошечка
молочко
приговаривала
на подушку прыгала
и на печку прыгала
прыг, прыг.
Скок, скок.

Елизавета Бам
(кричит)
Дзы калитка! Рубашка! веревка!

Иван Иванович
(приподнимаясь)
Прибежали два плотника и спрашивают: в чём дело?

Елизавета Бам
Котлеты! Варвара Семенна!

Иван Иванович
(кричит, стиснув зубы)
Плясунья на проволо-о-о-о!

Елизавета Бам
(спрыгивая со стула)
Я вся блестящая!

Иван Иванович
(бежит вглубь комнаты)
Кубатура этой комнаты нами не изведана.

Елизавета Бам
(бежит на другой конец сцены)
Свои люди сочтёмся!

Иван Иванович
(прыгая на стул)
Благополучие Пенсильванского пастуха и пасту-у-у-у!

Елизавета Бам
(прыгая на другой стул)
Иван Ива-а-а-а!

Папаша
(показывая коробочку)
Коробочка из дере-е-е-е!

Иван Иванович
(со стула)
Пока-а-а!

Папаша
Возьми посмо-о-о!

Мамаша
Ау-у-у-у-у!

Елизавета Бам
Нашла подберёзови-и-и-и!

Иван Иванович

Пойдёмте на озеро!

Папаша

Ау-у-у-у-у!

Елизавета Бам

Ау-у-у-у-у!

Иван Иванович

Я вчера Кольку встретил!

Мамаша

Да что Вы-ы-ы?

Иван Иванович

Да, да. Встретил, встретил. Смотрю, Колька идёт и яблоки несёт. Что, говорю, купил? Да, говорит, купил. Потом взял и дальше пошёл.

Папаша

Скажите пожалуйста-а-а-а-а!

Иван Иванович

Нда. Я его спросил: ты что, яблоки покупал или крал? А он говорит: зачем крал? Покупал. И пошёл себе дальше.

Мамаша

Куда же это он пошёл?

Иван Иванович

Не знаю. Не крал, не покупал. Пошёл себе.

Папаша

С этим не совсем любезным приветствием сестра провела её к более открытому месту, где были составлены в кучу золотые столы и кресла, и штук пятнадцать молодых девиц весело болтали между собой, сидя на чём Бог послал. Все эти девицы сильно нуждались в горячем утюге и все отличались странной манерой вертеть глазами, ни на минуту не переставая болтать.

Иван Иванович

Друзья, мы все тут собрались. Ура!

Елизавета Бам

Ура!

Мамаша и Папаша

Ура!

Иван Иванович (дрожа и зажигая спичку)

Я хочу сказать вам, что с тех пор, как я родился, прошло 38 лет.

Папаша и Мамаша

Ура!

Иван Иванович

Товарищи! У меня дом есть. Дома жена сидит. У ней много ребят. Я их сосчитал — 10 штук.

Мамаша

(топчась на месте)

Дарья, Марья, Федор, Пелагея, Нина, Александр и четверо других.

Папаша

Это все мальчики?

Елизавета Бам

(бежит вокруг сцены)

Оторвалась отовсюду!
Оторвалась и побежала!
Оторвалась и ну бегать!

Мамаша

(бежит за Елизаветой Бам)

Хлеб есшь?

Елизавета Бам

Суп есшь?

Папаша

Мясо есшь? (*Бежит.*)

Мамаша

Муку есшь?

Иван Иванович

Брюкву есшь? (*Бежит.*)

Елизавета Бам

Баранину есшь?

Папаша

Котлеты есшь?

Мамаша

Ой, ноги устали!

Иван Иванович

Ой, руки устали!

Елизавета Бам

Ой, ножницы устали!

Папаша

Ой, пружины устали!

Мамаша

На балкон дверь открыта!

Иван Иванович

Хотел бы я подпрыгнуть до четвёртого этажа!

Елизавета Бам

Оторвалась и побежала!
Оторвалась и ну бежать!

Папаша

Караул, моя правая рука и нос такие же штуки, как левая рука и ухо!

Хор

(под музыку на мотив увертюры)

До свидания, до свидания.
II — I
II — I
Наверху говорит сосна,
а кругом говорит темно.
На сосне говорит кровать,

а в кровати лежит супруг.
До свидания, до свидания.
II — I
II — I
Как-то раз прибежали мы
I — I в бесконечный дом.
А в окно наверху глядит
сквозь очки молодой старик
До свидания, до свидания.
II — I
II — I
Растворилися ворота,
показалися I — I

(Увертюра.)

Иван Иванович

Сам ты сломан
стул твой сломан.

Скрипка

па па пи па
па па пи па

Пётр Николаевич

Встань Берлином
надень перелину.

Скрипка

па па пи па
па па пи па

Пётр Николаевич

Восемь минут
пробегут незаметно.
Скрипка
па па пи па па
па па пи

Пётр Николаевич

Вам счёт отдан
будите трудыны
взвод или роту
вести пулемёт.

Барабан

| — — | —
| — — | —
| — — | — — | — |

Пётр Николаевич

Клочья летели
неделя за неделей.

Сирена и барабан

виа-а бум, бум
виа-а-а бум

Пётр Николаевич

Капитанного шума парвого
не заметила сикурая невеста.

Сирена

виа, виа, виа, виа.

Пётр Николаевич

Помогите сейчас помогите
надо мною салат и водица.

Скрипка

па па пи па
па па пи па

Иван Иванович

Скажите, Пётр Николаевич
Вы были там на той горе?

Пётр Николаевич

Я только то оттуда,
там прекрасно.
Цветы растут. Деревья шелестят.
Стоит избушка — деревянный домик,
в избушке светит огонёк,
на огонёк слетаются черницы,
стучат в окно ночные комары.
Порой шмыгнет и выпорхнет под крышей
разбойник старый козодой,
собака цепью колыхает воздух
и лает в пустоту перед собой,

а ей в ответ невидные стрекозы
бормочут заговор на все лады.

Иван Иванович
А в этом домике, который деревянный,
который называется избушка,
в котором огонёк блестит и шевелится,
кто в этом домике живёт?

Пётр Николаевич
Никто в нём не живёт
и дверь не растворяет,
в нём только мыши трут ладонями муку,
в нём только лампа светит розмарином
да целый день пустынником сидит на
печке таракан.

Иван Иванович
А кто же лампу зажигает?

Пётр Николаевич
Никто, она горит сама.

Иван Иванович
Но этого же не бывает!

Пётр Николаевич
Пустые, глупые слова!
Есть бесконечное движенье,
дыханье лёгких элементов,
планетный бег, земли вращенье,
шальная смена дня и ночи,
глухой природы сочетанье,
зверей дремучих гнев и сила
и покоренье человеком
законов света и волны.

Иван Иванович
(зажигая спичку)
Теперь я понял, понял, понял,
благодарю и приседаю
и как всегда интересуюсь —
который час? скажите мне.

Пётр Николаевич

Четыре. Ой, пора обедать!
Иван Иванович, пойдёмте,
но помните, что завтра ночью
Елизавета Бам умрёт.

Папаша

(входя)

Которая Елизавета Бам,
которая мне дочь
которую хотите вы
на следующую ночь
убить и вздёрнуть на сосне,
которая стройна,
чтоб знали звери все вокруг
и целая страна.
А я приказываю вам
могуществом руки
забыть Елизавету Бам
законам вопреки.

Пётр Николаевич

Попробуй только запрети,
я растопчу тебя в минуту,
потом червонными
плетьми
я перебью твои
суставы.
Изрежу, вздую
и верхом
пущу по ветру петухом.

Иван Иванович

Ему известно всё вокруг,
он повелитель мне и друг,
одним движением крыла
он двигает морями,
одним размахом топора

он рубит лес и горы —
одним дыханием своим
он всюду есть неуловим

Папаша
Давай сразимся, чародей,
ты словом, я рукой,
пройдёт минута, час пройдёт,
потом еще другой.
Погибнешь ты, погибну я,
но пусть ликует дочь моя
Елизавета Бам.

СРАЖЕНЬЕ ДВУХ БОГАТЫРЕЙ

Иван Иванович
Сраженье двух богатырей!
Текст — Иммануила Красдайтейрик.
Музыка — Велиопага, нидерландского пастуха.
Движение — неизестного путешественника.
Начало объявит колокол!

Голоса с разных концов зала
Сраженье двух богатырей!
Текст — Иммануила Красдайтейрик!
Музыка — Велиопага, нидерландского пастуха!
Движенье — неизвестного путешественника!
Начало объявит колокол!
Сраженье двух богатырей!
и т. д.

Колокол
Бум, бум, бум, бум, бум.

Пётр Николаевич
Курыбыр, дарамур
дыньдири
слакатырь пакарадагу
да кы чири кири кири
занудила хабакула
хе-е-ль

ханчу ана куды
стум чи на лакуды
пара вы на лыйтена
хе-е-ль
чапу ачапали
чапатали мар
небелочина
хе-е-ль (*поднимает руку.*)

Папаша

Пускай на солнце залетит
крылатый попугай,
пускай померкнет золотой,
широкий день, пускай.
Пускай прорвётся сквозь леса
копыта звон и стук,
и с визгом сходит с колеса
фундамента сундук.
И рыцарь, сидя за столом
и трогая мечи,
поднимет чашу, а потом
над чашей закричит:
Я эту чашу подношу
к восторженным губам,
я пью за лучшую из всех,
Елизавету Бам.
Чьи руки, белы и свежи,
ласкали мой жилет...
Елизавета Бам, живи,
живи сто тысяч лет.

Пётр Николаевич

Ну-с, начинаем.
Прошу внимательно следить
за колебаньем наших сабель, —
куда которая бросает острие
и где которая приемлет направление.

Иван Иванович

Итак, считаю нападенье слева!

Папаша
Я режу вбок, я режу вправо,
спасайся кто куды!
Уже шумит кругом дубрава,
растут кругом сады.

Пётр Николаевич
Смотри поменьше по сторонам,
а больше наблюдай движенье
железных центров и сгущенье
смертельных сил.

Папаша
Хвала железу — карборунду!
Оно скрепляет мостовые
и, электричеством сияя,
терзает до смерти врага!
Хвала железу! Песнь битве!
Она разбойника волнует,
младенца в юноши выносит,
терзает до смерти врага!
О песнь битве! Слава перьям!
Они по воздуху летают,
глаза неверным заполняют,
терзают до смерти врага!
О слава перьям! Мудрость камню.
Он под сосной лежит серьёзной,
из-под него бежит водица
навстречу мёртвому врагу.

Пётр Николаевич
Я пал на землю поражён,
прощай, Елизавета Бам,
сходи в мой домик на горе
и запрокинься там.
И будут бегать по тебе
и по твоим рукам
глухие мыши, а затем
пустынник таракан.
Ты слышишь, колокол звенит
на крыше бим и бам.

Прости меня и извини,
Елизавета Бам.

Иван Иванович
Сраженье двух богатырей
окончено.

* * *

Елизавета Бам
(входя)
Ах, папочка, ты тут. Я очень рада,
я только что была в кооперативе,
я только что конфеты покупала,
хотела, чтобы к чаю был бы торт.

Папаша
(расстегивая ворот)
Фу, утомился как.

Елизавета Бам
А что ты делал?

Папаша
Да... я дрова колол
и страшно утомлен.

Елизавета Бам
Иван Иванович, сходите в полпивную
и принесите нам бутылку пива и горох.

Иван Иванович
Ага, горох и полбутылки пива,
сходить в пивную, а оттудова сюда.

Елизавета Бам
Не полбутылки, а бутылку пива,
и не в пивную, а в горох идти!

Иван Иванович
Сейчас, я шубу в полпивную спрячу,
а сам на голову надену полгорох.

Елизавета Бам
Ах, нет, не надо, торопитесь только,
а то мой папочка устал колоть дрова.

Папаша

О что за женщины, понятия в них мало,
они в понятиях имеют пустоту.

Мамаша

(входя)

Товарищи. Маво сына эта мержавка укокосыла.

Головы

Какая? Какая?

Мамаша

Ета вот, с такими вот губам!

Елизавета Бам

Мама, мама, что ты говоришь?

Мамаша

Всё из-за тебя евонная жизнь окончилась в ничью.

Елизавета Бам

Да ты мне скажи, про кого ты говоришь?

Мамаша

(с каменным лицом)

Иих! иих! иих!

Елизавета Бам

Она с ума сошла!

Мамаша

Я каракатица.

Елизавета Бам

Они сейчас придут, что я наделала!

Мамаша

3 x 27 = 81.

Елизавета Бам

Они обязательно придут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. Бежать. Надо бежать. Но куда бежать? Эта дверь ведёт на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? *(Смотрит в окно.)* О-о-о-о-х. Мне не прыгнуть. Высоко очень! Но что же мне

делать? Э! Чьи-то шаги. Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.

Стук в дверь, потом голос

Елизавета Бам, именем закона, приказываю Вам открыть дверь.

Молчание.

Первый голос

Приказываю Вам открыть дверь!

Молчание.

Второй голос
(тихо)

Давайте ломать дверь.

Первый голос

Елизавета Бам, откройте, иначе мы сами взломаем!

Елизавета Бам

Что вы хотите со мной сделать?

Первый

Вы подлежите крупному наказанию.

Елизавета Бам

За что? Почему вы не хотите сказать мне, что я сделала?

Первый

Вы обвиняетесь в убийстве Петра Николаевича Крупернак.

Второй

И за это Вы ответите.

Елизавета Бам

Да я не убивала никого!

Первый

Это решит суд.

Елизавета Бам

Я в вашей власти.

Пётр Николаевич
Именем закона Вы арестованы.

Иван Иванович
(зажигая спичку)
Следуйте за нами.

Елизавета Бам
(кричит)
Вяжите меня! тащите за косу! продевайте сквозь корыто! Я никого не убивала! Я не могу убивать никого!

Пётр Николаевич
Елизавета Бам, спокойно!

Иван Иванович
Смотрите в даль перед собой.

Елизавета Бам
А в домике, который на горе, уже горит огонёк. Мыши усиками шевелят, шевелят. А на печке таракан тараканович, в рубахе с рыжим воротом и с топором в руках сидит.

Пётр Николаевич
Елизавета Бам. Вытянув руки и потушив свой пристальный взор, двигайтесь следом за мной, храня суставов равновесие и сухожилий торжество. За мной.

Медленно уходят.
Занавес

Писано с 12 <по> 24 декабря
1927 г<ода>.

135
Гвидон

Гвидон

ликует серна,
бежит ручей.
твоих безмерно
больших очей

мне мил и дорог
шутливый взгляд
твоих желаний морок
упрямой Лизы
твоё молчанье твои капризы
меня не разозлят

Лиза

одна первушка
в лесу жила
со мной шутила
и в чашу плотную звала
ноги в камнях спотыкать
мне не хотелось там скакать
я чуть слышно лепетала:
мне бы лапки не стереть
я под елкой трепетала
мокрых сосен посередь
худо в чаще мне гулять
ножки быст<р>о заболять
туман в голову заберется
душа к небу оторвётся

Гвидон

сосны скрипят
липы скрипят
воздух гардон
ветер картон
треплет шинель
крутится ель
падает снег
логово нег
Мысли коня
входят в меня
вносят аршин
кнут и кувшин
в упряжке стою
подобен коню
воздух дуга
ветер слуга

Лиза

коль скоро час утра
на башне звон
мне в церковь с матушкой пора
гляди народ гуляет вон
моя скамья в углу налево
под Магдалиной
гляди внизу пастушка Ева
спешит долиной
Священник строг
я опоздаю он накажет
запрёт меня в острог
и шёлк распутывать прикажет
а может быть казнить меня священник порешит
авось Гвидон спасти меня скорее поспешит

Ведьма

льются токи дивных слез,
бросьте плакать лучше в лес
в кучи мха снегов зимы
убежимте Лиза мы
дятла птичку мы вдвоём
круглым камушком убьём
будем кровь его сосать
перья по ветру бросать
ночь наступит мы в дупло
сядем вместе там тепло
выйдет сон уснут орлы
мы заснём урлы-мурлы
я, когда сомкнёте глаз,
околдую Лиза вас
все проснутся минет ночь
ну скорей бежимте прочь

Лиза

мне что-то страшно
бежать с тобой
хочу обратно
бежать домой

но гнутся ноги
скрипит хребёт
спасите Боги!
вперёд вперед

Лесное чучело

Ха ха ха!
куда спешишь
мысли воздух
камни шиш

Лиза

кто ты чучело небес
ангел добрый или бес

Лесное чучело

ляг девчонка на дороге
подними свои коленки
не видать с небесной вышки
твои чудные лодыжки.

Лиза
это бес твоя обитель
мох и чаща хворостин
пощади меня, Святитель
преподобный Августин.

Лесное чучело
Хо хо хо

Гвидон (*просыпаясь*)
Где я? Где я?
Ах это комната моя

во сне пришла ко мне идея
мысль благородного коня
разбить копытами темницу
и мчаться мчаться вдоль реки
Я вижу лес орла зарницу
законам натуры вопреки

копьем глядящую в верхи
я слышу звон в монастыре
бегут замаливать грехи
монахи в церковь на горе
поцеловать святого Августина тёмную ризу
мгновенно позабыв недуг
потом украдкой взглянув на Лизу
бегут монахи в акведук
Скорей скорей напялив сапоги
и ты Гвидон с Монахами беги
и ты Гвидон с монахами беги
быстро быстро ги ги ги

Святой Августин

занимается заря
на цветах
пчёлы толстые сидят.
а земля
поворачивается на китах
Так у матери в утробе
поворачивается сын
лицо его гладко
хранит его матка
и кормит пупок.
Вон и солнце встало в бок
начинается обедня
с колокольни звонари
сходят парами. Намедни
падал дождик до зари.
Пойду в церковь.

Монахи

К нам к нам
идёт посланник Божий
устелим путь ему рогожей
до алтаря
пойте монахи: Virgo Maria

Настоятель

Занимается заря

Святой Августин

ещё вдали я.
холм высокий
уже пройдён
часовня позади
вон монастырь
а вон колодец
шумит дыхание в груди.
Ноги дряхлые тоскуя
гнутся подо мной
мысли темя покидают
сердце не стучит
земля. поднимается в лоб
монахи несите гроб

(падает)

Монахи

Кто-то в поле пал
кто монахи?
Бог велик и мал
аллилуйя
смерть и друг и враг
о монахи
Бог и свет и мрак
Аллилуйя
Смерть кондуктор могил
о монахи
Бог свиреп и мил
аллилу<й>я
Рухнут жижа и твердь
о монахи
но не рухнут Бог и Смерть
аллилу<й>я.

Гвидон (*вбегая*)

А Лиза где?

Настоятель монастыря

не волнуйтесь молодой человек
Садитесь
но не сюда, тут масло пролито

Гвидон

беда, беда.
ночные птицы
разбили купол храма
когда я быстро шел сюда
весны мелькала панорама
орел мохнатый развевался...
я быстро шёл и запыхался

Настоятель

Вы папироску закурите

Гвидон

Спасибо.
Значит было так:
на синем небе точно флаг
орёл задумчивый летел,
я молча вслед ему глядел
куда крылами маховыми
начальник ветра держит путь
Куда ночами столбовыми
со свистом воздух режет грудь
и долго ль путь его надзвездный
собой пленять захочет
орёл в лесу
орёл над бездной
орёл задумчивый грохочет

Настоятель

Вопросов не решая
отвечу вам шутя
стряслась беда большая
над нами пролетя
мне слышен плач надгробный
и колокол крестин
скончался преподобный
святитель Августин

Лиза (*входя*)

Я только что в лесу была
играла в прятки с лисинятами

цветы головками махали
на небе ласточки порхали
в пруду лягушки квакали
мои браслеты звякали
мне было жарко
я оглянулась обнажиться не смея
лишь на реке плыла барка
на ней мужик пускал воздушного змея
всё громче, громче сердце билось
шалила кровь.
Я перекрестилась
и платье тонкое срывая
я встала стыд рукой скрывая
а на барке мужичёк
в меня глядел сквозь кулачёк
а я колени растворяла
повесив платье на сучок
бесстыдная стояла

Гвидон

Лиза ваше поведенье
недостойно ваших уст
вас посадят в заведенье
Веры Яковлевны Пруст
не хотите вы понять, иль
надоела вам судьба
объясните настоятель

Настоятель

Я не Бог и не судья

Лиза

в наше время наши нравы
знаю, пали бесконечно

Гвидон

бросьте Лиза вы не правы
вы поступаете беспечно

Лиза

Да Гвидон вы мой жених
вы жених из женихов

я избрала среди них
вас вершителя стихов
не затем чтоб вы страдали
поминутно, милый мой

Гвидон

Ах как дивно! Но всегда ли
вы останетесь такой

Настоятель

Уж небо не мореет
не сыплется земля
Смотрите вечереет
и купол храма рассмотреть нельзя
и крутятся планеты
волнуются моря
Гвидон и Лиза
две кареты
вас ждут у фонаря.

Лиза

Спасибо Настоятель мы сядем в одну карету.

(Гвидон и Лиза уходят). (Настоятель расправляет на клумбе помятый цветок. За сценой слышен голос Гвидона)

Гвидон

Ну с Богом, трогай

17, 18, 19, 20 декабря 1930 года

136

Николай II

Я запер дверь.
Теперь сюда никто войти не сможет.
Я сяду возле форточки
и буду наблюдать на небе ход планет.
Планеты, вы похожи на зверей!
Ты солнце лев, планет владыка,
ты неба властелин. Ты царь...
Я тоже царь
и мы с тобой два брата
Свети ко мне в окно
мой родственник небесный
пускай твои лучи
войдут в меня как стрелы
Я руки разверну
и стану как орёл.
взмахну крылами и на воздух,
с землей простившись, отлечу.
Прощай земля! Прощай Россия!
Прощай прекрасный Петербург!
Народ бросает кверху шапки,
И артиллерия гремит
и едет в лентах князь Суворов
и князь Кутузов едет следом
и Ломоносов громким басом
зовёт солдат на поле брани
и средь кустов бежит пехота
и едет по полю фельдмаршал.

Голос Александры Федоровны

Коля ты тут?

Николай II

Да тут. Войди, пожалуйста!

Александра Федоровна

Я не могу войти. Ты запер дверь. Открой скорее. Мне надо тебе что-то сказать.

Николай II
Сейчас открою (*открывает дверь*)

(Входит Александра Федоровна)

Александра Федоровна
Ты что-то делал у окна
тебя Адам Адамыч со двора увидел
и, сильно испугавшись,
прибежал ко мне.

Николай II
Да, это совершенно верно.
Я протирал оконное стекло.
оно немножко запотело,
а я подумал: дай протру!

Алекс. Федор.
Но ты же мог позвать лакея!

Николай II
Я Митьку звал, но Митька не пришёл.

Алекс. Федор.
Тогда позвал бы Вальтазара.

Николай II
А Вальтазар сидит на кухне
он крутит с девками любовь
А ты скажи мне, где Адам Адамыч?

Александра Федоровна
Адам Адамыч в розовой гостиной
ведет беседу с Воробьевым.
у Воробьева дочь Мария
бежала в Тулу с женихом.

Николай II
Да что ты говоришь!
Вот это новость
А кто жених ее?

Александра Федоровна
Как будто Стасов.

Николай II

Как Стасов!
Да ведь он старик почтенный!

Александра Федоровна

И старики бывают прытки на ходу.

Николай II

Да, удивительно как создан мир!
Всё мёртвое спешит исчезнуть
А всё живое день и ночь
себя старается увековечить
и будь то роза, рыба или человек
везде везде любовь царица!
О, Стасов! Ты старик
и борода твоя серебряного цвета
перо дрожит в твоей руке
твой голос утерял былую силу
твоя нога на поворотах стала шлёпать
и многих блюд желудок твой уж больше не приемлет,
но всё по-прежнему стучит в волненьи сердце
и всё по-прежнему шалит в тебе коварный бес.

Александра Федоровна

Сюда идут Адам Адамыч с Воробьевым.
Поправь прическу и одерни свой шлафрок.

Воробьев и Адам Адамыч (*входя*)

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Николай II

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Воробьев
Оставив личные заботы
и суету бесчисленной родни,
сойдёмся лучше для работы
и посвятим работе наши дни.

7 октября 1933 года

137

Бал

Хор
Танцуйте, танцуйте!

Гости
Танцуем, танцуем!

Хор
Танцуйте фигуру.

Гости
Танцуем фигуру.

Хор
Откройте откройте
откройте откройте
Закройте закройте
закройте закройте.

Гости
Мы весело топчимся
Баронесса Пирогова
Мне стало душно.

Солдат Ферзёв
Хотите на веранду, охладить горячее тело

Баронесса Пирогова
Вы правы, я немножечко вспотела.
Пусть ветер мне подует в рукава.

Солдат Ферзёв
Смотрите ночка какова!

Der Goldberg
Кто хочет что-нибудь особенного
то я спою не хуже Собинова.

Хозяин
Иван Антоныч, принесите плеть.
Сейчас Der Goldberg будет петь.

Der Goldberg (*поёт*)
Любовь любовь
царит всечасно...
Больше петь не буду. Зачем
он меня при каждом слове
ударяет плеткой.

Мария
Ой смотрите, кто это к нам
ползет на четверинках.

Хозяин
Это Мотыльков.

Мотыльков
Да, это я. Мою природу
постиг удар. Я стал скотом.
Дозвольте мне возвать к народу.

Хозяин
Ах не сейчас.
Потом Потом.

Мотыльков
Тогда я просто удалюсь.

Хозяин
А вдруг останетесь, боюсь.

Мотыльков
Как неуместен этот страх.
Уйду и с туфель сдуну прах.

Хозяин
Смотрите он ползет обратно.

Жак
Мария, будте аккуратна.

Мария
Я вам запачкала пиджак

Жак
Ну не беда

Мария
Мой милый Жак!

Жак
Я предан вам за вашу ласку.

Мария
Ах сядте тут и расскажите сказку.

Жак
Был гром и небо темно-буро
Вдруг выстрел. Хлоп! из Порт-Артура.
На пароходе суета
матросы лезут в лодку,
а лодка офицерами по горло занята.
Матросы пьют в испуге дикую водку,
кто рубит мачту, кто без крика тонет
кто с переломаной ногой лежит и стонет

уже вода раскрыла двери,
а люди просто озверели.
Волну прижав к своей груди,
тонул матрос и говорил: «Приди, приди», —
не то волне, не то кому-то
и бил ногами воду круто.
Его сосет уже пучина,
холодная вода ласкает,

но все вперед плывет мужчина
и милую волну из рук не выпускает.
«Приди, приди», — кому-то кличет,
кому-то яростно лопочет,
кому-то ласково лепечет,
зовет кого-то и хохочет.

<1933>

138

Факиров

Моя душа болит.
Перед глазами всё как прежде
а в книгах новая вода
не успеваю прочитать страницу
звонит над ухом телефон
и в трубку говорит мне голос:
Пётр Нилыч,
сегодня в три часа обед у Хвилищевского.
Вы будите?
Да, отвечаю, буду.
А вот вчера я покупал себе зубную щётку
и встретил в магазине Ольгу Павловну,
ужасную трещётку,
и полтора часа выслушивал рассказ о
комнатных перегородках,
о том, что муж её без брюк и ходит в
парусиновых обмотках
о Леночке в зелёных трусиках
и о Матвее с дьявольской улыбкой в чёрных
усиках.
А я всю жизнь, минуту каждую
премудрость жду, коплю и жаждую
то в числа вглядываюсь острым взглядом,
то буквы расставлю друг за другом рядом,
то в соль подбалтываю соду,
то баломучу вилкой воду,
то электричество пытаюсь разглядеть под
микроскопом,
то повторяю все эксперименты скопом.

Я сам дошел до би-квадратных уравнений
и, сидя в комнате, познал весенний бег оленей
Я сам, своею собственной рукой,
поймал молекулу.
Вот я какой!

(достаёт из шкапа сложную машину)

А эту сложную машину
я сделал сам из ячменя.
Кто разберёт мою машину?
Кто мудростью опередит меня?

(Задумывается)

Проект «Земля Многообразна»,
я в Академию носил.
Но было пасмурно и грязно
и дождик мелкий моросил
И мой проект постигла неудача,
он на дожде насквозь промок,
его прочесть была великая задача,
и в Академии его никто прочесть не мог.
Пойду сегодня к Хвищилевскому
Он приобрёл себе орган.
Послушаем Себастиана Баха
и выпьем чай с вар<ё>ной морошкой.
Где трость моя?
И где папаха?
Нашёл.
Теперь пойдём, свернув табак собачей
ножкой.

(Уходит). На сцену выбегает Верочка

Верочка

Всё хочу
всё хочу
и ежедневно забываю
купить банку толпачу.
В магазинах не бываю.
Мне хозяйство
это нож
прямо в сердце.

Жизнь ложь.
Лучше лечь и умереть.
(Звонок)
Надо двери отпереть.

(Убегает). Из шкапа выглядывает студент

Студент

Ах, Верочка! Как я люблю тебя!

(Опять прячется в шкап). Входит Верочка и Антон Антонович

Антон Антонович

Мне приятно видеть Вас.
Вы прелестны, Вера. Да-с.
Я ценитель красоты.
Перейдёмте с «Вы» на «ты».

Верочка

Без вина Антон Антоныч
говорите мне на Вы
и целуйте только руки
не касаясь головы.

Антон Антонович

Вера! Верочка! Голубка!
Не отталкивай меня.
Верочка
Это что у вас?

Антон Антонович

Что? Трубка!

Верочка

Отойдите от меня!

Антон Антонович

Я ужасно задыхаюсь.
Вера, Верочка! Кись-кись!

Верочка

Отойдите! Я кусаюсь!

Антон Антонович

Ну не надо! Не сердись.

Верочка
Вы купили шеколад?

Антон Антонович
Извините. Виноват.
Идя к вам любовный пыл
охватил меня. Забыл
всё на свете, только вас
представлял себе как раз
в разных позах и видах
и в рубашке и без...

Верочка
Ах!

Антон Антонович
Без рубашки, ваши груди...

Верочка
Караул! Спасите! Люди!

Студент (*выскакивая из шкапа*)
Стой. Мерзавец! Пусти руку! Не
волнуйтесь Верочка. Пойдёмте со
мной в шкап.

Верочка
Пустите меня! Кто вы такой?

Студент

Я студент.

Верочка

Что вам от меня нужно? Почему вы оказались в шкапу?

Антон Антонович

Что вам угодно?

Верочка

Почему вы вмешиваетесь не в своё дело?

Антон Антонович

Врываетесь в частную жизнь!

Верочка

Да кто вы такой, в самом деле?

Студент

Я студент.

Верочка

А как вы сюда попали?

Студент

Я пришёл к Петру Нилочу Факирову.

Верочка

Ну?

Студент

Пётр Нилыч любит, чтобы его слушали, когда он что-нибудь говорит. Он сажает меня в шкап, а сам уходит и говорит, будто в комнате никого нет.

Верочка

Значит, пока мы были тут, вы тоже тут были?

Студент

Да.

Верочка

И всё слышали?

Студент

Да.

(Верочка закрывает лицо руками)

Антон Антонович

Это форменное безобразие.
Укрыться негде, всюду соглядатаи.
Моя любовь, достигшая вершины,
не помещается в сердечные кувшины.
Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти.
Моя походка стала каменной
а руки сделались моложе.
А сердце прыгает, а взор мой
пламенный.
Я весь дрожу.
О Боже! Боже!

Студент

Я в этот дом хожу четыре года,
и каждый день смотрю на Верочку
из шкапа.
Я физик, изучал механику,
свободное скольженье тел
и притяженье масс.
А тут бывал я исключительно
для вас.

<1933-1934>

139

Востряков, *смотрит в окно на улицу*

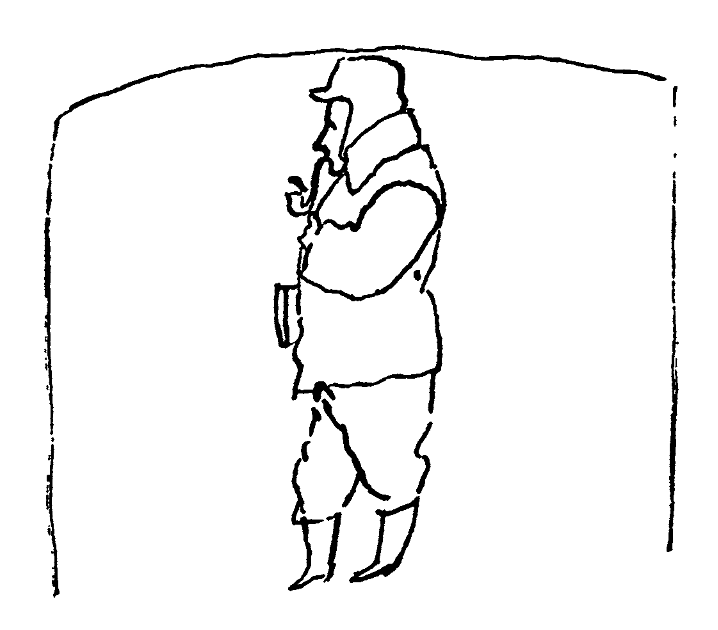
Смотрю в окно и вижу снег.
Картина зимняя давно душе моей знакома.
Какой-то глупый человек
Стоит в подъезде противуположного дома.
Он держит пачку книг под мышкой,
Он курит трубку с медной крышкой.
Теперь он быстрыми шагами
Дорогу переходит вдруг
Вот он исчез в оконной раме.

(Стук в дверь)

Теперь я слышу в двери стук.
Кто там?

Голос за дверью

Откройте. Телеграмма.

Востряков

Врёт. Чувствую, что это ложь.
И вовсе там не телеграмма
Я сердцем чую острый нож.
Открыть иль не открыть?

Голос за дверью

Откройте!
Чего вы медлите?

Востряков

Постойте!
Вы суньте мне под дверь посланье.
Замок поломан. До свиданья.

Голос за дверью

Вам нужно в книге расписаться.
Откройте мне скорее дверь.
Меня вам нечего бояться
Скорей откройте. Я не зверь.

Востряков, приоткрывает дверь

Войдите. Где вы? Что такое?

(Смотрит за дверь)

Куда же он пропал? Он не мог далеко уйти. Спрятаться тут негде. Куда же он делся? Улица совсем пустая. Боже мой! И на снегу нет следов! Значит, никто к моей двери не подходил. Кто же стучал? Кто говорил со мной через дверь?

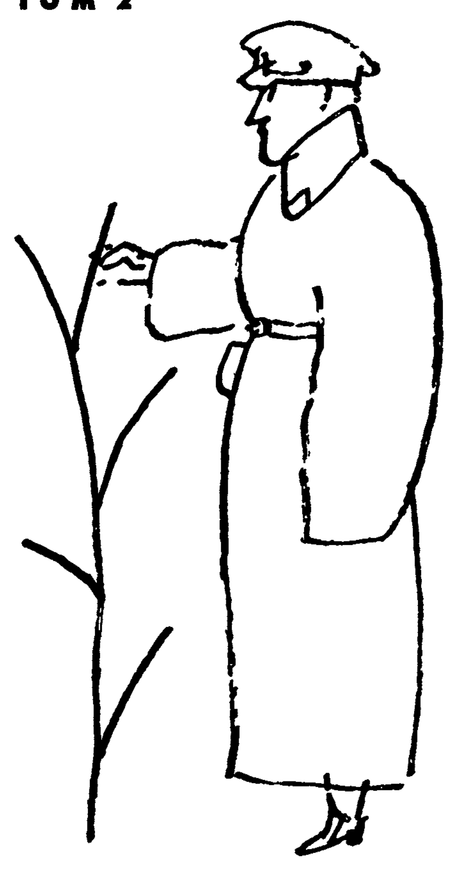
(Закрывает дверь)

<1937-1938>

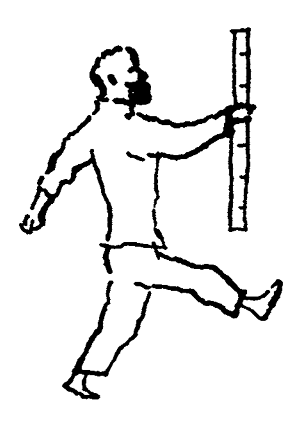
293

Д. ХАРМС

ТОМ 2

ЦИКЛЫ
И СБОРНИКИ

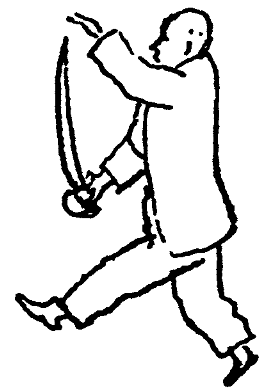

140

I.

Измерение вещей

Ляполянов – За вами есть один грешок
вы под пол прячете вершок
его лелеите как цветок
в случае опасности дуете в
свисток.

Друзья – Нам вершок дороже глаза
наша мера он отсчёта
он в пространстве наша база,
мы бойцы прямых фигур.
К мерам житкости сыпучей
прилогаем эталон
сыпим слёз на землю кучи,
измеряем лоб соседа,
(он-же служит нам тетёркой)
рассматривая форму следа
меру трогаем всей пятёркой.
Любопытствуя больного
тела жар — температуру,
мы вершок ему приносим
из бульёна варим куру.

Ляполянов – Но физики счетают вершок
устаревшей мерой.

Значительно удобней
измерять предметы саблей.
Хорошо так-же измерять
шагами.

Пофесссор
Гуриндурин – Вы не правы Ляполянов.
Я сам представитель науки
и знаю лучше тебя положение
дел.
Шагами измеряют пашни,
а саблей тело человеческое,
но вещи измеряют вилкой.

Друзья – Мы дети в науке
но любим вершок.

Ляполянов – Смерть отсталым измереньям!
Смерть науки старожилам!
Ветер круглым островам!
Дюжий метр пополам!

Плотник – Ну нет,
простите.
Я знаю косую сажень
и на все ваши выдумки мне
плевать!
Плевать, говорю, на вашу тётю
науку.
Потому как сажень
есть косая инструмент,
и способна прилогаться
где угодно хорошо;
при постройке, скажем, дома
сажень веса кирпечей
штукатурка, да салома,
да тяжёлый молоток.

Профессор
Гуриндурин – Вот мы
глядя в потолок
рассуждаем над масштабом

разных планов естества
переходящего из энергии
в основную материю,
под которой разумеем
даже газ.

Друзья – Наша мера нами скрыта.
Нам вершок дороже глаз.

Ляполянов – В самых маленьких частичках
в элементах,
в ангелочках,
в центре тел,
в летящих ядрах,
в натяженьи,
в оболочках,
в ямах душевной скуки,
в пузырях логической науки
измеряются предметы
клином, клювом и клыком.

Профессор Гуриндурин – Вы не правы Ляполянов.
Где-же вы слыхали бредни
чтобы стул измерить клином,
чтобы стол измерить клювом,
чтобы ключ измерить лирой,
чтобы дом запутать клятвой.
Мы несём в науке метр,
Вы несёте только саблю.

Ляполянов – Я теперь считаю так:
меры нет.
Вместо меры наши мысли
заключённые в предмет.
Все предметы оживают
бытиё собой украшают.

Друзья – О,
мы поняли!

но все-же
оставляем Вершок.

Ляпоклянов – Вы костецы.

Профессор Гуриндурин – Неучи и глупцы.

Плотник – Я порываю с вами дружбу.
всё.

17-21 октября 1929 года
Д. Хармс

[2]

Сабля

§ I.

Жизнь делится на рабочее и нерабочее время. Нерабочее время создаёт схемы — трубы. Рабочее время наполняет эти трубы.

Работа в виде ветра
влетает в полую трубу.
Труба поёт ленивым голосом.
Мы слушаем вой труб.
И наше тело вдруг легчает
в красивый ветер переходит;
мы вдруг становимся двойными:
направо ручка —
налево ручка,
направо ножка —
налево ножка,
бока и уши и глаза и плечи
нас граничат с остальными.
Точно рифмы наши грани
остриём блестят стальным.

§ 2.

Нерабочее время — пустая труба. В нерабочее время мы лежим на диване, много курим и пьём, ходим в гости, много говорим, оправдываясь друг

перед другом. Мы оправдываем наши поступки, отделяем от всего остального и говорим, что в праве существовать самостоятельно. Тут нам начинает казаться, что мы обладаем всем, что есть вне нас. И всё существующее вне нас и разграниченное с нами и всем остальным, отличным от нас и его (того, о чём мы в данный момент говорим) пространством (ну хотя бы наполненным воздухом) мы называем предметом. Предмет нами выделяется в самостоятельный мир и начинает обладать всем лежащим вне его, как и мы обладаем тем-же.

Самостоятельно существующие предметы уже не связаны законами логических рядов и скачат в пространстве, куда хотят, как и мы. Следуя за предметами, скачат и слова существительного вида. Существительные слова рождают глаголы и даруют глаголам свободный выбор. Предметы, следуя за существительными словами, совершают различные действия, вольные, как новый глагол. Возникают новые качества, а за ними и свободные прилогательные. Так выростает новое поколение частей речи. Речь, свободная от логических русел, бежит по новым путям, разграниченная от других речей. Грани речи блестят немного ярче, чтобы видно было, где конец и где начало, а то мы совсем бы потерялись. Эти грани, как ветерки, летят в пустую строку-трубу. Труба начинает звучать и мы слышим рифму.

§ 3.

Ура! стихи обогнали нас!
Мы не вольны как стихи.
Слышен в трубах ветра глас,
мы-же слабы и тихи.
Где граница наших тел,
наши светлые бока?
Мы неясны точно тюль,
мы беспомощны пока.
Слова несутся и речи,
предметы скачат следом,

и мы дерёмся в сече —
Ура! кр<и>чим победам.

Таким образом, мы завлекаемся в рабочее состояние. Тут уж некогда становится думать о еде и гостях. Разговоры перестают оправдывать наши поступки. В драке не оправдываются и не извиняются. Теперь каждый отвечает за самого себя. Он один своей собственной волей приводит себя в движение и проходит сквозь других. Всё существующее вне нас перестало быть в нас самих. Мы уже не подобны окружающему нас миру. Мир летит к нам в рот в виде отдельных кусочков: камня, смолы, стекла, железа, дерева и т. д. Подходя к столу, мы говорим: Это стол, а не я, а потому вот тебе! — и трах по столу кулаком, а стол пополам, а мы по половинам, а половины в порошок, а мы по порошку, а порошок в нам в рот, а мы говорим: это пыль, а не я, — и трах по пыли. А пыль уже наших ударов не боится.

§ 4.

Тут мы стоим и говорим: Вот я вытянул одну руку вперёд прямо перед собой, а другую руку назад. И вот я впереди кончаюсь там, где кончается моя рука, а сзади кончаюсь тоже там, где кончается моя другая рука. Сверху я кончаюсь затылком, снизу пятками, сбоку плечами. Вот я и весь. А что вне меня, то уж не я.

Теперь, когда мы стали совсем обособленными, почистим наши грани, чтобы лучше видать было, где начинаемся уже не мы. Почистим нижний пункт — сапоги, верхний пункт — затылок — обозначим шапочкой; на руки наденим блестящие манжеты, а на плечи эполеты. Вот теперь уже сразу видать, где кончились мы и началось всё остальное.

§ 5.

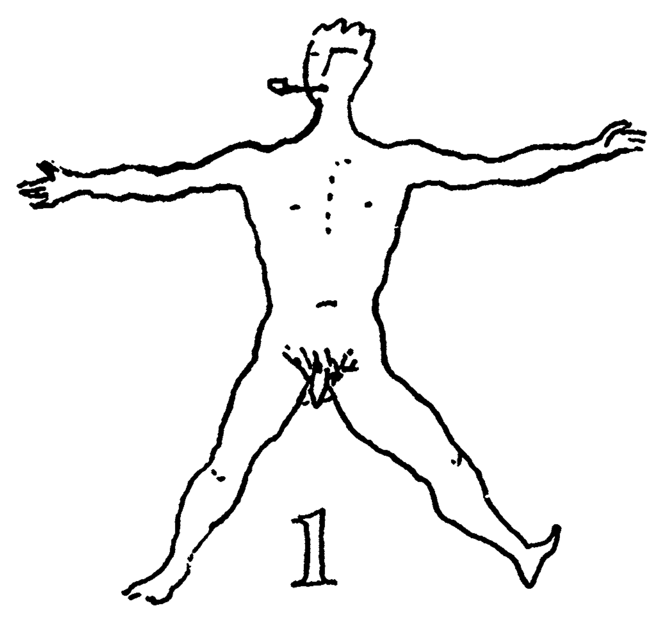
Вот три пары наших граней:
1. рука — рука.
2. плечо — плечо.
3. затылок — пятки.

§ 6.

Вопрос: Нач<а>лась-ли наша работа? А если началась, то в чём она состоит?

Ответ: Работа наша сейчас начнётся, а состоит она в регистрации мира, потому что мы теперь уже не мир.

В.: Если мы теперь не мир, то что-же мы?

О.: Нет, мы мир. Т. е. я не совсем правильно выразился. Не то чтобы мы же не мир, но мы сами по себе, а он сам по себе. Сейчас поясню: Существуют числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и т. д. Все эти числа составляют числовой, счётный ряд. Всякое число найдёт себе в нём место. Но 1 — это особенное число. Она может стоять в стороне, как показатель отсутствия счёта. 2 уже первое множество, и за 2 все остальные числа. Некоторые дикари умеют считать только так: раз и много. Так вот и мы в мире вроде единицы в счётном ряду.

В.: Хорошо, а как-же мы будем регистрировать мир?

О.: Так-же, как единица регистрирует остальные числа, т. е. укладываясь в них и наблюдая, что из этого получается.

В.: Разве так единица регистрирует другие числа?

О.: Допустим, что так. Это неважно.

В.: Странно. А как-же мы будем укладываться в другие предметы, расположенные в мире? Смотреть, насколько шкап длиннее, шире и выше, чем мы? Так что ли?

О.: Единица изображается нами значком в виде палочки. Значёк единицы есть только наиболее удобная форма для изображения единицы, как и всякий значёк числа. Так и мы есть только наиболее удобная форма нас самих.

Единица, регистрируя два, не укладывается своим значком в значёк два. Единица регистрирует числа своим качеством. Так должны поступать и мы.

В.: Но что такое наше качество?

О.: Гибель уха —
глухота,
гибель носа —
носота,
гибель нёба —
немота,
гибель слёпа —
слепота.

Абстрактное качество единицы мы тоже знаем. Но понятие единицы существует в нас, как понятие чего-либо. Скажем, аршина. Единица регистрирует два — есть: один аршин укладывается в двух аршинах, одна спичка укладывается в двух спичках и т. п. Таких единиц существует уже много. Так-же и человек не один, а много. И качеств у нас столько-же, сколько существует людей. И у каждого из нас своё особое качество.

В.: Какое качество у меня?

О.: Вот. Работа начинается с отыскания своего качества. Так как этим качеством нам придется потом орудовать, то назовём его оружие.

В.: Но как найти мне своё оружие?

§ 7.

Если нет больше способов
побеждать нашествие смыслов,
надо выходить из войны гордо
и делать своё мирное дело.
Мирное дело постройка дома
из брёвен при помощи топора.
Я вышел в мир глухой от грома.
Домов раскинулась гора.
Но сабля войны остаток
моя единственная плоть
со свистом рубит с крышь
касаток
бревна не в силах расколоть,
Менять-ли дело иль оружие?
рубить врага иль строить дом?
Иль с девы сдёрнуть с дуба
кружево
и саблю в грудь вонзить потом.
Я плотник саблей вооружённый,
встречаю дом как врага.
Дом саблей в центр поражённый
стоит к ногам склонив рога.
Вот моя сабля, мера моя
вера и пера, мегера моя!
Добавление.

§ 8.

Козьма Прутков регестрировал мир Пробирной Полаткой, и потому он был вооружён саблей.*

---

* Сон Козьмы Пруткова: Голый генерал. Хорошо, что генерал был в эполетах, но жаль, что он не передал Пруткову сабли.

Сабли были у: Гёте, Блейка, Ломоносова, Гоголя, Пруткова и Хлебникова. Получив саблю, можно приступать к делу и регестрировать мир.

§ 9.

Регистрация мира.
(Сабля — мера)*
всё.

19-20 ноября
1929 года
Даниил Хармс

[3]

Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса.**

I утверждение.

Предметы пропали.

II утверждение.

Было: Числовой ряд начинается с 2. Единица не число. Единица первое и единственное совершенство. Первое множество, первое число и первое от совершенства — это 2. (Пифагорова Единица).

III утверждение.

Вообразим, что единица — первое число.

IV утверждение.

Новая единица подчиняется закону общих чисел. Закон чисел — Закон масс. (Хармсова Единица).

V утверждение.

Закон единицы ложен — такого Закона нет. Есть только Закон масс.

VI утверждение.

Предмет обезоружен. Он стручок. Вооружена только куча.

---

* «Время — мера — мира». В. Хлебников.

**Смотри: «Предметы и фигуры открытые Даниилом Ивановичем Хармсом». 1927 год.

VII утверждение.

Закон больших и малых чисел один. Разница только количественная.

VIII утверждение.

И человек и слово и число подчинены одному закону.

IX утверждение.

Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей. Старая человеческая мысль говорит про новую, что она «тронулась». Вот почему для кого-то большевики сумасшедшие.

X утверждение.

Один человек думает логически; много людей думают ТЕКУЧЕ.

XI утверждение.

Я хоть и один, но думаю ТЕКУЧЕ.

всё

18 марта 1930 года.
Я пишу высокие стихи.

[4]

Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом.
8 августа 1927 года.
Петербург.

1. Значение всякого предмета многообразно. Уничтожая все значения, кроме одного, мы тем самым делаем данный предмет невозможным.

Уничтожая и это последнее значение, мы уничтожаем и само существование предмета.

2. Всякий предмет (неодушевлённый и созданный человеком) обладает четырьмя рабочими значениями и пятым сущим значением. Первые четыре

суть: 1) Начертательное значение (геометрическое), 2) целевое значение (утилитарное), 3) значение эмоционального воздействия на человека, 4) значение эстетического воздействия на человека. Пятое значение определяется самим фактом существования предмета. Оно вне связи предмета с человеком и служит самому предмету. Пятое значение — есть свободная воля предмета.

3. Человек, вступая в общение с предметом, исследует его четыре рабочих значения. При помощи их предмет укладывается в сознании человека, где и живёт. Если бы человек натолкнулся на совокупность предметов только с тремя из четырёх рабочих значений, то перестал бы быть человеком. Человек же, наблюдающий совокупность предметов, лишённых всех четырёх рабочих значений, перестаёт быть наблюдателем, превратясь в предмет, созданный им самим. Себе он приписывает пятое значение своего существования.

4. Пятым, сущим значением, предмет обладает только вне человека, т. е. теряя отца, дом и почву. Такой предмет 'РЕЕТ'

5. Решающими бывают не только предметы, но так-же: жесты и действия.

6. Пятое значение шкафа — есть шкаф.

Пятое значение бега — есть бег.

7. Бесконечное множество прилагательных и более сложных словесных определений шкафа объединяются словом 'шкаф'.

8. Разбив шкаф на четыре дисциплины, соответствующие четырём рабочим значениям шкафа, мы получили бы четыре предмета, представляющих в совокупности шкаф. Но шкафа как такового не было бы и такому синтетическому шкафу нельзя бы было приписать пятое значение единого шкафа. Он, смещённый во едино лишь в нашем сознании, обладал бы четырьмя сущими значениями и четырьмя рабочими. В самый-же момент смещения в не нас жилибы четыре предмета, обладающие по одному сущему и по одному рабочему значению.

Натолкнись на них наблюдатель — он был бы не человеком.

9. Предмет в сознании человека имеет четыре рабочих значения и значение как слово (шкаф). Слово шкаф и шкаф — конкретный предмет существуют в системе конкретного мира наравне с другими предметами, камнями и светилами. Слово — шкаф существует в системе понятий наравне со словами: человек, бесплодность, густота, переправа и т. д.

10. Пятое сущее значение предмета в конкретной системе и в системе понятий различно. В первом случае оно свободная воля предмета, а во втором — свободная воля слова (или мысли, не выраженной словом, но мы будем говорить лишь о выраженных в слово понятиях).

11. Любой ряд предметов, нарушающий связь их рабочих значений, сохраняет связь значений сущих и по счёту пятых. Такого рода есть ряд нечеловеческий и есть мысль предметного мира. Рассматривая такой ряд, как целую величину и как вновь образовавшийся синтетический предмет, мы можем приписать ему новые значения, счётом три: 1) начертательное, 2) эстетическое и 3) сущее.

12. Переводя этот ряд в другую систему, мы получим словесный ряд, человечески БЕССМЫСЛЕННЫЙ.

[5]

Мыр

30 мая 1930 года

Я говорил себе, что я вижу мир. Но весь мир был недоступен моему взгляду и я видел только части мира. И всё, что я видел, я называл частями мира. И я наблюдал свойства этих частей и наблюдая свойства частей я делал науку. Я понимал, что есть умные свойства частей и есть не умные свойства в тех-же частях. Я делил их и давал им имена. И в зависимости от их свойств, части мира были умные и не умные.

И были такие части мира, которые могли думать. И эти части смотрели на другие части и на меня. И все части были похожи друг на друга и я был похож на них. И я говорил с этими частями мира.

Я говорил: части гром.

Части говорили: пук времяни.

Я говорил: Я тоже часть трёх поворотов.

Части отвечали: Мы же маленькие точки.

И вдруг я перестал видеть их, а потом и другие части. И я испугался, что рухнет мир.

Но тут я понял, что я не вижу частей по отдельности, а вижу все зараз. Сначала я думал что это НИЧТО. Но потом понял, что это мир, а то, что я видел раньше, был не мир.

И я всегда знал, что такое мир, но что я видел раньше, я не знаю и сейчас.

И когда части пропали, то их умные свойства перестали быть умными, и их неумные свойства перестали быть не умными. И весь мир перестал быть и умным и неумным.

Но только я понял, что я вижу мир, как я перестал его видеть. Я испугался, думая, что мир рухнул. Но пока я так думал, я понял, что если бы рухнул мир, то

я бы так уже не думал. И я смотрел, ища мир, но не находил его.

А потом и смотреть стало некуда.

Тогда я понял, что покуда было куда смотреть — вокруг меня был мир. А теперь его нет. Есть только я. А потом я понял, что я и есть мир.

Но мир это не я.

Хотя, в то же время, я мир.

А мир не я.

А я мир.

А мир не я.

А я мир.

А мир не я.

А я мир.

И больше я ничего не думал.

[6]

Cisfinitum
Письмо к Леониду Савельевичу Липавскому.
Падение ствола.

Леонид Савельевич,

I.

1) будем считать всякую дисциплину творческой если она не опирается на постулаты категории Е.

2) Всякую дисциплину, опирающуюся на постулаты категории Е, будем считать нетворческой.

3) Логическая наука («формальная логика», «Законы мысли») опирается на постулаты категории Е, следовательно, она нетворческая.

4) Искусство не может опираться на постулаты категории Е, следовательно, оно есть творческая дисциплина.

5) Говорю о творческой науке, не могущей опираться на постулаты категории Е.

II.

Некий ствол стоит на постулате Е. Создадим постулат Е, как первоначальный ствол. Тогда ствол Е встанет на новый постулат P_1. Создадим постулат P_1, как первейший ствол. Тогда ствол P_1 опрётся на постулат P_2. Создадим постулат P_2, как наипервейший ствол и т. д.

Должен заметить, что тем и славен ствол формальной логики (Bool, Пирс и др.), что может не интересоваться происхождением постулата Е.

Постулаты Е, E^{I}, E^{II}... могут быть в любой момент заменены P_1, P_2, P_3... и новые постулаты могут быть рассматриваемы, как постулаты категории Е. И только при бесконечном сдвигании Р в последующие $P_1P_2P_3$..., ствол растёт или, вернее, падает в необрезанное поле постуляции, и постуляция принимает вид $P_1P_2P_3...P_\omega$. Изобразим новый ствол S_ω. Обращаю внимание на то, что для того, чтобы создать поле (P1...Pw) надо поочерёдно исследовать каждое Р. Условимся исследованное поле отмечать буквой α.

Тогда запишем, что новый ствол опирается на исследованную постуляцию $\alpha(P_1...P_\omega)$ или

$$\frac{S_\omega}{\alpha\,(P_1\ldots P_\omega)}$$

III.

Определим исследование постулативного поля. Для этого определим постулат, как предел падения опирающегося на него ствола. И заметим, что если ствол есть некий континум К, то постулат будет формулой $K - \mu\ = 1$ (при любом μ).

Принимаем $(K - \mu)$ за некий ствол и исследуя его находим постулат P_1. $P_1 = K - \mu\ \ - \mu_1 = 1$.

Следуя дальше получаем: $P_2 = K - \mu\ \ - \mu_1 - \mu_2 = 1$

Открывая падение, видим: $P_\omega = K - \mu\ \ - \mu_1 - \mu_2$ ... $\mu_\omega - \mu_\omega = 1$.

И наконец исследование постулативного поля выразится:

$$\alpha\,(P_1 ... P_\omega) = (K - \mu) \infty (K - \mu\ \mu_1) \infty ...$$
$$... (K - \mu - \mu_1 - ... \mu_\omega) \infty (K - \mu - \mu_1 ... \mu_\omega - \mu)^*$$

IV.

Посмотрим, что происходит со стволом. Раньше всего назовём этот процесс — падение ствола.

Последовательные моменты падения мы можем выразить так:

1. К постулируемый Е или $\frac{K}{E}$

2. $\frac{K-\mu}{P_1}$

3. $\frac{K-\mu-\mu_1}{P_2}$

$m_{\omega - 1}\ \frac{K-\mu-\mu_1 ... \mu_\omega}{P_\omega}$

Следуя дальше получаем:

$$\frac{S_\omega}{\alpha(P_1 ... P_\omega)} =$$

$$= \frac{K + (K-\mu) + (K - \mu - \mu_1) + ...(K - \mu - \mu_1 - ...\mu_\omega)}{(K - \mu) \infty (K - \mu - \mu_1) \infty ...(K - \mu - \mu_1 - ...\mu_\omega) \infty (K - \mu - \mu_1 - ...\mu_\omega - \mu_\omega)}$$

V.

Меня очень интересует Ваше мнение по поводу непостулируемой науки.

Ведь постулируя S_ω бесконечно убывающим полем ($P_1 ... P_\omega$), мы не можем называть это прежней единицей опоры. Новая единица опоры будет 0 (нуль).

$$\alpha(P_1 ... P_\omega) = 0.$$

Это первое и единственное утверждение, могущее быть новым постулатом не категории Е. Согласно первому условию I-го параграфа, ствол, опирающийся на $\alpha(P_1 ... P_\omega)$ будем считать творческим.

---

* Знак ∞ читается: обращается съ

VI.

Если допустить, что может существовать творческая наука S_{ω} то можно предвидеть, что она по 4-ому условию § 1 будет схожа с искусством.

Если творческой науке придётся иметь дело с понятиями количеств, то можно предвидеть, что система счисления должна быть иной, нежели наш солярный корпус. Скромно замечу, что новая система счисления будет нулевая и область её исследования будет Cisifinitum.

На этом, дорогой Леонид Савельевич, разрешите кончить письмо и пожелать Вам спокойной ночи. Я же, раздумывая над цисфинитной пустотой, готов и постоять, пока люди, считая до ста, торопятся уснуть, а коварный Мукк со своими собаками собирается на охоту.

16 октября 1930 года, Петербург

[7]

Нуль и ноль

Беру на себя смелость
утверждать следующее:

1). Смотрите внимательнее на ноль, ибо ноль не то, за что вы его принимаете.

2). Понятие «больше» и «меньше» столь же не действительно, как понятие «выше» и «ниже». Это наше частное условие считать одно число больше другого и по этому признаку мы расположили числа, создав солярный ряд. Не числа выдуманы нами, а их порядок. Многим покажется, что существо числа всецело зависит от его положения в солярном ряду, — но я беру на себя смелость утверждать, что число может быть рассматри<ва>емо самостоятельно, вне порядка ряда. И только это будет подлинной наукой о числе.

3. Предполагаю, что один из способов обнаружить в числе его истинные свойства, а не порядковое значение, это обратить внимание на его аномалии. Для этого удобно 6. Но впрочем, пока я об этом распространяться не буду.

4. Предполагаю и даже беру на себя смелость утверждать, что учение о бесконечном будет учением о ноле. Я называю нолем, в отличие от нуля, именно то, что я под этим и подразумеваю.

9 июля 1931 года

5. Символ нуля — 0. А символ ноля — О. Иными словами, будем считать символом ноля круг.

6. Должен сказать, что даже наш вымышленный солярный ряд, если он хочет отвечать действительности, должен перестать быть прямой, но должен искривиться. Идеальным искривлением будет равномерное и постоянное и при бесконечном продолжении солярный ряд превратится в круг.

7. Правда, это не будет основным учением о числе, но в нашем понятии о числовом ряде это будет существенной поправкой.

8. Посторайтесь увидеть в ноле весь числовой круг. Я уверен, что это со временем удасться. И потому путь символом ноля останется круг О.

10 июля

[8]
О круге

1. Не обижайтесь на следующее рассуждение. Да тут и нет ничего обидного, если не считать, что о круге можно говорить только в смысле геометрическом. Если я скажу, что круг образуют четыре одинаковых радиуса, а вы скажете — не четыре а один, то мы в праве спросить друг друга: а почему? Но не о такого рода образовании круга хочу говорить я, а об совершенном образовании круга.

2. Круг есть наиболее совершенная плоская фигура. Я не буду говорить, почему это именно так. Но это само по себе возникает в нашем сознании при рассмотрении плоскостных фигур.

3. Так создано в природе, что чем менее заметны законы образования, тем совершенее вещь.

4. И ещё создано в природе так, что чем более недоступна охвату вещь, тем она совершеннее.

5. О совершенстве скажу я такими словами так: Совершенное в вещи есть вещь совершенная. Совершенная вещь вызывает в нас изумление стройностью законов её образования и как она сделана. Совершенную вещь можно всегда изучать, иными словами, в совершенной вещи есть всегда что-либо не изученное. Если бы оказалась вещь, изученная до конца, то она перестала бы быть совершенной, ибо совершенно только то, что конца не имеет, т. е. бесконечно.

6. Точка бесконечно мала и потому она совершенна, но вместе с тем и непостижима. Самая маленькая постижимая точка уже не совершенна.

7. Прямая совершенна, ибо нет причин не быть ей бесконечно длинной в обе стороны, не иметь ни конца ни начала, а потому быть непостижимой. Но делая над ней насилие и ограничивая её с обеих сторон, мы делаем её постижимой, но вместе с тем и неосовершенной. Ели ты веришь, то подумай.

10 июля

8. Прямая, сломанная в одной точке, образует угол. Но такая прямая, которая ломается одновременно во всех своих точках, называется кривой. Бесконечное количество изменений прямой делает её совершенной. Кривая не должна быть обязательно бесконечно большой. Она может быть такой, что мы свободно охватим её взором, и в тоже время она останется непостижимой и бесконечной. Я говорю о замкнутой кривой, в которой скрыто начало и конец. И самая ровная, непостижимая, бесконечная и идеальная замкнутая кривая будет КРУГ.

17 июля

141

I

Однажды я пришел в Госиздат и встретил в Госиздате Евгения Львовича Шварца, который, как всегда, был одет плохо, но с претензией на что-то.

Увидя меня, Шварц начал острить, тоже, как всегда, неудачно.

Я острил значительно удачнее и скоро, в умственном отношении, положил Шварца на обе лопатки.

Все вокруг завидывали моему остроумию, но никакйх мер не предпринимали, так как буквально дохли от смеха. В особенности же дохла от смеха Нина Владимировна Гернет и Давид Ефимыч Рахмилович, для благозвучия называющий себя Южиным.

Видя, что со мной шутки плохи, Шварц начал сбавлять свой тон и, наконец обложив меня просто матом, заявил, что в Тифлисе Заболоцкого знают все, а меня почти никто.

Тут я обозлился и сказал, что я более историчен, чем Шварц и Заболоцкий, что от меня останется в истории светлое пятно, а они быстро забудутся.

Почувствовав мое величие и крупное мировое значение, Шварц постепенно затрепетал и пригласил меня к себе на обед.

II

Я решил растрепать одну компанию, что и делаю.

Начну с Валентины Ефимовны.

Эта нехозяйственная особа приглашает нас к себе и, вместо еды, подает к столу какую-то кислятину. Я люблю поесть и знаю толк в еде. Меня кислятиной не проведешь! Я даже в ресторан, другой раз, захожу и смотрю, какая там еда. И терпеть не могу, когда с этой особенностью моего характера не считаются.

Теперь перехожу к Леониду Савельевичу Липавскому. Он не постеснялся сказать мне в лицо, что ежемесячно сочиняет десять мыслей.

Во-первых, — врет. Сочиняет не десять, а меньше. А во-вторых, я больше в месяц сочиняю. Я не считал, сколько я сочиняю, но должно быть, больше, чем он.

Теперь относительно ещё одной особы, это Тамары Александровны. Эта особа наливается чаем и корчит из себя недотрогу. Она, мол, знает и то и это, и, мол, умнее, чем тот-то и даже интереснее, чем Туся.

Всё это глупости! Я знаю женщин лучше, чем кто-либо другой и про одетую женщину могу сказать, как она выглядит голой.

Тамара Александровна слишком о себе думает. Себялюбие не только грех, но и порок. Нечего чаем наливаться. Посмотри лучше вокруг. Может быть, есть люди и поумнее тебя.

Я вот, например, не тычу всем в глаза, что обладаю, мол, колоссальным умом. У меня есть все данные считать себя великим человеком. Да, впрочем, я себя таким и считаю.

Потому-то мне и обидно, и больно находиться среди людей, ниже меня поставленных по уму, и прозорливости, и таланту, и не чувствовать к себе вполне должного уважения.

Почему, почему я лучше всех?

III

Теперь я всё понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. Посмотрите,

как он ест. Ну чистый немец, да и только! Даже по ногам видно, что он немец.

Не хвастаясь, могу сказать, что я очень наблюдательный и остроумный.

Вот, например, если взять Леонида Савельевича, Юлия Берзина и Вольфа Эрлиха и поставить их вместе на панели, то можно сказать: «мал мала меньше».

По-моему, это остроумно, потому что в меру смешно.

И всё-таки Леонид Савельевич немец! Обязательно при встрече скажу ему это.

Я не считаю себя особенно умным человеком, и все-таки должен сказать, что я умнее всех. Может быть, на Марсе есть и умнее меня, но на земле не знаю.

Вот, говорят, Олейников очень умный. А по-моему, он умный, да не очень. Он открыл, например, что если написать 6 и перевернуть, то получится 9. А помоему, это неумно.

Леонид Савельевич совершенно прав, когда говорит, что ум человека — это его достоинство. А если ума нет, значит, и достоинства нет. Яков Семенович возражает Леониду Савельевичу и говорит, что ум человека это его слабость. А по-моему, это уже парадокс. Почему же ум это слабость? Вовсе нет! Скорее, крепость. Я так думаю.

Мы часто собираемся у Леонида Савельевича и говорим об этом.

Если поднимается спор, то победителем спора всегда остаюсь я. Сам не знаю, почему.

На меня почему-то все глядят с удивлением. Что бы я ни сделал, все находят, что это удивительно.

А ведь я даже и не стараюсь. Всё само собой получается.

Заболоцкий как-то сказал, что мне присуще управлять сферами. Должно быть, пошутил. У меня и в мыслях ничего подобного не было.

В Союзе писателей меня считают почему-то ангелом.

Послушайте, друзья! Нельзя же в самом деле передо мной так преклоняться. Я такой же, как и вы все, только лучше.

IV

Я слыхал такое выражение: «Лови момент!»

Легко сказать, но трудно сделать. По-моему, это выражение бессмысленное. И действительно, нельзя призывать к невозможному.

Говорю я это с полной уверенностью, потому что сам на себе все испытал. Я ловил момент, но не поймал и только сломал часы. Теперь я знаю, что это невозможно.

Также невозможно «ловить эпоху», потому что это такой же момент, только побольше.

Другое дело, если сказать: «Запечатлевайте то, что происходит в этот момент». Это совсем другое дело.

Вот например: раз, два, три! Ничего не произошло! Вот я запечатлел момент, в котором ничего не произошло.

Я сказал об этом Заболоцкому. Тому это очень понравилось, и он целый день сидел и считал: раз, два, три! И отмечал, что ничего не произошло.

За таким занятием застал Заболоцкого Шварц. И Шварц тоже заинтересовался этим оригинальным способом запечатлевать то, что происходит в нашу эпоху, потому что ведь из моментов складывается эпоха.

Но прошу обратить внимание, что родоначальником этого метода опять являюсь я. Опять я! Всюду я! Просто удивительно!

То, что другим дается с трудом, мне дается с легкостью.

Я даже летать умею. Но об этом рассказывать не буду, потому что все равно никто не поверит.

V

Когда два человека игрют в шахматы, мне всегда кажется, что один другого околпачивает. Особенно, если они играют на деньги.

Вообще мне противна всякая игра на деньги. Я запрещаю играть в своем присутствии.

А картежников я бы казнил. Это самый правильный метод борьбы с азартными играми.

Вместо того чтобы играть в карты, лучше бы собрались да почитали бы друг другу морали.

А впрочем, морали скучно. Интереснее ухаживать за женщинами.

Женщины меня интересовали всегда. Меня всегда волновали женские ножки, в особенности выше колен.

Многие считают женщин порочными существами. А я нисколько! Наоборот, даже считаю их чем-то очень приятными.

Полненькая, молоденькая женщина! Чем же она порочна? Вовсе не порочна!

Вот другое дело дети. О них говорят, что они невинны. А я считаю, что они, может быть, и невинны, да только уж больно омерзительны, в особенности, когда пляшут. Я всегда ухожу оттудова, где есть дети.

И Леонид Савельевич не любит детей. Это я внушил ему такие мысли.

Вообще всё, что говорит Леонид Савельевич, уже когда-нибудь раньше говорил я.

Да и не только Леонид Савельевич. Всякий рад подхватить хотя бы обрывки моих мыслей. Мне это даже смешно.

Например, вчера прибежал ко мне Олейников и говорит, что совершенно запутался в вопросах жизни. Я дал ему кое-какие советы и отпустил. Он ушел осчастливленный мною и

в наилучшем своем настроении.

Люди видят во мне поддержку, повторяют мои слова, удивляются моим поступкам, а денег мне не платят.

Глупые люди! Несите мне побольше денег, и вы увидите, как я буду этим доволен.

VI

Теперь я скажу несколько слов об Александре Ивановиче.

Это болтун и азартный игрок. Но за что я его ценю, так это за то, что он мне покорен.

Днями и ночами дежурит он передо мной и только и ждет с моей стороны намека на какое-нибудь приказание.

Стоит мне подать этот намек, и Александр Иванович летит, как ветер, исполнять мою волю.

За это я купил ему туфли и сказал: «На, носи!» Вот он их и носит.

Когда Александр Иванович приходит в Госиздат, то все смеются и говорят между собой, что Александр Иванович пришел за деньгами.

Константин Игнатьевич Дровацкий прячется под стол. Это я говорю в аллегорическом смысле.

Больше всего Александр Иванович любит макароны. Ест он их всегда с толчеными сухарями и съедает почти что целое кило, а может быть, и гораздо больше.

Съев макароны, Александр Иванович говорит, что его тошнит, и ложится на диван. Иногда макароны выходят обратно.

Мясо Александр Иванович не ест и женщин не любит. Хотя, иногда любит. Кажется, даже очень часто.

Но женщины, которых любит Александр Иванович, на мой вкус, все некрасивые, а потому будем считать, что это даже и не женщины.

Если я что-нибудь говорю, значит, это правильно.

Спорить со мной никому не советую, все равно он останется в дураках, потому что я всякого переспорю.

Да и не вам тягаться со мною. Еще и не такие пробовали. Всех уложил! Даром, что с виду и говорить-то не умею, а как заведу, так и не остановишь.

Как-то раз завел у Липавских и пошел! Всех до смерти заговорил!

Потом пошел к Заболоцким и там всех заговорил. Потом пошел к Шварцам и там всех заговорил. Потом домой пришел и дома еще полночи говорил!

<1935-1936>

142

<«Голубая тетрадь»>
В Альбом.

Я видел однажды, как подрались муха и клоп. Это было так страшно, что я выбежал на улицу и убежал чорт знает куда.

Так и в альбоме: напакостишь, а потом уже поздно будет.

Хармс
23 авг<уста> 1936

1. Мое мнение о путешествиях кратко: Путешествуя, не заезжай слишком далеко, а не то увидишь этакое, что потом и забыть будет невозможно. А если что-либо сидит в памяти слишком упорно, человеку делается сначала не по себе, а потом и вовсе трудно поддерживать свою бодрость духа.

2. Так например: один часовых дел мастер, тов. Бадаев, не мог позабыть слышанную им некогда фразу: «Если бы небо было криво, он не стало бы от этого ниже». Эту фразу тов. Бадаев понять толком не мог, она его раздражала, он находил ее неразумной, даже лишенной всякого смысла, даже вредной, потому что в ней было утверждение явно неправильное (тов. Бадаев чувствовал, что знающий физик сумел бы что-то сказать по поводу «высоты неба» и придрался бы к выражению «небо криво». Попадись эта фраза Перль-

ману, и тов. Бадаев знал, что смысл этой фразы Перльман разорвал бы в клочья, как молодой пёс разрывает в клочья ночные туфли) явно враждебное нормальной европейской мысли. Если же утверждение в этой фразе было истинно, то тогда оно было слишком неважно и ничтожно, чтобы о нём говорить. И во всяком случае, услышав однажды эту фразу, её следовало бы сразу же забыть. Но вот этого-то и не получалось: тов. Бадаев постоянно помнил эту фразу и тяжело страдал.

3. Человеку полезно знать только то, что ему полагается. Могу в пример привести следующий случай: один человек знал немного больше, а другой немного меньше того, что им полагалось знать. И что же? Тот, что знал немного меньше, разбогател, а тот, что знал немного больше — всю жизнь прожил только в достатке.

4. С давних времён люди задумываются о том, что такое ум и глупость. По этому поводу я вспоминаю такой случай: Когда моя тётка подарила мне письменный стол, я сказал себе: «ну вот, сяду за стол и первую мысль сочиню за этим столом особенно умную». Но особенно умной мысли я сочинить не мог. Тогда я сказал себе «Хорошо. Не удалось сочинить особенно умную мысль, тогда сочиню особенно глупую». Но и особенно глупую мысль сочинить тоже не мог.

5. Всё крайнее сделать очень трудно. Средние части делаются легче. Самый центр не требует никаких усилий. Центр — это равновесие. Там нет никакой борьбы.

6. Надо ли выходить из равновесия?

7. Путешествуя, не предавайся мечтам, а фантазируй и обращай внимание на все даже мелочи.

8. Сидя на месте, не верти ногами.

9. Всякая мудрость хороша, если её кто-нибудь понял. Не понятая мудрость может запылиться.

10. Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа у него тоже не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего у него не было. Так что не понятно, о ком идёт речь. Уж лучше мы о нём не будем больше говорить.

7 января 1937 года

11. У одной бабушки было во рту только четыре зуба. Три зуба наверху, а один внизу. Жевать бабушка этими зубами не могла. Собственно говоря, они ей были ни к чему. И вот бабушка решила удалить себе все зубы и вставить в нижнюю десну штопор, а в верхнюю маленькие щипчики. Бабушка пила чернила, ела бурачки, а уши прочищала спичками. У бабушки было четыре зайца. Три зайца наверху, а один заяц внизу. Бабушка ловила зайцев руками и сажала их в небольшие клеточки. Зайцы плакали и чесали задними ногами свои уши. Зайцы пили чернила и ели бурачки. Се-се-се! Зайцы пили чернила и ели бурачки!

12. Некий Пантелей ударил пяткой Ивана.
Некий Иван ударил колесом Наталью.
Некая Наталья ударила намордником Семёна.
Некий Семён ударил корытом Селифана.
Некий Селифан ударил поддёвкой Никиту.
Некий Никита ударил доской Романа.
Некий Роман ударил лопатой Татьяну.
Некая Татьяна ударила кувшином Елену.

И началась драка.
Елена била Татьяну забором.
Татьяна била Романа матрацом.
Роман бил Никиту чемоданом.
Никита бил Селифана подносом.
Селифан бил Семёна руками.
Семён плевал Наталье в уши.
Наталья кусала Ивана за палец.
Иван лягал Пантелея пяткой.
Эх, думали мы, дерутся хорошие люди.

13. Одна девочка сказала: «гвя».
Другая девочка сказала: «хфы».
Третья девочка сказала: «мбрю».
А Ермаков капусту из-под забора хряпал,
хряпал и хряпал.
Видно вечер уже наступал.
Мотька с гавном наигрался и спать пошёл.
Моросил дождик.
Свиньи горох ели.
Рагозин в женскую баню подглядывал.
Сенька на Маньке верхом сидел.
Манька же дремать начала.
Потемнело небо. Заблистали звёзды.
Пот полом крысы мышку загрызли.
Спи, мой мальчик, и не пугайся глупых снов.
Глупые сны от желудка.

14. Брейте бороду и усы!
Вы не козлы, чтобы бороду носить.
Вы не коты, чтобы усами шевелить.
Вы не грибы, чтобы в шляпках стоять.
Эх, барышни!
Посдёргайте ваши шапочки!
Эх, красоточки!
Посдёргайте ваши юбочки!
Ну-ка ты, Манька Марусина,
Сядь-ка на Петьку Елабонина.
Стрегите, девочки, ваши косички.

Вы не зебры, чтобы бегать с хвостиками.
Толстенькие девочки,
пригласите нас на праздники.

15. Ведите меня с завязанными глазами.
Не пойду я с завязанными глазами.
Развяжите мне глаза и я пойду сам.
Не держите меня за руки,
Я рукам волю дать хочу.
Расступитесь, глупые зрители,
Я ногами сейчас шпыняться буду.
Я пройду по одной половице и не пошатнусь,
По карнизу пробегу и не рухну.
Не перечьте мне. Пожалеете.
Ваши трусливые глаза неприятны богам.
Ваши рты раскрываются некстати.
Ваши носы не знают вибрирующих запахов.
Ешьте суп — это ваше занятие.
Подметайте свои комнаты — это вам положено
от века.
Но снимите с меня бандажи и набрюшники,
Я солью питаюсь, а вы сахаром.
У меня свои сады и свои огороды.
У меня в огороде пасётся своя коза.
У меня в сундуке лежит меховая шапка.
Не перечьте мне, я сам по себе, а вы для меня
только четверть дыма.

8 января 1937 года

16. Сегодня я ничего не писал. Это неважно.

9 января

17. Жалобные звуки испускал Димитрий.
Анна рыдала, уткнувшись головой в подушку.
Плакала Маня.

18. — Федя, а Федя!
— Что-с?

— А вот я тебе покажу что-с!
(*Молчание*).
— Федя, а Федя!
— В чём дело?
— Ах ты, сукин сын! Ещё в чём дело спрашиваешь.
— Да что вам от меня нужно?
— Видали? Что мне от него нужно! Да я тебя, мерзавца, за такие слова... Я тебя так швырну, что полетишь, сам знаешь, куда!
— Куда?
— В горшок.
(*Молчание*).

19. — Федя, а Федя?
— Да что вы, тётенька, с ума сошли?
— Ах! Ах! Повтори, как ты сказал!
— Нет, не повторю.
— Ну то-то! Знай своё место! Небось! Тоже!

23 февраля 1937 года

20. Я подавился бараньей костью.
Меня взяли под руки и вывели из-за стола.
Я задумался.
Пробежала мышка.
За мышкой бежал Иван с длинной палкой.
Из окна смотрела любопытная старуха.
Иван, пробегая мимо старухи, ударил её палкой по морде.

21. С прогулки возвратясь домой,
Я вдруг воскликнул: Боже мой!
Ведь я гулял четыре дня!
И что подумает родня?

22. Погибли мы в житейском поле.
Нет никакой надежды боле.
О счастьи кончилась мечта.
Осталась только нищета.

3 апр<еля> 1937 года

23. Обладать только умом и талантом слишком мало. Надо иметь ещё энергию, реальный интерес, чистоту мысли и чувство долга.

24. Вписываю сюда события сегодняшнего дня, ибо они поразительны. Вернее: особенно поразительно одно событие, я его подчеркну.

1) Мы вчера ничего не ели. 2) Утром я взял в сберкассе 10 руб., оставив на книжке 5, чтобы не закрыть счёта. 3) Зашёл к Житкову и занял у него 60 руб. 4) Пошёл домой, закупая по дороге продукты. 5) Погода прекрасная, весенняя. 6) Поехал с Мариной к Буддийской пагоде, взяв с собой сумку с бутербродами и фляжку с красным вином, разбавленным водой. 7) На обратном пути зашли в комиссионный магазин и увидели там фисгармонию Жадмейера двухмануального, копию с филармонической. Цена 900 руб. только! Но пол часа тому назад её купили! 7а) У Alexandra видел замечательную трубку. 85 рублей. 8) Пошли к Житкову. 9) С Житковым узнали, кто купил фисгармонию и поехали по адресу: Песочная 31 кв. 46 Левинский. 10) Перекупить не удалось. 11) Вечер провели у Житкова.

4 апреля

25. Довольно праздности и безделья! Каждый день раскрывай эту тетрадку и вписывай сюда не менее пол страницы. Если нечего записать, то запиши хотя бы по совету Гоголя, что сегодня ничего не пишется. Пиши всегда с интересом и смотри на писание как на праздник.

11 апр<еля> 1937 года

27. Так начинается голод:
С утра просыпаешься бодрым,
Потом начинается слабость,
Потом начинается скука;
Потом наступает потеря

Быстрого разума силы, —
Потом наступает спокойствие,
А потом начинается ужас.

<4 октября 1937>

28. Тебя мечтания погубят.
К суровой жизни интерес
Как дым исчезнет. В тоже время
Посол небес не прилетит.

Увянут страсти и желанья,
Промчится юность пылких дум...
Оставь! Оставь, мой друг, мечтанья,
Освободи от смерти ум.

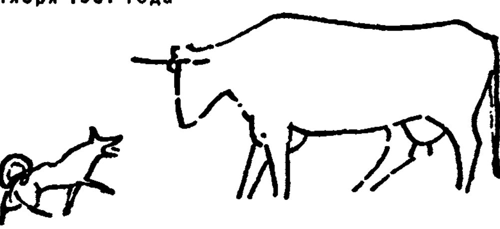
4 октября 1937 года

29. День

(Амфибрахий)

И рыбка мелькает в прохладной реке,
И маленький домик стоит вдалеке,
И лает собака на стадо коров,
И под гору мчится в тележке Петров,
И вьется на домике маленький флаг,
И зреет на нивах питательный злак,
И пыль серебрится на каждом листе,
И мухи со свистом летают везде,
И девушки, греясь на солнце, лежат,
И пчёлы в саду над цветами жужжат,
И гуси ныряют в тенистых прудах,
И день пробегает в обычных трудах.

25/26 октября 1937 года

143
СЛУЧАИ

Посвящаю
Марине Владимировне Малич

[1]
Голубая тетрадь № 10

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идёт речь.

Уж лучше мы о нём не будем больше говорить.

<6 января 1937>

[2]
Случаи

Однажды Орлов объелся толчёным горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов перестал причёсываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом в руках и сошёл с ума. А Перехрёстов получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

Хорошие люди и не умеют поставить себя на твёрдую ногу.

<22 августа 1936>

[3]
Вываливающиеся старухи

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвёртая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошёл на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

<1936-1937>

[4]
Сонет

Удивительный случай случился со мной: я вдруг позабыл, что идёт раньше, 7 или 8?

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково же было их и моё удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счёта. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Мы все пошли в коммерческий магазин «Гастроном», что на углу Знаменской и Бассейной улицы, и спросили кассиршу о нашем недоумении. Кассирша грустно улыбнулась, вынула изо рта маленький молоточек и, слегка подвигав носом, сказала: «Помоему, семь идёт после восьми в том случае, когда восемь идёт после семи».

Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Но тут, вдумываясь в слова кассирши, мы опять приуныли, так как её слова показались нам лишёнными всякого смысла.

Что нам было делать? Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья. Но, дойдя в счёте до 6-ти, мы остановились и начали спорить: по мнению одних, дальше следовало 7, а по мнению других — 8.

Мы спорили бы очень долго, но, по счастию, тут со скамейки свалился какой-то ребёнок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора.

А потом мы разошлись по домам.

<12 ноября 1935>

[5]

Петрóв и Камарóв

Петрóв:
Эй, Камарóв!
Давай ловить камаров!
Камарóв:
Нет, я к этому ещё не готов;
Давай лучше ловить котов!

Б. Д.

[6]

Оптический обман

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семён Семёнович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

<1934>

[7]

Пушкин и Гоголь

Гоголь (*падает из-за кулис на сцену и смирно лежит*).

Пушкин (*выходит, спотыкается об Гоголя и падает*): Вот черт! Никак об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут. (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) — Никак, об Пушкина споткнулся!

Пушкин (*поднимаясь*): Ни минуты покоя! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) — Вот черт! Никак, опять об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Вечно во всем помеха! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) — Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Хулиганство! Сплошное хулиганство! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) — Вот черт! Опять об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Это издевательство сплошное! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) — Опять об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Вот черт! Истинно, что черт! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) — Об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Мерзопакость! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) — Об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Вот черт! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы*) — Об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Мерзопакость! (*Уходит за кулисы*).

За сценой слышен голос Гоголя: «Об Пушкина!»

Занавес

<1934>

[8]

Столяр Кушаков

Жил-был столяр. Звали его Кушаков.

Однажды вышел он из дома и пошел в лавочку купить столярного клея.

Была оттепель, и на улице было очень скользко.

Столяр прошел несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

— Эх! — сказал столяр, встал, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

— Фу! — сказал столяр, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щеку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щеку.

— Вот что, — сказал столяру аптекарь, — Вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

— Нет, — сказал столяр, — больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

— Паршивая гололедица! — закричал столяр и опять побежал в аптеку.

— Ну вот видите, — сказал аптекарь. — Вот вы опять упали.

— Нет! — закричал столяр. — Ничего слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь; столяр заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

— Я столяр Кушаков! — кричал столяр.

— Рассказывай! — отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Столяр Кушаков постоял на лестнице, плюнул и пошел на улицу.

<1935>

[9]
Сундук

Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться.

— Вот, — говорил, задыхаясь, человек с тонкой шеей, — я задыхаюсь в сундуке, потому что у меня тонкая шея. Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха. Я буду задыхаться, но крышку сундука все равно не открою. Постепенно я буду умирать. Я увижу борьбу жизни и смерти. Бой произойдет неестественный, при равных шансах, потому что естественно побеждает смерть, а жизнь, обреченная на смерть, только тщетно борется с врагом, до последней минуты не теряя напрасной надежды. В этой же борьбе, которая произойдет сейчас, жизнь будет знать способ своей победы: для этого жизни надо заставить мои руки открыть крышку сундука. Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином. Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой... Вот началось: я больше не могу дышать. Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..

Ой! Что же это такое? Сейчас что-то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что-то видел или что-то слышал...

Ой! Опять что-то произошло! Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это еще что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук? Почему я вижу всё, что находится у меня в комнате? Да, никак, я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и на кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шеей сказал:

— Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом.

<30 января 1937>

[10]

Случай с Петраковым

Вот однажды Петраков хотел спать лечь, да лег мимо кровати. Так он об пол ударился, что лежит на полу и встать не может.

Вот Петраков собрал последние силы и встал на четверинки. А силы его покинули, и он опять упал на живот и лежит.

Лежал Петраков на полу часов пять. Сначала просто так лежал, а потом заснул.

Сон подкрепил силы Петракова. Он проснулся совершенно здоровым, встал, прошелся по комнате и лег осторожно на кровать. «Ну, — думает, — теперь посплю». А спать-то уже и не хочется. Ворочается Петраков с боку на бок и никак заснуть не может.

Вот, собственно, и всё.

<21 августа 1936>

[11]
История Дерущихся

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его.

Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам.

Алексей Алексеевич, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Андрей Карлович сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Алексея Алексеевича, что Алексей Алексеевич поднялся с полу с совершенно искалеченным лицом и рваной ноздрей. Держась руками за лицо, Алексей Алексеевич убежал.

А Андрей <Карлович> протер свою вставную челюсть, вставил ее себе в рот, пощелкал зубами и, убедившись, что челюсть пришлась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Алексея Алексеевича, пошел его разыскивать.

<15 марта 1936>

[12]
Сон

Калугин заснул и увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, почесал рот и опять заснул, и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.

Калугин проснулся, подложил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку, и опять заснул, и опять увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, переменил газету, лег и заснул опять. Заснул и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах сидит милиционер.

Тут Калугин проснулся и решил больше не спать, но моментально заснул и увидел сон, будто он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты.

Калугин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.

Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам веревочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной. А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.

Калугина сложили пополам и выкинули его как сор.

<22 августа 1936>

[13]

Математик и Андрей Семенович

Математик
(вынимая из головы шар):
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.
Я вынул из головы шар.

Андрей Семенович:
Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.
Положь его обратно.

Математик:
Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!
Нет, не положу!

Андрей Семен<ович>:
Ну и не клади.
Ну и не клади.
Ну и не клади.

Математик:
Вот и не положу!
Вот и не положу!
Вот и не положу!

Андр<ей> Семен<ович>:
Ну и ладно.
Ну и ладно.
Ну и ладно.

Математик:
Вот я и победил!
Вот я и победил!
Вот я и победил!

Андр<ей> Семен<ович>:
Ну победил и успокойся!

Математик:
Нет, не успокоюсь!
Нет, не успокоюсь!
Нет, не успокоюсь!

Андр<ей> Семен<ович>:
Хоть ты и математик, а честное слово, ты не умён.

Математик:
Нет, умён и знаю очень много!
Нет, умён и знаю очень много!
Нет, умён и знаю очень много!

Андр<ей> Семен<ович>:
Много, да только всё ерунду.

Математик:
Нет, не ерунду!
Нет, не ерунду!
Нет, не ерунду!

Андр<ей> Семен<ович>:
Надоело мне с тобой препираться.

Математик:
Нет, не надоело!
Нет, не надоело!
Нет, не надоело!

(Андрей Семенович досадливо машет рукой и уходит. Математик, постояв минуту, уходит вслед за Андреем Семеновичем).
Занавес

<11 апреля 1933>

[14]

Молодой человек, удививший сторожа

— Ишь ты! — сказал сторож, рассматривая муху. — Ведь если помазать ее столярным клеем, то ей, пожалуй, и конец придет. Вот ведь история! От простого клея!

— Эй ты, леший! — окрикнул сторожа молодой человек в желтых перчатках.

Сторож сразу же понял, что это обращаются к нему, но продолжал смотреть на муху.

— Не тебе, что ли, говорят? — крикнул молодой человек. — Скотина!

Сторож раздавил муху пальцем и, не поворачивая головы к молодому человеку, сказал:

— А ты чего, срамник, орешь-то? Я и так слышу. Нечего орать-то!

Молодой человек почистил перчатками свои брюки и деликатным голосом спросил:

— Скажите, дедушка, как тут пройти на небо?

Сторож посмотрел на молодого человека, прищурил один глаз, потом прищурил другой, потом почесал себе бородку, еще раз посмотрел на молодого человека и сказал:

— Ну, нечего тут задерживаться, проходите мимо.

— Извините, — сказал молодой человек, — ведь я по срочному делу. Там для меня уже и комната приготовлена.

— Ладно, — сказал сторож, — покажи билет.

— Билет не у меня; они говорили, что меня и так пропустят, — сказал молодой человек, заглядывая в лицо сторожу.

— Ишь ты! — сказал сторож.

— Так как же? — спросил молодой человек. — Пропу́стите?

— Ладно, ладно, — сказал сторож. — Идите.

— А как пройти-то? Куда? — спросил молодой человек. — Ведь я и дороги-то не знаю.

— Вам куда нужно? — спросил сторож, делая строгое лицо.

Молодой человек прикрыл рот ладонью и очень тихо сказал:

— На небо!

Сторож наклонился вперед, подвинул правую ногу, чтобы встать потверже, пристально посмотрел на молодого человека и сурово спросил:

— Ты чего? Ваньку валяешь?

Молодой человек улыбнулся, поднял руку в желтой перчатке, помахал ею над головой и вдруг исчез.

Сторож понюхал воздух. В воздухе пахло жжеными перьями.

— Ишь ты! — сказал сторож, распахнул куртку, почесал себе живот, плюнул в то место, где стоял молодой человек, и медленно пошел в свою сторожку.

Б. Д.

[15]

Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного

I

Писатель: Я писатель.
Читатель: А по-моему, ты г...о!
(Писатель стоит несколько минут потрясенный этой новой идеей и падает замертво. Его выносят).

II

Художник: Я художник.
Рабочий: А по-моему, ты г...о!
(*Художник тут же побелел как полотно,*
И как тростинка закачался,
И неожиданно скончался,
Его выносят).

III

Композитор: Я композитор.
Ваня Рублев: А по-моему, ты г...о!
(*Композитор, тяжело дыша, так и осел. Его неожиданно выносят*).

IV

Химик: Я химик.
Физик: А по-моему, ты г...о!

(Химик не сказал больше ни слова и тяжело рухнул на пол).

13апреля 1933 года

[16]

Потери

Андрей Андреевич Мясов купил на рынке фитиль и понес его домой.

По дороге Андрей Андреевич потерял фитиль и зашел в магазин купить полтораста грамм полтавской колбасы. Потом Андрей Андреевич зашел в молокосоюз и купил бутылку кефира, потом выпил в ларьке маленькую кружечку хлебного кваса и встал в очередь за газетой. Очередь была довольно длинная, и Андрей Андреевич простоял в очереди не менее двадцати минут, но когда он подходил к газетчику, то газеты перед самым его носом кончились.

Андрей Андреевич потоптался на месте и пошел домой, но по дороге потерял кефир и завернул в булочную, купил французскую булку, но потерял полтавскую колбасу.

Тогда Андрей Андреевич пошел прямо домой, но по дороге упал, потерял французскую булку и сломал свое пенсне.

Домой Андрей Андреевич пришел очень злой и сразу лег спать, но долго не мог заснуть, а когда заснул, то увидел сон: будто он потерял зубную щетку и чистит зубы каким-то подсвечником.

Б. д.

[17]

Макаров и Петерсен

№ 3

Макаров: Тут, в этой книге, написано о наших желаниях и об исполнении их. Прочти эту книгу, и ты поймешь, как суетны наши желания. Ты также поймешь, как легко исполнить желание другого и как трудно исполнить желание свое.

Петерсен: Ты что-то заговорил больно торжественно. Так говорят вожди индейцев.

Макаров: Эта книга такова, что говорить о ней надо возвышенно. Даже думая о ней, я снимаю шапку.

Петерсен: А руки моешь, прежде чем коснуться этой книги?

Макаров: Да, и руки надо мыть.

Петерсен: Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!

Макаров: Это неостроумно и грубо.

Петерсен: Да что же это за книга?

Макаров: Название этой книги таинственно...

Петерсен: Хи-хи-хи!

Макаров: Называется эта книга МАЛГИЛ.

(Петерсен исчезает).

Макаров: Господи! Что же это такое? Петерсен!

Голос Петерсена: Что случилось? Макаров! Где я?

Макаров: Где ты? Я тебя не вижу!

Голос Петерсена: А ты где? Я тоже тебя не вижу!.. Что это за шары?

Макаров: Где ты? Я тоже тебя не вижу!..

Макаров: Что же делать? Петерсен, ты слышишь меня?

Голос Петерсена: Слышу! Но что такое случилось? И что это за шары?

Макаров: Ты можешь двигаться?

Голос Петерсена: Макаров! Ты видишь эти шары?

Макаров: Какие шары?

Голос Петерсена: Пустите!.. Пустите меня!.. Макаров!..

(Тихо. Макаров стоит в ужасе, потом хватает книгу и раскрывает ее).

Макаров (*читает*): «... Постепенно человек теряет свою форму и становится шаром. И, став шаром, человек утрачивает все свои желания».

Занавес

Б. Д.

[18]

Суд Линча

Петров садится на коня и говорит, обращаясь к толпе, речь, о том, что будет, если на месте, где находится общественный сад, будет построен американский небоскреб. Толпа слушает и, видимо, соглашается. Петров записывает что-то у себя в записной книжечке. Из толпы выделяется человек среднего роста и спрашивает Петрова, что он записал у себя в записной книжечке. Петров отвечает, что это касается только его самого. Человек среднего роста наседает. Слово за слово, и начинается распря. Толпа принимает сторону человека среднего роста, и Петров, спасая свою жизнь, погоняет коня и скрывается за поворотом. Толпа волнуется и, за неимением другой жертвы, хватает человека среднего роста и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока. Толпа, удовлетворив свои страсти, — расходится.

Б. Д.

[19]

Встреча

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и всё.

[20]

Неудачный спектакль

На сцену выходит Петраков-Горбунов, хочет что-то сказать, но икает. Его начинает рвать. Он уходит.

Выходит Притыкин.

Притыкин: Уважаемый Петраков-Горбунов должен сооб...

(Его рвет, и он убегает).
Выходит Макаров.

Макаров: Егор... (*Макарова рвет. Он убегает*).

Выходит Серпухов.

Серпухов: Чтобы не быть... (*Его рвет, он убегает*).

Выходит Курова.

Курова: Я была бы... (*Ее рвет, она убегает*).

Выходит маленькая девочка.

Маленькая девочка: Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит!

Занавес

<1934>

[21]

Тюк!

Лето. Письменный стол. Направо дверь. На стене картина. На картине нарисована лошадь, а в зубах у лошади цыган. Ольга Петровна колет дрова. При каждом ударе с носа Ольги Петровны соскакивает пенсне. Евдоким Осипович сидит в креслах и курит.

Ольга Петровна (*ударяет колуном по полену, которое, однако, нисколько не раскалывается*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенсне, бьет по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенсне, бьет по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенсне, бьет по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенсне*): Евдоким Осипович! Я вас прошу: не говорите этого слова «тюк».

Евдоким Осипович: Хорошо, хорошо.

Ольга Петровна (*ударяет колуном по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенсне*): Евдоким Осипович! Вы обещали мне не говорить этого слова «тюк»!

Евдоким Осипович: Хорошо, хорошо, Ольга Петровна! Больше не буду.

Ольга Петровна (*ударяет колуном по полену*).

Евдоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна(*надевая пенсне*): Это безобразие! Взрослый пожилой человек и не понимает простой человеческой просьбы!

Евдоким Осипович: Ольга Петровна! Вы можете спокойно продолжать вашу работу. Я больше мешать не буду.

Ольга Петровна: Ну, я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть хотя бы это полено!

Евдоким Осипович: Колите, конечно колите!

Ольга Петровна (*ударяет колуном по полену)*

Едвоким Осипович: Тюк!

Ольга Петровна роняет колун, открывает рот, но ничего не может сказать. Евдоким Осипович встает с кресел, оглядывает Ольгу Петровну с головы до ног и медленно уходит. Ольга Петровна стоит неподвижно с открытым ртом и смотрит на удаляющегося Евдокима Осиповича.

Занавес медленно опускается.

<1933>

[22]
Что теперь продают в магазинах

Коратыгин пришел к Тикакееву и не застал его дома.

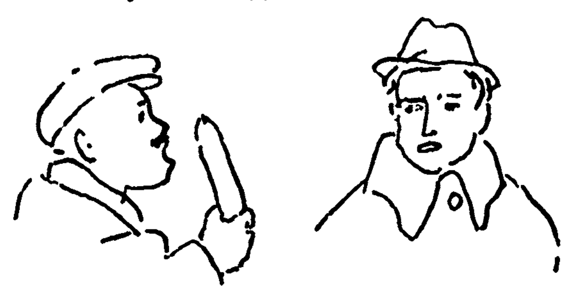
А Тикакеев в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Коратыгин потолкался возле дверей Тикакеева и собрался уже писат<ь> записку, вдруг смотрит, идет сам Тикакеев и несет в руках клеенчатую кошелку.

Коратыгин увидал Тикакеева и кричит ему:

— А я вас уже целый час жду!

— Неправда, — говорит Тикакеев, — я всего двадцать пять минут как из дома.

— Ну, уж этого я не знаю, — сказал Коратыгин, — а только я тут уже целый час.

— Не врите! — сказал Тикакеев. — Стыдно врать.

— Милостивейший государь! — сказал Коратыгин. — Потрудитесь выбирать выражения.

— Я считаю... — начал было Тикакеев, но его перебил Коратыгин:

— Если вы считаете... — сказал он. Но тут Коратыгина перебил Тикакеев и сказал:

— Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Коратыгина, что он зажал пальцем одну ноздрю, а другой ноздрей сморкнулся в Тикакеева.

Тогда Тикакеев выхватил из кошелки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове.

Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах!

<19 августа 1936>

[23]

Машкин убил Кошкина

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина.

Тов. Машкин следил глазами за тов. Кошкиным.

Тов. Кошкин оскорбительно махал руками и противно выворачивал ноги.

Тов. Машкин нахмурился.

Тов. Кошкин пошевелил животом и притопнул правой ногой.

Тов. Машкин вскрикнул и кинулся на тов. Кошкина.

Тов. Кошкин попробовал убежать, но споткнулся и был настигнут тов. Машкиным.

Тов. Машкин ударил кулаком по голове тов. Кошкина.

Тов. Кошкин вскрикнул и упал на четверинки.

Тов. Машкин двинул тов. Кошкина ногой под живот и еще раз ударил его кулаком по затылку.

Тов. Кошкин растянулся на полу и умер.

Машкин убил Кошкина.

Б. д.

[24]

Сон дразнит человека

Марков снял сапоги и, вздохнув, лег на диван.

Ему хотелось спать, но, как только он закрывал глаза, желание спать моментально проходило. Марков открывал глаза и тянулся рукой за книгой. Но сон опять налетал на него, и, не дотянувшись до книги,

Марков ложился и снова закрывал глаза. Но лишь только глаза закрывались, сон улетал опять, и сознание становилось таким ясным, что Марков мог в уме решать алгебраические задачи на уравнения с двумя неизвестными.

Долго мучился Марков, не зная, что ему делать: спать или бодрствовать? Наконец, измучившись и возненавидев самого себя и свою комнату, Марков надел пальто и шляпу, взял в руку трость и вышел на улицу. Свежий ветерок успокоил Маркова, ему стало радостнее на душе и захотелось вернуться обратно к себе в комнату.

Войдя в свою комнату, он почувствовал в теле приятную усталость и захотел спать. Но только он лег на диван и закрыл глаза, — сон моментально испарился.

С бешенством вскочил Марков с дивана и без шапки и без пальто помчался по направлению к Таврическому саду.

<1936-1938>

[25]

Охотники

На охоту поехало шесть человек,
а вернулось-то только четыре.

Двое-то не вернулись.

Окнов, Козлов, Стрючков и Мотыльков благополучно вернулись домой, и Широков и Каблуков погибли на охоте.

Окнов целый день ходил потом расстроенный и даже не хотел ни с кем разговаривать. Козлов неотступно ходил следом за Окновым и приставал к нему с различными вопросами, чем и довел Окнова до высшей точки раздражения.

Козлов: Хочешь закурить?

Окнов: Нет.

Козлов: Хочешь, я тебе принесу вон ту штуку?

Окнов: Нет.

Козлов: Может быть, хочешь, я тебе расскажу что-нибудь смешное?

Окнов: Нет.

Козлов: Ну, хочешь пить? У меня вот тут вот есть чай с коньяком.

Окнов: Мало того, что я тебя сейчас камнем по затылку ударил, я тебе еще оторву ногу.

Стрючков и Мотыльков: Что вы делаете? Что вы делаете?

Козлов: Приподнимите меня с земли.

Мотыльков: Ты не волнуйся, рана заживет.

Козлов: А где Окнов?

Окнов (*отрывая Козлову ногу*): Я тут, недалеко!

Козлов: Ох, матушки! Сеа-па-си!

Стрючков и Мотыльков: Никак он ему и ногу оторвал!

Окнов: Оторвал и бросил ее вон туда!

Стрючков: Это злодейство!

Окнов: Что-о?

Стрючков: ...Ейство...

Окнов: Ка-а-к?

Стрючков: Нь... нь... нь... никак.

Козлов: Как же я дойду до дома?

Мотыльков: Не беспокойся, мы тебе приделаем деревяшку.

Стрючков: Ты на одной ноге стоять можешь?

Козлов: Могу, но не очень-то

Стрючков: Ну мы тебя поддержим.

Окнов: Пустите меня к нему!

Стрючков: Ой нет, лучше уходи!

Окнов: Нет, пустите!.. Пустите!.. Пусти... — Вот что я хотел сделать!

Стрючков и Мотыльков: Какой ужас!

Окнов: Ха-ха-ха!

Мотыльков: А где же Козлов?

Стрючков: Он уполз в кусты!

Мотыльков: Козлов, ты тут?

Козлов: Шаша..!

Мотыльков: Вот ведь до чего дошел!

Стрючков: Что же с ним делать?

Мотыльков: А тут уж ничего с ним не поделаешь. По-моему, его надо просто удавить. Козлов! А, Козлов? Ты меня слышишь?

Козлов: Ох, слышу, да плохо.

Мотыльков: Ты, брат, не горюй. Мы сейчас тебя удавим. Постой!.. Вот... вот... вот...

Стрючков: Вот сюда вот ещё! Так, так, так! Нука еще... Ну, теперь готово!

Мотыльков: Теперь готово!

Окнов: Господи благослови!

<1933>

[26]

Исторический эпизод

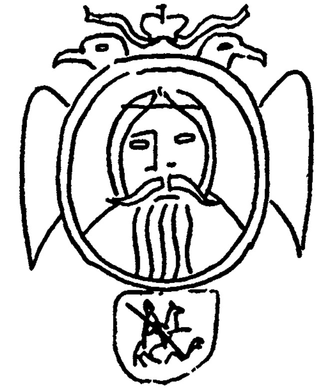
В. Н. Петрову

Иван Иванович Сусанин (то самое историческое лицо, которое положило свою жизнь за царя и впоследствии было воспето оперой Глинки) зашёл однажды в русскую харчевню и, сев за стол, потребовал себе антрекот. Пока хозяин харчевни жарил антрекот, Иван Иванович закусил свою бороду зубами и задумался; такая у него была привычка.

Прошло тридцать пять колов времени, и хозяин принес Ивану Ивановичу антрекот на круглой деревянной дощечке. Иван Иванович был голоден и, по обычаю того времени, схватил антрекот руками и начал его есть. Но, торопясь утолить свой голод, Иван Иванович так жадно набросился на антрекот, что забыл вынуть изо рта свою бороду и съел антрекот с куском своей бороды.

Вот тут-то и произошла неприятность, так как не прошло и пятнадцати колов времени, как в животе у Ивана Ивановича начались сильные рези. Иван Иванович вскочил из-за стола и ринулся на двор. Хозяин крикнул было Ивану Ивановичу: «Зри, како твоя брада клочна». Но Иван Иванович, не обращая ни на что внимания, выбежал на двор.

Тогда боярин Ковшегуб, сидящий в углу харчевни и пьющий сусло, ударил кулаком по столу и вскричал: «Кто есть сей?» А хозяин, низко кланяясь, ответил боярину: «Сие есть наш патриот Иван Иванович Сусанин». «Во как!» — сказал боярин, допивая свое сусло.

«Не угодно ли рыбки?» — спросил хозяин. «Пошел ты к бую!» — крикнул боярин и пустил в хозяина ковшом. Ковш просвистел возле хозяйской головы, вылетел через окно на двор и хватил по зубам сидящего орлом Ивана Ивановича. Иван Иванович схватился рукой за щеку и повалился на бок.

Тут справа из сарая выбежал Карп и, перепрыгнув через корыто, в котором среди помой лежала свинья, с криком побежал к воротам. Из харчевни выглянул хозяин. «Чего ты орешь?» — спросил он Карпа. Но Карп, ничего не отвечая, убежал.

Хозяин вышел на двор и увидел Сусанина, лежащего неподвижно на земле. Хозяин подошел поближе и заглянул ему в лицо. Сусанин пристально глядел на хозяина. «Так ты жив?» — спросил хозяин. «Жив, да тилько страшусь, что меня еще чем-нибудь ударят», — сказал Сусанин. «Нет, — сказал хозяин, — не страшись. Это тебя боярин Ковшегуб чуть не убил, а теперь он ушедши». — «Ну слава Тебе, Боже! — сказал Иван Сусанин, поднимаясь с земли. — Я человек храбрый, да тилько зря живот покладать не люблю. Вот я приник к земле и ждал: чего дальше будет? Чуть что, я бы на животе до самой Елдыриной слободы бы уполз... Евона как щеку разнесло. Батюшки! Полбороды отхватило!» «Это у тебя еще и раньше так было», — сказал хозяин. «Как это так раньше? — вскричал патриот Сусанин. — Что же, по-твоему, я

так с клочной бородой ходил?» — «Ходил», — сказал хозяин. «Ах ты, мяфа», — проговорил Иван Сусанин. Хозяин зажмурил глаза и, размахнувшись, со всего маху звезданул Сусанина по уху. Патриот Сусанин рухнул на землю и замер. «Вот тебе! Сам ты мяфа!» — сказал хозяин и удалился в харчевню. Несколько колов времени Сусанин лежал на земле и прислушивался, но, не слыша ничего подозрительного, осторожно приподнял голову и осмотрелся. На дворе никого не было, если не считать свиньи, которая, вывалившись из корыта, валялась теперь в грязной луже. Иван Сусанин, озираясь, подобрался к воротам. Ворота, по счастию, были открыты, и патриот Иван Сусанин, извиваясь по земле как червь, пополз по направлению к Елдыриной слободе.

Вот эпизод из жизни знаменитого исторического лица, которое положило свою жизнь за царя и было впоследствии воспето в опере Глинки.

1939 год

[27]
Федя Давидович

Федя долго подкрадывался к маслёнке и наконец, улучив момент, когда жена нагнулась, чтобы состричь на ноге ноготь, быстро, одним движением вынул пальцем из маслёнки всё масло и сунул его себе в рот. Закрывая маслёнку, Федя нечаянно звякнул крышкой. Жена сейчас же выпрямилась и, увидя пустую маслёнку, указала на нее ножницами и строго сказала:

— Масла в маслёнке нет. Где оно?

Федя сделал удивленные глаза и, вытянув шею, заглянул в маслёнку.

— Это масло у тебя во рту, — сказала жена, показывая ножницами на Федю.

Федя отрицательно замотал головой.

— Ага, — сказала жена. — Ты молчишь и мотаешь головой, потому что у тебя рот набит маслом.

Федя вытаращил глаза и замахал на жену руками, как бы говоря: «Что ты, что ты, ничего подобного!» Но жена сказала:

— Ты врешь, открой рот.

— Мм, — сказал Федя.

— Открой рот, — повторила жена.

Федя растопырил пальцы и замычал, как бы говоря: «Ах да, совсем забыл; сейчас приду», — и встал, собираясь выйти из комнаты.

— Стой, — крикнула жена.

Но Федя прибавил шагу и скрылся за дверью. Жена кинулась за ним, но около двери остановилась, так как была голой и в таком виде не могла выйти в коридор, где ходили другие жильцы этой квартиры.

— Ушел, — сказала жена, садясь на диван. — Вот черт!

А Федя, дойдя по коридору до двери, на которой висела надпись: «Вход категорически воспрещен», открыл эту дверь и вошел в комнату.

Комната, в которую вошел Федя, была узкой и длинной, с окном, занавешенным газетной бумагой. В комнате справа у стены стояла грязная ломаная кушетка, а у окна стол, который был сделан из доски, положенной одним концом на ночной столик, а другим на спинку стула. На стене слева висела двойная полка, на которой лежало неопределенно что. Больше в комнате ничего не было, если не считать лежащего на кушетке человека с бледнозеленым лицом, одетого в длинный и рваный коричневый сюртук и в черные нанковые штаны, из которых торчали чисто вымытые босые ноги. Человек этот не спал и пристально смотрел на вошедшего.

Федя поклонился, шаркнул ножкой и, вынув пальцем изо рта масло, показал его лежащему человеку.

— Полтора, — сказал хозяин комнаты, не меняя позы.

— Маловато, — сказал Федя.

— Хватит, — сказал хозяин комнаты.

— Ну, ладно, — сказал Федя и, сняв масло с пальца, положил его на полку.

— За деньгами придешь завтра утром, — сказал хозяин.

— Ой, что вы! — вскричал Федя. — Мне ведь их сейчас нужно. И ведь полтора рубля всего...

— Пошел вон, — сухо сказал хозяин, и Федя на цыпочках выбежал из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

10 февраля 1939 года

[28]

Анегдоты из жизни Пушкина

1

Пушкин был поэтом и всё что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: «Да никако ты писака!»

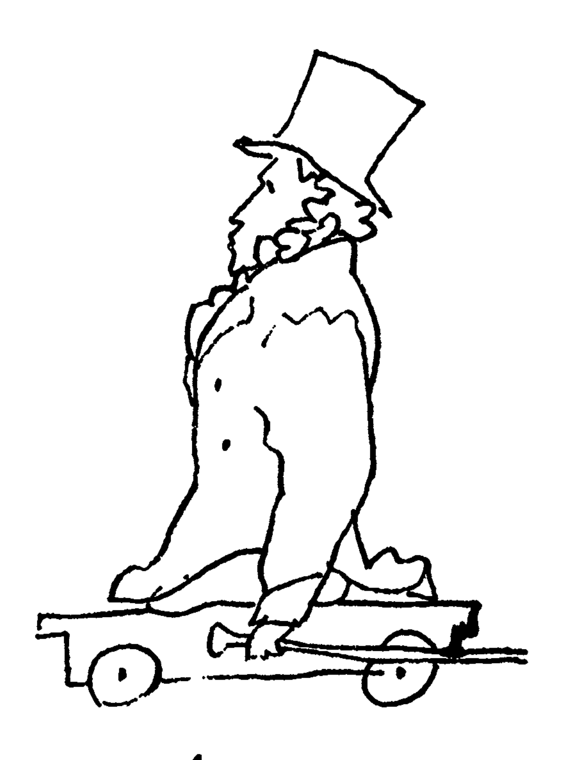
С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски просто Жуковым.

2

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него — растет, а у меня — не растет», — частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3

Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стул. «Что скажешь, брат Пушкин?» — спросил Петрушевский. «Стоп машина», — сказал Пушкин.

4

Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колесах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колеса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл «эрпигармами».

5

Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «Это ничаво».

6

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7

У Пушкина было четыре сына, и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора; сидят они за столом: на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце — его сын. Просто хоть святых вон выноси!

<1939>

[29]

Начало очень хорошего летнего дня
Симфония

Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и напугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Тимофей куда-то исчез. «Вот ловкач!» — закричало человеческое стадо, и некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой об стену. «Эх!» — вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню. Мимо шел Фетелюшин и посмеивался. К нему подошел Комаров и сказал: «Эй ты, сало!» — и ударил Фетелюшина по животу. Фетелюшин прислонился к стене и начал икать. Ромашкин плевался сверху из окна, стараясь попасть в Фетелюшина. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребенка. А молодая, толстенькая мать терла хорошенькую девочку лицом о

кирпичную стену. Маленькая собачка, сломав свою тоненькую ножку, валялась на панели. Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость. У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошелками. Крестьянин Харитон, напившись денатурату, стоял перед бабами с расстегнутыми штанами и произносил нехорошие слова.

Таким образом начинался хороший летний день.

<1939>

[30]

Пакин и Ракукин

— Ну ты, не очень-то фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин сморщил нос и недоброжелательно посмотрел на Пакина.

— Чего глядишь? Не узнал? — спросил Пакин.

Ракукин пожевал губами и, с возмущением повернувшись на своем вертящемся кресле, стал смотреть в другую сторону. Пакин побарабанил пальцами по своему колену и сказал:

— Вот дурак! Хорошо бы его по затылку палкой хлопнуть.

Ракукин встал и пошел из комнаты, но Пакин быстро вскочил, догнал Ракукина и сказал:

— Постой! Куда помчался? Лучше сядь, и я тебе покажу кое-что.

Ракукин остановился и недоверчиво посмотрел на Пакина.

— Что, не веришь? — спросил Пакин.

— Верю, — сказал Ракукин.

— Тогда садись вот сюда, в это кресло, — сказал Пакин.

И Ракукин сел обратно в свое вертящееся кресло.

— Ну вот, — сказал Пакин, — чего сидишь в кресле как дурак?

Ракукин подвигал ногами и быстро замигал глазами.

— Не мигай, — сказал Пакин.

Ракукин перестал мигать глазами и, сгорбившись, втянул голову в плечи.

— Сиди прямо, — сказал Пакин.

Ракукин, продолжая сидеть сгорбившись, выпятил живот и вытянул шею.

— Эх, — сказал Пакин, — так бы и шлепнул тебя по подрыльнику!

Ракукин икнул, надул щеки и потом осторожно выпустил воздух через ноздри.

— Ну ты, не фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин еще больше вытянул шею и опять быстро-быстро замигал глазами.

Пакин сказал:

— Если ты, Ракукин, сейчас не перестанешь мигать, я тебя ударю ногой по грудям.

Ракукин, чтобы не мигать, скривил челюсти и еще больше вытянул шею и закинул назад голову.

— Фу, какой мерзостный у тебя вид, — сказал Пакин. — Морда как у курицы, шея синяя, просто гадость!

В это время голова Ракукина закидывалась назад все дальше и дальше и наконец, потеряв напряжение, свалилась на спину.

— Что за черт! — воскликнул Пакин. — Это что еще за фокус?

Если смотреть от Пакина на Ракукина, то можно было подумать, что Ракукин сидит вовсе без головы. Кадык Ракукина торчал вверх. Невольно хотелось думать, что это нос.

— Эй, Ракукин! — сказал Пакин.

Ракукин молчал.

— Ракукин! — повторил Пакин.

Ракукин не отвечал и продолжал сидеть без движения.

— Так, — сказал Пакин. — Подох Ракукин.

Пакин перекрестился и на цыпочках вышел из комнаты.

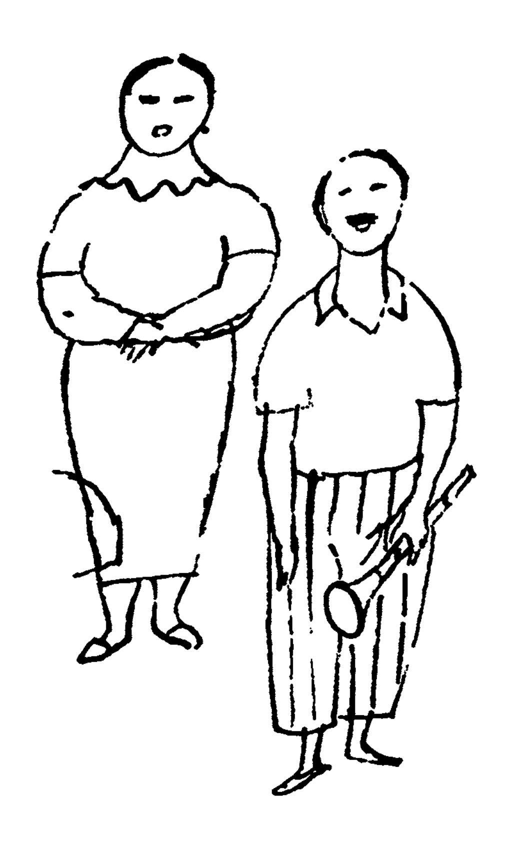
Минут четырнадцать спустя из тела Ракукина вылезла маленькая душа и злобно посмотрела на то место, где недавно сидел Пакин. Но тут из-за шкапа

вышла высокая фигура ангела смерти и, взяв за руку ракукинскую душу, повела ее куда-то, прямо сквозь дома и стены. Ракукинская душа бежала за ангелом смерти, поминутно злобно оглядываясь. Но вот ангел смерти поддал ходу, и ракукинская душа, подпрыгивая и спотыкаясь, исчезла вдали за поворотом.

<1939>

Д. ХАРМС
ТОМ 2

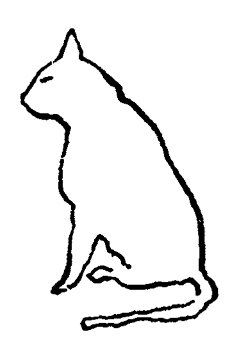

НЕЗАВЕРШЕННОЕ И ОТВЕРГНУТОЕ

144

Александр Иванович
Дудкин:
Вот уже 7 часов утра. Петухи давно пропели.
Почему я так рано проснулся?
Никогда со мной этого не бывало.
Но что с моей головой? Она болит ужасно.
Пил я вчера? Нет не пил.
Почему же болит голова? Так ни с того ни с чего?
Никогда со мной этого не бывало.
Попробую скорее встать и умыться. Приятно
освежить голову холодной водой.

Надо разбудить Пелагею, а то она думает,
что я еще сплю. Ведь надо же было
проснуться этакую рань!
Эй Пелагея! (*стучит в стену*) Пелагея!
Пелагея!
Чертова баба! Дрыхнет бестолку. Нет
возьму что нибудь тяжелое, сапог что ли, и буду
колотить в стену, пока не проснется. —
Черт возьми! где же сапоги?
Как же это понять? Ха Ха Ха. При-
шел в сапогах, снял их, поставил
их тут, а теперь их нет. Ого! Штаны
тоже того! Так так так. Да что я в
самомо деле! очурел что ли?
Никогда этого со мной не бывало!

Ну ладно, оставим это в покое. Давай
мыслить. У меня болит голова. Значит я
очень рано встал. То есть у меня болит голова,
значит, я вчера что-то делал... Нет.
Я очень рано встал, у меня болит голова.
Значит я потерял сапоги?
Глупо!
Я потерял сапоги — значит у меня болит голова?
Тоже глупо!
Ну хорошо: у меня болит голова, значит,
я сапоги не терял. Но ведь я же
их потерял!
Можно так: у меня болит голова — значит
я сапоги ни то не это.
Хм.
Сложная штука.

II

Стук в дверь.

Дудкин — Кто там?

Голос — Да я, это я

Дудкин — Кто? Петька?

Голос — Ну да, открой скорей!

Дудкин — Сейчас, сейчас. Подожди немного.

Голос — Скорей, скорей, такое расскажу, что ахнешь! Чорт подери! такие вещи знаю... (*входя*)

Валаамов — Ты спишь еще?

Дудкин — А час какой, много?

Валаамов — Ссс... много?! К чорту время! Ты дурак знаешь...

Дуд. — Что?
Ну?
Что?

Вал. — Ты, ты... вот ты самый богачём стал!

Дуд. — Ну?

Вал. — Что ну? Выиграл 200.000!

Дуд. — (*стоит молча, глядя на В.*)

Вал. — Что стоишь? Дурак. Одевайся, да бежим в банк.

Дуд. — Мне не во что одеться.

Вал. — Как не во что одеться?

Дуд. — Я вчера пришел, положил все на стул и нет ничего.

Вал. — А где же?

Дуд. — Я не знаю.

Вал. — Вот чорт возьми выиграл 200.000! Ну идём скорей!

Дуд. — Да во что же я оденусь?

Валаамов и Дудкин на авансцене

Валаамов — Так подешь!

Дудкин — Так нехорошо!

Вал. — Ну мой костюм надевай!

Дудкин — А ты в чём пойдешь?

Вал. — А я в твоём пальто пойду!

Дуд. — Тогда уж лучше мне в пальто идти!

Вал. — Всё равно! Иди ты в моём пальто.

Дуд. — А ты в своём костюме пойдешь?

Вал. — А я в своём костюме.

Дуд. (*заикаясь*) —

<1927>

145

Елене Ивановна — Ну вот, Фадей Иванович, всё дожди идут.

Папаша — Да, не говорите, Елена Ивановна, покосы гибнут.

Е.И. — Хорошо нам под крышей сидеть, а вот каково, если кто в поле? А?

П. — Плохо бездомному старику.

Е.И. — Вам ещё чаю налить?

Папаша — Плесни ещё черепушечку.

(Пауза. Папаша попил чаю и задремал)

Елена Ивановна — И Ольга чего-то не пишет.

Папаша — (*Бормочет*)

Елена Ивановна — Не пишет и не пишет.

Папаша — Как не пишет?

Е.И. — Ольга, говорю, не пишет.

П. — То есть как, Ольга?

Е.И. — Да Ольга, что ты, не знаешь Ольгу?

П. — Ах, Ольга? Ну и что же она?

Е.И. Да вот не пишет, говорю.

П. — Ай-ай-ай.

Рахтанов (*проходя*) — А Сергей сделал Ольге предложение. (*уходит*)

Е.И. — Сергей, да что он! А она? (*Папаше*) — Слышал?

П. — Что?

Е.И. — Предложение?

П. — Ну а он?

Е.И. — Ольге.

П. — Что не пишет?

Е.И. — Вступить в брак.

П. — Ай-ай-ай.

Е.И. — Какая перетурбация.

Рахтанов — Коля продавил металлический диван. Вот.

Е.И. — Постой, постой, как же это?

П. — Ужасно, ужасно, какая катастрофа, они продавили металлический диван.

Е.И. — Вот доверь металлический диван, так тот час и продавить норовят.

Рахтанов (*проходит и хлопает до и после*) — А Коля во вторник съел дом.

Е.И. — Ну так и есть. Он

<Май 1929>

146

Тетерник, входя и здороваясь: Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

Камушков — Вы, однако, не очень точны. Мы ждём вас уже порядочно.

Грек — Да-да-да. Мы вас поджидаем.

Лампов — Ну говори: чего опоздал?

Тетерник, смотря на часы: — Да разве, я опоздал? Да вообще-то есть... ну ладно!

Камушков — Хорошо. Я продолжаю.

Грек — Да-да-да. Давайте правдо.

Все рассаживаются по своим местам и замолкают.

Камушков — Не говоря по нескольку раз об одном и том же, скажу: мы должны выдумать название.

Грек и Лампов — Слышали!

Камушков (*передразнивая*) — Слышали! Вот и нужно название выдумать. Грек!

(Грек встает)

Камушков — Какое ты выдумал название?

Грек — Ныпырсытет.

Камушков — Не годится. Ну подумай сам, что же это за название такое? Не звучит, ничего не значит, глупое. — Да встань ты как следует! — Ну, теперь говори: почему ты предложил это глупое название.

Грек — Да-да-да. Название, верно, не годится.

Камушков — Сам понимаешь. Садись. — Люди, надо выдумать хорошее название. Лампов! (*Лампов встает*). Какое название ты предлагаешь?

Лампов — Предлагаю: "Краковяк", или "Студень", или "Мой Савок". Что? Не нравится? Ну тогда: "Вершина всего", "Глицериновый отец", "Мортира и свеча".

Камушков (*махая руками*) — Садись! Садись!

26 декабря 1929 года.

147

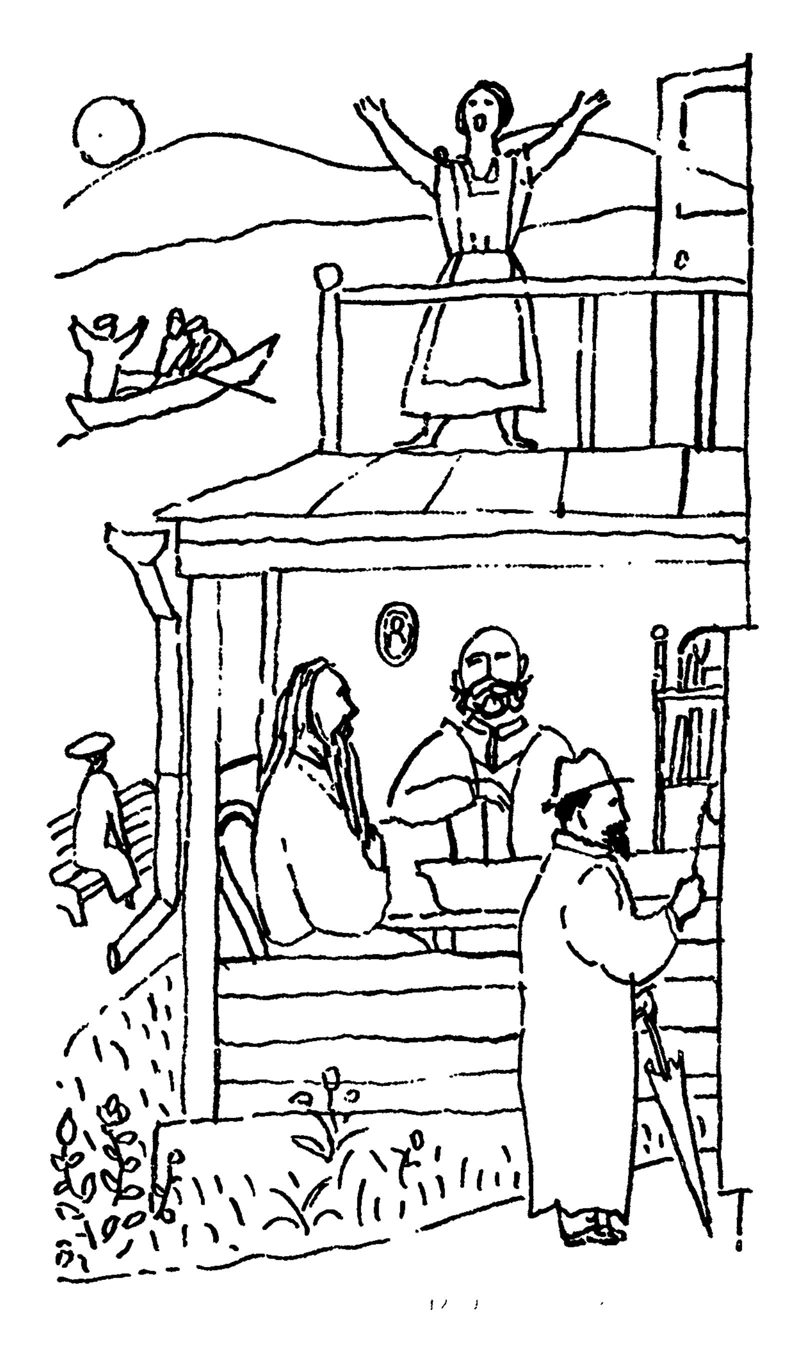
Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина, прошла сквозь его голову и вышла из затылка. Господин по фамилии Дернятин был весьма удивлён: ему показалось, что в его мозгах что-то просвистело, а на затылке лопнула кожица и стало щекотно. Дернятин остановился и подумал: "Что бы это такое значило? Ведь совершенно ясно я слышал в мозгах свист. Ничего такого мне в голову не приходит, чтобы я мог понять, в чем тут дело. Во всяком случае, ощущение редкостное, похожее на

какую-то головную болезнь. Но больше об этом я думать не буду, а буду продолжать свой бег". С этими мыслями господин Дернятин побежал дальше, но как он ни бежал, того уже всё-таки не получалось. На голубой дорожке Дернятин оступился ногой и едва не упал, пришлось даже помахать руками в воздухе. "Хорошо, что я не упал, — подумал Дернятин, — а то разбил бы свои очки и перестал бы видеть направление путей". Дальше Дернятин пошел шагом, опираясь на свою тросточку. Однако, одна опасность следовала за другой. Дернятин запел какую-то песень, чтобы рассеять свои нехорошие мысли. Песень была весёлой и звучной, такая, что Дернятин увлёкся ей и забыл даже, что он идёт по голубой дорожке, по которой в эти часы дня ездили другой раз автомобили с головокружительной быстротой. Голубая дорожка была очень узенькая, и отскочить в сторону от автомобиля было довольно трудно. Потому она считалась опасным путём. Осторожные люди ходили по голубой дорожке с опаской, чтобы не умереть. Тут смерть поджидала пешехода на каждом шагу то в виде автомобиля, то в виде ломовика, а то в виде телеги с каменным углём. Не успел Дернятин высморкаться, как на него катил огромный автомобиль. Дернятин крикнул: "Умираю!" — и прыгнул в сторону. Трава расступилась перед ним, и он упал в сырую канавку. Автомобиль с грохотом проехал мимо, подняв над крышей флаг бедственных положений. Люди в автомобиле были уверены, что Дернятин погиб, а потому сняли свои головные уборы и дальше ехали уже простоволосые. "Вы не заметили, под какие колёса попал этот старик, под передние или под задние?" — спросил господин, одетый в муфту, то есть не в муфту, а в башлык. "У меня, — говаривал этот господин, — здорово застужены щёки и ушные мочки, а потому я хожу всегда в этом башлыке". Рядом с господином в автомобиле сидела дама, интересная своим ртом. "Я, — сказала дама, — волнуюсь, как бы нас не обвинили в убийстве этого путника". —"Что? Что?" — спросил господин, оттягивая с уха башлык.

Дама повторила свое опасение. “Нет, — сказал господин в башлыке, — убийство карается только в тех случаях, когда убитый подобен тыкве. Мы же нет. Мы же нет. Мы не виновны в смерти путника. Он сам крикнул: умираю! Мы только свидетели его внезапной смерти”. Мадам Анэт улыбнулась интересным ртом и сказала про себя: “Антон Антонович, вы ловко выходите из беды”. А господин Дернятин лежал в сырой канаве, вытянув свои руки и ноги. А автомобиль уже уехал. Уже Дернятин понял, что он не умер. Смерть в виде автомобиля миновала его. Он встал, почистил рукавом свой костюм, послюнил пальцы и пошёл по голубой дорожке нагонять время.

Семья Рундадаров жила в доме у тихой речки Свиречки. Отец Рундадаров, Платон Ильич, любил знания высоких полетов: Математика, Тройная Философия, География Эдема, книги Винтвивека, учение <о> смертных толчках и небесная иерархия Дионисия Ареопагита были наилюбимейшие науки Платона Ильича. Двери дома Рундадаров были открыты всем странникам, посетившим святые точки нашей планеты. Рассказы о летающих холмах, приносимые оборванцами из Никитинской слободы, встречались в доме Рундадаров с оживлением и нап<р>яжённым вниманием. Платоном Ильичом хранились длинные списки о деталях летания больших и мелких холмов. Особенно отличался от всех других взлётов взлёт Капустинского холма. Как известно, Капустинский холм взлетел ночью, часов в 5, выворотив с корнём кедр. От места взлёта к небу холм поднимался не по серповидному пути, как все прочие холмы, а по прямой линии, сделав маленькие колебания лишь на высоте 15-16 километров. И ветер, дующий в холм, пролетал сквозь него, не сгоняя его с пути, Будто холм кремнёвых пород потерял свойство непроницаемости. Сквозь холм, например, пролетела галка. Пролетела, как сквозь облако. Об этом утверждают несколько свидетелей. Это противоречило законам летающих холмов, но факт оставался фактом, и Платон Ильич занёс его в список деталей

Капустинского холма. Ежедневно у Рундадаров собирались почётные гости и обсуждали признаки законов алогической цепи. Среди почётных гостей были: профессор железных путей Михаил Иванович Дундуков, игумен Миринос II и плехаризиаст Стефан Дернятин. Гости собирались в нижней гостиной, садились за продолговатый стол, на стол ставилось обыкновеное корыто с водой. Гости, разговаривая, поплевывали в корыто: таков был обычай в семье Рундадаров. Сам Платон Ильич сидел с кнутиком. Время от времени он мочил его в воде и хлестал им по пустому столу. Это называлось "шуметь инструментом". В девять часов появлялась жена Платона Ильича, Анна Маляевна, и вела гостей к столу. Гости ели жидкие и твёрдые блюда, потом подползали на четвереньках к Анне Маляевне, целовали ей ручку и садились пить чай. За чаем игумен Миринос II рассказывал случай, происшедший 14 лет тому назад. Будто он, игумен, сидел как-то на ступенечках своего крыльца и кормил уток. Вдруг из дома вылетела муха, покружилась, покружилась и ударила игумена в лоб. Ударила в лоб и прошла насквозь головы, и вышла из затылка, и улетела опять в дом. Игумен остался сидеть на крыльце с восхищенной улыбкой, что наконец-то воочию увидел чудо. Остальные гости, выслушав Мириноса II, ударяли себя чайными ложечками по губам и по кадыку в знак того, что вечер окончен. После разговор принимал фривольный характер. Анна Маляевна уходила из комнаты, а господин плехаризиаст Дернятин заговаривал на тему "Женщина и цветы". Бывало и так, что некоторые из гостей оставались ночевать. Тогда сдвигались несколько шкапов, и на шкапы укладывали Мироноса II. Профессор Дундуков спал в столовой на рояле, а господин Дернятин ложился в кровать к рундадарской прислуге Маше. В большинстве же случаев гости расходились по домам. Платон Ильич сам запирал за ними дверь и шел к Анне Маляевне. По реке Свиречке плыли с песнями никитинские рыбаки. И под рыбацкие песни засыпала семья Рундадаров.

Глава II

Платон Ильич Рундадар застрял в дверях своей столовой. Он упёрся локтями в косяки, ногами врос в деревянный порог, глаза выкатил и стоял.

<1929-1930>

148

Баронесса и Чернильница

Бобров (*указывая на Христофора Колумба*) — Христофор Колумб.

Хр. Колумб (*указывая на Боброва*) — Бобров.

Бобров — Если вас интересует моё воспитание, то я скажу. Я скажу.

Христофор Колумб — Да-да, скажите пожалуйста.

Бобров — Вот я и говорю. Что мне скрывать.

Христофор Колумб — Очень, очень интересно!

Бобров — Ну вот я скажу так: моё воспитание было какое? Приютское.

Христофор Колумб — Ах, пожалуйста, пожалуйста.

Бобров — Меня отец отдал в приют. А. (*держит рот открытым. Христофор становится на цыпочки и заглядывает в рот Боброву*).

Бобров — впрочем, я торговец (*Христофор отскакивает*).

Христофор Колумб — Мне мне было интересно только посмотреть что у вас там... м... м...

Бобров — Так-с. Я значит в приюте и влюбился в баронессу и в чернильницу.

Христофор Колумб — Неужели вы влюбились!

Бобров — Не мешай. Да влюбился!

Христофор Колумб — Чудеса.

Бобров — Не мешай. Да чудеса.

Христофор Колумб — Как это интересно.

Христофор Колумб — Не мешай. Да это интересно.

Христофор Колумб — Скажите пожалуйста!

Бобров — Если ты, Христофор Колумб, ещё что-нибудь скажешь...

Сцена быстро меняется.
Бобров сидит и ест суп.
Входит его жена в одной рубашке и с зонтом.

Бобров — Ты куда?

Жена — Туда.

Бобров — Куда туда?

Жена — да вон туда.

Бобров — Туда или туда?

Жена — Нет, не туда, а туда.

Бобров — А что?

Жена — Как что?

Бобров — Куда ты идешь?

Жена — Я влюбилась в Баронессу и Чернильницу.

Бобров — Это хорошо.

Жена — Это хорошо, но вот Христофор Колумб засунул в нашу кухарку велосипед.

Бобров — Бедная кухарка.

Жена — Она бедная сидит на кухне и пишет в деревню письмо, а велосипед так и торчит из неё.

Бобров — Да-да. Вот это случай. Я помню у нас в приюте в 1887 году был тоже. Был у нас учитель. Так мы ему натерли лицо скипидаром и положили в кухне под стол.

Жена — Боже, да к чему же ты это говоришь?

Бобров — А то ещё был случай.

Выходит Колбасный человек.

<11-30 ноября 1930>

149

В редакцию вошли два человека. Оба сняли шапки и поклонились.

Один был курчавый, а другой совершенно лысый.

— Что вам угодно? — спросил редактор.

— Я писатель Пузырёв, — сказал совершенно лысый.

— А я художник Бобырёв, — сказал курчавый.

<1930>

150

Иван Петрович Лундапундов хотел съесть яблоко. Но яблоко выскользнуло из рук Ивана Петровича. Иван Петрович нагнулся, чтобы поднять яблоко, но что-то больно ударило Ивана Петровича по голове. Иван Петрович вскрикнул, поднял голову и увидел, что это было яблоко. Оно висело в воздухе.

Оказывается, кто-то приделал к потолку длинную нитку с крючком на конце. Яблоко зацепилось за крючок и не упало.

Морозов, Угрозов и Запоров пришли к Ивану Петровичу Лундапундову.

<1930>

151

Дорогой Саша, в этом (я для краткости говорю просто в “этом”, но подразумеваю "в этом письме”) я буду говорить только о себе. Я хочу, собственно говоря, описать свою жизнь. Очень жаль, что я не написал тебе предыдущего письма, а то я бы написал там всё, что и пропустил здесь.

Давай прибегнем к методу сравнения. Ты, скажем, живешь там в Ашхабаде каким-то образом. Назовём это для краткости “так”. А я живу здесь, условно обозначая, — “Так так”. Это я так уславливаюсь называть то и другое для того, чтобы в дальнейшем было легче и удобнее говорить о том и об этом. Если ты находишь, что обозначения “так” и “так так” неудобны, то можно называть так: ты живёшь неким образом, а я живу неким образом, но

иначе. Пожалуй, остановимся на последнем обозначении.

Допустим, что я живу не "неким образом, но иначе", а таким же образом, как и ты. Что из этого следует? Для этого вообразим, а для простоты сразу же и забудем то, что мы только чт<о> вообразили. И теперь давай посмотрим, что получ<илось>. Чуть-чуть не забыл тебе сказать, как я купил совершенно ненужное пальто. Хотя об этом я лучше расскажу потом. У меня был в гостях Игорь.

<1930>

152

Иван Фёдорович пришёл домой. Дома ещё никого не было. кот по имени Селиван сидел в прихожей на полу и что-то ел.

— Ты что это ешь? — спросил кота Иван Фёдорович. Кот посмотрел на Ивана Фёдоровича, потом на дверь, потом в сторону и взяв что-то невидное с полу начал опять есть.

Иван Фёдорович прошёл на кухню мыть руки.

В кухне на плите лежала маленькая чёрненькая собачка по имени Кепка. Иван Фёдорович любил удивить людей и некоторые вещи делал шиворот на выворот. Он нарочно приучил кота Селивана сидеть в прихожей, а собаку Кепку лежать на плите.

— Что Кепка? Лежишь? — сказал Иван Фёдорович, намылив руки. Кепка на всякий случай села и оскалила правый клык, что означало улыбку.

<1930-1931>

153

В Америке в каждой школе висит плакат:

Каждый мальчик и каждая девочка должны есть горячую овсянку

— Я не хочу горячей овсянки, — сказал Том Плампкин.

— Она такая паршивая — сказал Дэви Чик.

— И вонючая, — сказал Том Пламкпин.

— И щёлкает на зубах, — сказал Дэви Чик.

Том Плампкин достал из кармана кусок бумажки, сложил её фунтиком, переложил туда с тарелки овсянку, и спрятал фунтик обратно в карман.

Дэви Чик достал из кармана металлическую баночку из-под зубного порошка и тоже переложив туда свою овсянку спрятал баночку в карман.

<1930-1931>

154

Пиеса для мужчин и женщин

Выходит Ж., постояла и ушла.
Выходит М. постоял и ушел.
Выходит Ж. постояла и ушла.
Выходит Ж. со стороны М.

Ж. (*монолог*) Люблю цветы искать на речке
плыть мимо хижен. спать в траве.
Я жду мужчину, Он в косоворотке.
Он в колечке.
Он ходит весь на рукаве.
Он живет на горе.
Мы скорей на пароходе
в Амстердам

в Амстердам
к брату милому Володе
которого нету там,
он за мною в сапогах
я в косынке от него
ах ах ах ах!
вы не знаете всего.

М. (*входит*). бабушка

<1930-1931>

155

<Дуэт. Дербантова и Кукушин-Дергушин>

Дербантова (*бегая по саду и тыча пальцем в разные стороны*): Жик! Жик! Жик!

Кукушин-Дергушин: Что-то вы, Анна Павловна, больно разошлись.

Дербантова: Жик! Жик! Жик!

К.-Д. : Анна Павловна!

Дерб. (*останавливаясь*): что?

К.-Д. : Я говорю, что вы, Анна Павловна, больно разошлись.

Дерб. : Нет.

К.-Д. : Что нет?

Дерб. : Не разошлась.

К.-Д. : То есть как?

Дербантова: Да вот так, не разошлась!
К.-Д. : Странно.
Дерб. : Очень.
К.-Д. (*подумав*): Анна Павловна!
Дерб. : Что?
К.-Д. : Видите ли, Анна Павловна, вы человек уже не молодой, я тоже.
Дерб. : Я помоложе вас.
К.-Д. : Ну да, конечно помоложе!
Дерб. : Ну то-то же!
К.-Д. : (*раскланиваясь в публику*): Первое действие закончено.
Дерб. : Теперь начнемте второе действие.
К.-Д. : Начинаем!
Дербантова (*тыкая пальцем во все стороны*): Жик! Жик! Жик!
Кукушин-Дергушин: В ваши лета, Анна Павловна, так шалить не полагается.

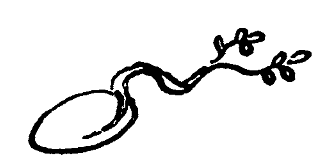
<1930-1934>

156

Антон Гаврилович Немецкий бегает в халате по комнате.

Он размахивает коробочкой, показывает на неё пальцем и очень очень рад. Антон Гаврилович звонит в колокольчик, входит слуга и приносит кадку с землей. Ан.Гав. достаёт из коробочки боб и сажает его в кадку. Сам же А.Г. делает руками замечательные движения. Из кадки растёт дерево.

<1931>

157

Бог подадарил покой

Мистерия времяни и покоя

Фараон Тут Анх-Атон:
Успею встать
Успею лечь
Успею умереть и вновь родиться
держу в руках трон, яблоко и меч
сумею от всякого черта загородиться

<1931>

158

Ссора

Куклов и Богадельнев сидят за столом, покрытым клеенкой, и едят суп.

Куклов: Я принц.

Богадельнев: Ах, ты принц!

Куклов: Ну и что же из этого, что я принц?

Богадельнев: А то, что я в тебя сейчас супом плесну!

Куклов: Нет, не надо!

Богадельнев: Почему же это не надо?

Куклов: А это зачем же в меня супом плескать?

Богадельнев: А ты думаешь, ты принц, так тебя и супом облить нельзя?

Куклов: Да, я так думаю!

Богадельнев: А я думаю наоборот.

Куклов: Ты думаешь так, а я думаю так!

Богадельнев: А мне плевать на тебя!

Куклов: А у тебя нет никакого внутреннего содержания.

Богадельнев: А у тебя нос похож на корыто.

Куклов: А у тебя такое выражение лица, будто ты не знаешь, куда сесть.

Богадельнев: А у тебя веретенообразная шея!

Куклов: А ты свинья!

Богадельнев: А я вот сейчас тебе уши оторву.
Куклов: А ты свинья.
Богадельнев: Я вот тебе уши оторву!
Куклов: А ты свинья!
Богадельнев: Свинья? А ты кто же?
Куклов: А я принц.
Богадельнев: Ах ты принц!
Куклов: Ну и что же из того, что я принц?
Богадельнев: А то, что я в тебя сейчас супом плесну!
и т. д.

20 ноября 1933 года.

159

Володя Зайцев подошел к Васе Пирогову и сказал:

— Вася, где находится Австралия, в Африке или в Америке?

— Не знаю, — сказал Вася, — но кажется в Африке.

<1933>

160

— Вот, — сказал Петя, — сейчас я покажу фокус.

— Ну да, — сказал Коля. — Знаем мы эти фокусы!

— Не веришь? — сказал Петя. — А вот смотри. Видишь у меня в этой руке ничего нет, а в этой руке мячик.

— Подожди, сказал Коля. — Покажи-ка мне этот мячик.

<1933>

161

Вбегает Рябчиков
с кофейником в руке.

Рябчиков: Хочу пить кофе. Кто со мной?
Анна: Это настоящий кофе?

Хор: Кофе кофе поднимает
поднимает нашу волю
пьющий кофе понимает
понимает свою долю.

Рябчиков: Гда сахар?

Хор: Сахар Сахар
тает от огня
Сахар Сахар любимая птица коня.

Конь: Я сахаром жить готов. Почему же нет?

Анна: Конь пойди сюда, возьми у меня с ладони кусочек сахара.

(Конь слизывает сахар с ладони Анны)

Конь: Ах как вкусно! Ах как сладко!

Рябчиков: Где молоко?

Хор: Молоко стоит в кувшинах
Молоко забава коз
в снежных ласковых вершинах
молоко трясёт мороз
и молочные ледяшки
наше горло больно режут
Ах морозы больно тяжко
ломят кости, после нежат
от мороза гибнет зверь
запирайте крепче дверь!
чтобы в скважины и щели
не пробрался к нам мороз
мы трясёмся, мы в постели
уж и лампы нам не нужны
тьма кругом во тьме доска
мы стрекозы
гибнем дружно
света нет. кругом тоска.

Анна: Ну садитесь пить душистый
черный, клейкий и густой
кофе ласковый, пушистый

Хор: Мы не можем, мы с тоской.

Рябчиков: А где, хозяйка, чайная серебряная ложечка?

Хозяйка (*все та же Анна*): Ложечка растопилась. Она лежала на плите и растопилась.

Хор: Все серебряные вещи
Туго плавки туго плавки
вы купите воск и клещи
в мелочной дорожной лавке.

<1933>

162

Пиеса

I Действие

Кока Брянский: Я сегодня женюсь.
Мать: Что?
Кока Бр.: Я сегодня женюсь.
Мать: Что?
Кока Бр.: Я говорю, что сегодня женюсь.
Мать: Что ты говоришь?
Кока: Се-го-во-дня-же-нюсь!
Мать: же? что такое же?
Кока: Же-нить-ба!
Мать: ба? Как это ба?
Кока: Не ба, а же-нить-ба!
Мать: Как это не ба?
Кока: Ну так, не ба и всё тут!
Мать: Что?
Кока: Ну не ба. Понимаешь! Не ба!
Мать: Опять ты мне это ба. Я не знаю, зачем ба.
Кока: Тьфу ты! *же* да *ба*! Ну что такое же! Сама-то ты не понимаешь, что сказать просто *же* — бессмыслено.
Мать: Что ты говоришь?
Кока: *Же*, говорю, *бессмысленно*!!!
Мать: Сле?
Кока: Да что это в конце концов! Как ты умудряешься это услыхать только кусок слова, да ещё самый нелепый: сле! Почему именно сле!
Мать: вот опять сле.

Кока Брянский душит мать.
Входит невеста Маруся.

<1933>

163

Фома Бобров и его супруга

Комедия в 3-х частях

Бабушка Боброва (*раскладывает пасьянс*): Ну и карта же идет. Все шиворот на выворот! Король. Ну, куда мне его сунуть? Когда нужно, ни одной пятёрки нет. Вот бы сейчас пятерку! Сейчас будет пятерка. Тьфу ты, опять король!

(Швыряет карты на стол с такой силой, что со стола падает фарфоровая вазочка и разбивается)

Бабушка: Ах! Ах! Батюшки! Вот чортовы карты! (*Лезет под стол и собирает осколки*) Из этого уж не склеишь А хорошая вазочка была. Такой больше не достать. Вон ведь куда залетел! (*тянется за осколком*)

(В комнату входит Бобров)

Бобров: Бабушка! Что это вы под стол залезли?
Бабушка: Ну, ладно, ладно. Тебе чего надо?
Бобров: Да вот, пришел спросить: не найдется ли у вас цибика чая?
Бабушка: Ну-ка, помоги мне из-под стола вылезти.
Бобров: Вы что, уронили что-нибудь? Ах, вазочку разбили!
Бабушка (*передразнивает*): Ва-азочку разбили?

(Бобров помогает бабушке подняться. Но как только он ее отпустил, бабушка опять села на пол)

Бобров: Ах, опять сели!
Бабушка: Села, ну и что же?
Бобров: Разрешите помочь. (*Поднимает бабушку*)
Бабушка: Вот карта плохо шла. Я и так и эдак... Да ты меня за руки не тяни, а возьми под мышки. Всё, знаешь ли, король за королем. Мне пятерка нужна, а тут всё короли идут.

(Бобров отпускает бабушку, и бабушка опять садится на пол)

Ах!

Бобров: Господи! Вы опять сели.

Бабушка: Да что ты пристал: сели да сели! Чего тебе от меня нужно?

Бобров: Я пришел попросить вас цибик чая.

Бабушка: Знаю уж. Говорил уже. Не люблю двадцать раз то же самое выслушивать. Только и знаешь: Ах, опять сели! и цибик чая. Ну, чего смотришь! Подними, говорят тебе.

Бобров (*поднимая бабушку*): Я уж вас, разрешите, и в кресло посажу.

Бабушка: А ты поменьше разговаривай, а лучше поднимай, как следует. Я хотела тебе сказать, да чуть не забыла: ведь дверь-то у меня в спальной опять плохо запирается. Верно, ты всё кое-как сделал.

Бобров: Нет, я скобу на шурупчиках поставил.

Бабушка: А ты думаешь, я понимаю, что это за скобка да шурупчики. Меня это не касается. Мне надо, чтобы дверь запиралась.

Бобров: Она потому и не запирается, что шурупчики в древесине не сидят.

Бабушка: Ну, ладно, ладно, это уж там твое дело. Мне надо только... Ах! (*опять садится на пол*)

Бобров: Господи!

Бабушка: Да ты что, решил меня об пол бросать с умыслом? Издеваться решил? Ах, ты, негодяй. Ну, просто ты негодяй, и лучше уходи!

Бобров: Да я, бабушка, честное слово, хотел вас на кресло посадить.

Бабушка: Я тебе что сказала? Чтобы ты уходил вон. А ты чего не уходишь! Ну, чего же ты не уходишь? Ты слышишь? Уходи вон! Ну? Убирайся вон!

(Бобров уходит)

Бабушка: Вон! Вон! Вон! Убирайся вон! Скажите, какой мерзавец! (*Поднимается с пола и садится в кресло*) А жена его просто неприличная дама. Дома ходит совершенно голой и даже меня, старуху, не

стесняется. Прикроет неприличное место ладонью, так и ходит. А потом этой рукой за обедом хлеб трогает. Просто смотреть противно. Думает, что уж если она молодая да красивая, так уж ей всё можно. А сама, неряха, у себя, где полагается, никогда, как следует, не вымоет. Я, говорит, люблю, чтобы от женщины женщиной пахло! Я, как она придет, так сразу баночку с одеколоном к носу. Может быть, мужчинам это приятно, а меня, уж извините, увольте от этого. Такая бесстыдница! Ходит голой без малейшего стеснения. А когда сидит, то даже ноги, как следует, не сожмет вместе, так что всё напоказ. А там у нее, ну, просто всегда мокро. Так, другой раз, и течет. Скажешь ей: ты бы хоть пошла да вымылась, а она говорит: ну, там не надо часто мыть, и возьмет, платочком просто вытерет. Это еще хорошо, если платочком, а то и просто рукой. Только еще хуже размажет. Я никогда ей руки не подаю, у нее вечно от рук неприлично пахнет. И грудь у нее неприличная. Правда, очень красивая и упругая, но такая большая, что, по-моему, просто неприлично. Вот уж Фома жену нашел себе! Чем она его окрутила, не понимзю!

<1933>

164

П<етр> М<ихайлович>: Вот этот цветок красиво поставить сюда. Или, может быть, лучше так? Нет, так, пожалуй, уж очень пестро. А если потушить эту лампу, а зажечь ту? Так уж лучше. Теперь сюда положим дорожку, сюда поставим бу-

тылку, тут рюмки, тут вазочка, тут судочек, тут баночка, а тут хлеб. Очень красиво. Она любит покушать. Теперь надо рассчитать так, чтобы только одно место было удобно. Она туда и сядет. А я сяду как можно ближе. Вот поставлю себе тут вот этот стул. Выйдет, что мне больше некуда сесть, и я окажусь рядом с ней. Я встречу её, будто накрываю на стол и не успел расставить стулья. Все выйдет очень естественно. А потом, когда я окажусь рядом с ней, я скажу: “Как хорошо сидеть с вами”. Она скажет: ”Ну чего же тут хорошего?” Я скажу: “Знаете, мне просто с вами лучше всего. Я, кажется, немножко влюбился в вас”. Она скажет... Или нет, она просто смутится и покраснеет или опустит голову. А я, с этого места, наклонюсь к ней и скажу: ”Вы знаете, я просто влюбился в вас. Простите меня”. Если она опять промолчит, я склонюсь к ней еще ближе... Лучше бы конечно пересесть к ней на диванчик. Но это может её испугать. Придется со стула. Вот не знаю, дотянусь ли? Если она будет сидеть прямо, то, пожалуй, дотянусь, но если она отклонится к стенке, то, пожалуй, не дотянуться. Я ей скажу: “Мария Ивановна, вы разрешаете мне влюбиться в вас?” — нет, это глупо! Я лучше так скажу: “Мария Ивановна! Хорошо ли, что наша дружба перешла вон во что!” Нет, так тоже не годится! Вообще надо её поцеловать, но сделать это надо постепенно. Неожиданно нельзя.

(Входит Илья Семенович)

Ил.Сем. — Петя, к тебе сегодня никто не придет?

Петр Михайлович — Нет, придет, дядя.

Ил.Сем. — Кто?

П.М. — Одна знакомая дама.

Ил.Сем. — А я шел сейчас по улице и думал, что бы если у людей на голове вместо волос росла бы медная проволока?

П.М. — А зачем дяд?

Ил.Сем. — А здорово было бы! Ты представь себе, на голове вместо волос яркая медная проволока! Ты знаешь, тебе это было бы очень к лицу. Только

не тонкая проволока, а толстая. Толще звонковой. А еще лучше не проволока, а гвозди. Медные гвозди! даже с шапочками. А знаешь что? Лучше не медные, это похоже на рыжие волосы, а лучше платиновые. Давай закажем себе такие парики!

П.М. — Нет, мне это не нравится.

Ил.Сем. — Напрасно. Ты не вошел во вкус. Ах! (*опрокидывает вазочку с цветком*)

П.М. — Ну смотри, сейчас ко мне придут гости, а ты всё тут перебил. И скатерть вся мокрая.

Ил.Сем. — Скорей Петя, снимай всё со стола. Мы повернем скатерть тем концом сюда, а тут поставим поднос.

П.М. — Подожди, не надо снимать.

Ил. Сем. — Нет нет, надо повернуть скатерть. Куда это поставить?

(Ставит блюдо с салатом на пол)

П.М. — Что ты хочешь делать?

Ил. Сем. — Сейчас. Сейчас!

(Снимает все со стола)

П.М. — Дядя. Дядя! Оставьте это!

(Звонок)

Это она

Ил. Сем. — Скорей поворачивай скатерть. (*Попадает ногой в салат*) Ох, Боже мой! Я попал в салат!

П.М. — Ну зачем вы всё это выдумали!

Ил. Сем. — Тряпку! Все в порядке. Неси тряпку и иди отпирай дверь. (*роняет стул*)

П.М. — Смотрите, вы рассыпали сахар!

Ил.Сем. — Это ничего. Скорей давай тряпку!

П.М. — Это ужасно. (*Поднимает с пола тарелки*) Что вы делаете?

Ил. Сем. — Я пролил тут немного вина, но сейчас вытру диван своим носовым платком.

П.М. — Вы лучше оставьте это всё. (*Звонок*) Оставьте всё в покое! (*Убегает*)

Ил.Сем. — Ты скажи ей, что я твой дядя, или лучше скажи, что я твой двоюродный брат... (*снимает*

со стола тарелки и ставит их на диван) Скатерть долой! Теперь можно всё поставить. (*Бросает скатерть на пол и ставит на стол блюда с пола*) Чорт возьми весь пол в салате!

(Входит Мария Ивановна в пальто, а за ней Петр Михайлович)

П.М. — Входите, Мария Ивановна. Это мой дядя. Познакомьтесь.

Ил. Сем. — Я Петин дядя. Очень рад. Мы с Петей не успели накрыть на стол... Тише, тут на пол попал салат!

М.И. — Благодарю вас.

П.М. — Снимите пальто.

Ил.Сем. — Разрешите я помогу вам.

П.М. — Да вы, дядя, не беспокойтесь, я уже помогаю Марии Ивановне.

Ил.Сем. — Простите, тут у нас не накрыт ещё стол. (*Запутывается ногами в скатерти*)

М.И. — Вы упадёте! (*Смеётся*)

Ил.Сем. — Простите, тут, я думал, ничего нет, а тут эта скатерть упала со стола. Петя подними стул.

М.И. — Подождите, я сама сниму ботинки.

Ил. Сем. — Разрешите мне. Я уж это умею.

П.М. — Дядя, вы лучше стул поставьте на место!

Ил. Сем. — Хорошо хорошо! (*ставит стул к стене*)

(Молчание. Все стоят на месте. Проходит минута)

Ил.Сем. — Мне нравится причёска на пробор.
Мне хочется иметь на голове забор
Мне очень хочется иметь на голове забор.
который делит волосы в серёдке на пробор.

П.М. — Ну вы просто дядя выдумали что-то очень странное!

М.И. — Можно мне сесть сюда?

П.М. — Конечно. Конечно. Садитесь!

Ил.Сем. — Садитесь конечно! Конечно!

П.М. — Дядя!

Ил.Сем. — Да да да.

(М.И. садится на диван. Дядя достает из рта молоток)

П.М. — Что это?

Ил.Сем. — Молоток.

М.И. — Что вы сделали? Вы достали его изо рта?

Ил.Сем. — Нет нет, это пустяки!

М.И. — Это фокус? (*Молчание*)

М.И. — Стало как-то неуютно.

П.М. — Сейчас я накрою на стол и будет лучше.

М.И. — Нет, Петр Михайлович, вы ужасны!

П.М. — Я! Почему я ужасен?

М.И. — Ужасно! Ужасно! (*Дядя на цыпочках выходит из комнаты*).

М.И. — Почему он ушёл на цыпочках?

П.М. — Я очень рад, что он ушел. (*Накрывавет на стол*) Вы простите меня за беспорядок.

М.И. — Я когда шла к вам, то подумала, чо лучше не ходить. Надо слушаться таких подсказок.

П.М. — Наоборот, очень хорошо, что вы пришли.

М.И. — Не знаю, не знаю.

(П.М. накрывает на стол)

П.М. — Весь стол в салате! и сахар просыпан! Слышите как скрипит под ногами? Это очень противно! Вы завтра станете всем рассказывать, как у меня было.

М.И. — Ну, может быть кому-нибудь и расскажу.

П.М. — Хотите выпить рюмку вина?

М.И. — Нет спасибо я вино не пить не буду. Сделайте мне бутерброд с сыром.

П.М. — Хотите чай?

М.И. — Нет, лучше не стоит. Я хочу скоро уходить. Только вы меня не провожайте.

П.М. — Я сам не знаю, как надо поступить. На меня напал столбняк.

М.И. — Да да, мне лучше уйти.

П.М. — Нет, по-мо<е>му лучше вам не уходить сразу. Вы должны меня великодушно простить...

М.И. — Зачем вы так говорите со мной?
П.М. — Да уж нарочно говорю так.
М.И. — Нет это просто ужасно всё.
П.М. — Ужасно! Ужасно! Ужасно!

(Молчание)

П.М. — Мне всё это страшно нравится! Мне нравится именно так сидеть с вами.

М.И. — И мне тоже.

П.М. — Вы шутите, а я правду говорю. Мне честное слово всё это нравится!

М.И. — У вас довольно прохладно (*вынимает изо рта молоток*)

П.М. — Что это?

М.И. — Молоток.

П.М. — Что вы сделали? Вы достали его изо рта!

М.И. — Он мне сегодня весь день мешал вот тут (*показывает на горло*)

П.М. —
Вы видите в моих глазах продолговатые лучи.
они струятся как бы косы
и целый сад шумит в моих ушах
и ветви трутся друг о друга.
и ветром движутся вершины
и ваши светлые глаза
как непонятные кувшины
мне снятся ночью. Боже мой!

М.И. — К чему вы это говорите?
Мне непонятна ваша речь.
Вы просто надо мной смеётесь.
вы коршун я снигирь
вы на меня глядите слишком яростно
и слишком часто дышите
Ах не глядите так! Оставьте!
Вы слышите?

П.М. —

<1933>

165

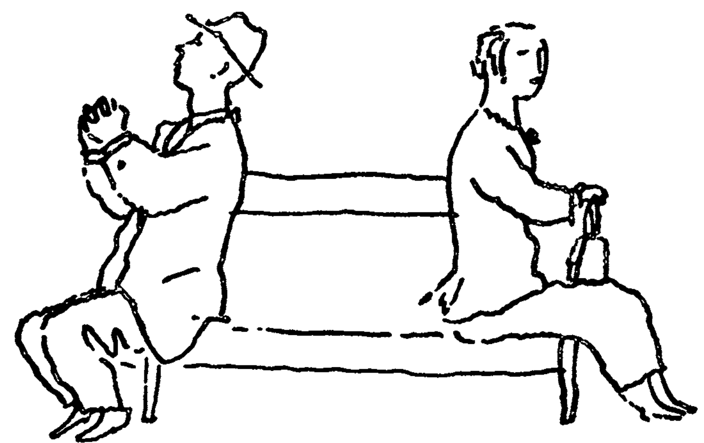
Объяснение в любви.
Водевиль

Он: Тут никого нет. Посижу-ка я тут.

Она: А, кажется, я одна. Никто меня не видит и не слышит.

Он: Вот хорошо, что я один. Я влюблён и хочу об этом подумать.

Она: Любит ли он меня? Мне так хочется, чтобы он сказал мне это. А он молчит, всё молчит.

Он: Как бы мне объясниться ей в любви. Я боюсь, что она испугается и я не смогу её больше видеть. Вот бы узнать, любит она меня или нет.

Она: Как я его люблю! Неужели он это не видит. А вдруг заметит и не захочет больше со мной встречаться.

<1933>

166

В Америке жили два американца, мистер Пик и мистер Пак. Мистер Пик служил в конторе, а мистер Пак служил в банке. Но вот однажды мистер Пик пришел в свою контору, а ему говорят:

"вы у нас больше не служите". А на другой день мистеру Паку то же самое сказали в банке. И вот мистер Пик и мистер Пак остались без места. Мистер Пик пришел к мистеру Паку и сказал:

— Мистер Пак!

— Что? Что? что? что? Ты спрашиваешь: что нам делать? что нам делать! Ты спрашиваешь: что нам делать?

— Да, — сказал мистер Пик.

— Ну вот, ну вот, ну вот, ну вот! Ну вот видишь, что получилось? Вот видишь? Вот видишь, какая наша история!

— Да, — сказал мистер Пик и сел на стул, а мистер Пак принялся бегать по комнате.

— Сейчас у нас, сейчас тут у нас... Я говорю у нас тут в Соединенных штатах, Американских Соединенных штатах, В Соединенных штатах Америки, тут, у нас... ты понимаешь где?

<1933>

167

Леонидов: Я утверждаю, что когда мы к нему подошли, он от нас отошёл и потом ушёл.

Григорьев: Да он ушёл, но не потом.

Л: Он ушел именно потом. Сначала отошёл, а потом ушёл.

Г: Ну зачем так говорить, когда он ушёл вовсе не потом.

Л: Мы к нему подошли?

Г: Да.

Л: Он отошёл?

Г: Да.

Л: А потом ушёл!

Г: Ну вот опять! Не потом он ушёл! Честное слово, не потом!

Л: Клянитесь, сколько вам угодно! А он именно отошёл, а потом ушёл.

Г: Не потом.

Л: Именно потом!

Г: Не потом, потому что потом он отошёл, а сначала не ушёл.

Л: Это ваше мнение! А моё, что он ушёл.

Г:

<1934-1936>

168

Нина — Вы знаете! А? Вы знаете? Нет, вы слышали? А?

Вар.Мих. — Что такое? А? Что такое?

Нина — Нет, вы только подумайте! Варвара Михайловна! Вы только подумайте!

Вар.Мих. — Что такое? А? Что такое?

Нина— Да вы представте себе, Варвара Михайловна! Вы представте себе!

Вар.Мих. — Да что такое, в конце концов! Что такое?

Нина — Нет, вы послушайте, Варвара Михайловна! Ха-ха-ха.

Вар.Мих. — Да я слушаю, слушаю! Что такое?

Нина — Ха-ха-ха! Ну и королева!

Вар.Мих. — Глупость какую-то несешь!

Нина — Действительно королева!

Вар.Мих. — Глупость какую-то несешь!

Нина — Наш-то! Столбовой! Старый хрен! Тоже туда!

Вар.Мих. Куда туда?

Нина — Да, всё туда же! За Елизаветой поволокся!

Вар.Мих. — Как поволокся?

Нина — Да влюбился!

Вар.Мих. — Да кто влюбился?

Нина— Да наш столбовой дворянин! Старый хрыч Обернибесов!

Вар.Мих. — Оборнибесов?!

Нина— В том-то и шутка, что Обернибесов!

Вар.Мих. — Аполлон Васильевич!

Нина — Ну да! Ведь вы подумайте!

Вар.Мих. — Просто не понимаю, что в ней хорошего! Почему все мужчины с ума сошли?

Нина — Вы смотрите: Володя Кнутиков с ума сошел! Сергей Иванович с ума сошел!..

Вар.Мих. — Ничего в ней нет интересного!

Нина — Елдыгин с ума сошел!..

Вар.Мих. — Ничего в ней нет интересного!

Нина— В том-то и шутка! Ничего в ней нет интересного!

Вар.Мих. — Просто не понимаю, почему все мужчины с ума сошли!

Нина — Не такая уж она красавица!

Вар.Мих. — По-моему, просто некрасива!

Нина — Ничего в ней нет интересного!

Вар. Мих. — Совершенно не интересна!

<1934-1936>

169

Антон Антонович Бобров:
Я вам сейчас спою куплеты
про смерть, любовь и про
рожденье
На все вопросы дам ответы.
Гасите в зале освещенье.

Алексей Кузмич Фингер (*из-за кулис*):
Антон Антонович! Вы не то поёте.

Ант.Ант. Бобров:
В день восторга общих масс
рассмешить хочу я вас
Но для этих разных штук
мне не хватит ног и рук
вот я сев на стул верхом
крикну в рупор петухом
вызвать смех на ваших рожах
очень трудно. Те, кто в ложах
с небольшой в руках коробкой
шоколадных бонбоньер
озарясь улыбкой робкой
рожу прячет за барьер

<1934-1936>

170

Мария и Аня обращали на себя внимание. Обе такие хорошенькие в своих красных шапочках.

— Я видела женщину милиционера, — сказала Аня, — она была в шароварах и металлическом шлеме.

— Ах, — сказала Мария, — это очень смешно. Я видела вчера, как по каналу шёл милиционер и нёс на руках красный свёрток. Когда я подошла ближе, я увидела, что это он несёт ребёнка в красном одеяле. А через несколько шагов я встретила опять милиционера с ребёнком в красном одеяле. Немного погодя я встретила опять милиционера с ребёнком и опять в красном одеяле. Это было очень смешное шествие милиционеров с детьми на руках, завёрнутых в красные одеяла. Оказалось, что женщины милиционеры идут из «Охраны материнства и младенчества», где их детям выдали стандартные красные одеяла.

— Они были в шлемах? — спросила Аня.

— Да, — сказала Мария. — Вот сейчас мы взойдем на мост и там я покажу вам, откуда Андрей Михайлович увидел в Фонтанке утопленника.

— Андрей Михайлович говорили, что первый увидел утопленника Шагун, — сказала Аня.

— А нет Аня, вы все перепутали.

<1934-1937>

171

Швельпин: Удивительная история! Жена Ивана Ивановича Никифорова искусала жену Кораблёва! Если бы жена Кораблёва искусала бы жену Ивана Ивановича Никифорова, то всё было бы понятно. Но то, что жена Ивана Ивановича Никифорова искусала жену Кораблёва, это поистине удивительно!

Смухов: А я вот нисколько не удивлён.

Ремарка. Варвара Семёновна кидается и кусает Антонину Антоновну.

<1934-1937>

172

Я шёл по Жуковской улице. Вот дом, который мне нужен. Тут живёт мой приятель. Я уже давно собирался зайти к нему, но так как у него нет телефона, а мне не хотелось придти и не застать его дома, то я всё откладывал свой визит. Сегодня я наконец решился.

Приятеля моего зовут Антон Антонович Козлов.

<Середина 1930-х>

173

Однажды Семёнов пошёл гулять. День был очень жаркий и потому Семёнов решил искупаться в реке.

Семёнов гулял очень долго, наконец устал и сел на траву, возле речки, чтобы отдохнуть.

День был жаркий и Семёнов решил выкупаться в реке.

<Середина 1930-х>

174

Квартира состояла из двух
комнат и кухни.

В одной комнате жил Николай Робертович Смит, а в другой Иван Игнатьевич Петров.

Обыкновенно Петров заходил к Смиту и у них начиналась беседа. Говорили о разных вещах, иногда рассказывали друг другу о прошлом, но больше говорил Петров, Смит в это время курил и что-нибудь делал, либо чистил свои ногти, либо разбирал старые письма, либо мешал кочергой в печке.

Петров ходил всегда в коричневом пиджаке, концы галстука болтались у него во все стороны. Смит был аккуратен; ходил он в коротких клетчатых штанах и носил крахмальные воротнички.

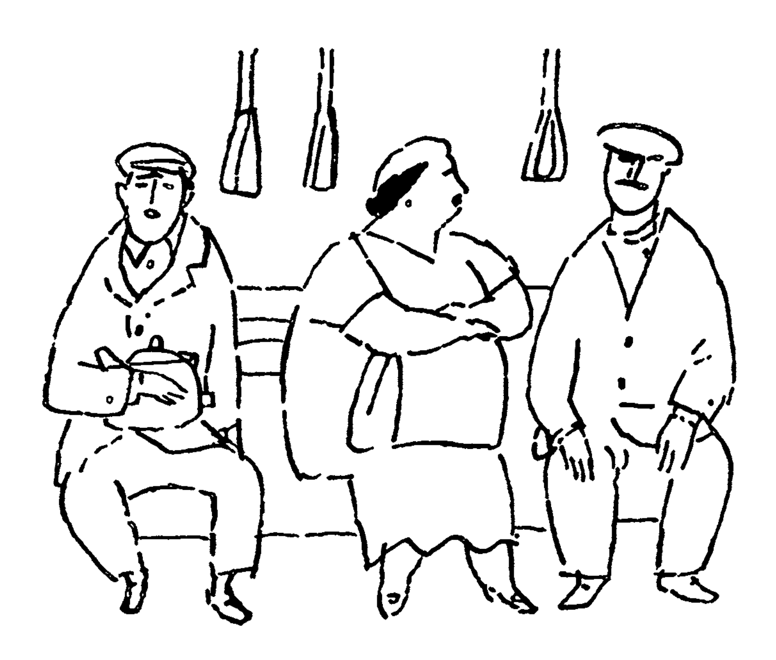
<Середина 1930-х>

175

Происшествие в трамвае

Ляпунов подошёл к трамваю, Ляпунов подошёл к трамваю. В трамвае сидел Сорокин, в трамвае сидел Сорокин.

Сорокин купил электрический чайник и ехал домой к жене. Купил электрический чайник и ехал домой.

В трамвае жарко, несмотря на то, что окна и двери открыты. Несмотря на то, что открыты. Сорокин купил электрический чайник.

<Середина 1930-х>

176

Нам бы не хотелось затрагивать чьих-либо имён, потому что имена, которые мы могли бы затрону<ть>, принадлежат столь незначительным особам, что нет никакого смысла поминать их тут, на страницах, предназначенных для чтения наших далёких потомков. Всё равно эти имена были бы к тому времени забыты и потеряли бы своё значение. Поэтому мы возьмём вымышленные имена и назовём своего героя Андреем Головым.

Наш герой только что переехал из Гусева переулка на Петроградскую сторону, и вот, в первую же ночь, проведённую им на новой квартире, ему приснился человек с лицом Тантала.

Сначала сон был не страшный и даже весёлый, Андрей увидел себя на зелёной лужайке. Где-то чирикали птицы и, кажется, по небу бежали маленькие облака. Вдали Андрей увидел сосновую рощу и пошёл к ней. Тут, как бывает во сне, произошло что-то непонятное, что Андрей, проснувшись, уже вспомнить не мог. Дальше Андрей помнил себя уже в сосновой роще. Сосны стояли довольно редко и небо было хорошо видно. Андрей видел, как по небу пролетела туча. Тут опять произошло что-то непонятное, чего Андрей потом тоже не мог вспомнить. Андрей

<Середина 1930-х>

177

Первое действие «Короля Лира», переложенное для вестников и жуков.

Тронная зала во дворце короля Лира.
Входят Кент, Глостер и Эдмунд.

Кент — Мне казалось, что у короля сердце лежит больше к Альбине, а не к герцогу Коруэллскому.

Глостер — Мне тоже так казалось, а вышло не так: при разделении королевства все получили по равной доле. Все равны. Никому предпочтения.

Кент — это кто? (*указывая на Эдмунда*)

Эдмунд (*вздрогнув*) — Он указывает на меня.

Глостер — Это мой незаконный сын. Я раньше краснел, глядя на него, но теперь я привык. Больше не краснею, а раньше краснел.

Эдмунд — А я раньше не краснел, а теперь краснею.

Кент — А я никогда не краснел. Даже не знаю, как это так. Но тише, идёт король.

Входят Лир, Гонерилья, Регана и Корделия.

Лир — Король французский полон славы.

<Середина 1930-х>

178

Каштанов — Лиза! Я вас умоляю. Скажите мне: кто вы?

Елизавета — Вы отстанете от меня или не отстанете?

Каштанов — Нет! Я не могу! не могу!

Елизав. — Чего вы не можете?

Кашт. — Лиза! Кто вы?

Елизав. — Да что вы привязались ко мне с идиотской фразой. Вы не знаете, кто я, что ли?

Кашт. — Не знаю! Не знаю!

<Середина 1930-х>

179

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*): Вот вам и зима настала! Пора печи топить. Как по вашему?

Семёнов: По моему, если отнестись серьёзно к вашему замечанию, то, пожалуй, действительно пора затопить печку.

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*): А как по вашему, зима в этом году будет холодная или тёплая?

Семёнов: Пожалуй, судя по тому, что лето было дождливое, зима будет холодная. Если лето дождливое, то зима всегда холодная.

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*): А вот мне никогда не бывает холодно!

Семёнов: Это совершенно правильно, что вы говорите, что вам не бывает холодно. У вас такая натура.

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*): Я не зябну!

Семёнов: Ох!

Григорьев: (*ударяя Семёнова по морде*): Что ох?

Семёнов (*держась рукой за щеку*): Ох! Лицо болит!

Григорьев: Почему болит? (*и с этими словами хвать Семёнова по морде*)

Семёнов (*падая со стула*): Ох! Сам не знаю.

Григорьев (*ударяя Семёнова ногой по морде*): А у меня ничего не болит!

Семёнов: Я тебя, сукин сын, отучу драться! (*пробует встать*)

Григорьев (*ударяет Семёнова по морде*): Тоже учитель нашелся!

Семёнов (*валится на спину*): Сволочь паршивая!

Григорьев: Ну, ты, подбирай выражения полегче!

Семёнов (*силясь подняться*): Я, брат, долго терпел. Но хватит. С тобой, видно, нельзя по-хорошему. Ты, брат, сам виноват...

Григорьев (*ударяет Семёнова каблуком по морде*): Говори, говори! Послушаем!

Семёнов (*валится на спину*): Ох!

(Входит Льянев)

Льянев: Что это тут такое происходит?

<Середина 1930-х>

180

Окунев ищет Лобарь

С самого утра Окунев бродил по улицам и искал Лобарь.

Это было нелегкое дело, потому что никто не мог дать ему полезные указания.

<Середина 1930-х>

181

Димитрий Петрович Амелованев родился в прошлом столетии в городе Б. Родители его, люди небогатые, вскоре после рождения сына умерли и малолетний Митя Амелованев остался круглой сиротой. Сначала приютил его дворник Николай.

<Середина 1930-х>

182

Феодор Моисеевич был покороче, так его уложили спать на фисгармонию, зато Авакума Николаевича, который был чрезвычайно длинного роста, пришлось уложить в передней на дровах. Феодор Моисеевич сразу же заснул и увидел во сне блох, а длинный Авакум Николаевич долго возился и пристраивался, но никак не мог улечься: то голова его попадала в корытце с каким-то белым порошком, а если Авакум Николаевич подавался вниз, то распахивалась дверь и ноги Авакума Николаевича приходились прямо в сад. Провозившись пол ночи, Авакум Николаевич ошалел настолько, что перестал уже соображать, где находится его голова и где ноги, и заснул, уткнувшись лицом в белый порошок, а ноги выставив из дверей на свежий воздух.

Ночь прошла. Настало утро. Проснулись гуси и пришли в сад пощипать свежую травку. Потом проснулись коровы, потом собаки и, наконец, встала скотница Пелагея.

<Середина 1930-х>

183

Но художник усадил натурщицу на стол и раздвинул её ноги. Девица почти не сопротивлялась и только закрыла лицо руками. Амонова и Страхова сказали, что прежде следовало бы девицу отвести в ванну и вымыть ей между ног, а то нюхать подобные ароматы просто противно. Девица хотела вскочить, но художник удержал её и просил, не обращая внимания, сидеть так, как он её посадил. Девица, не зная, что ей делать, села обратно. Художник и художницы расселись по своим местам и начали рисовать натурщицу. Петрова сказала, что натурщица очень соблазнительная женщина, но Страхова и Амонова заявили, что она слишком полна и неприлична. Золотогромов сказал, что это и делает её соблазнительной, но Страхова сказала, что это просто противно, а не соблазнительно. "Посмотрите, — сказала Страхова. — Фи! Из неё так и льется на скатерть. Чего уж тут соблазнительного, когда я отсюда слышу, как от нее пахнет". Петрова сказала, что это показывает только её женскую силу. Абельфар покраснела и согласилась. Амонова сказала, что она ничего подобного не видела, что надо дойти до высшей точки возбуждения и то так не польётся, как у этой девицы. Петрова сказала, что глядя на это, можно и самой возбудиться и что Золотогромов, должно быть, уже возбуждён. Золотогромов сознался, что девица на него действует. Абельфар сидела красная и тяжело дышала. "Однако, воздух в комнате делается невыносимым"! — сказала Страхова. Абельфар ерзала на стуле, потом вскочила и вышла из комнаты. "Вот, — сказала Петрова, — вы видите результат женской соблазнительности. Это действует даже на дам. Абельфар пошла поправиться. Чувствую, что и мне скоро придется сделать то же самое". "Вот, — сказала Амосова, — какое преимущество худеньких женщин. У нас всегда все в порядке. А вы и Абельфар пышные дамочки и вам приходится много следить за собой". "Однако, — сказал Золотогромов, —

пышность и некоторая нечистоплотность именно и ценится в женщине!"

<Середина 1930-х>

184

— Видите ли, — сказал он, — я видел как вы с ними катались третьего дня на лодке. Один из них сидел на руле, двое гребли, а четвертый сидел рядом с вами и говорил. Я долго стоял на берегу и смотрел, как гребли те двое. Да, я могу смело утверждать, что они хотели утопить вас. Так гребут только перед убийством.

Дама в жёлтых перчатках посмотрела на Клопова.

— Что это значит? — сказала она. — Как это так можно особенно грести перед убийством? И потом, какой смысл им топить меня?

Клопов резко повернулся к даме и сказал:

— Вы знаете, что такое медный взгляд?

— Нет, — сказала дама, невольно отодвигаясь от Клопова.

— Ага, — сказал Клопов. — Когда тонкая фарфоровая чашка падает со шкапа и летит вниз, то в тот момент, пока она еще летит по воздуху, вы уже знаете, что она коснётся пола и разлетится на куски. А я знаю, что если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно, он неминуемо убьет его.

— Они смотрели на меня медным взглядом? — спросила дама в жёлтых перчатках.

— Да, сударыня, — сказал Клопов и надел шапку.

Некоторое время оба молчали.

Клопов сидел, опустив низко голову.

— Простите меня, — вдруг тихо сказал он.

Дама в жёлтых перчатках с удивлением смотрела на Клопова и молчала.

— Это всё неправда, — сказал Клопов. — Я выдумал про медный взгляд, сейчас, вот тут, сидя с вами на скамейке. Я, видите ли, разбил сегодня свои часы и мне всё представляется в мрачном свете.

Клопов вынул из кармана платок, развернул его и протянул даме разбитые часы.

— Я носил их шестнадцать лет. Вы понимаете, что это значит? Разбить часы, которые шестнадцать лет тикали у меня вот тут под сердцем? У вас есть часы?

<1935>

185

Красная <?>

Один инженер довольно много рассуждал о французской истории. И дорассуждался до того, что его вытолкали со службы. Несчастный инженер так этим опечалился, что решил отравить себя каким-нибудь ядом.

Не долго думая, инженер съел пол кило какой-то пшеничной сулем<ы>. Ему сказали, что эта пшеничная сулема самый сильный яд, но инженер съел его пол кило и остался жив. Правда, его немного помутило, но даже не вырвало.

<Вторая пол. 1930-х>

186

Евстигнеев смеётся.

Водевиль о трёх головах

Действующие лица:

Евстигнеев
1-ый Володя
II-й Володя
Евдокия — жена Евстигнеева
Вера Александровна Сулинапова — двоюродная сестра Евдокии.
Дворник Пётр Перец
Дворничиха
Амуры, зебры и античные девушки

Действие
Первое

Евстигнеев стоит посередине комнаты и старается издать звук на флейте. Жена Евстигнеева Евдокия стоит перед ним на коленях

Евдокия: Евстигнеев! Дорогой муж мой! Супруг мой! Любимый человек и друг! Евстигнеев! Ну молю тебя, не дуй в флейту! Евстигнеев!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Евстигнеев! четыре с половиной года ты дуешь в эту флейту и, все равно ни звука издать не можешь! Брось! На коленях прошу тебя! Вот видишь? Я целую твои ноги. Неужели ты меня не слышишь? Ты злой, нехороший человек, Евстигнеев! Я тружусь дни и ночи, чтобы мы не голодали с тобой. Я служу, бегаю по лавкам, готовлю обед, мою посуду, убираю комнату, стираю твоё бельё... Ты видишь, на что стали похожи мои руки? Я больная и несчастная, делаю непосильную для себя работу. А ты? Знай дуешь в свою флейту! И ведь хоть бы прок был какой! А то, не только сыграть чего-нибудь, а даже звука издать не можешь! Опомнись! Опомнись Евстигнеев!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Нет, больше я не могу! Это не человек, а зверь какой-то! (*Поднимается с колен*) Слушай, Евстигнеев! Я делала всё, чтобы образумить тебя. Ничего не помогает. Я слабая и не могу сама отнять у тебя флейту. Ты меня прсто поколотишь. Поэтому я решила прибегнуть к крайнему средству.

Ты слышишь, что я тебе говорю? Евстигнеев! Ты слышишь?

Евстигнеев (*дует в флейту*): Фю-фю-фю!

Евдокия: Да ты слышишь, что я тебе говорю? Ах, так! И слушать не желаешь! Ну, ладно: сейчас прибегну к тому крайнему средству, о котором я тебе говорила. Не слушаешь? Ладно! Сейчас пой<д>у и позову дворника!

Евстигнеев (*перестает дуть в флейту*).

Евдокия: Ты слышал? Сейчас позову дворника.

Евстигнеев: Зачем?

Евдокия: А затем, что мы с дворником отнимем у тебя флейту, сломаем её и выбросим на помойку.

Евстигнеев: Нет? Хы-хы-хы!

Евдокия: Не нет, а именно, да!

Евстигнеев: Как же так? (*рассматривает флейту и пробует в неё дуть*)

Евдокия: Ах, ты опять! Ну ладно...

(Стук в дверь)

Евстигнеев и Евдокия молча стоят и слушают. Стук повторяется.

Евдокия: Кто там?

Голос за дверью: Дарочка! Это я! Открой, силь-ву-пле!

Евдокия: Ах, это ты, Вера! Сейчас, одну миниточку. (*Евстигнееву*): Спрячь флейту!

Евстигнеев смеётся: Хы-хы-хы!

Евдокия: Дай сюда флейту! Сию же минуту дай сюда флейту!

Евстигнеев (*пряча флейту за спину*): Хы-хы!

Евдокия: Сейчас Верочка! (*Евстигнееву*): Ты дашь мне флейту? Ах, так!.. (*проходит к двери и открывает её*), Входи Верочка!

(Входит Вера Александровна Сулинапова)

Евдокия: Вот познакомься: Евстигнеев, мой муж. А это Вера Александровна Сулинапова — моя двоюродная сестра.

Сулинапова (*подходя к Евстигнееву*): Очень рада с вами познакомиться!

Евстигнеев: Хы-хы-хы!

Евдокия: Садись, Вера, вот сюда и рассказывай, как ты живешь?

(Сулинапова садится с ногами на стул)

Сулинапова: О, душа моя, столько новостей! Столько новостей! Я брежу театрами и светской жизнью. Да, милочка, я вся для общества! Грегуар подарил мне тончайший заграничный чулок, но, к сожалению, только один. Так что его нельзя носить. Но я, когда ко мне приходят гости, бросаю этот чулок на диван, будто забыла его убрать, и все конечно думают, что у меня их пара. Борман увидел этот чулок и сказал: "Такими чулками кидаться нельзя!" А я ему сказала: "О! у меня их целая куча! А вот туфель нет!" Ах, да, милочка, жё сюи малад, у меня болит под мышкой! Это Зайцев лез ко мне рукой за шиворот, но я его дальше подмышки не пустила. Не дам же я Зайцеву хватать себя!

Евстигнеев: Хы-хы!

Сулинапова: Ой! Я говорю такие вещи в присутствии мужчины. Но вы всё-таки муж моей сестры и потом, мы, люди высшего общества, можем позволить себе некоторые фривольности.

Евстигнеев: Хы-хы! (*дует в флейту*)

Сулинапова: Что это?

Евдокия: Да это мой муж хочет на флейте играть.

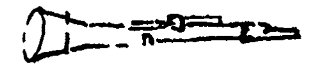
Сулинапова: Господи! Зачем же это?

Евдокия: Ах, Вера! Он целые дни изводит меня этой флейтой. Вот видишь? Так он с утра до вечера.

Сулинапова: Да ты спрячь от него эту трубку.

Евдокия

<1935-1936>

187

I Воспитание

Один матрос купил себе дом с крышей. Вот поселился матрос в этом доме и расплодил детей. Столько расплодил детей, что деваться от них стало некуда. Тогда матрос купил няньку и говорит ей: «Вот тебе, нянька, мои дети. Няньчи их и угождай им во всём, но только смотри, чтобы они друг друга не перекусали. Если же они очень шалить будут, ты их полей скипидаром или уксусной эссенцией. Они тогда замолкнут. А потом ещё вот что, нянька, ты конечно любишь есть. Так вот уж с этим тебе придётся проститься. Я тебе есть давать не буду».

— Постойте, да как же так? — испугалась нянька. — Ведь всякому человеку есть нужно. «Ну, как знаешь, но только пока ты моих детей няньчишь, — есть не смей!» Нянька было на дыбы, но матрос стегнул её палкой и нянька стихла.

— Ну а теперь, — сказал Матрос, — валяй моих сопляков!

И вот таким образом началось воспитание матросских детей.

<1935-1938>

188

Косков потерял свои часы.

Утром Косков сел пить кофе и выпил четыре стакана. Пятый стакан Косков не допил и поставил в буфет, чтобы потом выпить в холодном виде. До этого времени Косков был в одном халате, т. ч. часов не нём не было, и они лежали, по всей вероятности, на письменном столе.

<1936-1938>

189

— Н-да-а! — сказал я ещё раз дрожащим голосом. Крыса наклонила голову в другую сторону и всё так же продолжала смотреть на меня.

— Ну что тебе нужно? — сказал я в отчаянье.

— Ничего! — сказала вдруг крыса громко и отчётливо. Это было так неожиданно, что у меня прошел даже всякий страх. А крыса отошла в сторону и села на пол около самой печки.

— Я люблю тепло, — сказала крыса, — а у нас в подвале ужасно холодно.

<До января 1937>

190

Мальтониус Ольброн

Сюжет: Ч. желает подняться на три фута над землей. Он стоит часами против шкапа. Над шкапом висит картина, но ее не видно: мешает шкап. Проходит много дней, недель и месяцев. Человек каждый день стоит перед шкапом и старается подняться на воздух. Подняться ему не удаётся, но зато ему начинает являться видение, всё одно и тоже. Каждый раз он различает всё большие и большие подробности. Ч. забывает, что он хотел подняться над землей, и целиком отдаётся изучению видения. И вот однажды, когда прислуга убирала комнату, она попросила его снять картину, чтобы вытереть с неё пыль. Когда Ч. встал на стул и взглянул на картину, то он увидел, что на картине изображено то, что он видел в своём видении. Тут он понял, что он давно уже поднимается на воздух и висит перед шкапом и видит эту картину.

Разработка.

15 ноября 1937 года

191

❶ Семья Апраксиных состояла из четырёх членов: глава семейства Фёдор Игнатьевич Апраксин, его жена Серафима Петровна Апраксина, сестра жены Антонина Петровна Кутенина и дальний родственник Фёдора Игнатьевича Семён Семёнович Кэкс... ❷ Жили они в небольшой квартирке из двух комнат. Одна комната называлась спальней, а другая столовой. Жена, муж и Антонина Петровна жили в спальне, а в столовой жил Семён Семёнович Кэкс. Главным героем нашего небольшого рассказа будет именно этот Семён Семёнович, в потому разрешите описать его наружность и характер. ❸ Семён Семёнович был франт. Он был всегда и гладко выбрит и хорошо подстрижен. Галстук был всегда выглажен и хорошо завязан. Семён Семёнович не носил длинных брюк, а ходил всегда в «гольфах», потому что, как уверял Семён Семёнович, гольфы не так мнутся и их не надо часто утюжить. Для стиля к гольфам Семён Семёнович курил трубку и потому на улицах его звали американцем.

<1937>

192

❶ Не маши колесом, не стругай колесо, не смотри в воду, не грози камнем. ❷ Колесом не бей, не крути колесо, не ложись в воду, не дроби камни. ❸ Не дружи с колесом, не дразни колесо, спусти его в воду, привяжи к нему камень. ❹

<1937>

193

Я залез на забор, но тотчас же свалился.

— Эх, — сказал я и опять полез на забор. Но только я уселся верхом на заборе, как вдруг подул ветер и сорвал с моей головы шляпу. Шляпа перелетела через курятник и упала в лопухи.

<1937>

194

Осень прошлого года я провёл необычно. Мне надоело из года в год каждое лето проводить на даче у Рыбаковых, а осенью ехать в Крым к Чёрному морю, пить крымские вина, ухаживать за ошалевшими от южного солнца северянками и, с наступлением зимы, опять возвращаться в свою холодную городскую квартиру и приступать к своим священным обязанностям. Мне надоело это однообразие. И вот в прошлом году я решил поступить иначе.

Лето я провёл как всегда у Рыбаковых, а осенью, не сказав никому о своём намерении, я купил себе ружьё — двухстволку, заплечный мешок, подзорную трубу, компас и непромокаемый резиновый плащ; в заплечный мешок я положил смену белья, две пары носок, иголку и катушку с нитками, пачку табаку, две французские булки и пол головки сыра; на правое плечо повесил двухстволку, на левое бросил резиновый плащ и, выйдя из города, пошел пешком, куда глаза глядят.

Я шёл полем. Утро было прохладное, осеннее. Начинался дождь, так что мне пришлось надеть резиновый плащ.

<1937-1938>

195

В кабинет, озаряемый темной лампой, ввалился человек на длинных ногах, в фетровой шляпе и с маленьким пуделем под мышкой.

Посадив пуделя на письменный стол, длинноногий человек подошёл к узенькому книжному шкапику, открыл его и, заглянув внутрь этого шкапика, что-то быстро сказал. Расслышать можно было только одно слово «лимон». Потом, закрыв этот шкапик, человек подбежал к письменному столу, схватил пуделя и убежал, хлопнув за собой дверью.

Тогда дверцы шкапика открылись сами собой и оттуда вышла маленькая девочка. Она оглянулась по

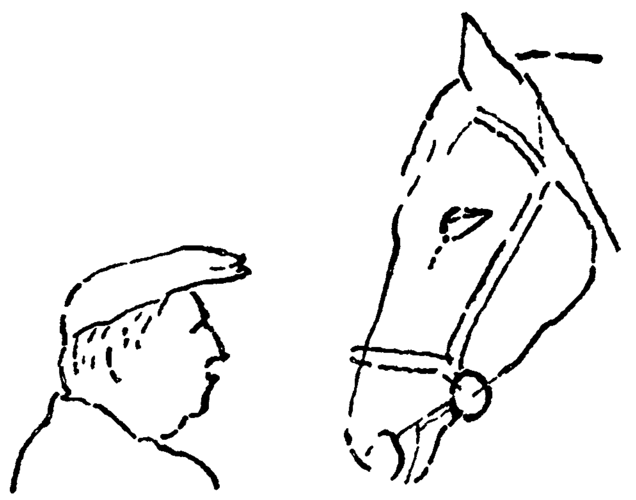
сторонам и, как бы убедившись, что её никто не услышит, вдруг громко чихнула. Потом, постояв некоторое время молча, девочка открыла рот и сказала:

— Весь мир будет смотреть на него неодобрительно, если он выйдет в грязной шляпе. Но

<Август 1938>

196

ртом и раздувает живот, так что у него начинает болеть под ключицами. Вот он сходит с моста и идёт по лугам. Вот он видит маленький цветочек и, став на четвереньки, нюхает и целует его. Вот он ложится на землю и слушает какие-то шорохи. Он ползает по земле, не жалея своего платья. Он ползает и плачет от счастья. Он счастлив, ибо природа его в земле.

Истинный любитель природы всегда пронюхает малейшие признаки природы. Даже в городе, глядя на тупую лошадиную морду, он видит бесконечные степи, репейник и пыль, и в ушах его звенят бубенцы. Он, зажмурив глаза, трясет головой и уж не знает сам, лошадь ли он или человек. Он ржёт, бьёт ко-

пытом, машет воображаемым хвостом, скалит свои лошадиные зубы и, на манер лошади, портит воздух.

Не дай мне Бог встретиться с любителем природы.

<1939-1940>

197

— Так, — сказал Ершешен, проснувшись утром несколько ранее обыкновенного.

— Так, — сказал он. — Где мои шашки?

Ершешен вылез из кровати и подошёл к столу.

— Вот твои шашки! — сказал чей-то голос.

— Кто со мной говорит? — крикнул Ершешев.

— Я, — сказал голос.

— Кто ты? — спросил Ершешев.

—

<14 августа 1940>

198

Один графолог, чрезвычайно любящий водку, сидел в саду на скамейке и думал о том, как было бы хорошо придти сейчас в большую просторную квартиру, в которой жила бы большая милая семья с молоденькими дочерьми, играющими на рояле. Графолога бы встретили очень ласково, провели бы в столовую, посадили бы в кресло около камина и поставили бы перед ним маленький столик. А на столике бы стоял графин с водкой и тарелка с горячими мясными пирожками. Графолог бы сидел и пил бы водку, закусывая её горячими пирожками, а хорошенькие хозяйские дочери играли бы в соседней комнате на рояле и пели бы красивые арии из итальянских опер.

<1940>

199

На улицах становилось тише. На перекрёстках стояли люди, дожидаясь трамвая. Некоторые, потеряв надежду, уходили пешком. И вот на одном из перекрёстков Петроградской Стороны осталось всего два человека. Один из них был очень небольшого роста, с круглым лицом и оттопыренными ушами. Второй был чуточку повыше и, как видно, хромал на левую ногу. Они не были знакомы друг с другом, но общий интерес к трамваю заставил их разговориться. Разговор начал хромой.

— Уж не знаю, — сказал он, как бы ни к кому не обращаясь. — Пожалуй, не стоит и дожидаться.

Круглолицый повернулся к хромому и сказал:

— Нет, я думаю, ещё может придти.

<1940>

200

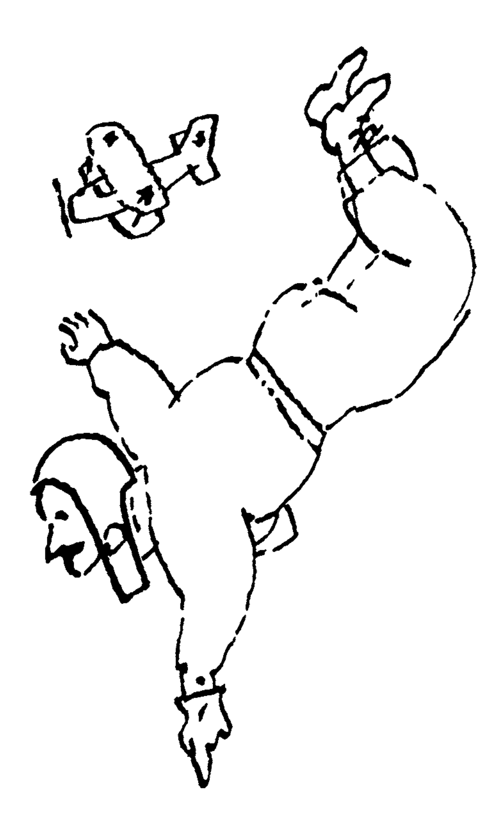
А мы всегда немного в стороне, всегда по ту сторону окна. Мы не хотим смешиваться с другими. Нам наше положение, по ту сторону окна, — очень нравится.

Тут же по этому поводу мы напишем небольшой рассказик. Вот он:

Жил был человек, у которого не было чемодана, поэтому наш герой держал свои некоторые вещи в большом глиняном горшке. Но вот однажды случилась с ним такая история: купил он себе подвязки и положил их в горшок, подумав при этом: «пусть полежат себе там, а к пасхе я их надену». Несколько дней спустя герой наш полез в горшок, кажется, за карандашом. Смотрит, а в горшке лежат подвязки. Удивился наш герой и подумал про себя так: «Откуда эти подвязки? Ведь не я же положил их туда! Каким образом они там? Вот ведь история! Пойду-ка я, спрошу соседа». И вот пошёл он к соседу, а сосед в это время ломал подсвечником свою кровать. Пётр Иванович (э

Б. д.

Д. ХАРМС
ТОМ 2

ПРИМЕЧАНИЯ

О композиции настоящего тома, как части полного Собрания сочинений Хармса, текстологических принципах и о составе примечаний см. в т. 1 наст. собр. Кратко повторим некоторые положения.

В настоящий том входят прозаические произведения и сценки, драматические произведения в стихах, циклы и сборники, сформированные автором, а также незавершенное и отвергнутое им в тех жанрах, которые составляют основной корпус текстов наст. тома. За пределами его оставлены соответствующие тексты, находящиеся в Записных книжках, поскольку предполагается их публикация в подлинном составе.

В наст. томе, как и в т. 1, могут оказаться тексты, которым более, возможно, подобало бы находиться в т. 3 — "детском", однако мы намеренно формализовали принципы композиции Собрания, включая в т.3 только то (за редким исключением), что самим Хармсом было опубликовано в детских изданиях — иначе свободные гипотезы о "детском" и "взрослом" в творчестве Хармса привели бы нас к тому субъективизму, которого мы хотели бы избежать.

Как и в т. 1, в наст. томе выделен раздел "Незавершенное и отвергнутое". Отвергнутое — то, что самим автором зачеркнуто или сопровождено пометой "Плохо", но все же носит характер удобного для публикации текста. Что касается незавершенности, то, как уже отмечалось, это достаточно дискуссионный вопрос хармсовской текстологии и мы, в основном, помещаем в этот раздел то, что очевидно брошено Хармсом как бы на полуслове —знаком этого для нас является недописанная фраза, персонаж без реплики и т. п.

В публикации драматических произведений в стихах осуществлены те же текстологические принципы, что и в т. 1 наст. собр., т. е. по возможности максимально учтена авторская воля в пунктуации и графике. Что касается прозаических текстов, то в них орфография и пунктуация приведены в соответствие с современ-

ной литературной нормой, что, впрочем, в отличие от стихотворных текстов Хармса, не потребовало больших усилий. Разумеется, сохранены некоторые его специфические написания, входившие в творческий замысел автора.

Примечания дают библиографию первых публикаций без их критической характеристики, хотя, как и при подготовке т. 1 наст. собр., мы сверили все тексты с автографами Хармса.

Что касается содержательной стороны примечаний, то они, как и в т. 1 наст. собр., прежде всего, ориентированы на отслеживание и суммирование сквозных мотивов творчества Хармса. При этом мы старались, по возможности, отмечать наиболее продуктивные наблюдения над его текстами в научной литературе. Должны особо выделить монографию Ж.-Ф. Жаккара "Даниил Хармс и конец русского авангарда" (СПб., 1995), содержащую развернутый комментарий более чем 100 произведений писателя — эпизодические ссылки на это исследование в наших комментариях не заменяют неизбежности обращения к нему во множестве иных случаев. Другое издание последних лет, которое должно стать "настольной книгой" хармсоведа, — работа А. Кобринского "Творчество Даниила Хармса": (программа спецсеминара, методические рекомендации, библиография). СПб., 1996.

Их авторов, а также всех, кто поименован в т. 1 наст. собр., благодарю за дружеское участие советами и поддержкой в процессе настоящей работы.

Список условных сокращений названий периодических изданий и архивохранилищ

А — Аврора, журнал
ВИ — Вопросы искусствознания, журнал
ВиМ — Время и мы, журнал
ВЛ — Вопросы литературы, журнал
ВМК — В мире книг, журнал
Г — Грани, журнал
Д — Даугава, журнал
Е — Енисей, журнал
ИЛ — Искусство Ленинграда, журнал
К — Континент, журнал
КО — Книжное обозрение, газета
Кр. — Крокодил, журнал
Л — Литератор, газета
ЛГ — Литературная газета
МК — Московский комсомолец, газета
МЖ — Митин журнал
Н — Неделя, гаэета

НЛО — Новое литературное обозрение, журнал
П — Памир, журнал
Р — Россия, газета
РВ — Русский вестник, журнал
РГАЛИ — Российский гос. архив литературы и искусства
РМ — Русская мысль (Париж), газета. Литературное приложение
РНБ — Российская национальная библиотека
РЛ — Русская литература, журнал
С — Столица, журнал
Т — Театр, журнал
ТЖ — Театральная жизнь, журнал
Тр. — Транспонанс, рукописный журнал
ХиЖ — Химия и жизнь, журнал
ЧС — Частное собрание
ЭИС — Экран и сцена, газета
Ю — Юность, журнал
Cahiers — Cahiers du monde russe et sovietique
CR — Ceskoslovenska rusistika, журнал
NRL — Neue russische Literatur, журнал
SSS — Stanford Slavic Studies
SU/US — Soviet Union/Union Sovietique, журнал

Библиография

Агриппа I — Агриппа. Рассуждение о монашеской жизни. Изд. 2-е. М., 1787.
Агриппа II — Агриппа. Оккультная философия. М., 1993.
Александров — Хармс Д. Полет в небеса. Л., 1989.
Александров II — Александров А. Стихотворение Николая Заболоцкого "Восстание" // РЛ. 1966. № 3. С. 191.
Александров III — Материалы о Даниилe Хармсе в фонде В. Н. Петрова/ Публ. А. А. Александрова//Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 г., Спб., 1993. С. 184–213.
Аристотель — Аристотель. Сочинения: В 4 тт. М., 1975. Т. 1.
Бахтерев — Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е. М., 1984. С. 57–100.
Бергсон — Бергсон А. Собр. соч. Изд. 2-е. Спб., 1910. Т. I.
Блок — Блок А. Театр. Л., 1981 (Библ. поэта; Большая сер.).
Блок М. — Блок М. Хармс 30-х годов // Хармсиздат представляет. СПб., 1995. С.86–88.
Введ. — Введенский А. Полн. собр. произв.: В 2 тт. / Вступит. ст. и прим. М. Мейлаха. Сост и подг. текста М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993.

Вишневецкий — Вишневецкий И. О "Комедии города Петербурга"//Т. 1991. № 11. С.59-61.

Гельмгольц — Гельмгольц Г. О зрении. СПб., 1896.

Герасимова, Никитаев — Герасимова А., Никитаев А. Хармс и "Голем": Quasi una fantasia // Т. 1991. № 11. С.26–36.

Глоцер — Глоцер В. Хармс собирает книгу // РЛ. 1989. № 1. С.206–212.

Гоголь — Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 5 тт. М.;Л., 1958. Т. 3.

Горячева — Горячева Т. Малевич и метафизическая живопись//ВИ. 1993. № 11. С.49–59.

Друскин I — Друскин Я. Хармс // Хармсиздат представляет. СПб., 1995. С. 47–51.

Друскин II — Друскин Я. Вблизи вестников. Вашингтон, 1988.

Жаккар I — Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.

Жаккар II — Жаккар Ж.-Ф. Александр Туфанов, от эолоарфизма к зауми // Александр Туфанов. Ушкуйники / Сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. Berkeley. 1991.

Жмудь — Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа. Л., 1990.

Зеленин — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Зеленин II — Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916.

Золотоносов — Золотоносов М. Слово и Тело или Сексагональные проекции русской литературы: Неформальное введение в антологию фаллистики// Петербургские чтения. I. 1992.

Золотоносов II — Золотоносов М. Ахутокоцахум // НЛО. 1993. № 2. С. 110–129.

Кампанелла — Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1982.

Кобринский — Кобринский А. Хармс сел на кнопку, или проза абсурда// ИЛ. 1990. № 11.

Кон — Кон И. Ребенок и общество. М., 1988.

Коростовцев — Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. М., 1976.

Лазуко — Лазуко А. Милосердная душа // ИЛ. 1989. № 6. С. 65–69.

Леви — Леви Э. Учение и ритуал высшей магии. Т. 1. М., 1910.

Летят по небу шарики — Хармс Д. Летят по небу шарики. Красноярск, 1990.

Лощилов — Лощилов И. Е. Принцип "словесной машины" в поэтике Даниила Хармса // Эстетический дискурс: Семиоэстетические исследования в области литературы. Новосибирск, 1991. С. 152–159.

Макарова — Макарова И. "Старуха" как "Петербургская повесть" Д.Хармса // Макарова И. Очерки истории русской литературы XX века. СПб., 1995.

Марр — Марр Н. Я. Избранные работы. М.; Л., 1934. Т. 3.

Материалы — Александров А., Мейлах М. Творчество Даниила Хармса // Материалы XXII научной студенческой конференции. Тарту, 1967. С. 104.

Мейлах — Мейлах М. О "Елизавете Бам" Даниила Хармса: (предыстория, история постановки, пьеса, текст) // SSS. V. 1. 1987. P. 163–246.

Мейлах II — Мейлах М. "Дверь в поэзию открыта..." //Введенский А. Полн. собр. произв.: В 2 тт. М., 1993. Т. 1. С. 10–39.

Меня называют капуцином — Меня называют капуцином: Некоторые произведения Даниила Ивановича Хармса. М., 1993.

Никитаев — Никитаев А. "Пушкин и Гоголь": Об источнике сюжета//ЛО. 1994. № 9/10. С. 49–50.

Папюс — Папюс. Первоначальные сведения по оккультизму. СПб., 1904.

Платон — Платон. Соч.: В 3 тт. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 10–82.

Полет в небеса — Хармс Д. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драмы. Письма. Вступит. ст., сост. и подг. текста и примеч. А. А. Александрова. Л., 1988.

Проза — Хармс Д. Проза. Л.; Таллинн, 1990.

Пропп — Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1934.

Прутков — Козьма Прутков. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965.

Разговоры — Липавский Л. Разговоры//Логос. 1993. № 4. С. 7–88.

Розанов — Розанов М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Т. 1. М., 1910.

Сажин I — Сажин В. Цирк Хармса // Знание-сила. 1993. № 2. С. 89–94.

Сажин II — Сажин В. Сон о погибели русской литературы//Хармс-издат представляет. СПб., 1995. С.83–85.

Сажин III — Сажин В. Блок у Хармса // НЛО. 1995. № 16. С. 140–146.

Сажин IV — Сажин В. Тысяча мелочей // НЛО. 1993. № 3. С. 96–98.

Сажин V — Сажин В. Н. Литературные и фольклорные традиции в творчестве Д. И. Хармса // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Таллин, 1985. С. 57–61.

Сажин VI — Сажин В.Н. ...Странные сближения: (о литературных параллелях к текстам Д.И.Хармса) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 110–111.

Сакулин — Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма: Кн. В. Ф. Одоевский. Т. 1. Ч. 1. М., 1913.

Силина — Силина В. Хармс и Белый // ЛО. 1994. № 9/10.

СП — Хармс Д. Собр. произв. / Под ред. М. Мейлаха и В. Эрля. K-Presse.Bremen.

Т. I — 1978.

Т. II — 1978.
Т. III — 1980
Т. IV —1988.

Степанян — Степанян К. Реализм как заключительная стадия постмодернизма // Знамя. 1992. № 9.

Строганова — Строганова Е. Н. Из ранних лет Даниила Хармса // НЛО. 1994. № 6. С. 67—80.

Трофимова — Трофимова М. К. Гностицизм как историко-культурная проблема в свете коптских текстов из Наг-Хаммади // Aequinox. М , 1993.

Успенский — Успенский П. Д. Tertium organum: Ключ к загадкам мира. Изд. 2-е. Пг., 1916.

Устинов и Кобринский — Устинов А. и Кобринский А Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: Исторический альманах. 11. 1991. С. 417—583.

Франк — Франк С.Л. Личность и вещь: (Философское обоснование витализма) // Франк С. Л. Философия и жизнь: Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910. С. 164—217.

Фрэзер — Фрэзер Д. Золотая цепь. М., 1928.

Хансен-Леве — Хансен-Леве А.А. Концепция случайности в художественном мышлении обэриутов // Русский текст. СПб., 1994. № 2. С. 28—45.

Хармсиздат представляет — Хармсиздат представляет: Исследования. Эссе. Воспоминания. Каталог Выставки Библиография. СПб., 1995.

Хлебников — Хлебников В. Творения. М , 1986.

Чаттерджи — Браман Чаттерджи. Сокровенная религиозная философия Индии. Калуга, 1914

Чинари — «“...сборище друзей, оставленных судьбою”: А. Введенский, Л Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников : “Чинари” в текстах, документах и исследованиях» (в печати).

Шишман — Шишман С Несколько веселых и грустных историй о Данииле Хармсе и его друзьях. Л., 1991.

Эрль — Даниил Хармс. Два рассказа. Письма Н. И. Харджиеву/ Публ., подг. текста и примеч. В. Эрля // Хармсиздат представляет С. 34—41.

Aizlewood — Хармс Д Старуха. Ed. with Introduction, notes and vocabulary by R. Aizlewood. London. 1995.

Aizlwood II — Aizlwood R. Towards an Interpretation of Kharms's Sluchai//Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd. Essays and Materials. Ed. by N. Cornwell. London, 1991. P. 97—122.

Amour — Amour et sexualite dans le litterature russe du XX siecle Bern, 1991.

Contr. — Contributions de savants suissts au Congres Int. des slavistes a Sofia, sept. 1988. Bern, 1988.

Cornwell — Cornwell N. Introduction: Daniil Kharms Blach Miniaturist// Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd. London. P. 9–21.
Levin — Levin I. The fifth meaning of the motor-car. Malevich and the Oberiuty // SU/US. 1978. № 5 (2). P. 287–300.
Milner-Gulland — Milner-Gulland R. R. Beyond the turning-point An afterword//Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd. London, P. 243–287.

1. Впервые — Полет в небеса. С. 298–307. Автограф — РНБ.

Над текстом зачеркнуто первоначальное заглавие: «Человек и еще несколько других» . За текстом перечеркнутое продолжение:

Часть вторая

Разговор ведется от двух предметов. Один предмет, похожий на мышеловку, а другой сабля.

Кирилл Сабля - Ах как пусто
Нет ни души
мы с тобой живем в глуши
в полночь тикает метелка
спит кузнечик-вельзевул

Мышеловка - Это верно спит ведерко
гуси дремлют на шесте.

Кирилл Сабля - Помню сечи. Мы рубили
всяких немцев и татар
шли солдаты. вон харчевня
дом направо — лунапар.

Мышеловка - А теперь мы в этом хламе
всеми покинуты лежим
паутина лишь над нами.

Кирилл Сабля - Мышеловка, убежим!

Мышеловка - Я же бегать не могу
я же старенькая, сабля.
Ты, конечно, дело другое
только силы набери
как пойдешь скакать по камням
заиграет в тебе кровь
закипит в тебе железо
оборвутся ремешки.

Кирилл Сабля - Мышеловка, досвиданья,
Трижды бабушка прощай!

Профессор Тартарелли, почтенный старик - Что-то мне послышались голоса.

Мышеловка - Нет, что вы! здесь ничего не было!

Профессор - Однако, я слышал совершенно отчетливо, как тут кто-то разговаривал.

Мышеловка - Сами посудите, кто же мог тут разговаривать.

Профессор - Вот я и сам понимаю. (*Задумывается на 15 секунд*). Ничего не понимаю! (*смотрит подозрительно на мышеловку, потом идет к ней на цыпочках*). А сдается мне, милейшая мышеловка, что это говрили — ВЫ!

Мышеловка - (*сконфуженно*)
Что вы, что вы, профессор!

Профессор - Да-с, дорогая моя, вы хоть и мышеловка, а все же говорили. Меня не проведете. Да вы вон и покраснели даже.

Мышеловка - (*пытается ответить, но, будучи предметом, просто молчит*).

Профессор - Ну что же вы молчите? А? Верно? Попались? Да вы не молчите так, вы погромче! Что? А?!

Ваня Иванов (ассистент) - Профессор, вы этим ухом ничего не услышите, оно у вас на щеке. Звук через ухо проходит прямо в зуб. Вы другим ухом попробуйте.

Профессор (прислушивается другим ухом)

Ваня Иванов (ассистент) - Нет, профессор, и так вы ничего не услышите, мышеловка не имеет права разговаривать.

Профессор - Почему?

Ваня Иванов (ассистент) - Потому что, сами посудите, если мышеловка будет говорить, то какая же мышь пойдет в нее?

Профессор задумался. - Нет, — сказал он, — мышеловка должна говорить. Ведь вы же говорите, а почему мышеловка не смеет?

Ваня Иванов (помощник профессора) — Затем не смеет, что не может, увы! Она простая клетка.

Слово история имеет у Хармса терминологическое значение и окрашено ироническим отношением (см. также 26, 53, 62, 143 <11, 14, 26>, 200). Здесь эта ирония дополняется мотивом науки, которую Хармс всегда дискредитирует за ее потуги на точное объяснение мира и к которой относится тоже иронически (ср., в частности, «игру с рукой» здесь и в тексте 25);

Андрей Семенович — персонаж еще двух произведений Хармса (77 и 143<13>);

Петр Павлович — см. подобный персонаж в т. 1 наст. собр.; характерное для Хармса сочетание имени и отчества (иногда сюда подключается и фамилия), происхождением которого он в большой степени обязан своему увлечению Гоголем (см. также имя и фамилию персонажа в выше приведенном зачеркнутом варианте продолжения наст. текста);

эти часики старушки — сочетание двух мотивов, исключительно важных и устойчивых у Хармса (см. 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 163 и 98, 102, 109, 125, 132, 184, 188 а также т. 1наст. собр.). Очевидно, что здесь мы имеем дело не только с грамматической категорией — приложением, но и с автокомментарием к мотиву старухи, который всегда у Хармса связан с мотивом времени;

морит голодом в пустыне//хлещет в комнате плетьми — Петр Павлович приводит примеры «господства обстоятельств и скрещения событий», происходящих вне научной логики: первое, очевидно, сорокалетнее блуждание евреев по пустыне;

откусили ему ухо — ср. с аналогичным происшествием в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя, где Агафья Федосеевна откусывает ухо у заседателя;

Моя рана горит и исходит соком — ср. со словами раненого Паяца в «Балаганчике» А. Блока (Блок. С. 70; см. также: Сажин I).

Земля имеет семь океянов и т. д. — милиционеры включается в спор о научной истине;

зальет ее коллодием — медицинское средство для залечивания ран;

Английский крематорий — здесь в связи с немецким физиком Альбертом Эйнштейном (1879–1955) употребляется в значении места, где физическое тело обращается в ничто (отм. Б. Хаимским). Идеи А. Эйнштейна входили в круг интересов Хармса;

брось пришивать ухо где-то сбоку, пришей мне его лучше к щеке; на носу ее кривом//тихим ветром плещет ухо — очевидно, имеет источник в впечатлениях Хармса от творчества и поведения футуристов. О связи творчества Хармса с футуризмом см.: Жаккар I. С. 15–16 и далее. Возможен также невыявленный нами живописный источник.

сон — распространенный у Хармса мотив, являющийся и темой нескольких его текстов (15, 78, 94, 102, 132, 143, 176, 182; см. также т. 1 наст. собр.).

А на крыше спит старуха — см. выше.

Обратим также внимание на появление в зачеркнутом варианте продолжения мотива сабли — см. о нем ниже.

2. Впервые — ВиМ. 1980.№ 53.С. 182-191. Автограф — РНБ.

Вещь — одно из ключевых для Хармса понятий, проходящих через ряд его текстов (см., например, написанный в том же 1929 г. квазинаучный трактат «Сабля»). Можно предположить, что Хармс если и не черпал, то соотносил свое понимание «Вещи» с хорошо ему знакомой работой П. Успенского «Tertium organum. Ключ к загадкам мира» , где, например, дается трактовка этого понятия, которая может служить объяснением «загадочного» заглавия текста Хармса. Согласно Успенскому, «вещь» не поддается измерению привычными мерами окружающего мира (длина, ширина, высота), а существует в совершенно ином пространстве 4-го измерения, где она не бывает постояннной, но все время изменяется. Для познания мира 4-го измерения необходима перестройка человеческого сознания, его психики (Успенский. С. 41 и др.). У Хармса, как нередко, сугубо ученая посылка реализуется в обыденном, «сниженном» варианте — изменение психики героев (и, следовательно, видение «вещи») наступает в результате попойки. О свойствах вещи в связи с занимавшей Хармса теорией витализма см. также: Франк. С. 172, 195 и др.

стукнуло окно и далее — среди многочисленных значений этого мотива у Хармса здесь он реализуется в качестве пути, которым в земной мир приходит имманентное, непостижимое человеческой логикой (см. также: 8, 9, 15, 20, 36, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200; см. также т. 1 наст. собр.);

и оттуда вылез монах — пристрастие Хармса к этому мотиву, в особенности заметное в его стихотворных текстах (см. т. 1 наст. собр.), возможно, объясняется интересом Хармса к оккультной литературе; в частности, Агриппа Неттесгеймский трактовал монашество как свободную духовную жизнь, основывающуюся на трех добродетелях: нищете, целомудрии и послушании (Агриппа I. С. 16—17 и др.). Обратим также внимание на характеристику, появившуюся в статье «ОБЭРИУ» в 1928 г.: «<...> полагают, что литературная школа — это нечто вроде монастыря, где монахи на одно лицо» (Афиши Дома Печати. 1928. № 2. С. 11—12). Ср. также с начальными словами стихотворного текста Хармса: «И вдруг из пола вылезает страшный дух...» . См. также наст. том: 27, 116.

3. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

Диалог в этом тексте ср. с диалогом двух мужиков по поводу колеса брички в «Мертвых Душах» Гоголя.

4. Впервые — Устинов и Кобринский. С.560. Автограф — РНБ.

Над текстом помета: «Тема к рассказу» , которую можно интерпретировать и как собственно заглавие текста. Выше текста — отделенный чертой фрагмент, связанный, в свою очередь, с пред-

шествующим ему (см. 147); этот фрагмент, возможно, послужил толчком для комментируемого: «Господин Дернятин, известный плехаризиаст, решил выстроить посередине города Петербурга самую настоящую пирамиду. Во-первых, на этой пирамиде можно сидеть лучше, чем на крыше, а во-вторых, в пирамиде можно устроить комнату да там и спать» .

кружок мыслителей-инженеров — ср. с кружком «естественных мыслителей», с которыми себя отчасти идентифицировали Хармс, Я. Друскин, Л. Липавский, А. Введенский и Н. Олейников (см. Разговоры); к таким Хармс причислял неортодоксально мыслящих людей, для которых процесс «умствования» являлся органичным и самоценным;

известно только четырем человекам — в нумерологии Хармса занимает очень заметное место в силу его насыщенности священными мотивами и символикой (см.: 13, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143, 184, 186, 188 а также т. 1 наст. собр.).

5. Автограф — РНБ.

Первоначальная фамилия героя — Лампов (встретим в тексте 146). Иван — самое распространенное имя персонажа у Хармса (26 текстов) и эту частоту относим на счет увлечения Гоголем, для которого также имя Иван являлось самым приоритетным при наименовании персонажей.

по Гусеву переулку — реальный топоним: до начала XX века существовал в Новой деревне в Петербурге.

6. Впервые — ЛГ. 1988. № 24. Автограф — РНБ.

Характерный для Хармса текст, воссоздающий цепь роковых (не всегда несчастливых, как здесь) случайностей (событий).

и случайно задевает ногой — ключевое понятие у Хармса. Помимо общеизвестных «Случаев» (см. ниже), встретим еще в ряде текстов (см.: 22, 112, 120, 130, 148, 200; см. также т. 1 наст. собр.). Хармсовская концепция случая находится в большой зависимости от античной, платоновской а также хорошо знакомой ему интерпретации П. Успенского, по которой «...события не случаются, а существуют. Мы только проходим мимо них и через них» (Успенский. С. 253). Хармс как бы останавливается в потоке событий и тогда включается время и начинают выявлять себя эти невидимые прежде, во вневременном состоянии, события. Можно сказать, что случай у Хармса — это его волей включенное время. Ср.: Хансен-Лёве. С. 28–45;

30 000 рублей — один из вариантов числа 3, очень распространенного в нумерологии Хармса, в том числе и в связи с его важностью в индийской философии,изучением которой занимался Хармс (см.: 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст. собр.).

7. Впервые — Меня называют капуцином. С. 27. Автограф — РНБ.

Шел трамвай — в отличие от стихотворных произведений, где не встречаем этого мотива, в прозе трамвай то и дело мелькает, как место события (см.:9, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 199);

открывалось окно — см.: 2, 8, 9, 15, 20, 36, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134 200; см. также т. 1 наст.собр.;

вода освежает и облагораживает черты лица — Хармс разнообразно использует все богатство коннотаций этого мотива, в особенности как символа времени и текучести (еще один важный хармсовский мотив) (см.: 97, 119, 125, 192; см. также т. 1 наст. собр.);

двух фонарей; дважды двину — число два у Хармса — всегда сигнал неблагополучия, настоящей или грядущей опасности (см.: 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120, 121, 122, 127, 128, 132, 143, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.);

и на топор — это у Хармса скорее эротический символ, хотя иногда (как здесь) выступает в своем прямом значении опасного орудия (см.: 107, 133, 134; см. также т. 1 наст. собр.).

8. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

только два слова — см.: 7, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120, 121, 122, 127, 128, 132, 143, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.;

или сто рублей? — лишь однажды встречаем в прозе Хармса, но в обилии — в стихотворных текстах (см. т. 1 наст. собр.);

Было шесть Нон — см.: 12, 78, 93, 132, 143; см. также т. 1 наст. собр.;

Муха открывала окна — это излюбленное Хармсом насекомое (см.: 44, 114, 117, 147 и особенно т. 1 наст. собр.) занимает весьма важное место в магических обрядах (см.: Зеленин. С. 400; Агриппа II. С. 79), изучением которых Хармс заинтересованно занимался;

Давайте посмотрим в окно — ср. с 9.

9. Впервые — Меня называют капуцином. С. 29. Автограф — РНБ.

Давайте посмотрим в окно — ср. с 8. См. также: 2, 7, 8, 15, 20, 36, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 143, 200 и т. 1 наст. собр.;

По рельсам ходят трамваи — см. 7, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 199:

шар — то же, что круг — в системе мира четырех измерений — самая совершенная форма; вот отчего шар занимает такое важное место в текстах Хармса (см. 32, 143 и т. 1 наст. собр.);

Меня зовут Григорьев — см. также 167;

три мужика — см. 6, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 143, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст. собр.

10. Впервые — Смена. 1990.6 марта. Автограф — РНБ.

Едет трамвай — см. 7, 9, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 199:

8 пассажиров — этому числу в компании близких друзей Хармса придавалось мистическое значение (особенно Я.Друскиным), поэтому нередко встречаем его в хармсовских текстах (см.: 30, 36, 75, 87, 125, 132, 134, 143; см. также т. 1 наст.собр.); обратим внимание на обширную игру числами в дальнейшем в этом тексте: три, два, один, пять;

сундук — соположение с Невой указывает на мифологическое происхождение этого символа, который в прозе Хармса (см.: 57, 85, 134, 143) не занимает такого значительного места, как в его стихотворных произведениях (см. т. 1 наст. собр.).

11. Впервые — Л. 1990. № 13. Автограф — РНБ.

Бобров — персонаж шести текстов Хармса.

12. Впервые — Е. 1988. № 5. Автограф — РНБ.

Фома Петрович Пепермалдеев — имя персонажа, встречающееся в трех текстах Хармса, содержит осознававшиеся Хармсом эротические коннотации (писалось через Θ, которую он использовал в течение некоторого времени; в масонской символике это буква, означающая женское начало; «неприличность» фиты обыгрывается в «Мертвых Душах» Гоголя); персонажа с такой фамилией встретим в стихотворном тексте Хармса (см. т. 1 наст. собр.);

на лесопильном заводе — лес и связанные с ним мотивы лесоруба, столяра носят у Хармса эротический характер (см. 12, 62 и т. 1 наст. собр.);

в половине шестого — см. 8, 78, 93, 132, 143; см. также т. 1 наст. собр. Если интерпретировать здесь как минус-эротическиий символ, то придется сказать, что весь наст. текст является не развернутым в сюжете эротическим произведением.

13. Автограф — РНБ.

14. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

15. Впервые — Е. 1988. № 5. Автограф — РНБ.

Первоначально герой текста именовался Федором, подобно персонажам еще 12 текстов Хармса. А. Герасимова и А. Никитаев находят сходство стилистики, места действия и общей тональности текста Хармса с романом Г. Мейринка «Голем» (Герасимова, Никитаев. С. 39);

я видел сон о собаке и далее — одна из трансформаций мотива сна, почти всегда связанного у Хармса с невозможностью в него погрузиться и (или) яркими фантасмагорическими видениями — в соответствии с концепцией сна, как способа перемещения в ирреальный мир (см.: 1, 78, 94, 102, 132, 143, 176, 182; см. также т. 1 наст. собр.).

Осталось еще только две; в два часа дня — см.: 7, 8, 10, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120-122, 127, 128, 132, 143, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199 и т. 1 наст. собр.;

Уже половина третьего; Я лежал в кровати до трех и далее — см.: 6, 9, 10, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст. собр.;

Фома Антоныч — см.: 12;

в семь часов — см.: 30, 45, 76, 132, 143, 144; см. также т. 1 наст. собр.

Дом Печати — наб. р. Фонтанки, 21. Здесь собирались будущие обэриуты, а 24 января 1928 г. состоялся знаменитый вечер «Три левых часа»;

занять десятку; десять названий книг — см.: 16, 57, 132, 133, 134; не встречается в стихотворных текстах;

Трамваи ходят переполненные — см.: 7, 9, 10, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 199;

Володя, Татьяна Александровна — возможно, имея в виду дальнейшие живописные ассоциации, Хармс идентифицирует их с художниками Владимиром Васильевичем Стерлиговым и Татьяной Николаевной Глебовой, с которыми у него были дружеские отношения; возникающая затем картина (или полотно, загрунтованное под картину) быть может, навеяна впечатлениями от каких-либо их работ;

Вчера я просил о чуде и далее — этот мотив, чрезвычайно важный для Хармса (и обсуждавшийся в кругу его друзей), должен рассматриваться в связи с его христианскими убеждениями, по которым чудо — не самоценно и, более того, не исполнение чуда, а вера в его осуществимость и есть главная ценность; такая концепция чуда Хармсом ближе всего к аналогичной в «Братьях Карамазовых» Достоевского (см. также: 64, 132, 133) ; интерпретацию Я. Друскина см: Друскин I.

оставалось всего четыре папиросы — см.: 4, 13, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.; заметна насыщенность текста числами, благодаря чему Хармс как бы растягивает, если не останавливает время;

Я зажег лампу — богатый коннотациями мотив в стихотворных текстах Хармса (см. т. 1 наст. собр.);

Я смотрю в окно — см.: 2, 7-9, 20, 36, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 143, 200; см. также т. 1 наст. собр.;

видел ложку — ср. с ложкой в сновидении в тексте 33.

16. Впервые — Е. 1988. № 5. Автограф — РНБ.

коричневого цвета — далее следует зачеркнутый текст: «Мостовая возле того дома, к которому подошел обыкновенный с виду человек, была разрушена; как видно, тут чинили канализацию. Правда, и в прошлом году мостовая была разрыта, а в позапрошлом году так даже и панели были все повыворочены, но тогда могли чинить телефонную сеть или прокладывать какой-нибудь

кабель, или мало ли что еще. Во всяком случае, в этом году, судя по тому, что в вырытых канавах журчала вода, а вдоль канав лежали длинные тесанные бревна, судя по всему этому, в этом году чинили именно канализацию»;

через две ступеньки; две маленькие черные собачки — см.: 7, 8, 10, 15, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120-122, 127, 128, 132, 143, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.;

на третий этаж; просидел за столом часа три — см.: 6, 9, 10, 15, 19, 22, 30, 36, 42, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст. собр.;

Часов в двенадцать он лег спать — см.: 15, 99;

проснулся в десять часов — см.: 15, 57, 132–134, 141.

17. Автограф — РНБ.

18. Впервые — Устинов и Кобринский. С.452. Автограф — РНБ.

19. Впервые — Меня называют капуцином. С.44. Автограф — РНБ.

В 2 часа дня ... ничего особенного не случилось — неизбежная оговорка, потому что числу 2 у Хармса всегда сопутствуют неприятности (см.: 7, 8, 10, 15, 16, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120-122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см, также т. 1 наст. собр.);

на Невском проспекте или, вернее, на проспекте 25-го Октября — характерное хармсовское уточнение: старые наименования городских топонимов, как и Петербурга самого по себе, были для него всегда актуальны; Невский проспект был переименован в 1918 г., в 1944 г. ему было возвращено историческое наименование;

возле «Колизея» — кинотеатр на тогдашнем пр. 25-го Октября, д. 100;

в третий этаж, даже в четвертый, даже в пятый — как уже приходилось видеть, Хармс исключительно пристрастен к числовым деталям;

свернул на Надеждинскую — здесь, в доме 11 с декабря 1925 г. жил Хармс (в 1936 переименована в ул. Маяковского);

Восточный человек, чистильщик сапог — традиционно чистильщиками сапог в городе были ассирийцы.

20. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 452. Автограф — РНБ.

Наиболее очевидная (изобразительная) реализация мотива окна: окно/дверь — женское/мужское; см. также: 2, 7-9, 15, 36, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200; см. также т. 1 наст. собр.).

21. Впервые — РМ. 1988. № 6. Автограф — РНБ.

Написано, вероятно, между июлем и ноябрем 1932 г. в Курске, куда Хармс после первого ареста был выслан вместе с А. И. Введенским. Следует осторожно относиться к трактовке подобных

текстов Хармса (они существуют в разных жанрах), которые легко могут быть приняты за мемуарные свидетельства. Как правило, маленькие штрихи в содержании таких текстов опровергают подобное прямолинейное истолкование. Так, в настоящем тексте реальному Александру Ивановичу Введенскому должна была бы сопутствовать художница Елена Васильевна Сафонова (1902–1980), приятельница и иллюстратор произведений обоих писателей, как и они, высланная в Курск, а 1 ноября вместе с Введенским переехавшая в Вологду (см.: Устинов и Кобринский. С. 546; о Сафоновой см. также: Лазуко. С. 65–69). Между тем, в настоящем тексте фигурирует вымышленная Елена Петровна, что выводит его за пределы автобиографической дневниковой записи. Подобным приемом Хармс нередко пользовался.

за четырьмя дверями — см.: 4, 13, 15, 19, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

через два часа — см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120–122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.

22. Впервые — РМ. 1988. № 6. Автограф — РНБ (с незначительными исключениями).

в двух комнатах; по двадцати минут зараз — см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 32, 3, 642, 55, 62, 83, 97, 118, 120-122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр;

в три окна — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 30, 36, 42, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст. собр;

какой-то случай — см.: 6, 112, 120, 130, 143, 148, 200; см. также т. 1 наст. собр.

23. Впервые — Cahiers. 1985. V. 26(3–4). Автограф — РНБ.

Одна из нередких у Хармса имитаций эпистолярного жанра. Возможно, прототип лица, к которому обращен текст — поэт Никандр Андреевич Тювелев (1905?–1938), приятель Хармса (см.: Устинов и Кобринский. С. 563–564). Имя Никандр встречается у Хармса еще в тексте «Вода и Хню» (см. т. 1 наст. собр.).

24. Впервые — Cahiers. 1985.V.26(3-4). Опубл. В.Глоцером с указанием на свой приоритет — ЛГ. 1988. № 24. Автограф — РНБ.

Скасска — другую трансформацию привычного написания (скавка) см. т. 1 наст. собр.;

Семенов — персонаж трех текстов Хармса.

25. Автограф — РНБ.

Другую трансформацию этого текста см.: 143<25>. Над текстом помета: m41 (интерпретацию ее значения см. ниже).

Мотив охоты у Хармса почти всегда можно интерпретировать как охоту за знаниями; при этом Хармс последовательно дискре-

дитирует науку за ее претензии на точное описание мира — у Хармса эта дискредитация часто (как в наст. тексте) воплощается в разнимании мира (человека) на части: отсюда отрывание конечностей.

Козлов — персонаж пяти текстов Хармса;

Окнов — персонаж пяти текстов Хармса;

Петраков — персонаж пяти текстов Хармса;

Мотыльков — персонаж трех текстов Хармса.

Как видим, Хармс собрал в этом тексте своих любимых героев.

26. Автограф — РНБ.

Следуя концепции П. Д. Успенского (Успенский I) Хармс иронически обыгрывает представление о том, что история (как и время) обладает самостоятельным движением (следовательно, может останавливаться, как провозглашается в наст. тексте). См. также: 1, 53, 62, 143<11, 14, 26>, 200.

27. Автограф — РНБ.

Возможно, Хармс знал средневековую историю из жизни слепого проповедника Бэды (между прочим, — сюжет стихотворения Я.Полонского «Бэда-проповедник»), который был однажды оставлен на голых скалах своим мальчиком-поводырем, пожелавшим полакомиться ягодами. Мальчик уверил достопочтенного Бэду, что вокруг множество народу, и Бэда проповедовал, а когда замолк — мальчик сообщил, что теперь все разошлись. Но в ответ на это со всех сторон камни воскликнули хором: «Аминь». См. также: 2, 116 и т. 1 наст. собр.

28. Впервые — Меня называют капуцином. С. 99. Автограф — РНБ.

К этому тексту примыкает зачеркнутый и неоконченный:

«Вот однажды Хвилищевский погнался за Иваном Ивановичем Пузыревым.

Иван Иванович Пузырев убежал на двор и спрятался в помойную яму.

Хвилищевский раскраснелся весь, бегает по двору и ищет Ивана Ивановича Пузырева. А Пузырев-то возьми и выгляни из помойной ямы.

Тут Хвилищевский увидел Пузырева, кинулся к нему вып».

Иван Иванович Пузырев — персонаж текста «Рыцарь» (см. 42), а просто Пузыревых см.: 82, 149.

Пара Хвилищевский-Факиров встретится также в тексте 138, а Хвилищевский — см.29;

Тут все начали говорить по-своему — подобно вавилонскому смешению языков;

начали говорить о числах — уже отмеченный интерес Хармса к числам определяется его занятиями древней восточной и античной философией и магией. Отметим также, что Н.Марр (параллели со взглядами которого у Хармса отмечены в т. 1 наст. собр.) писал

об органической связи числа и письма, чтения и счета («Число и слово — наша мать» — в наст. тексте; см.: Марр 1. С.247).

29. Впервые — Меня называют капуцином. С. 100. Автограф — РНБ.

Старичек чесался обеими руками — почти всегда у Хармса отрицательные коннотации этого мотива (как и старухи) связаны с мифопоэтической традицией; для Хармса важнее всего ассоциации стариков(старух и, скажем кстати, детей) с представлением об ограниченности времени (начало и конец), а такое представление противоречило хармсовскому (см.: 1, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163).

30. Впервые — ВЛ. 1987. № 8 (публ. В. Глоцера под выдуманным им заглавием). Автограф — РНБ.

Прошло минуты три; еще минут семь или восемь — см., соответственно: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 36, 42, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; 15, 45, 76, 132, 143<4>, 144; 10, 36, 75, 87, 125, 132, 134, 143<4>; см. также т. 1 наст. собр.

31. Впервые — РМ. 1985. № 1. Автограф — РНБ.

В текстах, входивших в круг чтения Хармса, понятие равновесия занимает важное место. «Священное равновесие» культивировалось в Древнем Египте. Платон в «Политике» говорит о мере, как пути к достижению совершенства, о необходимости равновесия при сочетании различных частей добродетели; нарушение равновесия ведет к погружению в хаос (Платон С. 10–82). О значении этого понятия для мага писал Леви (см.: Леви. С. 137, 138, 310). Некоторую трансформацию это понятие получило в дружеском кругу Чинарей. О ней можем судить из философского эссе Я. Друскина «Разговоры вестников», где равновесие понимается, как состояние до начала Творения. Друскиным введено понятие равновесия с «Небольшой погрешностью», которое обыгрывается в наст.тексте и в некоторых других (см. т.4 наст. собр.). В 1938 г. Хармс принял в основанный им Орден равновесия с небольшой погрешностью Н. Харджиева и Я. Друскина (см.: Хармсиздат представляет. С. 29, 33, 39). Ср.: Жаккар. С. 143-146. Понятие «небольшой погрешности», сопутствующее в некоторых текстах Хармса понятию равновесия» сопоставим с библейским: «Есть зло, которое видел я под солнцем, это — как бы погрешность, происходящая от властелина» (Екк, 10.5–7).

Николай Иванович Серпухов — см. этот персонаж в текстах 33 и 143<20>;

на улицу Лассаля — до 1918 г. — Михайловская; с 1940 — ул. Бродского.

32. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ. Над текстом помета Хармса: «3<?> апреля 1938 года»; под текстом: «Надо переписать и исправить» (обе записи — изобретенным Хармсом шифром).

Заглавие наст. текста (как и следующего) отсылает к кантовскому выражению «явления и их существования» в «Критике чистого разума». Игру с этими кантовскими понятиями (и, главное, с их содержанием) Хармс ведет в написанном также в 1934 г. «Оптическом обмане» и тексте 1937 г. (*»Был один рыжий человек»* — см. 143 <1, 6>). Как видим, в соответствии со своим представленем о «явлениях и существованиях» Хармс утверждает реальность ирреального и мнимость того, что выдает себя за подлинно реальное.

Художник Миккель Анжело — игра с именем итальянского художника Микеланджело Буонароти (1475–1564); В. Эрль идентифицирует этот персонаж с художником К. Малевичем, а Николая Ивановича — с Н. И. Харджиевым (см. предыдущее прим.; Эрль. С.39);

в две комнаты — см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120-122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.;

встречает Комарова — а мы встретим Комарова всего в четырех текстах Хармса;

видит шар — см.: 9, 143<13, 17>; см. также т. 1 наст. собр.

33. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ.

О проблематике и источниках наст. текста см. прим. к 32. См. также: Жаккар 1. С. 181-183.

Николай Иванович Серпухов — см. 31.

34. Впервые — Gibian. P. 246–251. Автограф — РНБ.

Над текстом помета Хармса: «Хорошо».

Ср. с размышлениями постоянного собеседника Хармса Я. Друскина: Друскин II. Р. 143, 176, 179 и др.

Мастер Леонардо — ср.: председательствующего на ежегодном сборе ведьм и колдунов (шабаше) зовут messir Leonard;

Дидаскалии — в собственном значении слова: древнегреческие записи постановок, в хронологической последовательности обозначавшие хоровые и драматические представления;

с картузом, полным малины, в руках — невыявленная цитата;

Ты все время исчезаешь и появляешься вновь — ср. с текстами о «явлениях и существованиях» (32, 33, 143<1, 6>).

35. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 575. Автограф — РГАЛИ.

При первой публикации текст охарактеризован, как реакция на «изменение литературного положения Пастернака в начале 1930-х» годов, который Хармсу в это время мог казаться отступившим от прежних «левых» эстетическмих принципов (ук. соч.).

36. Автограф — РНБ.

Своеобразная хармсовская игра с мотивом окна, которое позволяет — хоть на миг и не очень явственно — различить недоступное вгляду с обычной «земной» позиции (см. также: 2, 7–9, 15, 20,

63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200; см. также т. 1 наст. изд.).

Петров — один из излюбленных персонажей Хармса, встречающийся в 9 текстах;

Комаров — см. прим. к 32;

во втором этаже; два человека — очередное подтверждение двойки, как предвестницы неблагополучия (см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120–122, 127, 128, 132, 143<1–6, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.);

три маленьких кирпичных осколка — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 42, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст. собр.;

старушка с маленьким лицом; старушка с длинным носом — см.: 1, 29, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109. 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163; см. также т. 1 наст. собр.

в четвертом этаже — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28, 30>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

квартира № 8. Звонить 8 раз — напомним о мистическом значении, которое придавали восьмерке Я. Друскин и Хармс – см.: 10, 30, 75, 87, 125, 132, 134, 143<4>; см. также т. 1 наст. собр.

37. Впервые — Летят по небу шарики. С. 152–153. Автограф — РНБ.

Федор Федорович Колпаков — излюбленная «двойчатка», которую у Хармса объясняем гоголевским влиянием; Федор встретится в 11 текстах Хармса, а Колпаков — в двухстрочном наброске с аналогичной «двойчаткой» — Василий Васильевич (см. также т. 3 наст. собр.).

38. Впервые — МЖ. 1986. № 17. С. 234. Автографы: РНБ и РГАЛИ.

Среди знакомых Хармса был Лев Маркович Вейсенберг (1900–1973) — прозаик и переводчик (о нем см.: Устинов и Кобринский. С. 556),

пистон — совокупление (жаргонное).

39. Впервые — Ю. 1987. № 10. С. 94 (вариант публикуемого). Автограф — РНБ.

Считаем этот текст основным, поскольку он записан ниже ранее опубликованного.

40. Впервые — Меня называют капуцином. Автограф — РНБ.

41. Автограф — РНБ.

сел на трамвай — см.: 7, 9, 10, 15, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 199.

42. Впервые — ВМК. 1987. № 12. Автограф — РНБ.

Учитывая масонские интересы Хармса отметим, что рыцарями назывались члены масонского Ордена.

Первоначальный вариант имени героя — Алексей Пантелеевич — может быть интерпретирован как контаминация подлинного имени и псевдонима Леонида Пантелеева (Алексея Ивановича Еремеева), с которым Хармс был дружен (помимо отмеченного, имеются еще варианты наименования главного героя: Пантелей Николаевич и Пантелей Алексеевич — такое имя встречается еще в 4 текстах Хармса). Окончательное наименование персонажа — характерная «тройчатка», которой Хармс обязан своему увлечению Гоголем. Алексеева встретим еще в тексте 91; Алексея Алексеевича — в тексте 143<11>; лишь имя отличает этот персонаж от Сергея Алексеевича Алексеева (Аскольдова) — преподавателя и библиотекаря в гимназии В. Лентовской, где учились друзья Хармса — Липавский, Введенский и Друскин.

Трамвай — см. 7, 9, 10, 15, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 199;

из окна третьего этажа — сочетание двух устойчивых мотивов; см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200; 6, 9, 10, 15, 19, 22, 30, 36, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст.собр.;

своего заднего подсознания — не обыгрываются ли таким образом фрейдовские идеи бессознательного, популярные в эти годы в России?

с неким Иваном Ивановичем Пузыревым — имя Иван встречаем в 26 текстах Хармса (как у его любимого Гоголя, это самое распространенное имя персонажа), а Ивана Ивановича — в 7; Пузырева см. также в текстах 28, 82, 149;

пр.Володарского — до 1918 г. Литейный проспект; наименование восстановлено в 1944 г.;

два раза — после этого числа в текстах Хармса почти всегда случаются неприятности (см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 55, 62, 83, 97, 118, 120-122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.);

куда-то по направлению к Адмиралтейству — конечно в ОГПУ на ул. Дзержинского д. 2/6 (до 1927 — Комиссаровская, до 1918 — Гороховая).

43. Впервые — Устинов и Кобринский. С.483. Автограф — РНБ.

Ср. с аналогичным пассажем в тексте 141/III/. Распространенной ошибкой интерпретации таких текстов Хармса, написанных от первого лица, является их оценка, как автобиографических. На самом деле таким квазиавтобиографическим приемом Хармс создает значительный круг литературных текстов в разных жанрах: поэзии, прозе, драматургии и эпистолярии.

44. Впервые — Полет в небеса. С.319-322. Автограф — РНБ.

На обороте одного из листов автографа имеется следующий вариант фрагмента, место которого в наст. тексте установить затрудняемся:

«Как только Иван Яковлевич приблизился к столу, свист прекратился.

Иван Яковлевич прислушался и сделал еще шаг. Нет, свист не повторялся.

Иван Яковлевич подошел к столу и выдвинул ящик. В ящике была только грязная вставочка, которая с грохотом покатилась и стукнулась в стенку ящика.

Иван Яковлевич выдвинул другой ящик. В этом ящике ничего не было, и только на дне самого ящика лиловым чернильным карандашом было написано: "Свинья". Иван Яковлевич задвинул оба ящика и сел на стул».

Наименование персонажа, по-видимому, контаминация двух гоголевских персонажей: цирюльника Ивана Яковлевича (»Нос») и Бобова, о котором говорится в письме собачки Меджи к подружке Фидель (»Записки сумасшедшего»). Иванов Яковлевичей у Хармса см. также в текстах 54 и 93.

походит на трамвай — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 188;

села муха — см.: 8, 114, 117, 143<14>, 147.

45. Меня называют капуцином. С. 152. Автограф — РНБ.

В семь часов — см.: 15, 30, 76, 132, 143<4>, 144; см. также т. 1 наст. собр.

46. Впервые — Е. 1988. № 5. Автограф — РНБ.

В. Пропп пересказывает по Фробелиусу миф о Мауи, где герой-бог так сообщает о своем рождении: «Я знаю, что я преждевременно родился на морском берегу. Ты (обращение к матери) завернула меня в прядь своих волос, которую нарочно для этой цели обрезала, и бросила меня в морскую пену. Там меня оплела морская трава длинными ростками, образовала меня и дала мне форму. Многие рыбы облегали меня, чтобы меня защитить. Мириады мух жужжали вокруг меня и откладывали свои яйца на меня. Стаи птиц собирались вокруг меня, чтобы клевать меня <...> (Пропп I. С. 254). Ср. также другой вариант рассказа Хармса о своем чудесном рождении в виде икры в «Разговорах» Л. Липавского (Разговоры. С. 66).

Как мышь — см.: 53, 71, 100, 133, 134, 189;

с четырьмя усами — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

голая лягушка и дальнейшие рассуждения о голом человеке — мотив голого тела (соотносимый у Хармса также с мотивом бани) возможно идентифицировать с культом оголенности у гностиков,

которых Хармс изучал (см. также: 57, 121, 163 и в «Разговорах» Л. Липавского).

47. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 504. Автограф — РНБ.

по Володарской — вероятно, пр. Володарского (см. прим. к 42).

48. Впервые — МК. 1987. 16 января. Автограф — РНБ.

49. Автограф — РНБ.

Однажды — у Хармса всегда синоним случая. т.е. внезапного « включения» времени, в результате которого оказываются различимыми события (другой синоним того же ряда); см. также: 37, 56, 57, 62, 68, 73, 78, 112, 143, 200;

Антон Бобров — появится еще в тексте 169; см. также т. 1 наст. собр.; всего же Бобров у Хармса фигурирует в шести текстах.

50. Впервые — Меня называют капуцином. Автограф — РНБ.

Публикуя текст в этом разделе, все-таки выскажем осторожное предположение о возможном его продолжении, остающемся нам неизвестным.

Один из нередких у Хармса квазиавтобиографических текстов. В нем фигурируют друзья Хармса: Л. С. Липавский (1904–1941), Т. А. Липавская (урожд. Мейер, 1903–1982), Н. А. Заболоцкий (1903–1958), Л. А. Олейникова, жена Н. М. Олейникова — о них см. т. 1 наст. собр.

51. Автограф — РНБ.

52. Автограф — РНБ.

В. Пропп отмечает «испытание едой» как сюжет сказки, известный также и в античности (Пропп I. С. 295–296). Способность много съесть — одна из магических способностей. У Хармса персонажи всегда не выдерживают этого испытания (см. т. 1 наст. собр.).

53. Впервые — Г. 1971. № 81. Автограф — РНБ.

К. Степанян проницательно соотнес наст. текст с библейской историей Иова (Степанян. С. 234). Оккультный смысл текста может быть пояснен тем положением, что в оккультизме бесстрастность Иова — образец поведения для мага (Леви. С.52).

укусила крыса — ср.: 46, 71, 100, 133, 134, 189;

в Наркомтяжпроме — Народный Комиссариат тяжелой промышленности.

54. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ.

Иван Яковлевич — см.: 44, 93;

прослужив года четыре — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

55. Впервые — К. 1980. № 24. Опубл. В. Глоцером с указанием на свой приоритет: ВМК. 1987. № 12. Автограф — РНБ.

Чертежники, растворяющиеся в воздухе, как видно, не случайно содержат в своем наименовании созвучие нечистой силе.

два чертежника — двойка у Хармса, как уже отмечалось, почти всегда связана с неприятностями (см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 62, 83, 97, 118, 120–122, 127, 128, 132, 143<1–6, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.);

дворник Ибрагим — на обысках у Хармса (и в 1931 и в 1941 гг.) присутствовал дворник Ибрагим Киржанович Кильдеев (Чинари).

56. Впервые — Г. 1971. № 81. Автограф — РНБ.

Однажды — см.: 37, 49, 57, 62, 68, 73, 78, 112, 143<10, 19>, 200;

соскочил с трамвая; угодил под трамвай — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 44, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 199;

Иван Семенович — персонаж произведения любимого Хармсом А.К.Толстого «Опрометчивый турка или приятно ли быть внуком?» (отсюда, возможно и «турка» в нескольких текстах Хармса — см. т. 1 наст. собр.).

57. Впервые — Проза. С.44-46. Автограф — РНБ.

Однажды — см.: 37, 49, 56, 62, 68, 73, 78, 112, 143<10, 19>, 200;

Антонина — вариант излюбленного Хармсом имени Антон, также не однажды встречающегося: см.: 171, 191 и т. 1 наст. собр.;

спряталась в сундук — о мифопоэтических и эротических коннотациях этого устойчивого мотива хармсовских текстов см. т. 1 наст. собр.; см. также: 10, 85, 134, 143<3> и т. 1 наст.собр.;

через десять минут — см.: 15, 16, 132–134, 141;

предстала в голом виде — см.: 46, 121, 163.

58. Впервые — Меня называют капуцином. С. 161–165. Автограф — РНБ.

Несколько начальных строк зачеркнуты.

тихо кричала Лидочка — далее следовало: «Но дядя Мика слюнявил Лидочкин живот, а сам в это время раздвигал Лидочкины ножки».

Зачеркнув этот текст, Хармс написал: «Хотел написать гадость и написал. Но дальше писать не буду: слишком уж гадко. 9 сентября 1935 года». После этой пометы дописано окончание.

Старуха с корзинкой; увидела перед собой старичка — старуха (и старик) у Хармса предвещает неприятности (как в «Пиковой даме» Пушкина); см.: 1, 29, 36, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163; см. также т. 1 наст. собр;

Я ведь добрый-добрый. И зовут меня дядя Мика — в пьесе З.Гиппиус «Золотое кольцо» Михаила Арсеньевича Ясвейна очень любят дети и зовут его дядей Микой (напр.: «Ах, дядя Мика! Мне вдруг стало весело! Какой вы, дядя Мика, добрый»).

59. Впервые — Н. 1988. № 29. Автограф — РНБ.

Еще один из ряда квазиавтобиографических текстов Хармса. По-видимому, здесь он отчасти парафразирует миф о Земле, которая рождает от Зевса, пытающегося запихнуть обратно одного из своих многочисленных детей.

60. Впервые — Полет в небеса. С.455. Автограф — РНБ.

Является продолжением предыдущего.

четыре месяца — здесь особенно уместно это число, основополагающее в системе мироустройства; см. также: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188 и т. 1 наст. собр.;

в третий раз — и это священное число здесь, как нельзя более, кстати; см. также: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190 и т. 1 наст. собр.

61. Впервые — ВЛ. 1987. № 8. Автограф — РНБ.

62. Впервые — РМ. 1985. 3 января. Опубл. В. Глоцером под выдуманным им заглавием (КО. 1988. № 1). Автограф — РНБ.

Первоначальное наименование героя — Пантелей Рысаков (ср. прим. 42).

Отметим череду чисел от 1 до 5.

Однажды — см.: 37, 49, 56, 57, 68, 73, 78, 112, 143<10, 19>, 200;

Вот так история! — это и есть, по Хармсу, история, историческое событие (тоже слово, важное для Хармса); см. также: 1, 26, 53, 143<11, 14, 26>, 200.

63. Впервые — Меня называют капуцином. С. 177. Автограф — РНБ.

Окно — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200; см. также т. 1 наст. собр.;

толкнул какого-то старичка-см.: 1, 29, 36, 57, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 1034, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163.

64. Впервые — Gibian. P. 122. Автограф — РНБ.

Наст. текст сопрягается с теми, где главную роль играет мотив чуда (15, 132, 133). По Хармсу чудо не должно реализовываться в том плоском выражении, о каком обычно просят люди. Чудо — по определению: возможное, но не нуждающееся в осуществлении.

65. Впервые — Устинов и Кобринский. С.576. Автограф — РНБ.

В оккультизме все семь отверстий в голове живого существа управляются семью планетами; в частности, правая ноздря — Марсом (Юпитер отвечает за левое ухо — у Хармса такое смещение запрограммировано его поэтикой).

66. Впервые — Полет в небеса. С. 536. Автограф — РНБ.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – режиссер и актер.

67. Впервые – Устинов и Кобринский. С. 503. Автограф – РНБ.

Над текстом зачеркнуты еще три фрагмента:

«История началась с того, что Михаил Иванович приклеил к стене бумажку и четыре раза плюнул на нее.

На улице встретились две дамы, поклонились друг другу и разошлись. А потом встретились два гражданина и, посмотрев друг на друга из-под опущенных козырьков, разошлись, пристукивая ногами по панели.

Три бабы лучше, чем одна, так же как восемь рублей лучше, чем один рубль».

Отметим в зачеркнутом тексте устойчивые хармсовские мотивы: история, числа два, три, восемь.

Настоящий текст возвращает нас к проблеме восприятия и интерпретации текстов Хармса, написанных им от 1 лица. В данном случае должен быть принят во внимание интерес Хармса к древней истории и культуре, откуда, на наш взгляд, и были почерпнуты сведения об инфантициде – фундаментальном отношении к детям с глубокой древности до, примерно, IV в. до н. э. В наиболее древний период инфантицид диктовался экономическими мотивами – невозможностью прокормить большое потомство: «Убийство новорожденных младенцев было здесь такой же естественной нормой, как убийство стариков» (Кон. С. 50–51). В дальнейшем инфантицид диктовался уже не экономической необходимостью, а заботой о «качестве» потомства: «Даже такие развитые общества, как античное, весьма избирательны в своей заботе о детях. Отец медицины Гиппократ и родоначальник гинекологии Соран Эфесский деловито обсуждают вопрос о том, какие именно новорожденные заслуживают того, чтобы их выращивали. Аристотель считает вполне справедливым и разумным закон, что ни одного калеку-ребенка кормить не следует. Цицерон считал, что смерть ребенка нужно переносить со спокойной душой, а Сенека считал разумным топить слабых и уродливых младенцев» (Кон. С. 216). Если не упускать из виду творческое отношение Хармса к изучавшейся им древней истории и античным авторам, по крайней мере, Аристотелю, можно полагать, что именно этими источниками определяется происхождение мотива «детоненавистничества» Хармса. См. также: 76, 107, 111, 132, 141, 143<4, 29>.

68. Впервые – Устинов и Кобринский. С.504. Автограф – РНБ.

69. Впервые – Cahiers. 1985. № 26(3–4). Опубл. В. Глоцером под выдуманным им заглавием (Ю. 1987. № 10). Автограф – РНБ.

За первым предложением следовал текст (зачеркнут):

«А стола-то и не подарили. Вот француз расставил у себя в комнате подаренную мебель, сел на подоконник и задумался.

— Ну, хорошо, — думал француз, — вот я захочу, скажем, чай пить, а на чем я буду это делать? Или захочу я в шахматы играть. Что тогда? Можно конечно и на стуле в шахматы играть, да только это все же неудобно. На столе-то, пожалуй — получше».

Мотив шахматной игры — см. т. 1 наст. собр., 95 и «Разговоры»;

четыре стула — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.

70. Впервые — Р. 1991. № 7. 16-22 февраля. Автограф — РНБ.

Имеется записанный на отдельном листе вариант(?) заглавия: «Личное переживание музыкального гения Картомякина» (персонаж с такой фамилией в других текстах не встречается).

Вот уже пятый день — см.: 10, 19, 62, 76, 78, 97, 101, 121, 128, 132, 134, 143<10>, 147, 163, 188; см. также т. 1 наст. собр.

71. Впервые — ВМК. 1987. № 12. Автограф — РНБ.

Напомним, что помимо мифопоэтических и исторических ассоциаций, которыми определяется у Хармса мотив стариков (старух), он связан с его собственной концепцией времени, которую старики как бы наглядно опровергали, демонстрируя ограниченность и конечность времени. См.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163;

маленькая мышка — см.: 46, 53, 100, 133, 134, 189.

72. Впервые — Е. 1988. № 5. Автограф — РНБ.

ждала трамвая — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 122, 127, 129, 132, 143, 175, 199;

Пойдемте в Европейку — т. е. в гостиницу «Европейская» (ул. Лассаля в 1918–1940, до этого — Михайловская, после 1940 — Бродского, д. 1/7).

73. Впервые — Полет в небеса. С.456-457. Автограф — РНБ.

Ср. с текстом 257 в т. 1 наст. собр.

Прототип героини наст. текста, по-видимому, М. В. Малич (1909–1983?) — жена Хармса с 1934 г. (см. также т. 1 наст. собр.).

Однажды — см.: 37, 49, 56, 57, 62, 68, 78, 112, 143<10, 19>, 200;

в три дня — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190.

74. Впервые — Contr. 1988. P. 148. Автограф — РНБ.

Имеется другой вариант этой сценки:

«Петя входит в ресторан и присаживается к столу. Официант приносит карточку и кладет ее перед Петей. Петя смотрит в карточку.

Петя: Дайте мне, если можно, беф-буп.
Официант: Не дам.
Петя (*с испугом смотрит на официанта*): Беф...
Официант: А еще возьму и в дверь вытолкаю.
Петя (*угрожающе*): Что такое?
Официант: Ладно, ладно. Уходите.
Петя: Я не уйду. Я инженер. (*Достает из кармана и протягивает официанту какую-то бумажку. Официант берет в руки бумажку, рассматривает ее и говорит*).
Официант: Почем я знаю, что это вы. Может быть, это у вас документ краденый».

Интерпретацию этого текста см. при первой публ., а также: Жаккар I.

75. Впервые — МК. 1987. 16 января (под выдуманным публикатором В. Глоцером заглавием). Автограф — РНБ.

На отдельном от публикуемого текста листе имеется незавершенный, возможно, являющийся продолжением или, как нередко у Хармса, его вариантом:

«Редькин пришел в гости к Вархапкину.

Вархапкин стал угощать Редькина чаем.

— Все чай да чай, — сказал Редькин. — Не хочу чая!

— Ну, хорошо, — сказал Вархапкин, — тогда давайте спать ложиться.

— Вот так так! — сказал Редькин. — Я к вам в гости пришел, а вы спать.

— А не нравится, так пошел вон, — сказал Вархапкин и толкнул Редькина в плечо.

— Ах так, — сказал Редькин и побежал в дворницкую».

Дальнейший текст зачеркнут:

«Дворник сидел у себя в дворницкой на кровати и ловил что-то невидимое, бегающее по одеялу. Вдруг дверь открылась, и в дворницкую вбежал Редькин.

— Я Редькин! — крикнул Редькин. — А кто тут дворник?

Дворник посмотрел на Редькина, запихал что-то между двумя пальцами, потом бросил это на пол, встал, поддернул штаны и сказал:

— Дворник — это буду я».

Ровно 56 лет тому назад — несмотря на свою экстравагантность в нумерологии Хармса, это число уже встречалось в тексте 1;

В восемь часов вечера — магическое число у Хармса, подобающее торжественному событию сюжета (см.: 10, 30, 36, 87, 125, 132, 134, 143<4>; см. также т. 1 наст. собр.

76. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ.

Первоначальное заглавие: «Мудрец».

точно не помню — далее нижеследующий текст, обведенный Хармсом, что у него обычно означает предполагаемое (но не решенное окончательно) исключение этого фрагмента из текста: «Память, это вообще явление странное. Как трудно бывает что-нибудь запомнить и как легко забыть! А то и так бывает: запомнишь одно, а вспомнишь совсем другое. Или: запомнишь что-нибудь с трудом, но очень крепко, а потом ничего вспомнить не сможешь. Так тоже бывает. Я бы всем советовал поработать над своей памятью».

Один из текстов, интерпретирующих мотив обессмысленного существования старика (буквально — выжившего); см. также: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163 и т. 1 наст. собр.

Прошло минут семь — см.:15, 30, 45, 132, 143<4>, 144; см. также т. 1 наст. собр.;

четырех рублей — см.: 4, 13, 15:18, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

одолжи-ка мне пятерку — см.: 10, 19, 62, 70, 78, 97, 101, 121, 128, 132, 134, 143<10>, 147, 163, 188; см. также т. 1 наст. собр.

77. Автограф — РНБ.

Текст написан в духе агит-театра нач. 1920-х гг.и едва ли не является пародией на его представления.

Андрей Семенович в золотом пенсне — см. также 1 и 143<13>;

самовар — кажется, впервые появляется в «Комедии города Петербурга» (см. 133) и почти одновременно в детском «Иван Иваныч Самовар»(см. т.3 наст. собр.); см. также т. 1 наст. собр.;

Селифан Митрофанович — встретим также в 142<12>, а в более правильной форме — Селиван — в 152; не исключено, что это достаточно экзотическое в 1930-е гг. имя пришло к Хармсу от Гоголя;

Но из люка вылезает огромный Красноармеец — ср. с монахом в тексте 2 а также: «И вдруг из пола вылезает страшный дух...» (т. 1 наст. собр., 327).

78. Впервые — SU/US. 1980. № 7(1–2). Автограф — РНБ.

Первоначальное заглавие: «Приключение профессора». Над текстом помета: «Для «Татарки» .

а в сарае сидит — далее зачеркнутый текст:

«...Анна Семеновна Ивантер, Нюрочка.
Профессорша говорит:
— Ах, это вы!
А Нюрочка отвечает:
— Да, это я. А подо мной Даня сидит.
Профессорша говорит:

— Как же так? А где же Толстой?

А Нюрочка отвечает:

— Да Шура в Москву переехал.

Профессорша говорит:

— Нет, не Шура, а Толстой где?

А Нюрочка уже не отвечает и профессорша видит, что это уже не Нюрочка, а скорее <курица>».

Как видим, вариант демонстрирует характерное хармсовское сплетение реальных лиц с сугубо литературным сюжетом: здесь и сам Даниил Хармс и упоминаемый Александр Иванович Введенский (Шура) и А. С. Ивантер (р. 1906), жена Введенского в 1929—1936 гг. (см.: Т. 1991. № 11. С. 116–119; ср.: Устинов и Кобринский. С. 559).

Обратим внимание на необычайную концентрацию у Хармса текстов с мотивом сна на небольшом временном пространстве: см. 143<10, 12, 24> и т. 1 наст. собр., 259. Приведем здесь также опубликованный впервые В. Эрлем по автографу из собрания С. М. Григорьянца (Эрль. С. 36) неоконченный, по мнению публикатора, текст, который мы полагаем возможным также отнести к 1936 г.:

«Кулаков уселся в глубокое кресло и моментально сидя заснул. Сидя заснул, а спустя несколько часов проснулся лежа в гробу. Дикий страх сковал Кулакова. Мутными глазами он посмотрел вокруг, и всюду, куда ни направлял он свой взор, он видел только цветы: цветы в корзинах, букеты цветов, перевязанные лентой, венки из цветов и цветы россыпью.

"Меня хоронят" — подумал с ужасом Кулаков и вдруг почувствовал гордость, что его, такого незначительного человека, хоронят так пышно, с таким количеством цветов».

Однажды — см.: 37, 49, 56, 57, 62, 68, 73, 112, 143<10, 19>, 200;

только 500 оставили; полтинник в руку сует — варианты числа 5 (см.: 10, 19, 62, 70, 76, 97, 101, 121, 128, 132, 134, 143<10>, 147, 163, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

не более четырех дней — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

шесть раз прочитала — см.: 8, 12, 93, 132, 141, 143<3, 25>; см. также т. 1 наст. собр;

поплакала часа три — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст.собр.;

в сад имени 1-ой Пятилетки, б. Таврический — сад позади Таврического дворца (ул. Салтыкова-Щедрина, д.50) получил новое наименование в 1930 г.;

а ей спать хочется — каламбур;

И видит сон ∞ все смотрят — ср. с подобной ситуацией в написанном 19 августа того же года стихотворении «СОН двух чер-

номазых ДАМ» (т. 1 наст. собр., 259); о возможном источнике такого появления Толстого см.: Сажин II. С. 84; см. также: 1, 15, 94, 102, 132, 142<10, 12, 16, 24>, 176, 182; см. также т. 1 наст. собр.

79. Автограф — РНБ.

80. Впервые — Cahiers. 1985. № 26(3-4). Автограф — РНБ.

Пришел дворник Пантелей — см. также: 42, 62, 142<12> и т. 1 наст. собр., 106.

81. Впервые — Меня называют капуцином. С. 190. Автограф — РНБ.

82. Впервые — Г. 1971. № 81. Автограф — РНБ.

Первоначальное заглавие: «Маша и Кооператив».

ударить ее по ногам — далее зачеркнута фраза с одним из частых персонажей Хармса: «А лавочник Пузырев наградил Машу деревянной лошадью» (см. также: 28, 42, 149).

какая-то старушка с наволочкой на голове; из окна старухи вываливаются — в отличие от жизнеспособного и поэтому устремленного вверх, старухи у Хармса всегда вываливаются вниз; см. также: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163;

в Озерный переулок — правильнее: Озерной.

83. Впервые — ВЛ. 1987. № 8. Автограф — РНБ.

Первоначальное заглавие: «Наташа и Две Конфеты».

Возможно, занимаясь мифологией, Хармс узнал, что по народным представлениям, умерших не своей смертью или колдунов земля не принимает и они выходят из могилы как живые и приходят на место, с которого их унесли (Зеленин II. С. 7, 12).

две конфеты — после этого числа должна случиться неприятность (см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 97, 118, 120-122, 127, 128, 132, 143<16, 25<, 144, 149, 163, 174, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.;

и через четыре года-см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.

минут двадцать смеются — вариант числа 2 и конечно он свидетельствует о неблагополучии (смехе покойников?).

84. Впервые — Ю. 1987. № 10. Автограф — РНБ.

Первоначальное заглавие — «Новый Альпинист».

часа четыре— см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.

85. Впервые — Летят по небу шарики. С. 190. Автограф — РНБ.

Над текстом помета Хармса: «1). Выдумать задание в 2 минуты. Заполнить эту страницу в 10 м<инут> на сюжет: Мальчик Петя Гвоздиков забил гвоздями рояль».

и за сундуком — см.: 10, 57, 134, 143<9>; см. также т. 1 наст. собр.;

три гвоздя — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 78, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190.

86. Впервые — Cahiers. 1985. № 26(3-4). Автограф — РНБ.

В декабре 1936 г. Хармс работал над биографическим очерком о детских годах Пушкина для журнала «Чиж». Насколько трудна была для Хармса эта задача, свидетельствуют многочисленные варианты текста (см. т. 3 наст. собр.). Возможно, настоящий текст следует интерпретировать как автоиронию.

87. Впервые — А. 1974. № 7. С.78. Автограф — РНБ.

Любопытной параллелью к наст. тексту может служить определение, данное Я. Полонским той трансформации, которую претерпевало мировоззрение части общества в период распространения нигилизма в 1860-е годы. В романе «Женитьба Атуева» он писал: «В это время многие, накануне верующие, просыпались атеистами» (РВ. 1869. № 5). В то же время, отметим сообщаемое Д. Фрэзером (которого Хармс читал): «Некоторые туземцы верят, что у каждого человека перед его рождением спрашивают, какого роста и веса душу он хотел бы иметь, что ему отмеривают душу такой величины, какая ему угодна. Самая тяжелая душа, какая когда-либо существовала, весит приблизительно 10 граммов». (Фрэзер. С. 22).

приблизительно восемь фунтов — магическое число у Хармса (см.: 10, 30, 36, 75. 125, 132, 134, 143<4>; см. также т. 1 наст. собр.

88. Впервые — Нева. 1988. № 6. С. 204—205. Автограф — РНБ.

89. Впервые — С. 1991. № 14. С.61-63. Автограф — РНБ.

раза четыре -см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

один старичек прошел мимо — см.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163.

90. Впервые — П. 1988. № 2. Автограф — РНБ.

Случай — см.: 6, 22, 112, 120, 130, 143<2, 10>, 148, 200.

91. Автограф — РНБ.

Первоначальная фамилия Алексеева — Горохов.

Алексей Алексеевич Алексеев — см. также 42.

Так началось событие — то же, что случай (см. прим. 90);

три рубля в месяц — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 78, 85, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст. собр.

92. 1. Впервые — CR. 1969. № 14. С. 80–84. 2. Впервые — КО. 1988. 1 января (под выдуманным публикатором В. Глоцером заглавием). Автографы — РНБ.

Текст 1 традиционно рассматривается как часть двух хармсовских сборников (см.: 142 и 143); поскольку текст 2 в отдельности не встречается, мы, согласно авторской воле, не разделяем эту пару и публикуем здесь оба текста, хотя и не имеем объяснений замыслу Хармса.

93. Впервые — Cahiers. 1985. № 26(3-4). Автограф — РНБ.

18 рублей — см. также 132;

Иван Яковлевич — см. также: 44 и 54;

стоял на углу, против аптеки — легко указать на это место: Невский пр., д.66;

к шести часам вернулся домой — шестерки преследуют Ивана Яковлевича; см. также: 8, 12, 78, 132, 141, 143<3, 25> и т. 1 наст. собр.;

четыре махорочных папиросы — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

а сон убегал — невозможность уйти в сон, т. е. проникнуть в имманентный мир у Хармса всегда знак какого-то неблагополучия (см.: 1, 15, 78, 102, 132, 143<10, 12, 16, 24>, 176, 182; см. также т. 1 наст. собр;

до половины девятого — см. также 141 и 147;

три звонка — см. прим. 91.

94. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ.

метра на четыре — см. прим. 93;

всесторонне исследовать явление смерти — в соответствии с концепцией времени, в значительной степени навеянной Хармсу восточными философскими учениями и оккультной литературой, временное (жизнь) противоположно вневременному, как ложное истинному; поэтому жизнь и не может давать ответов, а искать их следует в смерти (т. е. всесторонне исследовать).

95. Впервые — Ю. 1987. № 10 (под выдуманным публикатором В. Глоцером заглавием). Автограф — РНБ.

Характерная сцена беседы учителя-буддиста со своим учеником.

96. Впервые — ВЛ. 1987. № 8 (под выдуманным публикатором В. Глоцером заглавием). Автограф — РНБ.

бег ему доставляет удовольствие — далее зачеркнуто: «Чтобы встречным ветром не сорвало шляпу, Сампсонов наклонил голову, но, пробежав так несколько шагов, Сампсонова охватила радость бега и он закидывал голову назад. Тогда шляпа грозила умчаться прочь и Сампсонову приходилось опять наклонять голову вперед».

Макаров — Николай Макаров был псевдоним Н. М. Олейникова; см. также 143<17, 20>.

97. Впервые — КО. 1988. № 43. Автограф — РНБ.

Пассакалия (точнее, пассакалья) — разновидность полифонической вариации, в которой тема не меняется, а постоянно звучит в нижнем, басовом регистре. Наиболее известны пассакальи И. С. Баха (любимого композитора Хармса). Хармс несколько раз использовал наименования музыкальных жанров в качестве заглавий (или подзаголовков) своих произведений. В данном случае следует еще обратить внимание на то, что настоящий текст помещен в тетрадь с надписью «Гармониус» на обложке. Понятие гармонии — одно из важных в оккультизме, который изучал Хармс. В насыщенной цитатами из Пифагора (называемого одним из древних наставников оккультизма) книге Папюса отмечается, что Пифагор «<...> на законах музыки основал, по аналогии, мировые законы. Он называл гармонией движение небесных сфер и употреблял числа для изображения свойств разных существ, их влияний и соотношений» (Папюс. С. 95). Как отмечает современный исследователь, «Установление пифагорейцами связи между музыкой и математикой повлекло за собой включение гармоники в число математических наук и предопределило все дальнейшее развитие античной науки о музыке» (Жмудь. С. 91). Таким образом, очевидно, что своеобразно используемые Хармсом в своих произведениях «музыкальные мотивы» в сочетании с занимающими очень значительное место математическими — являются деталями культивировавшегося им образа древнего философа-мага.

я смотрел в темную воду — в восточных философских учениях связана с познанием свойств мира, в частности, времени (ср. с насыщенностью текста в дальнейшем временными отметками); см. также: 7, 119, 125, 192 и особенно т. 1 наст. собр.;

формулу построения несуществующих предметов; Это не имеет формулы и далее — таким образом наст. текст. включается в круг тех хармсовских произведений (32, 33, 142<10>), которые, в частности, развивают в соответствии с оккультной литературой тему принципиальной невозможности сформулировать (т. е. выразить логическими понятиями) явления и свойства метафизического мира. В этом смысле надо понимать оценку «народного творчества» (т. е. мифов и легенд) и произведений Э.-Т.-А. Гофмана, как таких, в которых разнообразные фантастические события, «загадочные случаи» (по выражению Лигудима) поддаются логическому осмыслению в противоположность находящимся вне логики «бессмысленным поступкам» и явлениям метафизического мира.

до пяти часов; ровно в пять — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 101, 121, 128, 132, 134, 143<10>, 147, 163, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

два с половиной часа — см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 118, 120-122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр;

Прошло четыре минуты — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.

98. Автограф — РНБ.

Я писал стихи о часах — см.: 1, 102, 109, 125, 132, 184, 188 ; см. также т. 1 наст. собр.

99. Впервые — SU/US. 1980. № 7(1-2). Автограф — РНБ.

и уехал во Владивосток — далее зачеркнуто:

«Портной Карасиков получил письмо из Владивостока.

Распечатав письмо, портной воскликнул: «Это письмо от моего друга Федьки!»

Федька писал: «Дорогой Карасиков, помнишь, ты сшил костюм Сеньке? Сенька поносил этот костюм несколько дней и подарил его мне».

насмотрелся видов — далее зачеркнуто:

«Особенно некоторые молодые брюнетки нарочно выставляли ему напоказ все свои самые сокровенные прелести. Мало того: снимая с дам мерку, Федька касался пальцами их тайных соблазнов и они всегда оказывались влажными. Потом у Федьки от рук пахло дамами».

Федька — встречается в 10 стихотворных и прозаических текстах Хармса;

оторвал ему правое ухо — ср. 1;

по двенадцати котлет — ср. 52; см. также: 15, 16;

подставлял старичкам подножку и пугал старух — см.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163.

100. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

он боялся крыс — см.: 46, 53, 71, 133, 134, 189.

101. Впервые — Кр. 1988. № 33. С. 8–9. Автограф — РНБ.

Четвероногая ворона — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

было пять ног — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 121, 128, 132, 134, 143<10>, 147, 163, 188; см. также т. 1 наст. собр.

102. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 505. Автограф — РНБ. При дате помета Хармса: «Задумано 5 марта».

Сочетание трех взаимосвязанных у Хармса мотивов: сон, часы, окно (последний продублирован фамилией персонажа — см. также: 25, 143<25> и т. 1 наст. собр., 137, 302), интерпретируемых как случай неспособности человека преодолеть рамки времени и пространства и проникнуть в нуменальный мир (см., соответственно: 1, 15, 78, 93, 132, 143<10, 12, 16, 24>, 176, 182;1,

98, 109, 125, 132, 184, 188; 2, 7–9, 15, 20, 36, 42, 63, 108, 121, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200; см. также т. 1 наст. собр.

103. Впервые (частично) — Устинов и Кобринский. С. 567; ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

Михайлов — интерпретируется как один из знакомых Хармса, участник «Разговоров» чинарей Дмитрий Дмитриевич Михайлов, математик и писатель (см.: Устинов и Кобринский. С.567).

104. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ.

Приводим зачеркнутый вариант окончания:

«А шапка повернула направо и полетела по направлению к Неве. Один человек ее видел на углу Пантелеймоновской, а на углу Фурштадтской ее никто не видел». (Соответственно: ул. Пестеля — с 1923 г. и ул. Петра Лаврова — тоже с 1923 г.).

Морочишь ты меня, старика — см.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163; см. также т. 1 наст. собр.;

по Некрасовской улице <...> мимо бань — т. е. ул. Некрасова, д. 14.

105. Впервые — С. 1991. № 14. С. 61–63. Автограф — РНБ.

Зачеркнут вариант окончания: «Я шел впереди, обдумывая ритуал поздравления».

Посвящено Наталии Ивановне Колюбакиной (1868–1942?), тетке Хармса по матери, педагогу, проживавшей в Детском (Царском) селе (см.: Строганова. С. 79–80 и др.).

М. Блок рассказывает об артисте Артамонове, «коверном», для которого Хармс хотел сочинить номер (Блок М. С. 86).

Трижды! — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190; см. также т. 1 наст. собр.

106. Впервые — Р. 1991. № 7. Автограф — РНБ.

Один из частых случаев, когда Хармс «разыгрывает» сюжет с реальными персонажами.

Сно — Евгений Эдуардович Сно (1880–?), автор многочисленных юмористических рассказов и миниатюр; в одном из его текстов персонаж работает над книгой о Гельмгольце (идеями которого интересовался и по своему их трансформировал в своих текстах Хармс); Е.Сно фигурировал в последнем Деле Хармса 1941 г. (см. Чинари).

Марина — М. В. Малич (см. выше и т. 1 наст. собр.).

107. Впервые — Russica. 1982. P. 353–360. Опубликован В. Глоцером с указанием на свой приоритет: С. 1991. № 14. Автограф — РНБ.

Сочетание капуцина и Ж.-Ж.Руссо в одном контексте, видимо, не случайно: в книге М. Н. Розанова «Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в.» цитируется мнение Гримма,

возмущенного процессом над Руссо после выхода его «Исповеди», который назвал прокурорское следствие против Руссо «не чем иным, как простой и плоской капуцинадой» (Розанов. С. 197; указано М. Н. Золотоносовым).

Полагаем также симптоматичным мелькание капуцинов в текстах любимого Хармсом Гоголя: «Я не люблю трупов и покойников, и мне всегда неприятно, когда переходит мою дорогу длинная погребальная процессия и инвалидный солдат, одетый каким-то капуцином, нюхает левою рукою табак, потому что правая занята факелом» («Нос» — Гоголь. С. 12); Но я растолковал ей (Мавре — *В.С.*), что между мною и Филиппом нет никакого сходства и что у меня нет ни одного капуцина...» (»Записки сумасшедшего» — Гоголь. С. 187). Для Хармса это также и синоним мотива монаха — см.: 2, 27, 116; см. также т. 1 наст. собр.

Пародийно-ироническмий тон текста становится явственнее в сопоставлении с серьезной, хоть и утопической программой Т. Кампанеллы в «Городе Солнца»: «Когда же все, и мужчины и женщины, не занятые в палестре, по обычаю древних спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг к другу; а затем и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужчинами; полные же — с худыми, а худые — с полными, дабы они хорошо и с пользою уравновешивали друг друга» (Кампанелла. С. 91; сходство впервые отмечено: Кобринский. С. 69).

О детях я точно знаю, что их не надо вовсе пеленать, их надо уничтожать — см.: 67, 76, 111, 132, 141, 143<4, 29>;

вмешается старик или старуха — см.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163; см. также т. 1 наст. собр.;

зарубать их топором — см.: 7, 133, 134; см. также т. 1 наст. собр.

108. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ.

Я сидел у окна — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 121, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200; см. также т. 1 наст. собр.

109. Впервые — РМ. 1985. 3 января. Автограф — РНБ.

Сопоставление с «Иваном Федоровичем Шпонькой и его тетушкой» см.: Жаккар I. С.236.

поломал свои часы — любой непорядок с часами всегда у Хармса предвестье неприятностей; см.: 1, 98, 102, 125, 132, 184, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

Жила была старушка — см.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163; см. также т. 1 наст. собр.

110. Впервые — ВЛ. 1987. № 8. Автограф — РНБ.

Андрей Андреевич — встретится еще в тексте 143<16> (Андрей — всего в 8 текстах).

111. Впервые — SU/US. 1980. № 7 (1–2). Опубликован В. Глоцером под выдуманным им заглавием и с указанием на свой приоритет: ВМК. 1987. № 12. Автограф — РНБ.

Дети бежали за мной и рвали на себе одежду. Старики и старухи падали с крыш — показательное соединение мотивов, каждый со своей стороны свидетельствующих у Хармса о конечности времени; отметим также связанный с ними мотив падения, полета вниз; см., соответственно: 67, 76, 107, 132, 141, 143<4, 29>; 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 114, 132, 134, 143<3>, 163;

Я подбегал к бане — см. также 133 и т. 1 наст. собр.

112. Впервые — К. 1980. № 24. Опубликован В. Глоцером под выдуманным им заглавием: Ю. 1987. № 10. Автограф — РНБ.

был однажды случай — см.: 6, 22, 90, 120, 130, 143, 148, 200.

113. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

Напомним, в качестве краткого комментария, что по Хармсу подлинная реальность — вневременный запредельный мир вечности, потому все земное, временное, человеческое для него безобразно и неприемлемо ни этически, ни эстетически.

114. Впервые — SU/US. 1980. № 7(1–2). Опубликован В. Глоцером с указанием на свой приоритет: С. 1991. № 14. Автограф — РНБ.

Здесь и далее отдельные элементы даты или вся она записаны Хармсом с помощью знаков Зодиака, одной из составляющих системы оккультизма. Отметим, при этом, что в таких записях у Хармса нередки ошибки.

Был дом, наполненный старухами — см.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 132, 134, 143, 163; см. также т. 1 наст. собр.;

и били мух — см.: 8, 44, 117, 143<14>;

тридцать шесть — экзотическое число в нумерологии Хармса.

115. Впервые — Д. 1987. № 12. Автограф — РНБ.

Приводим зачеркнутый вариант начала:

«Приближался праздник первого мая.

Мышину сказали: «Ты хоть и не любишь ходить по улицам, а все же пойди, посмотри...»

Мышин сказал:» См. персонаж с такой фамилией в тексте 120.

Калугин — см. также 143<12>.

116. Впервые — ВЛ. 1987. № 8. Автограф — РНБ.

Обратим внимание на эротическую фамилию персонажа.

совершенно голая и далее — см.: 46, 57, 121, 163;

монашка! — см.: 2, 27 и т. 1 наст. собр.

117. Впервые — КО. 1988. 1 января. Автограф — РНБ.

Соотнося содержание с датой, вынуждены отметить ошибку Хармса — текст относится, вероятно, к сентябрю. Один из текстов с участием реальных персонажей.

Антон Исаакович Ш. — очевидно, А. И. Шварц (1896–1954), артист эстрады, чтец;

в Литейном Лектории — на Литейном пр., д.42;

и говорит своей жене — Наталия Борисовна Шанько;

если им мухи не мешают — см.: 8, 44, 114, 143<14>, 147.

118. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ.

Приводим зачеркнутый вариант начала:

«— Я в вас влюблен, — сказал он мысленно. А вслух сказал: — Вам очень идут эти новые чулки».

То есть как это так, ничего? — сказала Ирина — далее следует зачеркнутый текст:

«Он молча обхватил ее ноги руками и вдруг начал медленно съезжать по ногам к полу:

— Что вы делаете? — спросила она.

Он молча свалился на пол к ее ногам.

— Что с вами? — спросила она.

Он продолжал лежать у ее ног без движения».

вошли двое военных — вспомним, что число 2 всегда предвещает неприятности; см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 120-122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.

119. Впервые — МК. 1987. 16 января (под выдуманным публикатором В. Глоцером заглавием). Автограф — РНБ.

В шифр, которым записана дата, Хармс добавил собственное нововведение; в настоящем случае он, вероятно, ошибся, т. к. субботой было 19 августа (и 12).

На воду смотреть всегда полезно и поучительно — см.: 7, 97, 125, 192 и т. 1 наст. собр.

120. Впервые — К. 1980. № 24. Автограф — РНБ.

В записи даты у Хармса ошибка: 29 сентября была пятница.

Фаол — был Фаон, любимец Афродиты и миталенских женщин; убит за прелюбодеяние;

Один стряпчий — чиновник, надзирающий за ходом дел, порученец;

Или такой случай — см.: 6, 22, 90, 112, 130, 143, 148, 200;

сотворил добро той старушке; другой старушке — см.: 1, 29, 36.57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163; см. также т. 1 наст. собр.;

один графолог — еще встретимся с ним в тексте 198. Устинов и Кобринский указывают на хармсовских знакомых графологов: некоего Нонэсма и теософа К. К. Владимирова (1879?–1933?);

и сам полковник Дибич не разобрался бы — как нередко, Хармс обыгрывает имя реального исторического лица, видимо, героя Отечественной войны 1812 года, начальника Главного штаба И. И. Дибича (1785–1831);

Мышин — см. 115;

пила и ела за троих; две хорошие комнаты; У девицы было четыре пальто, а у матери одно; два с половиной года — характерное хармсовское нагнетание числительных;

до сорока маленьких детей — это священное для оккультистов число (магом становятся только в 40 лет и др.) см. в т. 1 и 3 наст. собр.

121. Впервые — SU/US. 1980. № 7(1–2). Автограф — РНБ.

Первоначально подзаголовок был зачеркнут, но при позднейшей правке восстановлен. Имя первой «Иды Марковны» сначало было: Елена.

со свистом подлетали к земле — следует зачеркнутый текст:

«Недалеко от того места, где падающие с крыши должны были удариться об землю, стояла старуха и, ничего не подозревая, полоскала свои ноги в луже.

— Эй, старушка, на тебя два человека сверху падают! — крикнула ей Ида Марковна. Но старуха, как видно, не слыхала этого крика и продолжала, как свинья, полоскаться в луже! Верхняя Ида Марковна, та, что голая стояла за плетеным треножником, начала приближаться к окну. Вот уж в окне мелькнула ее голая грудь и живот. Вот мелькнула нога. Голая Ида Марковна вскочила на подоконник. Падающие с крыши уже со свистом подлетали к земле. Верхняя Ида Марковна распахнула окно и до половины туловища вывалилась наружу».

Зачеркнув этот текст, Хармс вставил «со свистом» в последнее предшествовавшее ему предложение.

Два человека упали с крыши; двумя этажами ниже — см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120, 122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.;

пятиэтажного дома — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 101, 128, 132, 134, 143<10>, 147, 163, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

Она стояла у окна — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200;

увидеть ее голой — см.: 46, 57, 116, 163;

четыре молотка — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15;25, 28>, 184, 186, 188.

122. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

В записи даты у Хармса ошибка.

обсчитывая трамвайных кондукторов — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 127, 129, 132, 143, 175, 199.

123. Впервые — КО. 1988. № 43 (под выдуманным публикатором В. Глоцером заглавием). Автограф — РНБ.

124. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

Под текстом запись Хармса: «Задание: эту страницу в 10 м<инут>».

был катерпиллером — наименование фирмы, производящей электромоторы, в том числе для пылесосов.

125. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

Господин нагнулся над юношей — далее следует зачеркнутый текст:

«— Я не могу дать вам руки, — сказал юноша.
— Кому вы не можете дать руки? — спросил врач.
— Вам, — сказал юноша.
— Почему? — спросил врач.
— Зачем вы спрашиваете? — сказал юноша. — Вы же знаете, что вы стоите на берегу, а я уже на лодке далеко отплыл в море.
— Немедленно гребите обратно к берегу, — сказал господин, похожий на врача.
— Не могу, — сказал юноша».

Лодки плывут — довольно прозрачный мотив смерти; весь наст. текст, по-видимому, является попыткой воспроизвести процесс умирания, перехода в иное измерение, который, по Хармсу, «понять ... невозможно»;

и отошел к окну — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200;

Прошло минут восемь — см.: 10, 30, 36, 75, 87, 132, 134, 143<4>;

играя цепочкой от часов — см.: 1, 98, 102, 109, 132, 184, 188.

126. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

127. Автограф — РНБ.

Подобно героям Достоевского, персонажи Хармса не один раз затевают разговор о вере в бессмертие и Бога (ср. 132 ; см. также т. 1 наст. собр., Устинов и Кобринский. С. 582). Религиозность Хармса — достаточно непростой вопрос, требующий обстоятельного рассмотрения с учетом всех аспектов его интеллектуальной жизни.

В трамвае сидели два человека — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 129, 132, 143, 175, 199; 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120–122, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199.

128. Впервые — Cahiers. 1985. № 26(3–4). Автограф — РНБ.

Козлов — см.: 25, 143<25>, 172 и т. 1 наст. собр., 137;

пять лет тому назад — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 101, 121, 132, 134, 143<10>, 147, 163, 188;

Недели две тому назад — см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120-122, 127, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199;

Бедная Елизавета Платоновна — довольно популярное у Хармса имя персонажа (встречается в 8 текстах всех жанров); ср. с Елизаветой Антоновной (131).

129. Впервые — Amour. 1991. P. 247. Автограф — РНБ.

Вот пробежал трамвайный кондуктор — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 132, 143, 175, 199;

Голая еврейская девушка ∞ из чашки молоко — действия, описываемые Хармсом в этом эпизоде, идентифицируются с миквой — священным обрядом очищения половых органов женщины у евреев (Золотоносов. С. 207; см. также: Фрэзер. С. 245); еврейские мотивы у Хармса см. т. 1 наст. собр.;

Я выпиваю четыре рюмки — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188.

130. Впервые — ЛГ. 1968. № 46. Автограф — РНБ.

Отметим характерную хармсовскую «погрешность» в заглавии, связанную, по-видимому с общим замыслом пародирования основного свойства музыкального жанра симфонии, которое, по определению, есть «созвучие» (греч. symphonia). См. также текст 143<29>. Внезапный и немотивированный переход от одного персонажа к другому интерпретируется, как излюбленнный «симфонический» принцип А. Белого (Симина. С. 52). См. также интерпретацию Ж.-Ф. Жаккара (Жаккар. С. 247–249).

Антон Михайлович — напомним, что по частоте появления в текстах Хармса имя Антон (13 текстов) может соперничать только с Иваном;

немецкую школу на Кирочной улице — с 1932 г. ул. Салтыкова-Щедрина;

вышел забавный случай — см.: 6, 22, 90, 112, 120, 143, 148, 200.

131. Впервые — SU/US. 1980. № 7(1–2). Автограф — РНБ.

я не насиловал Елизавету Антоновну — ср. 128.

132. Впервые — Gibian. P. 129–165. Автограф — ЧС.

На первом листе автографа исправлено первоначальное отчество персонажа: Сакердон Макарович (эта деталь служит основанием идентифицировать его с Н. М. Олейниковым).

в одну и в другую сторону — далее следует густо зачеркнутое окончание (восемь строк) с датами: конец мая и первая половина июня 1935 года и 16 июня; после этого дописано окончание текста.

Наст. текст — самая крупная литературная форма у Хармса, где обстоятельно развернут исключительно популярный у него мотив старухи (старика); см. также: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76,

82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 134, 143<3>, 163; см. также т. 1 наст. собр.

Наиболее содержательные интерпретации наст. текста см.: Макарова. С. 130–143; Milner-Gulland. P. 243–267; особенно отметим единственное комментированное издание: Aizlewood. IX–XXII и 29–36 (статья и комментарии с указанием на реминисценции из Пушкина и Достоевского).

Эпиграф из «Мистерий» К. Гамсуна (Александров. С. 531). О влиянии «Тайн» и «Голода» Гамсуна на текст Хармса см.: Cornwell. P. 15.

на часах нет стрелок — уже появление часов у Хармса предвещает неприятности; часы без стрелок усугубляют это предчувствие — см.: 1, 98, 102, 109, 125, 184, 188;

без четверти три — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 133, 184, 186, 190;

иду по солнечной стороне — если идентифицировать топонимику повести с реальными обстоятельствами, то выйдя из своего дома на ул. Маяковского и идя к Садовой (где персонаж повести сейчас окажется), Хармс мог идти только по одной, всегда солнечной, стороне Невского проспекта — четной;

Сакердон Михайлович — учитывая мифологические интересы Хармса, не лишним кажется обратить внимание на имя одного из сыновей Европы и Зевса, царя Ликии Саркедона (то же и название мыса во Фракии);

противный крик мальчишек — см.: 67, 76, 107, 111, 141, 143<4, 29>;

Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес — по Хармсу, это, следовательно, должен быть рассказ о счастливом человеке, чародее, главное достоинство которого — в потенции, а не в ее реализации; см. также: 15, 64, 133;

восемнадцать часов подряд — редкое, но все же встречающееся в нумерологии Хармса число: см.93;

пять часов — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 101, 121, 128, 134, 143<10>, 147, 163, 188;

двадцать минут шестого (эта отметка времени еще будет повторена ниже); уже *половина шестого; проходит восемь минут; половина десятого; прошло минут двадцать; Чиша два тому назад; без пяти минут семь; десять минут восьмого* — насыщенность текста временными отметками парадоксальным образом сбивает хронологию происходящих событий; можно было бы сказать, что здесь ирреальное цепляется за реальность, как смерть цепляется за жизнь;

Боль в плече и правом бедре — масонский обряд посвящения сопровождается легким ударом в плечо и бедро;

одиннадцать рублей — ср. 140<3>;

Вы верите в бога? — ниже этот вопрос будет повторен в диалоге с Сакердоном Михайловичем; то же, что и 127;

Я вскакиваю в трамвай — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 143, 175, 199;

на Михайловской улице — в 1918–1940 — ул. Лассаля, с 1940 — ул. Бродского;

Мечников писал ∞ в наших желудках — как нередко у Хармса, происходит некоторая трансформация реальности: И. И. Мечников действительно писал об опасных процессах гниения в желудке человека, но при этом был настолько энергичным противником алкоголя, что даже употребление кефира не рекомендовал из-за наличия в нем некоторого процента алкоголя;

Видите ли, — сказал я, — по-моему, нет верующих или неверующих людей — весь нижеследующий диалог ср. с 127;

Я шел по Невскому; на Фонтанке; на углу Литейной — следующие один за другим топонимы подтверждают версию об Н. М. Олейникове, как прототипе Сакердона Михайловича: писатель жил на кан. Грибоедова, д. 9 и именно по такому маршруту надо было возвращаться на ул. Маяковского, где жил Хармс;

Марья Васильевна — по частоте появления у Хармса (всего в 23 текстах) это имя может сравниться только с мужским именем Иван;

Неужели чудес не бывает? — параллель к творческому замыслу героя в начале повести;

Весеннее солнце ложится мне на лицо — воспроизведение того, что было сказано «двадцать минут шестого» предыдущего (?) дня;

По улице шел инвалид — этот инвалид точно так же шел, когда герой некоторое время тому назад возвращался к себе домой;

до Лисьего Носа; проезжаем Ланскую и Новую Деревню; Ольгино; на Лахте — станции Финляндской железной дороги;

золотая верхушка Буддийской пагоды — Буддийский храм, окончательно достроенный в 1915 г., с 1938 г. упразднен как место богослужения (Приморский пр., 91);

Во имя Отца и Сына и Святого Духа — начальный и последний стих молитвы «Отче наш»; по наблюдению Б.Хаимского, герой Хармса, подобно завету Будды, для освобождения от страхов и обретения свободы внимательно изучает в несчастье все свои состояния, но приходит не к нирване, а к Триединому Богу христиан — что, впрочем, для Хармса, может быть, одно и то же.

Драматические произведения в стихах

133. Впервые — СП-1. С.84-125. Автограф — РНБ.

Сохранившаяся рукопись «Комедии города Петербурга» представляет собой последовательное сочетание написанных на протяжение 28 февраля — 5 сентября 1927 г. и, вероятно, чуть позже нескольких групп текстов, по-разному озаглавленных Хармсом и имеющих обширную правку, которую в наст. издании не приводим. Имея несомненные доказательства тому, что «Комедия...» существовала как некое произведение с таким заглавием еще до 20 августа 1926 г. (дата посвящения Н. Заболоцким своего сти-

хотворения «Восстание»: «Фрагменты Даниилу Хармсу автору «Комедии города Петербурга»» — Александров II. С. 91), мы, тем не менее, не можем быть совершенно уверены, что перед нами новый текст, пополняющий и продолжающий текст 1926 г., а не его редакция. Что касается структуры «Комедии...» (вопрос, напрямую связанный с проблемой окончательного текста), то отметим проницательное замечание А. Александрова о ее принципиальной фрагментарности (Александров II. С. 91). То же свойство текста Хармса отметил И. Вишневецкий: « Цельность известной нам рукописи настолько поразительна, что закрадывается сомнение — а была ли вообще написана отсутствующая в черновике I часть?»(Вишневецкий. С. 59).

Предположения о том, что мы имеем дело с вполне завершенным (структурно) текстом, основываются на интерпретации его фрагментарной конструкции как отражении ситуации исторического катаклизма, претерпеваемого Петербургом в результате революционных потрясений. Смещение и смешение исторического времени (здесь налагается еще собственно хармсовская концепция истории и времени) представительствуют одновременно сосуществующие в «Комедии...» императоры Петр I и Николай II, комсомолец Вертунов, придворный Иван Щепкин, Павел Афанасьевич Фамусов и другие персонажи. Атмосферу же «Комедии...» определяет мотив угрозы старому миру, который пытается уцелеть, но сонм Чудовищ, предводительствуемых Зверем, появляющимся в финале (употребляем этот термин условно) означает крушение мира вообще. Полагаем, что ряд мотивов «Комедии...» позволяет интерпретировать ее как частичный парафраз «Двенадцати» А. Блока (ветер-вьюга; Катенька Хармса/ Катька Блока; Христос с «кровавым флагом»/Бог с топором Обернибесов). См. также: Сажин III. С. 140–146.

брожу ли я у храма ль, у дворца ль — ср.: « Брожу ли я вдоль улиц шумных // Вхожу ль во многолюдный храм» Пушкина;

Вертунов — встретится еще в т. 3 наст. собр.;

ну-ка саблю вынь из ножен — разветвленные коннотации этого мотива см.: 1, 134, 140 и т. 1 наст. собр.;

мимо стана в поле крысой — см.: 46, 53, 71, 100, 134, 189;

прекрасная Мария горевала — см. прим. к 132;

на Морской — с 1918 г. — ул. Герцена; выводила через Невский пр. прямо к Зимнему дворцу;

Ниже трехсот метров не опускайся — вар. числа 3; см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 184, 186, 190;

четыре шага до ворот осталось — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84.87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188;

пели ирмосы — вступительные стихи церковного песнопения;

В его руках виднелась книга, // он пальцем заложил страницу — ср. текст 59 в т. 1 наст. собр.;

Поставьте самовар; ручеек из самовара; проплывает мимо горницы топор // а за ним Иван Иваныч Самовар — ср. прим. к 77 а также т. 1 наст. собр.;

в небе лампа потухает — см.: 15, 134 и т. 1 наст. собр.;

А я подумал: это чудо — Обернибесова просят о чуде и он отвечает на просьбу, чем в конце-концов и подтверждает свою бесовскую сущность; см.: 15, 64, 132;

Тогда пробило десять вечера — см.: 15, 16, 57, 132, 134, 141;

Баня грязна — см.: 111, 133 и т. 1 наст. собр.;

я таю свечкой на дожде — об эротических коннотациях этого мотива см. т. 1 наст. собр.;

Ты помнишь Петю Пирогова? — гоголевская фамилия (у Хармса два мужских и один женский персонажи с такой фамилией);

А вот и пьяница, и дама — еще блоковские мотивы вплоть до идентификации блоковского персонажа с самим поэтом (см. далее: «Сашка»);

он умчался из окна — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 125, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200;

тухнет солнышко как свечка на ветру — см. выше.

134. Впервые — Gibian. P. 172-205. Авторизованная машинопись — собр. Н. И. Харджиева.

Наиболее достоверная публикация текста пьесы (литературного и сценического вариантов по авторизованной машинописи из собр. Харджиева), анализ процесса создания и постановки а также развернутый текстологический и содержательный комментарий — Мейлах. P. 163–246.

Пьеса написана специально для вечера ОБЭРИУ и должна была представительствовать его программные установки в жанре драматургии. Разумеется (иначе не могло оказаться), пьеса демонстрировала, прежде всего, не столько коллективную программу, сколько собственно хармсовские творческие принципы, тем более, что к тому времени он имел уже некоторый творческий опыт в разных жанрах. Пьеса была представлена на сцене Дома печати 24 января 1928 года на ставшем впоследствии знаменитым вечере «Три левых часа».

Елизавета — как уже отмечалось, это имя встречается в 8 текстах Хармса во всех жанрах; его происхождению легко подбираются реальные мотивировки;

В окно? — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 143<3, 26, 27, 29>, 200;

Петр Николаевич — встретим это имя в 20 текстах Хармса;

Иван Иванович — как уже отмечено, Иван — самое распространенное имя персонажей Хармса (26 текстов), а Иванов Ивановичей встретим в 7 текстах; относим это явление на счет увлечения Хармса Гоголем, у которого в его текстах те же, примерно, пропорции. Иваны Ивановичи у обоих писателей сопровождаются эротическими коннотациями (см., например, т. 1

наст. собр., текст 2), они наличествуют и в комментируемом тексте; парность персонажей также отсылает к Гоголю;

вы незабудка — олицетворяет верность; см. также т. 1 наст. собр.;

А вы тюльпан — олицетворяет счастье; см. подобное сочетание незабудки и тюльпана в т. 1 наст. собр., 63;

Елизавета Таракановна; лишь мыши да тараканы; сидит на печке таракан, пустынник таракан; таракан тараканович, в рубахе с рыжим воротом и с топором в руках сидит — ср. с особенным пристратием к этому насекомому друга Хармса Н. М. Олейникова; см. также: Золотоносов II. С. 121;

Вот вспыхнуло утро — начало популярного в предреволюционные годы романса «Чайка» (Мейлах. Р. 243);

пять без пяти — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 101, 121, 128, 132, 134, 143<10>, 147, 163, 188;

под фарлушкой — И.Бахтерев придумал это слово для характеристики предмета, не имеющего какого-либо определенного назначения (Бахтерев. С. 91);

Покупая птицу ∞ это не птица — реминисценция из басни гр. Хвостова «Два голубя» (Мейлах. Р. 243);

Прибежали два плотника — здесь, скорее, можно соотнести с эротическими коннотациями столяров и лесорубов у Хармса (см. т. 1 наст. собр.);

Варвара Семенна — ср. 171;

штук пятнадцать — см.: 82, 143<26>, 147;

прошло 38 лет — экзотическое число в нумерологии Хармса;

10 штук — см.: 15, 16, 57, 132, 133, 141;

до четвертого этажа и далее — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188;

Наверху, говорит, сосна и далее — об использовании Хармсом мифопоэтических (эротических) коннотаций мотива сосны см.: т. 1 наст. собр., 95;

восемь минут — см.: 10, 30, 36, 75, 87, 125, 132, 143<4>;

А кто же лампу зажигать? — см.: 15, 133; см. также т. 1 наст. собр.;

фундамента сундук — см.: 10, 57, 85, 143<9>; см. также т. 1 наст. собр.;

за колебаньем наших сабель — см. 133, 140 и т. 1 наст. собр.

Мамаша (входя) и далее — не пародия ли на сумасшествие Офелии в «Гамлете»?

135. Впервые — СП-II. С. 109–120. Автограф — РНБ.

Первоначально Хармс, вероятно, предполагал пополнить текст: на отдельном листе под датой «Ночь с 19–20 декабря 1930 года» он записал правленный (со значительным количеством зачеркнутых фрагментов) текст, который приводим ниже, опуская зачеркнутое:

Гвидон Когда дубов зеленый лист
среди росы
когда в ушах мы слышим свист
кривой косы
когда земля трещит в длину
и пополам
тогда мы смотрим на луну
и страшно нам
но лишь в ответ ударит в пень
стальной топор
умчится ночь настанет день
и грянет хор
тогда во мне открыв глаза
проснется вновь
волна морей небес гроза
моя любовь

Настоятель грусти полны ваши неги
синих морок и луны
это к буквам абевеги
мчатся ваши каллуны
это сделав дикий крик
мчится разум осмелев
нашей мысли материк
сокол духа тела лев
так любовь из тела недр
разгорается как пламя
и любви могучий кедр
над рассудком держит знамя
тут является сомненье
дара мира страшный ров
меч натуры гром смятенья
гриб желтуха страсти кров
Сохнут реки наших знаний
в нашем черепе великом
скачет стадо быстрых ланей
наполняет воздух криком
полным неги. Это грех
череп треснет как орех

Но этот текст Хармс не внес в окончательную редакцию, добавив, впрочем, к ранее написанным под основным текстом датам число 20. 22 декабря 1930 г. Хармс передал текст Э. Русаковой (о ней см. т. 1 наст.собр.) с сопроводительной запиской: «...я тебе ее посвятил». М. Мейлах называет «Гвидон» «гетевским» произведением Хармса (Мейлах II. С. 261). А. Александров отметил продолжение мотивов «Мести» (т. 1 наст. собр., 98). Наименование заглавного героя, видимо, можно идентифицировать с известным Хармсу из египетской мифоло-

гии Сетом, заключенным в сундук, — мотив, который уже обыгрывался им в «Лапе» (см. т. 1 наст. собр., 95); отсюда же, по-видимому, проходящий по тексту мотив сосны, исключительно важный в этом мифе (см. там же);

Лиза — см. прим. к 134;

треплет шинель — см. т. 1 наст. собр.;

уснут орлы ∞ урлы-мурлы — отметим автоцитату в любимом мотиве Хармса (см. т. 1 наст. собр., 20 ; всего в 14 текстах);

преподобный Августин — Блаженный Аврелий Августин (354-430), проповедник божественной благодати, предопределяющей человеческую историю;

монахи в церковь на горе и далее — см.: 2, 27, 116 и т. 1 наст. собр.;

Смерть кондуктор могил — ср. с «кондуктор чисел» в т. 1 наст. собр., 237;

Вопросов не решая и далее — ср. с «Русской историей от Гостомысла с IX по XIX век» А.К.Толстого;

в меня глядел сквозь кулачёк — ср.: т. 1 наст. собр., 47.

136. Впервые — СП-IV. С. 13–16. Автограф — РНБ.

Как уже отмечалось, наличие исторических персонажей — последнего русского императора Николая II (1868–1918), его жены, имп. Александры Федоровны (1872–1918) и других — не означает у Хармса создания «исторического» произведения: историческое время, как и его герои, смещены и трансформированы «до неузнаваемости» (в этом, может быть, и есть сверхзадача Хармса).

свети ко мне в окно и далее игра с этим мотивом — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 143<3, 26, 27, 29>, 200;

дочь Мария — см. прим. к 133.

137.Впервые — СП-III. С.3-6. Автограф — РНБ.

Баронесса Пирогова — рассматриваем как «гоголевскую» фамилию у Хармса, которая в мужском роде появляется еще в текстах 133 и 159;

не хуже Собинова — Леонид Витальевич Собинов (1872–1934), певец;

Иван Антоныч — как видим, Хозяин носит излюбленное Хармсом имя;

Мария — см. прим. к 133;

Мотыльков — см.: 25 и 143<25>;

Уйду и с туфель сдуну прах — М. Мейлах отметил сниженный парафраз евангельского текста (Мф. 10, 14);

из Порт-Артура — место сражения российских войск с японскими в 1904 г.

138. Впервые — СП-IV.1 С. 20–25. Автограф — РНБ.

таить в себе любовные страсти — далее зачеркнуто:

Я в парк от мира удаляюсь
среди травы один валяюсь
и там любви как ангел внемлю
и как кабан кусаю землю
Потом во мне взрывается река
и я, походкой старика
спешу в назначенное место,
где ждет меня моя невеста.

«О Боже! Боже! — далее зачеркнуто:

Верочка Ах, оставьте, в ваши годы
стыдно к девочкам ходить
Ваши речи, точно воды,
их не могут возбудить.
вы беззубы, это плохо.
Плешь на четверть головы,
вы старик, и даже вздоха
удержать не в силах вы

Факиров — см. также 28;

а в книгах новая вода — одна из коннотаций важного для Хармса мотива воды, как источника знаний (см.: 7, 97, 119, 125, 192; см. также т. 1 наст. собр.);

Хвилищевский — похоже, что Хармс пытался разрабатывать разные сюжеты с этой парой персонажей в разных жанрах (см. 28);

Верочка — см. также 16 и 186;

Из шкапа выглядывает — о важности этого мотива у Хармса см. т. 1 наст. собр.

Антон Антонович — имя встретим в 13 текстах, а подобную парность (относимую нами на счет гоголевского влияния) — в 5 текстах Хармса;

Я не имею больше власти //таить в себе любовные страсти — автоцитата (см. т. 1 наст. собр., 171);

четыре года -см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 1–21, 129, 133, 134, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188.

139. Впервые — Нева. 1988. № 6. С. 204–205. Автограф — РНБ.

смотрит в окно — см.:2, 7–9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 136, 143<3, 26, 27, 29>, 200.

Циклы и сборники

В архиве Хармса имеется всего семь сформированных им подборок текстов: одна стихотворная (см. т. 1 наст. собр.) и шесть прозаических или смешанного содержания. О последних шести и пойдет здесь речь.

Из них собственно сборниками мы можем уверенно называть «Случаи» и еще два комплекса. Самостоятельность входящих в эти три сборника текстов нам известна по их существованию в отдельных автографах: таким образом, здесь очевиден авторский замысел объединить первоначально независимые друг от друга тексты. Три других комплекса — скорее циклы, изначально (или почти синхронно с началом работы над первым) осознававшиеся как будущий единый текст и так и писавшиеся.

Таким образом, из условно называемых нами сборниками в настоящем собрании мы публикуем «Случаи» (как имеющий наиболее отчетливо выраженную авторскую волю относительно его формы — наличие в автографе титульного листа с посвящением, оглавление) и три цикла.

Для того, чтобы дать представление о составе остальных двух сборников, перечислим входящие в них тексты:

1.«Пушкин и Гоголь», «Неудачный спектакль», «Математик и Андрей Семенович», «Новая Анатомия», «Обезоруженный или неудавшаяся любовь», «Страшная смерть», «По вторникам над мостовой...», «Виктору Владимировичу Хлебникову», «Послание Казимиру», «Оптический обман», «Окно», «Подруга», «Утро (пробуждение элементов)», «Небо», «Первое послание к Марине», «Второе послание к Марине», «О драме», «Инкубаторный период», «Одна особа, ломая в горести руки...», «Липавского начала мучить...».

2. «Размышление о Девице», «Неизвестной Наташе», «Математик и Андрей Семенович», «Пушкин и Гоголь», «Неудачный спектакль», «Обезоруженный или неудавшаяся любовь», «Макаров и Петерсен. <№ 3>», «Оптический обман», «Петров и Камаров», «Новая Анатомия», «Песень».

В. Глоцер первым привлек внимание к тому, что при заглавиях многих из входящих в эти сборники текстов а также и над отдельными другими текстами Хармса имеется значок m с цифрой (в общей сложности таких пронумерованных текстов 38, а среди значков самый старший — 43: некоторые номера не обнаружены). Не давая какой-либо интерпретации значку m, В. Глоцер высказал предположение, что таким образом Хармс отбирал и нумеровал собственные тексты для будущей книги (Глоцер. С. 206–212).

Страсть Хармса к складыванию книг из своих текстов известна (см., например, вступит. статью к наст. собр.), однако, самым интригующим является собственно значек m и общая нумерация. Полагаем, что объяснение тому и другому надо искать в эзотерических, оккультных интересах Хармса. Мы предполагаем, что Хармс создавал на основе уже написанных им текстов собственную колоду карт Таро, соотнося их содержание с интерпретацией соответствующей карты. Не вдаваясь здесь в подробное рассмотрение этих соответствий, отметим лишь, что в некото-

рых случаях сопряжения того и другого очень убедительны (учитывая еще, что Хармс не писал тексты на темы той или иной карты Таро, как это практиковалось иными авторами, а «применял» ту или иную карту к своим текстам).

Общая же нумерация таких значков — 43 — почти совпадает с общим количеством Гермесовых книг, содержащих тайное учение оккультистов — их всего 42 (вполне в духе Хармса было внести здесь свою новацию). См. также: Сажин IV. С. 89–94.

140. Все тексты, составляющие цикл, объединены разносторонней трактовкой существа и свойств окружающего человека мира и возможностей его познания (отдельные мотивы и детали этой темы встречаем во множестве самостоятельных текстов Хармса).

Укажем несколько источников, которые несомненно повлияли на Хармса и «прослушиваются» в текстах цикла. Это, прежде всего, обоснование мира четырех измерений в книге П. Д. Успенского «Tertium organum. Ключ к загадкам мира», выписки из которой сохранились в архиве писателя (к идеям этой книги по ходу комментирования текстов Хармса неизбежно приходилось уже обращаться). Основополагающим в книге Успенского является утверждение иллюзорности мира трех измерений: «Прошедшего уже нет; будущего еще нет; настоящее — переход из одного небытия в другое. Но этот короткий миг — фикция. Он не имеет измерения. Таким образом, настоящего не существует. То, что мы уловили — уже прошедшее. Таким образом, мира не существует. Но, между тем, мы живем, существуем, следовательно, в нашем рассуждении есть какая-то ошибка» (Успенский. С. 28–29). По мысли Успенского, восприятие подлинного мира возможно лишь при изменении сознания и способа восприятия мира: «Если бы мы могли изменить свой психический аппарат и увидели бы при этом, что изменился мир кругом нас, то это было бы для нас доказательством зависимости свойств пространства от свойств нашего сознания» (Успенский. С. 70). Такое «расширение сознания» дает оккультизм. Схожие идеи Хармс находил и у Папюса (см., например: Папюс. С. 87 и др.). Вне доктрины оккультизма о «физике четырех измерений», в отличие от «геометрии трех измерений» , писал Г. Минковский в книге «Пространство и время» (СПб., 1911). Знакомство с его теорией Я. Друскина (см. Чинари) позволяет предположить, что и Хармсу она была знакома. В связи с исходным постулатом об особых свойствах мира четырех измерений, в отличие от привычного человеку трехмерного мира, находятся рассуждения Хармса о «текучести» (об источниках этого понятия см. в т. 1 наст. собр.) и соотношении трансфинитных и цисфинитных чисел (там же, 94 и 118). К настоящему (как и другим подобным) квазинаучным текстам Хармса следует относиться с достаточной мерой трезвой иронии — они, эти тексты, сами внутренне автоироничны. Как свойственно Хармсу, он своеобразно трансформирует почерпнутые им в разных источниках серьезные научные теории, балансируя на грани учености и

игры. Так, для измерения непостижимых формальной логикой свойств мира он вводит свою меру — саблю. Литературный источник этого «термина» находим в «Мертвых душах» Гоголя (см. т. 1 наст. собр., 98 и др.; см. также: Сажин IV. С. 97).

Обстоятельную интерпретацию наст. текста см.: Жаккар I. С. 89–92, 103–106.

1. Впервые — Полет в небеса. С. 73–76. Автограф — РНБ.

В процессе работы Хармс изменил первоначальные имена персонажей: Ляполянов — был Лядов; Гуриндурин — Петров (он стал бы десятым Петровым в текстах Хармса); Плотник носил фамилию Винтер.

Заглавие ср. с «Управлением вещей» в «Авиации превращений» Хармса (отм. Жаккар I — см. т. 1 наст. собр., 29).

вершок — мера длины, равная 4, 44 см.;

Шагами измеряют пашни, //а саблей тело человеческое, //но вещи измеряют вилкой — Т. Горячева предположила, что в качестве эталонов мер подразумеваются детали картин Малевича «Авиатор» и «Англичанин в Москве» (Горячева. С. 52);

Плотник — см. т. 1 наст. собр.;

сажень — мера длины, равная 213, 36 см.;

2. Впервые — NRL. 1979–1980. Автограф — РНБ.

Ж.-Ф. Жаккар соотнес наст. текст с «О субъективном и объективном в искусстве» К. Малевича (Жаккар I. С. 90 и далее).

И. Е. Лощилов, остроумно проанализировав наст. текст., пришел к выводу, что «Сабля» «...задумана как некое человеческое существо <...>, «окна» и «дыры» которого суть параграфы трактата» (Лощилов. С. 155).

рабочее и нерабочее время — Л. Флейшман соотнес с «1 Разрушение» (см. т. 1 наст. собр., 65);

мы теперь уже не мир и далее — ср. с п. 5 наст. текста;

Гибель уха ∞ слепота — автоцитата (см. т. 1 наст. собр., 56);

Сон Козьмы Пруткова — имеется в виду следующее место из любимого Хармсом Козьмы Пруткова: «<...> в ночь с 10 на 11 апреля 1825 г., возвратясь поздно домой с товарищеской попойки и едва прилегши на койку, он увидел перед собой голого бригадного генерала, в эполетах, который, подняв его с койки за руку и не дав ему одеться повлек его молча по каким-то длинным и темным коридорам <...>» («Биографические сведения о Козьме Пруткове» — Прутков. С. 332–333);

«*Время — мера — мира*» — Хармс воспроизводит заглавие книги В. Хлебникова (Пг., 1916), в которой на основе математических вычислений устанавливались закономерности исторических событий. При этом Хлебников, как потом Хармс, исходит из идеи исчерпанности всех прежних мер, с помощью которых определялись свойства мира;

всё — см. т. 1 наст. собр.;

3. Впервые — Л. 1990. № 13/18. С. 7. Автограф — РНБ.

Ж.-Ф. Жаккар обратил внимание на опосредованную — через А. Туфанова — связь идеи текучести у Хармса с А. Бергсоном, который в «Творческой эволюции» писал о непрерывности, текучести органической жизни, не поддающейся вследствие этого умопостижению. Ум постигает только прерываемое (Жаккар II. С. 15 и 31). См. также т. 1 наст. собр. Ср. с хармсовской концепцией времени, о которой говорится в тт. 1 и 2 наст. собр.;

Одиннадцать — см. 132; т. 1 наст. собр., 135.

4. Впервые — SU/US. 1978. № 5(2), P. 287–300. Автограф — РНБ.

В индийской философии (изучением которой занимался Хармс), эволюция вселенной рассматривается в том числе как сочетание «форм и фигур», как процесс математический (Чаттерджи. С. 34). Ср. также с часто употребляемым А. Бергсоном выражением: «логика, присущая числам и фигурам» (Бергсон. С. 148).

И. Левин обратил внимание на связь наст. текста с духом философии супрематизма и творческими исканиями К. Малевича (Levin. P. 290 и др.);

Пятое значение шкафа — есть шкаф — см.: 138 и т. 1 наст. собр.;

БЕССМЫСЛЕННЫЙ — бессмыслица (абсурд) понимается Хармсом (Введенским и другими чинарями) как содержательная характеристика мира вечности — единственно реального и истинного в отличие от земного мира (см. Чинари).

5. Впервые — Полет в небеса. С. 313–314. Автографы — РНБ.

я и есть мир. Но мир это не я и далее до конца этого текста — в связи с общей концепцией текста и в особенности по поводу наст. фрагмента кажется уместным напомнить о гностических увлечениях Хармса, поскольку именно гностикам была свойственна такая двойственность взгляда «в истине» и «в мире»: когда видишь в мире — я и мир это разное, когда видишь в истине — я это мир, а мир — это я (Трофимова. С. 184 и далее).

6. Впервые — NRL. 1979–1980. Автограф — РНБ.

Cisfinitum — см. вступит. заметку к наст. тексту и т. 1 наст. собр.;

Леонид Савельевич Липавский — см. 50 и т. 1 наст. собр., 234; в связи с заглавием текста и обращением необходимо иметь в виду, что в работах Липавского, с которыми Хармс непременно знакомился и их обсуждал, ствол имеет вполне недвусмысленное значение мужского полового члена, поэтому напомним еще раз об определенной мере иронии, которой требует интерпретация подобных квазинаучных трактатов Хармса.

7. Впервые — NRL. 1979–1980. Автограф — РНБ.

О значении мотивов ноля, нуля и связанного с ними мотива бесконечности см.: Жаккар I. С. 85–88. Ср. также с божественным

ничто, Океаном (нолем?) у В. Одоевского и любомудров (Сакулин. С. 104, 134–135). См. еще т. 1 наст. собр.

8. Впервые — NRL. 1979–1980. Автограф — РНБ.

Мотив круга естественно следует за предыдущими рассуждениями, поскольку прямо с ними связан.

141. Впервые — ВЛ. 1973. № 11. С. 297–302. Автограф — РНБ.

Купюры первой публ. и разночтения с черновым автографом (ЧС) приведены В. Эрлем (Хармсиздат представляет. С. 39–41).

В настоящем цикле Хармс совершенно очевидно перемежает реальность и вымысел, тем самым выводя текст за пределы поверхностного автобиографизма.

Однажды — см.: 37, 49, 56, 57, 62, 68, 73, 78, 112, 143, 200;

Евгений Львович Шварц (1896–1958) — драматург;

Нина Владимировна Гернет (1904–1982) — детская писательница, зав. редакцией журнала «Чиж»;

Давид Ефимович Рахмилович (псевд. Южин) — отв. ред. «Чижа» в 1933–1935 гг.;

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958) — поэт;

Валентина Ефимовна Гольдина (в замуж. Каменская; 1902–1968) подруга Т. А. Мейер (Липавской);

Леонид Савельевич Липавский — см. выше;

Юлий Соломонович Берзин (1904–1938) — писатель;

Вольф Израилевич Эрлих (1902–1944) — писатель;

Николай Макарович Олейников — см. выше;

Яков Семенович Друскин — см. выше;

Я слыхал такое выражение: «Лови момент!» — ср. с вступит. заметкой к тексту 140;

Когда два человека играют в шахматы — см. также т. 1 наст. собр. и «Разговоры»; ср. также с трактовкой мироустройства, как шахматной игры, в «Големе» Г. Мейринка, повлиявшем на Хармса;

А картежников я бы казнил — ср. с азартным увлечением картами А. Введенского;

Женщины меня интересовали всегда и далее — ср.: 20, 34, 38, 57–59, 67, 80, 116, 118, 129, 141, 163, 183;

Вот другое дело дети — см.: 67, 76, 107, 111, 132, 141, 143<4, 29>;

Александр Иванович Введенский — см. выше;

Константин Игнатьевич Дровацкий — бухгалтер Ленгиза.

142. Условное общее заглавие всех нижеследующих текстов — «Голубая тетрадь» — дается по традиции вследствие того, что Хармс, перенеся в сборник «Случаи» текст 10, придал ему там заглавие «Голубая тетрадь, № 10». Действительно, публикуемый комплекс текстов записан в тетрадь с плотной картонной обложкой, обтянутой голубым муаром. Как нередко у Хармса, тексты очевидно дневникового характера сосуществуют здесь с явно ли-

тературными, образуя размытую в своих очертаниях (или новую) жанровую структуру.

В Альбом. Впервые — Материалы. С. 104. Автограф — РНБ.

Ср.: Козьма Прутков. Плоды раздумья. Мысли и афоризмы, п. 75.

1. Впервые — А. 1974. № 7. С. 78. Автограф — РНБ.

2. Радуга. 1988. № 7. Автограф — РНБ.

Перльман — правильно: Перельман Ефим Соломонович (р. 1881), известный автор популярных книг о математике и физике;

3. Впервые — А. 1974. № 7. С. 78. Автограф — РНБ.

Случай — см.: 6, 22, 90, 112, 120, 130, 143, 148, 200;

4. Впервые — Г. 1971. № 81. С. 65. Автограф — РНБ.

Случай — см. выше; как видим, это тоже всё в некотором роде «Случаи»;

5. Впервые — Г. 1971. № 81. С. 65. Автограф — РНБ.

равновесие — см. прим. к 31;

6. Впервые — Г. 1971. № 81. С. 65. Автограф — РНБ.

выходить из равновесия? — см. выше;

7. Впервые — КО. 1988. № 43. С. 10. Автограф — РНБ.

Путешествуя — ср. с п. 1;

8. Впервые — КО. 1988. № 43. С. 10. Автограф — РНБ.

9. Впервые — А. 1974. № 7. С. 78. Автограф — РНБ.

10. Впервые — CR. 1969. № 14. P. 80–81. Автографы — РНБ.

На левой чистой странице тетради — относящаяся к наст. тексту помета Хармса: «Против Канта».

Таким образом. это еще один «антикантовский» текст Хармса (см. выше и т. 1 наст. собрания). Отметим, что антикантовский характер имела хорошо известная книга А. Бергсона «Творческая эволюция» (см., например: Бергсон. С. 181, 253–254 и др.). По-видимому, помимо Канта, в круг текстов, по отношению к которым полемичен Хармс, может быть введена «Метафизика» Аристотеля, где, например, утверждается: «<...> невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении; <...> в одно и то же время быть и не быть нельзя» (философ оперирует примером с понятием «бледный» — Аристотель. С. 125–126; см. также: Сажин. С. 91).

Можно указать на несколько вероятных источников происхождения «героя» текста Хармса. Во-первых, если следовать, так сказать, кантовской линии, не исключено, что Хармс имел в виду не просто общую концепцию философа, но конкретную работу, в ко-

торой, наряду и с другими исследованиями, эта концепция развивается, именно тот раздел в «Критике чистого разума», где речь идет о невозможности логического доказательства существования Бога. Наше предположение основано на том, что в иудаистической традиции с Богом Саваофом ассоциируется огненный цвет. С другой стороны, в известной Хармсу литературе по египтологии он мог почерпнуть сведения о том, что в Древнем Египте люди разделялись «на две категории: последователи бога Хора — добропорядочные люди; и последователи бога Сетха — рыжие, злонамеренные. Красноватый или рыжий цвет пустыни был областью владений Сетха, бога, враждебного людям (Коростовцев. С. 44). Д. Фрэзер рассказывает о древнеегипетских обрядах: «Что касается человеческих жертв, пепел которых развеивался египтянами по полям, то весьма знаменательным, несомненно, является рыжий цвет волос этих несчастных: быки, которых приносили в жертву в Египте, тоже должны были быть красными»(Фрэзер. С. 94). Наконец, как отметил Н. Корнуэлл, в романе «Голод» одного из любимых хармсовских авторов К. Гамсуна описан несуществующий рыжий человек (Cornwell. P. 21).

11. Автограф — РНБ.
У одной бабушки — отнюдь не то же, что старуха; см. т. 1 наст. собр.;
четыре зуба; четыре зайца — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 138, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 186, 188;
три зуба наверху; три зайца наверху — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 184, 186, 190;

12. Впервые — Gibian. P. 69-70. Автограф — РНБ.
Пантелей — см.: 42, 62, 80 и т. 1 наст. собр., 106;
Иван — уже не раз отмечалось, что это самое популярное у Хармса имя персонажа (26 текстов);
Селифан — см. прим. к 77;

13. Впервые — Gibian. P. 70. Автограф — РНБ.
крысы мышку загрызли — см.: 46, 53, 71, 100, 133, 134, 189;
Спи, мой мальчик — см.: 1, 15, 78, 93, 102, 132, 143<10, 12, 16, 24>, 176, 182; см. также т. 1 наст. собр.;

14. Впервые — Gibian. P. 70-71. Автограф — РНБ.

15. Впервые — Gibian. P. 71-72. Автограф — РНБ.
У меня в сундуке — см.: 10, 57, 85, 134, 143<9>; см. также т. 1 наст. собр.;

16. Автограф — РНБ.

17. Автограф — РНБ.

18–19. Впервые — Г. 1971. № 81. С. 65.

Федя — не случайное, судя по частоте появления, имя хармсовских персонажей: см. прим. к 37;

20. Впервые — Gibian. P. 73. Автограф — РНБ.

Я подавился — о мифологическом происхождении и важности у Хармса мотива испытания едой см. прим. к 52 и т. 1 наст. собр.;

Пробежала мышка — см. выше;

За мышкой бежал Иван — см. выше;

пробегая мимо старухи — см.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 143<3>, 163;

21. Впервые — СП–IV. С. 94. Автограф — РНБ.

четыре дня — см. выше;

22. Впервые — WSA. 1982. В. 5. Автограф — РНБ.

23. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 496. Автограф — РНБ.

24. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 496. Автограф — РНБ.

Зашел к Житкову — см. выше;

с Мариной к Буддийской пагоде — т. е. с М. В. Малич (см. выше); о Буддийском храме см. прим. к 132;

25. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 496-497. Автограф — РНБ.

Далее следует текст под № 26, зачеркнутый Хармсом:

«Фонарев неожиданно разбогател. Он вдруг получил возможность хорошо одеться, отремонтировать свою комнату, обставить ее дорогими вещами, купленными в комиссионном магазине и несмотря на это, у него осталось еще достаточно денег, чтобы каждый день обедать в хорошей вегетарьянской столовой, а вечером забираться в кавказский буфет и сидеть там до закрытия. Когда Фонарев был еще бедным, у него было много друзей. Бывали дни, когда Фонареву было нечего есть. Тогда он шел к своему другу Рубанову, и Рубанов почти всегда кормил Фонарева. Зато бывало, что и Рубанов приходил к Фонареву голодным. И если у Фонарева тоже ничего не было, то они вместе шли к Вейтелю и Вейтель кормил их. Но если и у Вейтеля ничего не было, то они все втроем отправлялись к Минаеву (родственнику известного поэта Минаева). Но у Минаева почти всегда никогда не было денег. Зато у Минаева была библиотека, оставшаяся ему от знаменитого родственника».

Упомянутый *известный поэт* — Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835–1889), прославившийся сатирическими стихами и пародиями.

27. Впервые — WSA. 1982. Bd. 5. S. 66. Автограф — РНБ.

28. Впервые — СП–IV. С. 59. Автографы — РНБ.

Против 4 стиха помета Хармса: «Var.: Не прилетит посол небес». Вне тетради имеется отдельный автограф наст. текста с заголовком<?>: «Gr. 162».

29. Впервые — СП–IV. С. 118. Автографы — РНБ.

По-видимому, относится к кругу текстов, объединяемых «Упражнениями в классических размерах» (см. т. 1 наст. собр.).

мчится в тележке Петров — один из 9 Петровых у Хармса (см. прим. 36);

и мухи со свистом летают везде — см.: 8, 44, 114, 117, 143<14>, 147; см. также т. 1 наст. собр.

143. Начиная с одного из ранних произведений Хармса — стихотворения «Случай на железной дороге» (1926; см. т. 1 наст. собр., 18), в течение, по крайней мере, 13 лет (как показывают наиболее поздние даты текстов настоящего сборника), слово *случай* то и дело возникает у Хармса в качестве заглавия прозаических и стихотворных текстов или составляет их содержание (помимо слова случай, словами-сигналами таких текстов являются еще *однажды* и *событие*). Такое пристрастие к одной определенной сюжетной (и словесной) конструкции связано, как уже приходилось отмечать по конкретным поводам (см.: 6, 22, 90, 112, 120, 130, 142<3>; см. также т. 1 наст. собр.) с хармсовской концепцией времени, определяющейся оккультными воззрениями. Повторим, что фундаментальным источником таких воззрений для Хармса была книга П. Д. Успенского «Tertium organum. Ключ к загадкам мира». По Успенскому, в мире четырех измерений время — неостановимый и непрерывно движущийся поток событий, что равнозначно его несуществованию и, следовательно, невозможности отделения событий одного от другого: то, что в иной системе воззрений называется вечностью. Время ощутимо по событиям, которые случаются — это свойство плоского трехмерного земного мира. Причем, в мире хармсовских текстов это буквально ощущается как включение (в начале) и выключение (в конце) времени по команде автора-творца. Поскольку истинное место пребывания человека — вечность, то все, что случается во временном мире, не просто нереально и неистинно, но отвратительно, уродливо и всем содержанием события и участвующих в нем персонажей должно это демонстрировать. Сборник «Случаи» — такая демонстрация в наиболее концентрированной форме.

Р. Айзлвуд связал также высокую частоту слов «случай» и «происшествие» у Хармса с аналогичным явлением в текстах Гоголя (Aizlwood II. P. 98).

О концепции времени у Хармса в контексте размышлений на ту же тему Я. Друскина и Л. Липавского см.: Жаккар I. С. 154–161 и др.

Сборник посвящен М. В. Малич (см. выше и т. 1 наст. собр.).

Тексты по 28 включительно записаны одними чернилами, с 29 по 31 другими, т. е., по-видимому, вписаны позднее других.

<1>. Впервые — CR. 1969. № 14. P. 80-81. Автографы — РНБ. См. прим. к 142<10>.

<2>. Впервые — Gibian. P. 51. Опубл. В. Глоцером с указанием на свой приоритет: ВМК. 1987. № 12. Автографы — РНБ.

А Круглов нарисовал даму с кнутом в руках — не обязан ли Хармс этим мотивом книге Л. Захер-Мазоха «Венера в мехах»? (См. также т. 1 наст. собр.);

четыреста рублей — вариант числа 4 (см.:4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 138, 142, 184, 186, 188);

<3>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

В тексте сопрягаются два важных хармсовских мотива: старухи и окна, причем (как уже приходилось отмечать выше), если для иных окно это путь в небо-вечность, то для старух всегда падение вниз (см., соответственно: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 136, 139, 200; 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 142, 163; см. также т. 1 наст. собр.;

шестая старуха — см.: 8, 12, 78, 93, 132, 141;

на Мальцевский рынок — традиционнное наименование Некрасовского рынка (ул. Некрасова, д. 52), ближайшего к хармсовскому дому;

Далее следует текст, который Хармс впоследствие перечеркнул:

Происшествие на улице

Однажды один человек соскочил с трамвая да так неудачно, что попал под автомобиль.

Движение уличное остановилось и милиционер принялся выяснять, как произошло это несчастие.

Шофёр долго что-то объяснял, показывая пальцем на передние колёса автомобиля.

Милиционер ощупал эти колёса и записал в свою книжечку название улицы.

Вкруг собралась довольно многочисленная толпа.

Какой-то гражданин с тусклыми глазами всё время сваливался с тумбы.

Какая-то дама всё оглядывалась на другую даму, а та, в свою очередь, всё оглядывалась на первую даму.

Потом толпа разошлась и уличное движение вновь восстановилось.

Гражданин с тусклыми глазами долго ещё валился с тумбы, но наконец и он, отчаявшись, видно, утвердиться на тумбе, лёг просто на тротуар.

В это время какой-то человек, нёсший стул, со всего размаха угодил под трамвай.

Опять пришёл милиционер, опять собралась толпа и остановилось уличное движение. И гражданин с тусклыми глазами опять начал сваливаться с тумбы.

Ну, а потом всё опять стало хорошо, и даже Иван Семёнович Карпов завернул в столовую.

<10 января 1935>

Этот текст опубл. впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

Карпов — см. также: т. 1 наст. собр., 88.

<4>. Впервые — CR. 1969. № 14. P. 84. Автографы — РНБ.

Что нам было делать? — в отдельном автографе после этих слов иное окончание текста:

«Мы пошли гулять на набережную Жореса. Земля обращается вокруг солнца приблизительно в 357 дней.

Харюга!»

Набережная Жореса — после 1945 г. наб. Кутузова;

«Странная» задача, решаемая в наст. тексте, имеет, возможно, вполне реальную подоплеку: в карточных играх, например, *семерка* — это *восьмая* по старшинству карта в масти, что может запутать непросвещенного человека (заядлым картежником был друг Хармса А. Введенский; см. также использование терминов карточной игры в т. 1 наст. собр., 88 и 137).

на углу Знаменской и Бассейной улицы — соответственно: ул. Восстания (с 1923 г.) и Некрасова (с 1918 г.); в отдельном автографе именно эти наименования;

свалился какой-то ребенок — см.: 67, 76, 107, 111, 132, 141;

<5>. Впервые — Gibian. P. 85. Автографы — РНБ.

Петров — см. выше;

Камаров — см. прим. к 32;

<6>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

Семен Семенович — еще встретится в тексте 191.

Не пришел ли этот Семен Семенович, как и многое другое, от Гоголя: из неосуществленного произведения о Семене Семеновиче Батюшек, который «<...>завел обыкновение глядеть из окна решительно на все, что ни есть на улице». Весь сохранившийся текст этого произведения посвящен описанию неустанного любопытного разглядывания Семеном Семеновичем всего, происходящего перед его окнами (Гоголь. С. 286).

Обратим также внимание на следующее место в «Обломове» Гончарова: «Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было в глазах его оптический обман, то или другое отражение лучей и красок на сетке органа зрения или же, наконец, факт, до которого еще не дошла очередь опыта».

Ср. также с рассуждениями Г. Гельмгольца об «обманчивых ощущениях» (Гельмгольц. С. 144–145). Первым обратил внимание

на связь Хармса с идеями Гельмгольца Ж. -Ф. Жаккар (см.: Жаккар I. С. 293).

Об аналогиях с кантовскими идеями см.: Сажин. С. 92.

<7>. Впервые — Gibian. P. 83–84. Автографы — РНБ.

А. Никитаев находит соприкосновение ситуации наст. текста с цитируемыми Мережковским в книге «Гоголь и черт» словами Гоголя: «Я, например, увижу, что кто-нибудь споткнулся, тотчас же воображение за это ухватится, начнет развивать...», а также со словами В. А. Тернавцева, сказанными в споре с тем же Мережковским на заседании Петербургских Религиозно-философских Собраний: «Да, но это абсурд: для идущего на пророческое служение спотыкаться об Пушкина!..» (Никитаев. С. 49-50).

<8>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

В отдельном автографе заглавие: «Столяр падает».

столяр — см. также в т. 1 наст. собр., 2, 95;

<9>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

В отдельном автографе с подписью «Чармс» заглавие: «Гамма Сундук» — т. е. невидимый или, в другой интерпретации, позволяющий проникнуть в невидимое пространство;

О мифологических коннотациях мотива сундука у Хармса см.: 10, 57, 85, 134, 142 и т. 1 наст. собр.;

я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой — ср. в «Мирсконца» В. Хлебникова: «Так мы все это махоркой посыплем и этой дрянью, что пахнет и плакать хочется от нее, и в сундук положим <...>» (Хлебников. С. 420);

жизнь победила смерть — в отдельном автографе под текстом — авторское «Примечание»: «Если сказать: "жизнь победила смерть", то не ясно, кто кого победил, ибо ясно: "тигр победил льва" или "тигра победил лев"». А. Никитаевым отмечены текстуальные совпадения с фразой в книге Д. Мережковского «Гоголь и черт»: «<...> От Пушкина — жизнь, от о. Матфея — смерть Гоголя и жизнь явно побеждена смертью» (Никитаев. С. 50), — хотя в словах Мережковского отсутствует та двусмысленность, которая есть у Хармса;

<10>. Впервые — Г. 1971. № 81. Опубл. В. Глоцером с указанием на свой приоритет: ВМК. 1987. № 12.

Петраков — всего пятеро Петраковых фигурируют у Хармса ;

часов пять — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 101, 121, 128, 132, 134, 147, 163, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

Сон — см.: 1, 15, 78, 93, 102, 132, 142, 143<12, 16, 24>, 176, 182; см. также т. 1 наст. собр.;

<11>. Впервые — Gibian. P. 61. Опубл. В. Глоцером с указанием на свой приоритет: ВМК. 1987. № 12. Автографы — РНБ.

История — то же, что случай; см.: 1, 26, 53, 62, 143<14, 26>, 200;

Алексей Алексеевич — см. также 42;
Андрей Карлович — см. также 45;

<12>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автограф — РНБ.
Сон — см. выше;
Калугин — см. 120;
спал четыре дня и четыре ночи подряд — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 138, 142, 143<2, 15, 25, 28>, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;
на пятый день — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 101, 121, 128, 132, 134, 143 <10>, 147, 163, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

<13>. Впервые — Gibian. С. 87-89. Автографы — РНБ.
В отдельных автографах имеются два варианта начала текста:
1. Не имеет заглавия

Математик
вынимая из головы шар
вот он всему помеха
в мыслях шар, а в теле жар
сам не свой хожу от смеха.

Редактор журнала «Стройка»
у тебя математик в голове помойка.

Математик
это шар.

Редактор

2. С окончательным заглавием

Математик
(*вынимая из головы шар*)
Это свойство моей головы.

Андрей Семенович
Приятное свойство.

Математик
А вы думаете, вы лишены этого свойства?
Вы так думаете? Неужели вы думаете так?!
Андрей Семенович
К чему такое беспокойство!
Я не открыл своих пятнадцать карт.
Я размышлял февраль и март
Всё думал думал, а в апреле
Меня весенние лучи согрели.

Андрей Семенович — см. 1 и 77;
шар — см. 9 и 32;

<14>. Впервые — Gibian. С. 89-90. Автограф — РНБ.

рассматривая муху — см.: 8, 44, 114, 117, 142, 147; см. также т. 1 наст. собр.;

вот ведь история! — см. выше;

<15>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

В отдельном автографе два зачеркнутых варианта заглавия: «Случай, зарегистрированный доктором Галкиным» и «О том, как писатели чутки к словам (водевиль)». Вместо отточий наст. текста — слово во всех случаях написано полностью.

С. Шишман рассказывает о том, что первоначально в тексте было три части; последняя дописана на чтении, устроенном у Введенского по приезде его в Ленинград из Харькова (дата не указывается; Шишман. С. 140–141);

Четыре — см. выше;

<16>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

В отдельном автографе после заглавия — зачеркнутый текст первоначального варианта с иными персонажами:

«Вот Андреев не допил бутылку кефира и спрятал ее за окошко.

— Приду и доем, — сказал Андреев.

— Нет, не доешь, — сказал Михельсон.

— А тебя и не спрашивают, — сказал Андреев.

— А с тобой и не разговаривают, дурак ты этакий, — сказал Михельсон

— Кто это дурак? — спросил Андреев».

Андрей Андреевич — см. 110;

не менее двадцати минут — поскольку это вариант числа 2, персонажу должно не повезти; см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120–122, 127, 128, 132, 143<25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.;

увидел сон — см. выше;

<17>. Впервые — CR. 1969. № 14. С. 80–84. Автографы — РНБ.

Макаров — см. 96 и ниже;

МАЛГИЛ — возможно, это палиндром известного Хармсу слова ГОЛЕМ (в древнееврейском без гласных — ГЛМ), означающего воплощение, которое в трансформации Хармса превращено в развоплощение — то, что произошло с Петерсеном, попавшим, вероятно, в мир четырех измерений, где самая совершенная фигура — шар (по оккультным представлениям); отсюда шары;

<18>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автограф — РНБ.

Петров — см. прим. 36;

<19>. Впервые — CR. 1969. № 14. P. 80. Автограф — РНБ.

<20>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

Петраков-Горбунов, Макаров — см. выше;

Серпухов — см. 31 и 33;

<21>. Впервые — Gibian. P. 59-60. Автографы — РНБ.

Р. Айзлвуд находит в наст. тексте пародию на чеховскую традицию (Aizlwood. P. 100).

Евдоким Осипович, Ольга Петровна — как-будто персонаж Козьмы Пруткова Евдоким Петрович («Любовь и Силин») поделился с персонажами наст. текста своими именем и отчеством;

<22>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автографы — РНБ.

В отдельном автографе текст начинается со слов: «Это конечно довольно странная история». Первоначальные варианты фамилии *Тикакеева*: Ерофеев и Тимофеев.

ударил им Коратыгина по голове — далее в отдельном автографе: «Коратыгин, извините за выражение, пёрнул и умер»;

Коратыгин — в ином написании см. т. 1 наст. собр., 44

<23>. Впервые — Gibian. P. 102. Автограф — РНБ.

<24>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автограф — РНБ.

Сон — см. выше;

к Таврическому саду — см. 78;

<25>. Впервые — CR. 1969. № 14. P. 80–84. Автограф — РНБ.

Ср. с 25 и т. 1 наст. собр., 137 с теми же персонажами, кроме Каблукова (которого см.: т. 1 наст. собр., 106 и 177) и Широкова.

Обратим внимание. как не слишком «опасные», по Хармсу, числа *шесть* и *четыре* сводятся в конце-концов к числу *два* — роковому в его нумерологии.

оторву ногу — как уже видели, это мотив «антинаучных» текстов Хармса, опровергающих претензии науки на непротиворечивую и целостную систему описания мира и человека (см. также:1, 25, 89, 90, 99, 111, 131, 132 и т. 1 наст. собр.);

<26>. Впервые — Gibian. P. 104–106. Автографы — РНБ.

В отдельном автографе посвящение отсутствует.

Напомним о дискредитирующем отношении Хармса к истории в связи с его концепцией времени (см.: 1, 26, 53, 62, 200).

В. Н. Петров — о нем и его воспоминания о Хармсе см.: Александров III. С. 184–213.

Иван Иванович Сусанин — Хармс настолько увлечен «размножением» Иванов Ивановичей в своих текстах, что наделяет и этот персонаж не существующим в исторической реальности отчеством.

<27>. Впервые — Г. 1971. № 81. Автограф — РНБ.

Федя — см. прим. к 37.

с окном, занавешенным газетной бумагой — 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 136, 139, 200; см. также т. 1 наст. собр.

<28>. Впервые — Gibian. P. 110–112. Автограф — РНБ.

В окончательном варианте анекдоты 5 и 6 поменялись местами друг с другом.

К отмеченным нами параллелям к наст. текстам в «Ревизоре» Гоголя и книге Чернышевского о Пушкине (см.: Сажин V. С. 57-61; Сажин VI. С. 110–111) добавим еще из «Отцов и детей» Тургенева: «<...> и, между прочим, всегда вступается за крестьян; правда, говоря с ними, он морщится и нюхает одеколон...»;

четыре сына — 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 138, 142, 184, 186, 188; см. также т. 1 наст. собр.;

<29>. Впервые — Gibian. P. 96-97. Опубл. В. Глоцером с указанием на свой приоритет: ВМК. 1987. № 12.

Симфония — ср. 130;

выскочил из окошка на крышу — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 136, 139, 143<3, 26, 27>, 200;

Комаров — см. прим. к 32;

<30>. Впервые — Gibian. P. 107–109. Автограф — РНБ.

Первоначальное заглавие: «Осса № 2» (зачеркнуто; ср. т. 1 наст. собр., 44).

Незавершенное и отвергнутое

144. Впервые — Меня называют капуцином. С. 16–17. Автограф — РНБ.

Вот уже 7 часов утра — см.: 15, 30, 45, 76, 132, 143<4>;

выиграл 200. 000 — вариант числа 2 и значит, ничего хорошего ожидать не приходится.

145. Впервые — Меня называют капуцином. С. 11. Автограф — РНБ.

146. Впервые — Введ. С. XIX-XX. Автограф — РНБ.

Здесь есть общее с «Трактатом о воде» Л. Липавского (см. Чинари).

147. Впервые — Полет в небеса. С. 293-297. Автограф — РНБ.

См. прим. к 4.

Одна муха — см.: 8, 44, 114, 117, 142, 143<14>; см. также т. 1 наст. собр.

Антон Антонович — среди 13 Антонов — 5 Антонов Антоновичей, частоту и дублетность которых у Хармса относим на счет гоголевского влияния;

Семья Рундадаров — ср. с фамилией одного из «естественных мыслителей» Рундальцева (см.: Александров III. С. 197); весь этот текст воспроизводит как-будто собрание именно таких «естественных мыслителей» (см. о них выше);

часов в 5 — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 101, 121, 128, 132, 134, 143<10, 12>, 163, 188;

В девять часов — см.: 93 и 141;

14 лет тому назад — см. 133 и т. 1 наст. собр;

на тему «Женщина и цветы» — см.: 20, 34, 38, 57, 58, 59, 67, 80, 116, 118, 129, 141, 163, 183.

148. Впервые — Т. 1991. № 11 . С. 13–14. Автограф — РНБ.

Бобров — персонаж 6 текстов Хармса;

Вот это случай — см.: 6, 22, 90, 112, 120, 130, 142, 143, 148, 200.

149. Автограф — РНБ.

вошли два человека — см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120–122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.;

Пузырёв — см.: 28, 42, 82.

150. Автограф — РНБ.

Иван Петрович — см. т. 1 наст. собр., 316.

151. Автограф — РНБ.

Дорогой Саша; У меня был в гостях Игорь — прямолинейно биографический подход к наст. тексту требовал бы интерпретировать его как письмо, обращенное к А. И. Введенскому с упоминанием И. В. Бахтерева, но мы рассматриваем как литературный текст с автобиографическими реалиями, имитирующий эпистолярный жанр, что не раз встречается у Хармса,

говорить о том и об этом — см. т. 1 наст. собр., 94 и тексты Я. Друскина (см. Чинари);

вообразим, а для простоты сразу же и забудем — ср. т. 1 наст. собр., 125;

совершенно ненужное пальто — по Хармсу, самые совершенные подарки — ненужные, не имеющие практического применения или надобности.

152. Впервые — Меня называют капуцином. С. 136.

Селиван — вар. Селифана (см. 77 и 142<12>).

153. Автограф — РНБ.

154. Впервые — Т. 1991. № 11. С. 13–17. Автограф — РНБ.

155. Автограф — РНБ.

156. Впервые — Меня называют капуцином. С. 49. Автограф — РНБ.

Антон — один из 13 одноименных персонажей Хармса.

157. Впервые — СП-III. С. 111. Автограф — РНБ.

Одно из отражений древнеегипетских интересов Хармса.

158. Впервые — Cahiers. 1985. № 26(3–4). Автограф — РНБ.
Текст зачеркнут; вокруг пометы Хармса: «Очень плохо» и дважды «Плохо».

159. Автограф — РНБ.
См. прим. к 133.

160. Автограф — РНБ.

161. Впервые — СП-III. С. 154–155. Автограф — РНБ.
уж и лампы нам не нужны — см.: 15, 133, 134; см. также т. 1 наст. собр.

162. Впервые — Contr. 1988. С. 156. Автограф — РНБ.
Над текстом зачеркнуто: «Пролог. Кока Брянский. Гвоздила. Восемь дам. Писатель Шварц. I Действие: Кока Брянский женится на Марусе Ѳ. Гвоздила же в это время подгадил служебные дела Коки Брянского». Обратим внимание на Ѳ, которая у Хармса всегда содержит эротический мотив.

163. Впервые — Amour. 1991. С. 237–239. Автограф — РНБ.
Фома Бобров — один из 6 Бобровых у Хармса ;
ни одной пятерки нет — см.: 10, 19, 62, 70, 76, 78, 97, 101, 121, 128, 132, 134, 143<10, 12>, 147, 188; см. также т. 1 наст. собр.;
двадцать раз то же самое выслушивать — см.:7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120–122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 174, 184, 191, 199; см. также т. 1 наст. собр.;
меня, старуху — см.: 1, 29, 36, 57, 63, 67, 71, 76, 82, 89, 99, 104, 107, 109, 111, 114, 132, 134, 142, 143<3>;
ходит совершенно голый — см.: 46, 57, 116, 121.

164. Впервые — ТЖ. 1987. № 24. С. 18–21. Автограф — РНБ.
Мария Ивановна — см. также т. 1 наст. собр., 95, 301.

165. Автограф — РНБ.

166. Автограф — РНБ.

167. Автограф — РНБ.

168. Впервые — Меня называют капуцином. С. 144–145. Автограф — РНБ.
Тексту предпослан также неозаглавленный список действующих лиц:

«Варвара Михайловна Павлинова
Антон Антонович Барабан
Варвара Поликарповна Барабан
Елизавета Антоновна Барабан
Володя Кнутиков
Аполлон Валерьянович Обернибесов

Франц Иоаннович Дердидасов
Ельзелезя Фюфюфов
Нина
Борис Иванович Галкин (ловкий и сообразительный)».

Обратим внимание на еще одного (нереализованного — а это был бы шестой у Хармса) Антона Антоновича, «гоголевская» фамилия которого еще более укрепляет нашу версию о влиянии Гоголя на частоту такого сочетания имени и отчества у персонажей Хармса. В перечне и в сохранившейся части текста фигурирует также Обернибесов — однофамилец известного (по «Комедии города Петербурга») хармсовского персонажа.

169. Автограф — РНБ.
Антон Антонович Бобров — популярное сочетание у персонажей Хармса имени, отчества и фамилии, которые и порознь встречаются у него очень часто.

170. Впервые — Меня называют капуцином. С. 151. Автограф — РНБ.

171. Автограф — РНБ.
Обратим внимание на сочетание популярных в текстах Хармса персонажей, вплоть до женского варианта имени Антон (таких четыре у Хармса).

172. Автограф — РНБ.
по Жуковской улице — точнее: ул. Жуковского, перпендикулярная с улицей, на которой жил Хармс;
Антон Антонович Козлов — один из пяти Козловых; см. также выше.

173. Автограф — РНБ.

174. Впервые — Меня называют капуцином. С. 213. Автограф — РНБ.
из двух комнат — см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120–122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 184, 191, 199;
Петров — см. выше.

175. Впервые — Тр. 1984. № 21. Автограф — РНБ.
Трамвай — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 199.

176. Впервые — Меня называют капуцином. С. 150. Автограф — РНБ.
из Гусева переулка — см. прим. к 5;

177. Автограф — РНБ.
переложенное для вестников и жуков — термин вестник введен Л. С. Липавским для обозначения тех, кто обитает в «сосед-

нем» (по его же терминологии) мире (четвертого измерения?); получил распространение в текстах Я. Друскина и Хармса (см.: Друскин II; Жаккар I. С. 128–131).

178. Автограф — РНБ.

179. Впервые — Gibian. P. 116–117. Опубл. В. Глоцером с указанием на свой приоритет и под придуманным им заглавием: ВМК. 1987. № 12. Автограф — РНБ.

Текст зачеркнут; над ним помета: «закончить и отделать».

180. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

181. Автограф — РНБ.

люди небогатые — далее зачеркнуто: «мечтали пристроить своего сына дворником к известному в том городе богачу и благодетелю Антону Филипповичу Коркину. Но когда бедный родитель малолетнего Мити пришел к знаменитому богачу Коркину и начал просить его пристроить». Отметим еще один нереализованный персонаж по имени Антон.

182. Впервые — Меня называют капуцином. С. 143. Автограф — РНБ.

сразу же заснул и увидел во сне блох — см.: 1, 15, 78, 93, 102, 132, 142, 143<10, 12, 16, 24>, 176.

183. Впервые — Amour. 1991. P. 240–241. Автограф — РНБ.

См.: 20, 34, 38, 57-59, 67, 80, 116, 118, 129, 141, 147, 163; см. также т. 1 наст. собр.

184. Впервые — А. 1974. № 7. С. 78. Автограф — РНБ.

разбил свои часы — это у Хармса всегда знак крайнего неблагополучия;

шестнадцать лет — см. 147.

185. Автограф — РНБ.

Под зачеркнутым текстом помета Хармса: «Не стоит продолжать».

186. Впервые — Меня называют капуцином. С. 178–180. Автограф — РНБ.

о трех головах — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 142, 184, 190;

Четыре с половиной года — см.: 4, 13, 15, 19, 21, 36, 46, 54, 62, 69, 76, 78, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 101, 116, 120, 121, 129, 133, 134, 138, 142, 143<2, 12, 15, 25, 28>, 184, 188;

силь-ву-пле — пожалуйста (*франц.*);

жё сюи малад — я больна (*франц.*).

187. Впервые — Меня называют капуцином. С. 134. Автограф — РНБ.

На отдельном листе — зачеркнутое продолжение: «Один из матросских детей по имени Мишка с малых лет начал подавать блестящие надежды. Всё говорило за то, что он станет большим поэтом. Четырех лет он уже сочинил своё первое стихотворение, которое начиналось так:

Однажды папа съел собаку,
съел собаку,
съел собаку.
Однажды папа съел собаку
в отношении морей.

Дальше рассказывалось о том, к<ак> отец его сделался матросом, исколесил океаны».

Это «детское» стихотворение ср.: т. 1 наст. собр., 1.

Здесь же не перечеркнутый вариант: «Выросло у матроса 54 хулигана. Один из них, уже не помню который, прирезал няньку».

188. Автограф — РНБ.

Текст зачеркнут; под ним запись Хармса: «Ах, иметь бы лакея, который в шею бы выставлял непрошенных гостей».

потерял свои часы — см. 184 и др.

189. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 495. Автограф — РНБ.

всякий страх — далее обведенный кругом текст:

«А крыса подошла к печке и села на пол около самой подушины.

— Тут теплее, — сказала крыса. — Очень приятно, что вчера у вас топили печку. Я люблю тепло. А у нас в подвале ужасно холодно».

Под текстом карандашная запись Хармса:

«Это писано уже сравнительно давно и, надо сознаться, очень плохо. Так писать нельзя.

Теперь мне кажется, я знаю, как надо писать, но у меня нет к этому энергии и страсти. Я гибну. Я гибну матерьяльно и гибну как творец. Эта запись сделана в тяжелое для меня время, такого тяжелого времени я не припомню. Особенно тяжело потому, что у меня совершенно нет светлых перспектив.

Чармс. 21 января 1937 года».

Крыса наклонила голову — см.: 46, 53, 71, 100, 133, 134, 142.

190. Впервые — ИЛ. 1990. № 11. Автограф — РНБ.

на три фута над землей — см.: 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22, 30, 36, 42, 60, 62, 73, 78, 85, 91, 93, 105, 120, 122, 132, 133, 142, 184, 186;

Он стоит часами против шкапа — см. 138 и т. 1 наст. собр.

191. Впервые — Меня называют капуцином. С. 214. Автограф — РНБ.

из четырёх членов — см. выше;

Семён Семёнович — см. 143<6>;

из двух комнат — см. выше;

ходил всегда в «гольфах»; курил трубку — так мемуаристы описывают облик Хармса.

192. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 546. Автограф — РНБ.

Взаимосвязанные мотивы колеса и воды, наиболее устойчивые у Хармса в его стихотворных текстах (см. т. 1 наст. собр.), связаны с мотивом времени, а источником их появления у Хармса являются античные и индуистские трактовки этих мотивов.

193. Автограф — ЧС.

194. Впервые — Меня называют капуцином. С. 238. Автограф — РНБ.

195. Впервые — ЭИС. 1990. № 23. Автограф — РНБ.

196. Автограф — РНБ.

197. Автограф — РНБ.

198. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 510. Автограф — РНБ.

Текст перечеркнут.

Один графолог — см. 120.

199. Впервые — Меня называют капуцином. С. 342. Автограф — РНБ.

Для характеристики отношения Хармса к числам, отметим, что в небольшом зачеркнутом фрагменте текста, где говорится о времени ожидания трамвая, первоначально было — «минут пятнадцать», затем исправлено «восемнадцать».

дожидаясь трамвая — см.: 7, 9, 10, 15, 41, 42, 44, 56, 72, 122, 127, 129, 132, 143, 175;

всего два человека — как всегда, предвещает неприятности; см.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 21, 22, 32, 36, 42, 55, 62, 83, 97, 118, 120–122, 127, 128, 132, 143<16, 25>, 144, 149, 163, 174, 184, 191;

хромал на левую ногу — это еще один сигнал будущих неприятностей?

200. Впервые — Меня называют капуцином. С. 141. Автограф — РНБ.

по ту сторону окна — см.: 2, 7-9, 15, 20, 36, 42, 63, 102, 108, 121, 125, 133, 134, 136, 139, 143<3, 26, 27, 29>;

однажды случилась с ним такая история — см.: 37, 49, 56, 57, 62, 68, 73, 78, 112, 141, 143.

Содержание

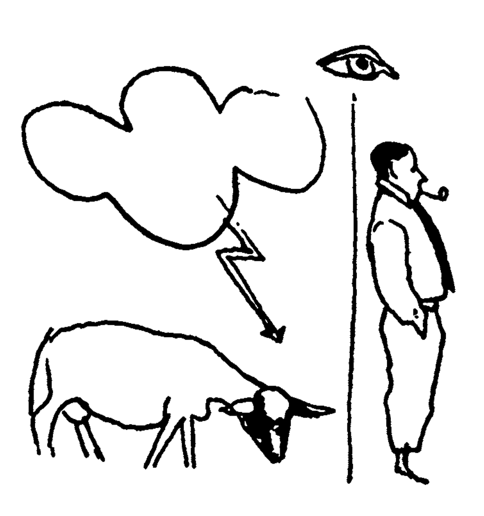
Проза и сценки

Драматические произведения

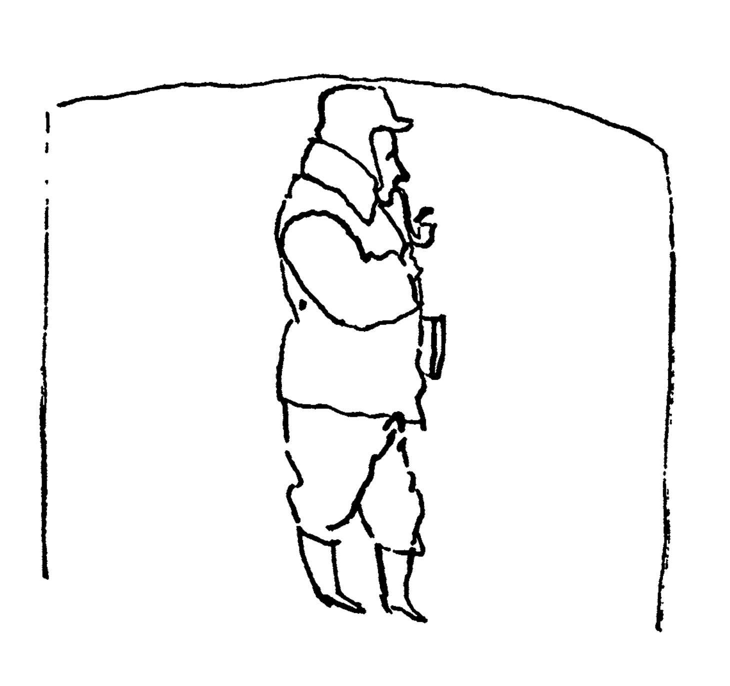
Циклы и сборники

Незавершенное и отвергнутое

Хармс Д. И.

Полное собрание сочинений. Том 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное/Сост., подг. текста и примечания В. Н. Сажина. — СПб.: Академический проект, 1997. — 504 с.

ISBN 5-7331-0059-1

Собрание сочинений Д. Хармса подготовлено на основе его архива в Российской Национальной библиотеке и Пушкинском Доме и является первым в России полным собранием его произведений, выполненным на серьезном текстологическом и научном уровне.

Даниил Иванович Хармс
Полное собрание сочинений. Том 2

Художник В. В. Бродский
Художественный редактор В. Г. Бахтин
Компьютерная верстка К. К. Быстров

Подписано в печать 09.12.96. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Печать высокая.
Тираж 5000 экз. Заказ № 242.

Гуманитарное агентство «Академический проект».
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
ЛР № 062679 от 07.06.93.

Отпечатано с диапозитивов
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

